Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Тюменский государственный университет»

На правах рукописи

Гладун Елена Федоровна

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ОПЫТ АРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Специальность
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
(юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Почетный работник сферы образования
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Г. Н. Чеботарев

Тюмень
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 46

1.1. Конституционный мультикультурализм – новая парадигма развития российского государства и коренных народов 46

1.2. Роль конституций и конституционных изменений в правовом положении коренных народов (на материалах России, Соединенных Штатов Америки, Канады и Финляндии) 70

1.3. Концепции правового регулирования коренных народов колониального и постколониального периода 103

ГЛАВА 2. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА 135

2.1. Формирование правовой теории этничности с учетом знаний социально гуманитарных наук 135

2.2. Признаки коренных народов как правообразующие факторы 163

2.3. Индигенизация конституционно-правовых норм в российской правовой системе 187

ГЛАВА 3. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ 223

3.1. Правовое регулирование роли и места коренных народов в системе федеративных отношений 223

3.2. Административно-территориальные модели организации жизнедеятельности коренных народов 242

3.3. Организационно-правовые модели взаимодействия публичной власти и коренных народов в России и других арктических странах 268

ГЛАВА 4. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 300

4.1. Право на самоопределение и право на развитие как новый вектор совершенствования основных прав коренных народов 300

4.2. Формы участия коренных народов в делах государства, направленных на их конституционно-правовое развитие 335

4.3. Совершенствование системы научных исследований в сфере конституционно-правового развития коренных народов 357

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 377

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 382

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В XIX–XX веках мировое сообщество стало свидетелем повсеместной конституционализации общественных отношений, что привело к упорядочиванию государственных и правовых систем, к развитию демократии, федерализма и иных принципов правового государства, закреплению в национальных конституциях новых правовых ценностей и к качественному изменению взаимодействия государства и гражданского общества, личности. Данные процессы ускорились и стали гораздо заметнее во второй половине XX в., что было связано с изменением мирового правопорядка, а также с процессами деколонизации и обретения независимости многими государствами. В числе разнообразных общественных отношений, включающихся в сферу конституционно-правового регулирования, на принципиально иной уровень вышли и этнические отношения, в том числе отношения, связанные с коренными народами. В начале XXI в. обострившиеся международные политические, экономические и биологические кризисы открыли как новые вызовы, так и новые возможности для государственных отношений. Многие государства стали динамично развивать свою внутреннюю и внешнюю политику, не ориентируясь только на ценности и взгляды западной цивилизации, с ее правовыми концепциями, претендующими на универсальный характер, а опираясь на свой суверенитет и культурно-цивилизационную самобытность. Последствиями изменений стало то, что в сегодняшнем мировом сообществе оказались крайне востребованы локальные инструменты для создания и поддержания многополярного мира, с изменяющимися человеческими ценностями, осознанием сосуществования разных культур.

Сегодня коренные народы на планете Земля насчитывают примерно 300–350 млн человек[1], что составляет не более 5% от общей численности населения

[1] Коренные народы // Энциклопедический словарь экономики и права. Москва, 2005. С. 230.

мира. Территории, которые населяют коренные народы, составляют примерно 20% всей земной поверхности и находятся на всех континентах в 72 странах[2].

Коренные народы состоялись как конституционно-правовое и политическое явление в большинстве государств мира, однако достаточно долгое время их сообщества не рассматривались как центр силы. В последние же десятилетия ученые, политики, представители власти государств, в которых проживают коренные народы, отмечают их способность не просто выживать в различных условиях, адаптироваться к изменчивому окружающему миру, но и сохранять устойчивые ценности, знания, способы объединения поколений и социальных групп. Возможно, именно эти знания и ценности, отношение к природе, к человечеству, семье, своим землям могут рассматриваться как точка опоры для многих «больших» наций, государств в условиях неопределенности и турбулентности современного мира.

Для начала нового тысячелетия важным является осознание значимости Арктики, представляющей собой регион, в котором сталкиваются политические и экономические интересы многих развитых и развивающихся стран. Одним из перспективных направлений изучения Арктики является социально-гуманитарный аспект: социальные, правовые и политические перспективы развития Арктики требуют тщательного изучения, новых научных подходов и выстраивания системы государственного управления[3]. На наш взгляд, наилучшую современную трактовку развития российской Арктической зоны дал российский экономико-географ, специалист по северным регионам, А. Н. Пилясов, определив векторы ее модернизации и постиндустриальной трансформации с учетом новых мировых реалий. Из его видения можем выделить, например, укрепление человеческого измерения российской Арктики. Устойчивое развитие

---

[2] LandMark. Global Platform of Indigenous and Community Lands. URL: http://www.landmarkmap.org/map/#x=-102.46&y=13.47&l=3; Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты: монография / Е. Ф. Гладун, К. К. Мутхукумараппан, С. С. Нкоси [и др.]; под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. 316 с.

[3] Гладун Е. Ф. Международные социально-гуманитарные арктические проекты: вызовы и возможности // Арктика 2035. 2023. № 2 (14). С. 30.

местных сообществ Арктики означает усиление их энергетической, продовольственной безопасности, комфортизацию социальной среды, количественное сохранение и качественное улучшение человеческих ресурсов в результате усилий государства и компаний-природопользователей[4]. Именно поэтому важным видится исследование в сфере конституционно-правового регулирования положения коренных малочисленных народов, проживающих в Арктике, поскольку они составляют часть общества, учет интересов и особенностей которой необходим при дальнейшем развитии потенциала арктических территорий. Более того, на сегодняшний день отсутствуют единые подходы к сохранению и развитию северных народов в арктических государствах, при этом есть необходимость сочетать общегосударственные интересы и специфические потребности этих народов, обусловленные их историко-культурными характеристиками.

В конце 1980-х гг. была осознана необходимость выделения специальных прав коренных народов и на международном уровне приняты важнейшие правовые документы. Наиболее значимые из них – Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989) (далее – Конвенция № 169) и Декларация Организации Объединенных Наций «О правах коренных народов» (2007) (далее – Декларация ООН 2007 г.), разработчики которой исходят из убеждения, что «все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества»[5]. Отметим также Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001) и Конвенцию по вопросам охраны нематериального культурного наследия (2003). Принятие этих и других правовых актов существенно повысило статус коренных народов, возведя проблему их сохранения и развития в ранг задачи общемирового значения.

---

[4] Пилясов А. Н. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года Арктика // Экология и экономика. 2011. № 1. С. 38–41.

[5] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

Начало обсуждению существующих проблем коренных народов в России было положено научными дискуссиями в 1970–1980-х гг. Конституция РФ 1993 года способствовала актуализации данной тематики. Впервые конституционной регламентации подверглись права коренных этнических общностей, и они стали выступать носителями, наряду с основными конституционными, дополнительных (специальных) прав и обязанностей[6].

Данные тенденции можно объединить одним понятием – «индигенизация», под которым в настоящей работе мы предлагаем понимать, в том числе, изменения общественных отношений, связанных с коренными народами, характеризующиеся усилением внимания государств и мирового сообщества к проблемам коренных народов, укреплением самосознания и политической активности самих коренных народов и поиском новых политико-правовых путей для решения проблем, причем с участием самих коренных народов[7].

Тенденции индигенизации в современной России, впрочем как и в других арктических странах, были усилены продолжающимся ухудшением социально-экономического положения коренных народов, снижением качества их жизни и более открытым обсуждением в глобальных процессах и движениях их проблем, которые нарастали несмотря на значимые изменения международного и национального права, призванного закрепить правовой статус коренных народов[8].

Заинтересованность в сохранении и развитии коренных народов продолжается еще и потому, что этнокультурное разнообразие все чаще осознается как необходимое условие жизнеспособности глобального социума. Так,

---

[6] Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 210 с.

[7] Гладун Е. Ф. Индигенизация конституционных ценностей (на примере концепции «убунту» Южно-Африканской Республики) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2022. № 22 (3). С. 95–96.

[8] Гладун Е. Ф. Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 84–86.

выработанные коренными малочисленными народами в экстремальных условиях Арктики навыки устойчивого развития, способы социальной организации, ценности кооперативности[9] и иные характеристики оказываются очень важными в современных условиях[10].

Фундаментальность проблематики коренных народов состоит в том, что влияние доминирующей культуры индустриального и постиндустриального общества оставляет все меньше возможностей для сохранения их традиционного образа жизни, материальных основ этнической культуры и самих народов как своеобразных этнических общностей. Этому во многом способствовала существовавшая до конца 1980-х гг. в международном праве ориентация на языковую и культурную ассимиляцию коренных народов, которая воплощалась в государственной политике многих стран мира. Опыт и жизненные устои коренных народов, чьи локальные культуры долгое время воспринимались как «отсталые», не имеющие существенного значения для современного и будущего развития человеческого сообщества, сегодня становятся все более востребованными в связи с поиском новых стратегий мирового развития[11].

Все это объясняет пристальное внимание диссертанта к сфере правового регулирования жизнедеятельности коренных народов, включая их конституционно-правовой статус, гарантии и инструменты реализации прав, а также траектории развития, обеспеченные правовыми нормами.

---

[9] Пилясов А. Н. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера? // И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. Москва, 2009. С. 460–465.

[10] Попков Ю. В. Коренные народы Севера в условиях глобализации // Век глобализации. 2014. № 1. С. 111–123.

[11] См., например: Тишков В. А. Теория и практика мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. Москва, 2002; Борисов А. А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. Москва, 2003. С. 8-29; Глэйзер Н. Мульти-этнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 98–103; Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / пер. Е. И. Филиппова. Москва, 2005. С.54-55.

Анализ существующих правовых исследований[12] и принятых нормативных правовых актов свидетельствует о том, что на периферии научного поиска остались вопросы роли конституций в регулировании положения коренных народов, признания их этнической идентичности и ее составляющих как правообразующих факторов, уточнение перечня прав коренных народов в связи с меняющимися условиями их существования, наиболее эффективные инструменты реализации прав коренных народов в контексте конституционных и индигенных ценностей, организационно-правовые модели взаимодействия государства и коренных народов и иные вопросы[13].

Обостряющиеся проблемы этих народов показывают, что назрела не только необходимость реформирования и адаптации механизма их государственной поддержки к изменившимся экономическим условиям, определения новых подходов и приоритетов в решении этих проблем, но также и необходимость комплексного совершенствования нормативной правовой базы регулирования социальных, природоохранных и экономических отношений, которая диктуется тем, что коренные малочисленные народы с трудом адаптируются к изменяющимся социально-экономическим условиям, утрачивают самобытную культуру, свои этнические традиции и язык[14].

---

[12] См., например: Андриченко Л. В. Международно-правовая защита коренных народов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 77–86; Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. Москва, 1997. 224 с.; Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. Москва, 2010. 560 с.; Хабриева Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. Москва, 2010. 237 с.; Гарипов Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6 (186). С. 67–73.

[13] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.; См. также: Кряжков В. А. Российское законодательство о северных народах и правоприменительная практика: состояние и перспективы // Коренные малочисленные народы Севера в современном правовом пространстве: проблемы, приоритеты, перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / сост.: Е. Д. Айпин, М. Е. Айпина. Ханты-Мансийск, 2012. С. 23.

[14] Транин А. А. Эколого-правовые аспекты национальной стратегии России по вопросам развития коренных малочисленных народов // Экологическое право. 2009. № 4. С. 8.

Настоящая работа приобретает еще большую актуальность, поскольку в современном мире идет пересмотр или даже переосмысление идентичности, которая затрагивает все стороны общественного развития государства. Исследование концепции «идентичность» привлекало и продолжает привлекать внимание историков, социологов, политологов, педагогов, психологов, философов, филологов, правоведов. Понятие «идентичность» в целом сравнительно новое. Оно стало использоваться в науке благодаря работам исследователя в сфере психологии развития Э. Эриксона, который, анализируя взаимосвязи общественных и культурных трансформаций и поддержания этнической самотождественности, ввел в научный оборот также термин «кризис идентичности»[15].

Важно отметить, что современные политические процессы актуализировали проблему идентичности в России, в которой идентичность всегда определялась непросто в силу многонациональности и многоконфессиональности нашего государства. В последние годы в условиях обострения кризиса общественной системы очевиден процесс переосмысления идентичности, соотношения ее гражданской и национальной составляющих. Поэтому сегодня перед научным сообществом стоит задача нового понимания идентичности, особенно понятия «этническая идентичность» и его признаков, закрепления их через правовые нормы.

Более того, представляемая работа приобретает актуальность в связи с тем, что во всем мире меняется отношение к коренным народам и их вкладу в устойчивое развитие, мультикультурное общество. Сегодняшняя действительность характеризуется интенсивными изменениями: с одной стороны, глобализацией и с другой – глокализацией. Эти тренды имеют непосредственное воздействие на коренные сообщества, заставляя их меняться, создавать более универсальные экономики и культуры. В то же время локальность этносов приобретает еще большее значение – для устойчивости экономик, способов

[15] Бетильмерзаева М. М. Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8 (100). С. 193–197.

адаптации к меняющимся условиям, для понимания человеческих ценностей, выдержавших проверку тысячелетиями[16].

Это дает основание полагать, что российская государственная политика, равно как и конституционно-правовые основы в рассматриваемой сфере, должны и будут корректироваться.

Эффективность правовых механизмов зависит от того, насколько в правотворческой, законопроектной работе учитываются экономические, хозяйственные, социальные, этнические, культурные особенности жизни коренных малочисленных народов. Правовое развитие российского общества, его цивилизационная идентичность в XXI в. напрямую зависят от культурной адекватности и этнополитической оправданности принимаемых правотворческих и управленческих решений. Чем больше законодательная власть учитывает особенности самобытности и идентичности коренных народов и проявляет уважение к ценностям и ожиданиям особых социально-этнических групп, тем больше общество приобретает чувство правовой целостности, социально-правового единства, этнополитической устойчивости[17].

Обозначенные выше аспекты определяют выбор темы диссертационного исследования, его актуальность и практическую направленность.

Степень научной разработанности темы.

Право – релятивный, т.е. обусловленный социумом и всеми другими социокультурными явлениями, феномен. Его существование проявляется только вместе с психическими, культурными, экономическими, политическими и т.п. явлениями. Содержание и формы права исторически и социокультурно контекстуальны, зависят от типа культур конкретного общества и исторической эпохи[18]. Именно этими тезисами оправдан выбор теоретического материала

---

[16] Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 84.

[17] Леонтенкова Е. А. Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 160–167.

[18] Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 25.

для представленного диссертационного исследования, основу которого составила юридическая литература, а также работы в рамках иных социально-гуманитарных наук.

Развитие и становление общих вопросов существования этносов связаны с такими именами, как В. В. Богданов, Г. Д. Гачев, Л. Н. Гумилев, В. И. Даль, М. С. Джунусов, К. И. Каутский, В. И. Ленин, Т. Г. Массарик, К. Реннер, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтон и ряда других.

Отдельные работы юристов (С. С. Алексеева, Р. Г. Губенко, В. Т. Кабышева, А. Н. Кокотова, И. М. Степанова, Ю. Г. Судницына, Б. А. Страшуна, И. Е. Фарбера, Б. В. Щетинина, Е. И. Шавловского) в той или иной степени касались проблемы правосубъектности наций, народностей, этнических общностей.

Рассмотрению различных правовых аспектов в сфере коренных малочисленных народов и национальных меньшинств посвятили свои труды многие современные отечественные ученые: Р. Г. Абдулатипов, Ф. Р. Ананидзе, К. Д. Аракчаа, С. Н. Бабурин, И. П. Блищенко, С. А. Глотов, Б. Б. Задарновский, В. Б. Исаков, К. В. Калинина, Л. М. Карапетян, Б. С. Крылов, Н. А. Михалева, А. Н. Мнацаканян, В. С. Нерсесянц, Ю. И. Скуратов, Г. У. Солдатова, Л. А. Стешенко, В. П. Ступишин, М. Ю. Тихомиров, В. А. Тишков, И. А. Умнова-Конюхова, В. М. Шумилов, М. Л. Энтин и другие.

Вопросы правового (и в его рамках, конституционного) статуса личности в юридической литературе были исследованы в трудах многих ученых: Л. Д. Воеводина, Н. В. Витрука, И. А. Исаева, В. А. Кучинского, С. А. Комарова, Е. А. Лукашевой, Н. В. Малиновской, Г. В. Мальцева, Н. И. Матузова, В. А. Патюлина, А. Н. Пьянкова, Б. Н. Топорнина, М. А. Федотова, Б. С. Эбзеева. Специфические проблемы конституционно-правового статуса и международно-правовой защиты национальных меньшинств рассматривались такими исследователями, как А. Х. Абашидзе, Л. В. Андриченко, Ф. Р. Ананидзе, К. Д. Аракчаа, Т. А. Васильева, В. А. Карташкин, В. В. Кочарян, Е. А. Лукашева, Н. А. Михалева, Р. А. Тузмухамедов.

Значительное число работ появилось с началом демократических преобразований и политической либерализации. Это труды С. А. Арутюнова, В. Г. Бабакова, Л. С. Богословской, М. Н. Губогло, Д. Д. Богоявленского, Ф. С. Донского, П. Х. Зайдфудима, А. Ю. Конева, И. И. Крупника, В. А. Кряжкова, Е. П. Мартыновой, В. В. Мархинина Т. М. Мастюгиной, Л. С. Перепелкина, А. И. Пики, А. Н. Пилясова, В. А. Роббека, З. П. Соколовой, А. В. Сухарева, В. А. Тишкова, Д. А. Функа, А. Н. Ямскова и других ученых. В работах этих авторов под разным углом зрения, в разрезе различных дисциплин исследуются этногенез, этническая история, социальная организация, особенности образа жизни, экономики коренных малочисленных народов, влияние на их культуру и традиции иных культур, экономического прогресса, причины кризиса народов Севера и пути выхода из него.

В плане исследования этнополитических процессов, затрагивающих проблемы развития народов Севера, большое концептуальное значение имеют работы Р. Г. Абдулатипова, А. Х. Абашидзе, Р. Г. Болтенковой, К. В. Калининой, В. А. Михайлова и другие.

Сравнительно небольшое число работ посвящено исследованию проблем, связанных со спецификой выстраивания отношений между государством и коренными народами. Особую значимость имеют исследования правового характера, написанные такими авторами, как Л. И. Абрютина, К. Ю. Андреев, Л. В. Андриченко, П. В. Гоголев, В. А. Кряжков, Е. И. Солдаткин, А. А. Ткаченко, Г. Н. Чеботарев. Следует также выделить работу группы ученых РГПУ им. А. И. Герцена под руководством Г. А. Бордовского и С. А. Гончарова «Права коренных народов Севера: реализация международно-правовых стандартов в Российской Федерации». Среди российских политологов, затрагивающих эти вопросы в общем контексте этнополитических конфликтов, следует, прежде всего, отметить работы В. А. Ачкасова, Л. М. Дробижевой, В. А. Тишкова. Наибольший интерес с политологической точки зрения представляет монография якутского политолога Ю. Д. Петрова «Народы Севера: власть и политика». Однако

она была опубликована еще в 1997 г. и, соответственно, не отражает реалий сегодняшнего дня.

Среди имеющихся исследований историков и этнографов следует выделить работы В. Г. Богораз-Тана, Г. М. Василевич, А. В. Головнева, И. С. Гурвича, А. П. Окладникова, А. В. Смоляк, Ч. М. Таксами, В. Н. Увачана. Эти работы посвящены описанию особенностей быта северных народов, их материальной и духовной культуре. Они носят в основном констатирующий характер, однако представляют для нас интерес с точки зрения социокультурных и антропологических аспектов права.

Этносоциологический и антропологический подходы в научном исследовании уже были использованы в единичных работах таких авторов, как В. А. Зибарев, А. И. Ковлер, О. А. Мурашко, Н. И. Новикова, С. В. Соколовский, В. В. Степанов, Б. А. Схатум, В. А. Тишков, Ю. Я. Якель. Например, специфика трансформации феномена индигенности в условиях глобализации отражена в работах В. И. Юдина, М. С. Куропятник[19].

Особую ценность для нас представляют многочисленные научные работы, статьи и выступления самих представителей коренных народов, которые, однако, как правило, оценивают ситуацию исключительно исходя из интересов своих сообществ. В то же время достаточно взвешенный подход мы находим в трудах К. Д. Аракчаа, В. М. Курикова, П. Суляндзиги, Ч. М. Таксами, С. Н. Харючи и ряда других индигенных исследователей.

Для достижения поставленных целей в диссертационном исследовании также использована литература по традиционному природопользованию народов Севера и особенностям социально-культурной среды (работы В. Н. Адаева, Э. Уигета, М. А. Зенько-Немчиновой, В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной, А. А. Сириной, В. И. Сподиной и других).

---

[19] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.; Куропятник М. С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 387–396.

Обзор иностранной литературы по данной тематике (Л. Андерсон, Ф. Барт, Д. Вебер, Н. Глейзер, У. Кимлики, Б. Кингсбери, Ф. Капоторти, Г. Пери, С. Томсон, С. Хантингтон, Г. Харви, Р. Торнтон, Г. Фондейл, Дж. Анайя, Дж. Ройстер) показывает, что проблемы и возможности развития коренных народов в зарубежных странах в основном исследуются с применением междисциплинарного подхода.

Учитывая значимость перечисленных социально-гуманитарных отраслей для развития права, в представленном исследовании был также использован междисциплинарный подход, при котором важное значение имели труды этнографов, философов, социологов и экономистов, посвященные проблемам коренных народов Севера. Интересный фактический материал и обобщения содержат работы С. А. Арутюнова, Л. С. Богословской, Ю. В. Бромлея, В. И. Бойко, Ф. С. Донского, Е. Г. Егорова, И. И. Крупника и др.

Исследования таких ученых, как А. Г. Аганбегян, К. Б. Клоков, В. М. Куриков, М. Е. Николаев, С. В. Славин, Г. П. Паращенко, В. П. Пахомов, А. Н. Пилясов, С. Н. Поляков, Н. К. Харлампьева затрагивают экономические проблемы развития северных регионов. В той связи можно упомянуть монографию В. Г. Логинова, Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение», в которой отражены результаты междисциплинарного исследования.

Для данного исследования особенно важны работы Л. И. Абрютиной «Коренные народы Севера в национальной политике России: проблемы решения», З. М. Кальте «Политико-правовые аспекты развития коренного малочисленного народа Российской Федерации – саами», А. В. Мигалкина «Социокультурные факторы развития народов Севера в условиях перехода к рынку», И. В. Пыхтеевой «Итоги и последствия советских преобразований в жизни малочисленных народов Севера», А. И. Сафронова «Этносоциальное и политическое развитие малочисленных народов Севера в современных условиях», А. Н. Слепцова «Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России», С. Н. Харючи «Законодательное обеспечение прав и свобод

коренных малочисленных народов России: проблемы реализации (законы Российской Федерации и Ямало-Ненецкого автономного округа)», В. А. Кряжкова «Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность» и др.

Политико-правовой и социально-экономический анализ положения коренных народов иногда проводится на материалах отдельных странах. В этом плане особо можно выделить работы Р. Бартлетта (R. H. Bartlett), Р. М. Боуна (Robert M. Bone), Дж. Браунли (J. T. Brownlie), А. Кэрнса (A. Caims), Ф. Кассиди (F. Cassidy), С. Корнелла (S. Cornell), Дж. Колта (J. Kalt), А. Фелдмана (A. Feldman), Дж. Фридереса (J. Frideres), Ф. Корсмо (F. Korsmo), А. МакМиллана (A. McMillan), Р. Макла (R. Muckle), Д. Самбо (D. Sambo), О. Стайнлин (O. Steinlien), Ф. Стаммлера (F. Stammler). Если же проводится сравнительный анализ, то, к сожалению, он чаще всего не затрагивает российскую проблематику. Это относится, например, к работам таких авторов, как П. Айкио (P. Aikio), Дж. Анайя (J. Anaya), Т. Джонсон (T. Johnson), Б. Ричардсон (B. Richardson), А. Тарр (A. Tarr), Р. Уильямс (R. Williams), Ч. Тилли (Ch. Tilly), Л. Уирт (L. Wirth), В. Г. Стельмах, С. В. Чешко. В этом отношении наиболее значимыми представляются работы Ч. Уилкинсона (Ch. Wilkinson), Р. Коултера (R. Coulter), К. Куева (K. Cueva), К. Ларсен (Ch. Larsen), Дж. Лавой (J. G. Lavoie), Г. Хили (G. Healey), Я. П. Стоора (J. P. Stoor), Э. Ринк (E. Rink), Ф. Пасси (F. Passy), Дж. Фондейл (G. Fondahl) и ряда других западных исследователей.

Можно выделить несколько новейших работ, подготовленных междисциплинарной группой ученых, представителей коренных народов и органов государственной власти, участвующих в проекте этнологической экспертизы на Таймыре[20], в том числе «Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы»[21].

Анализ литературы по теме диссертационного исследования показал, что несмотря на внимание ученых к проблематике народов Севера, комплексного

[20] Головнев А. В., Комова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 158–175.

[21] Головнев А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы. Этнография. 2022. № 3 (17). С. 6–32.

анализа российского права и его влияния на развитие коренных малочисленных народов фактически нет. Необходимость же таких исследований велика, особенно для правотворческой деятельности.

Незначительное количество работ, основанных на междисциплинарных и межстрановых исследованиях, в которых принял участие автор, позволяют получить уникальные научные результаты и обосновать их в представленной работе. В частности, можно назвать такие работы: «Культурная компетентность и безопасность в циркумполярных странах: анализ подходов в сфере здравоохранения» (*Cultural competence and safety in Circumpolar countries: an analysis of discourses in healthcare*), «Исторические основы и современная реализация права на охрану здоровья в коренных народов циркумполярного региона: кросс-национальный анализ» (*Historical foundations and contemporary expressions of a right to health care in Circumpolar Indigenous contexts: A cross-national analysis*), «Участие коренных народов в исследованиях в области здравоохранения в циркумполярных странах: анализ этических принципов» (*Indigenous Engagement in Health Research in Circumpolar Countries: An Analysis of Existing Ethical Guidelines*); Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ, Доклад для Арктического Совета «Ограничения, директивы и меры общественного здравоохранения в связи с COVID-19 в арктических странах» также представляют существенный интерес для расширения рамок правового исследования.

Теоретическую основу исследования составила теоретическая и специальная юридическая литература, включающая научные работы российских и зарубежных конституционалистов, ученых иных отраслей правовой науки по вопросам регулирования этнических отношений. При подготовке диссертации также были использованы труды исследователей социально-гуманитарных наук, которые позволили во всей полноте рассмотреть онто-гносеологические, аксиологические, культурологические, психологические, социальные, экономические аспекты развития коренных народов в арктических государствах.

Методологическую основу исследования составляет система общенаучных и специально-юридических подходов, принципов и методов научного познания. Исследование системы правового регулирования коренных народов, установления и реализации их прав, возможности осуществлять определенные виды экономической, политической, культурной деятельности в конституционно-правовых отношениях проводилось с использованием следующих общенаучных методов познания: диалектического метода, анализа и синтеза, аналогии, метода моделирования, методов системного анализа, системно-деятельностного и субъектно-ориентированного подходов. Диалектический метод позволил рассмотреть систему прав и гарантий прав коренных малочисленных народов Российской Федерации и сопряженные с ним явления и процессы как динамичные изменения правовой, социально-экономической и научной действительности. В ходе исследования применялись и специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод межотраслевых правовых исследований. Сравнительно-правовой анализ позволил раскрыть процессы установления и изменения концепций правового регулирования коренных народов, их конституционно-правового статуса в России и зарубежных странах, выявить сходства и отличия, а также эффективность либо несостоятельность механизмов обеспечения развития и предложить наиболее соответствующие обоснования для создания действенных правовых норм в рамках политико-правовой системы современного российского государства. Юридические методы познания, используемые в работе, включают также историко-правовой метод исследования, поскольку возникает необходимость изучить отношения коренных народов как конкретного правового явления, равно как и становление, развитие институтов государства в этнической сфере. При этом автор использовал метод доктринального сравнения, сопоставляя различные учения (позиции ученых, доктрины, применяемые в различное время и странах) по вопросам правового обеспечения существования коренных народов в государстве. Сравнивая научные подходы, а также конституционное и нормативно-правовое регулирование этнических отношений, диссертант применял в основном не формально-

юридический анализ, а функциональное сравнение. Задача функционального сравнения заключалась в том, чтобы, сравнив функции российской и зарубежных конституций и нормативно-правовых актов, выявить сходства и различия не в сущности и структуре самих правовых норм, а в функциях ими осуществляемых, т. е. тот эффект, который они оказывают на регламентацию этнических отношений. Значительный интерес имела такая разновидность функционального сравнения, как проблемное сравнение. Его суть состоит в выявлении и сравнении способов решения одних и тех же проблем коренных народов юридическими средствами в различных правовых системах. Также выявлялись наиболее удачные концепции и модели, формулировались предложения об их заимствовании национальным законодателем и правоприменителем.

Для анализа текстов конституций и нормативных правовых актов применялся контекстуальный и дискурсивный анализ юридического текста, что было особенно необходимо для работы с зарубежными правовыми источниками.

Были использованы базовые способы познания правовой действительности исходя из методологии юридического позитивизма: формально-юридический (категориальный) анализ правовой действительности; формально-логический способ с целью исключения противоречий между правовыми понятиями; лингво-юридический способ познания[22].

Автор включил в свое познание и иные методы: социально-психологические, политические, аксиологические и культурологические аспекты коренных народов и их влияние на правовые явления. Для некоторых частей работы способом познания являлся социолого-правовой метод: для реализации научных проектов, проведенных по тематике исследования, первоначально эмпирическим путем анализировались явления и процессы, а потом осуществлялся их теоретический анализ. Автором использовались и иные методы социологического исследования, в частности, метод наблюдения, методы опроса и интервью. С их помощью были

[22] Малиновский А. А. Роль юрислингвистики в сравнительно правовом исследовании // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сборник статей. / отв. ред. А. А. Малиновский, Е. Н. Трикоз. Москва, 2020. С. 1–13.

изучены юридически значимое поведение коренных народов в разнообразных жизненных ситуациях, а также нравственно-правовые установки и мотивы представителей коренных народов и органов публичной власти принимать решения, значимые для этнических сообществ.

В работе применялся кейс-метод (юридическая практика, которую преимущественно изучает социология) для исследования фактических обстоятельств регулирования жизнедеятельности коренных народов в разных странах в аналогичных временных, идеологических и других условиях развития правовых норм. Кейс-метод является одним из основных способов познания при развитии этнического права в англо-саксонских и скандинавских странах.

В некотором смысле использовалась и методология психологической школы права, поскольку невозможно отрицать, что коренные народы составляют особый, специфический субъект права, характеризующийся интеллектуальными и эмоциональными особенностями. Крайне важны также и этические, нравственные аспекты этого субъекта. Неоднократно в литературе подчеркивалось, что коренные народы обладают индивидуальным, но в большей мере коллективным правосознанием, что не может не отразиться на эффективности реализуемых правовых норм. В частности, исследователь применял метод наблюдения за эмоциональными реакциями и правовым поведением представителей коренных народов.

Таким образом, особенностью представленного исследования становится использование широкого ряда методов научного познания и сфер научных знаний. При выборе спектра изучаемых материалов и используемых методов автор основывался на том, что все общественные отношения, происходящие в социуме (в том числе и с коренными народами), в целом не имеют принадлежности к определенной области; в современной науке невозможно автономно решить какую-либо проблему без объединения усилий различных областей знаний. Проблемы правового обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов с трудом могут быть решены в рамках только лишь конституционного права. Поэтому для того, чтобы выстроить адекватную парадигму развития

коренных народов, подкрепленную эффективными конституционно-правовыми нормами, необходимо учитывать исследования и в других предметных областях.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов РФ, а также конституции и законодательство зарубежных арктических государств – Соединенных Штатов Америки, Канады и Финляндской Республики.

Эмпирической основой исследования являются стратегические документы, разработанные и принятые в Российской Федерации и зарубежных государствах; материалы официальных информационных источников органов государственной власти исследуемых государств; материалы, используемые в процессе работы автора над законопроектами, принятыми в Ямало-Ненецком автономном округе («О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (2005), «Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе» (2016)); а также над проектом Федерального закона «Об этнологической экспертизе», представленном в Комитете Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (2022).

В ходе проведения исследования автор активно взаимодействовал и установил долгосрочные коллаборации с учеными – представителями правовых и смежных отраслей знаний, а также с представителями коренных народов, в том числе на международном уровне. В частности, исходя из задач периода председательства Российской Федерации в Арктическом Совете в 2021–2023 гг. все арктические государства интенсивно развивали совместные научные и образовательные проекты. В этот период для диссертационного исследования были использованы фактологические, социологические и статистические материалы научно-образовательных проектов, в которых автор был инициатором и участником: «Знакомство с Арктикой: междисциплинарный подход к изучению

арктических обществ, народов и культур» (*MeetArctic*), проект поддержанный грантом Национального агентства образования Финляндии; междисциплинарный проект «Полярный Кодекс и безопасность на море: Международный консорциум в сфере готовности к чрезвычайным ситуациям, охране труда и безопасности в арктическом судоходстве», поддержанный Агентством высшего образования и науки Королевства Дании; проект «КОВИД19 и народы Арктики» (*Arctic COVID19*), поддержанный Арктическим Советом.

Объект диссертационного исследования – общественные этнические отношения, связанные с конституционно-правовым регулированием положения коренных народов в современных арктических государствах, а также с процессом изменения жизнедеятельности коренных народов и внедрением новых правовых инструментов, способствующих как их сохранению, так и социально-экономическому и конституционно-правовому развитию.

Предмет диссертационного исследования – совокупность конституционно-правовых норм и норм иных отраслей права и законодательства, выступающих источником возникновения и результатом реализации конституционно-правового статуса коренных народов, равно как и система исследований, формируемых в рамках различных областей социально-гуманитарных наук, составляющих основу знаний о коренных народах в современном мире.

Предметом исследования послужили конституционно-правовые основы четырех арктических государств, на территориях которых проживают коренные народы. Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, представляющее крупнейшее государство в мире, объединившее 89 равноправных субъектов. Соединенные Штаты Америки – федеративная президентская республика, которая состоит из 50 штатов и федерального округа Колумбия, а также административно контролирует ряд островных территорий (Пуэрто-Рико, Виргинские Острова, Гуам и другие). Канада – государство в Северной Америке, крупнейшее по площади на этом континенте и второе в мире. Плотность населения (4,2 человек на 1 км²)

является одной из самых низких в мире. В настоящее время Канада – федеративная конституционная монархия с парламентской системой правления. В состав федерации входят 10 провинций и 3 территории. Финляндия – унитарное государство в Северной Европе на восточном побережье Балтийского моря – является относительно малонаселенным (население в 5 568 637 чел.), представляет парламентскую республику.

Одним из вызовов развития рассматриваемых государств является как раз необходимость сочетать стратегические цели экономического развития с целями развития и сохранения коренных народов, которые исторически проживают в каждом из них. В этом отношении у зарубежных арктических стран, в частности США и Канады, есть уникальный опыт, на который нельзя не обратить внимания. При этом в работе мы концентрируемся исключительно на направлении правового регулирования коренных народов в США, Канаде и Финляндии, осознавая недружественные действия, которые данные страны совершают по отношению к России в политических, военно-стратегических, санкционных и иных направлениях. Арктические территории США, Канады и Финляндии интересны для представленного исследования исходя из следующих характеристик:

Аляска является самым северным штатом США. Население Аляски составляет 737 438 чел., из них 109 тыс. относятся к коренным малочисленным народам (что составляет 18% от всего населения Аляски). В целом федеральное правительство США признает 566 коренных племен[23]. На арктическом побережье Аляски население составляет около 0,2% населения страны, где самая высокая в Америке доля коренного населения – иннуиты (эскимосы), алеуты, инуипаки, атапаски, хайда, тлинкиты, цимшианы – чьи предки жили на этой земле и использовали ее ресурсы в течение тысячелетий. По-прежнему многие занимаются охотой, рыбной ловлей и собирательством[24].

---

[23] Чернухина Л. С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 104–117.

[24] Голомидова П. С., Сабуров А. А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 61–77.

В Канаде коренные народы проживают в основном на северных территориях[25]. Под коренным населением понимаются индейцы, иннуиты и метисы Канады. Последние являются потомками смешанных браков индейцев племени кри и французов. На северо-арктических территориях (Нунавут, Юкон и Северо-Западные территории) проживает 0,32% населения страны, около 40% которого составляют иннуиты, имеющие свои автономии в провинции Нунавут и также проживающие на Северо-Западных территориях и в Лабрадоре[26]. Канадский Север освоен в гораздо меньшей степени, чем арктические зоны других государств, однако интересно, что основной смысл арктической политики Канады состоит в комплексном освоении этого региона, а также в содействии комплексному развитию коренных народов, обеспечении роста их экономического потенциала.

В Финляндии коренное население представлено саамами, живущими в основном на территории провинции Лапландия, на севере страны, численность которых составляет 10 463 чел. (около 4% населения провинции). Уникальность данного народа в том, что саамы проживают также в Швеции, Норвегии и России (Мурманская область), причем в Норвегии их около 45 тыс., в Швеции – 20 тыс., в России всего около 2 тыс. Большая часть финляндских саамов живет в северных муниципалитетах Лапландии (губерния Лаппи). В муниципалитете Утсйоки они составляют 18% местного населения, в Инари – 30%, в Энонтекиё – 19% и в Соданкюля – всего 4%. Примерно 40% саамского населения живет вне территории их обитания. Традиционным видом хозяйственной деятельности саамов является оленеводство[27].

В случае России мы опирались в наибольшей части на материалы Ямало-Ненецкого автономного округа: там насчитывается около 47,5 тыс. чел.,

---

[25] См.: Черкасов А. И. Север и северяне: канадский опыт // Российские исследования о Канаде. 1997. Вып. № 1. С. 99.

[26] Корчак Е. А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 390.

[27] Корчак Е. А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 390.

относящихся к коренным народам, т.е. 8,8% населения; наиболее многочисленной группой коренного населения являются ненцы (почти 6% от всего населения ЯНАО), также использовались нормативно-правовые материалы Республики Саха (Якутия) и некоторых других арктических регионов России.

В целом в России насчитывается 47 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока численностью более 300 тыс. человек, более половины из них проживают на территории Арктической зоны. Самый многочисленный – ненцы (44 тыс.), эвенки (37 тыс.), ханты (30 тыс.). К исчезающим относятся энцы, их количество 203 человека[28]. В российской Арктике проживают 19 коренных малочисленных народов, располагаются объекты их наследия, которые представляют историческую и культурную ценность общемирового значения. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность коренных малочисленных народов Севера составляет около 100 тыс. человек из 2,6 млн человек, постоянно проживающих в Арктической зоне России[29]. Основными видами традиционной деятельности северных коренных народов является оленеводство, рыболовство и другие.

В силу того, что Россия, Соединенные Штаты Америки и Канада являются крупнейшими федеративными государствами, расположенными в сходных географо-климатических условиях, сопоставление норм о статусе коренных народов, установленных в конституционном и иных отраслях права данных государств, имеет особое значение.

Цель диссертационного исследования – на основе сравнительно-правового анализа и знаний, выработанных социально-гуманитарными науками, сформулировать новую парадигму конституционно-правового развития коренных народов Российской Федерации как совокупность научной теории, концепций,

---

[28] Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

[29] Результаты Всероссийской переписи населения 2020 по национальному составу среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. 9 января 2023 года. URL: https://raipon.info/press-tsentr/novosti/rezultaty-vserossiyskoy-perepisi-naseleniya-2020-po-natsionalnomu-sostavu-sredi-korennykh-malochisle/.

правовых моделей и юридических конструкций в целях обеспечения этнических норм Конституции России, а также в целях эффективного правового регулирования этнических отношений, связанных с существованием коренных народов в современных условиях.

Задачи исследования. В соответствии с поставленной целью и для ее достижения автором были определены следующие научные задачи:

1) опираясь на сравнительное конституционно-правовое исследование обосновать возможные направления развития этнополитики в современном российском государстве и представить конституционный мультикультурализм как основу конституционно-правовых изменений в отношении коренных народов;

2) по итогам сравнительного конституционно-правового анализа выявить роль конституций и формируемых ими правовых систем в положении коренных народов, проживающих в арктических государствах;

3) описать основные концепции правового регулирования коренных народов как системы политических и правовых взглядов, идей и инструментов, характерные для разных периодов развития арктических государств;

4) основываясь на социально-гуманитарных исследованиях сформулировать правовую теорию этничности как основу конституционно-правового регулирования этнических отношений, в том числе связанных с коренными народами;

5) систематизировать правовые понятия в отношении коренных народов, а также пересмотреть и установить перечень признаков отнесения этносов к коренным народам, на основании которых может быть закреплен их конституционно-правовой статус, гарантированы особые права, определены пути и формы конституционно-правового развития;

6) обосновать необходимость и перспективы индигенизации федерального и регионального законодательства Российской Федерации, что может способствовать конституционно-правовому развитию коренных народов;

7) сформулировать обновленную концепцию этнического законодательства с учетом конституционных, индигенных ценностей, включающую общие подходы

к правовому регулированию, принципы и задачи правового регулирования, этнические интересы коренных народов как правообразующие факторы;

8) определить значимость федеративных отношений для роли и места коренных народов в политико-правовой системе арктических федеративных государств;

9) выявить основные организационно-правовые и административно-территориальные модели организации жизнедеятельности коренных народов арктических государств и обосновать возможности их применения для развития коренных народов в России;

10) обновить систему прав коренных народов, сложившуюся в Российской Федерации, для возможных правовых решений современных проблем с учетом индигенных ценностей и опыта зарубежных арктических государств (США, Канады, Финляндии);

11) раскрыть значение и возможности эффективного применения форм участия коренных народов в делах государства, связанных с их конституционно-правовым развитием;

12) представить новые методологические инструменты и подходы для создания конституционно-правовых основ развития коренных народов, в том числе нормативно-правовых актов, государственных программ, стратегических документов, с тем чтобы знания о коренных народах, полученные различными социально-гуманитарными науками, могли быть интегрированы в юридические конструкции.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в представлении парадигмы конституционно-правового развития коренных народов в Российской Федерации в контексте вызовов современного мира, происходящих трансформаций коренных сообществ, и опыта нескольких арктических государств.

Автор обосновал направление этнической политики, которую возможно применять в полиэтническом российском государстве – конституционный мультикультурализм, где особенная роль отводится коренным народам, способным при должном конституционно-правовом обеспечении поддерживать специфичные

формы культурной самобытности, этнической идентичности, ценности, что отвечает требованиям меняющегося мира и современной российской конституционно-правовой действительности.

Автор диссертации стал первым исследователем, который описал феномен «индигенности», его значимость для конституционно-правового поля Российской Федерации и необходимость отражения характеристик индигенности при формировании норм права, обеспечивающих новую парадигму развития коренных народов.

Автор предложил определение коренных народов, отвечающее современным реалиям: коренные, или индигенные, народы – это живущие в современных государствах территориально-культурные общности, сохраняющие свою этническую идентичность, духовную связь с природой и землей, на которой они исконно находятся, ведущие особый образ жизни и хозяйствования, связанный с окружающей их природной средой, а также обладающие уникальной культурой, знаниями и ценностями, усиливающими их роль в политической, социальной, культурной и экономической жизни государства.

Впервые в российской правовой науке автор осуществил сравнительный анализ теоретических подходов к взаимоотношениям государства и коренных народов и концептуализацию исторически развивающихся общественных отношений, связанных с положением коренных народов в государстве, на основании чего сформулировал две концепции правового регулирования коренных народов – «колониальную» и «постколониальную».

Исследование обогатило конституционно-правовую теорию и практику за счет использования в теоретических изысканиях и практических проектах различных подходов и методов как постижения, так и создания норм в сфере этнических отношений. Автором была изложена правовая теория этничности и основанная на ней новая концепция этнического законодательства, демонстрирующая обновленный категориальный аппарат, принципы и цели правового регулирования, расширенный предмет правового регулирования и комплекс мер по совершенствованию конституционно-правовых норм в России.

В работе впервые анализируются ценности коренных народов с точки зрения их соотношения с правовыми ценностями, отражающимися в государственной конституционно-правовой системе. Автор представленной диссертации отмечает, что особенности культуры и традиций, ценности и знания, которыми обладают коренные народы, в колониальной концепции правового регулирования необоснованно считавшиеся «низким» уровнем развития, в современной действительности необходимо поддерживать правовыми средствами как уникальные индигенные характеристики, которые способны оказать положительное воздействие на развитие как государства, так и глобального общества. Для этого необходимо такое направление развития конституционно-правовой системы, как индигенизация.

Изучая модели взаимодействия государства с коренными народами, автор впервые выделил и обосновал несколько векторов государственного патернализма, имеющих место во всех представленных в работе странах: экономический патернализм, социокультурный патернализм и политический патернализм, при этом автор описывает преимущества и недостатки каждого из данных векторов и обосновывает целесообразность их применения в России. В работе также представлена такая организационно-правовая модель, как «соуправление», которая предоставляет больше возможностей для трансформации культурных и социально-экономических аспектов жизни коренных народов, позволяет обеспечивать конституционный мультикультурализм и сочетать цели государственного развития и развития коренных народов.

Диссертант сделал попытку доказать, что подход к регулированию жизнедеятельности коренных народов с позиций только одной области знания (юриспруденции) мало оправдывает себя. Решение существующих проблем во всей полноте возможно при междисциплинарном подходе и необходимость таких исследований велика, особенно для правотворческой деятельности. Конституционно-правовые явления и нормы рекомендуется создавать и интерпретировать не только с точки зрения права, но и учитывая достижения

иных областей социально-гуманитарного знания, равно как и культурные традиции, обычаи, ценности, мировоззрение коренных народов.

В работе сделана попытка раздвинуть границы конституционно-правового знания о коренных народах за счет обращения к методам познания других социально-гуманитарных наук. Диссертант предлагает использовать две инновационные методологии – «комплексную методологию вовлеченного участия» и «модель айсберга», включающие антропологические, философские, социологические, психологические, лингвистические и юридические методы в процессе выработки траекторий, стратегий и иных решений о конституционно-правовом развитии коренных народов, и применять данные знания в качестве обоснования регулирующих норм российского этнического законодательства. Применение предложенных методологий в процессе работы органов государственной власти и научных организаций по вопросам развития коренных народов позволят изучать и интерпретировать мнения, ожидания, интересы коренных народов и обоснованно разрабатывать стратегически и нормативно значимые документы, влияющие на развитие коренных сообществ, интегрируя их ценности, установки, этнические интересы, жизненные концепты в право и законодательство. Подобные исследования и процедуры достаточно давно существуют в зарубежных странах и зарекомендовали себя как эффективные способы обеспечения участия коренных народов в делах государства, касающихся их развития.

В результате проведенного исследования диссертантом были сформулированы следующие **основные положения на защиту**.

1. В качестве направления государственной политики в отношении коренных народов в России, как в современном полиэтническом государстве, предлагается рассматривать конституционный мультикультурализм, который основан на идеях конституционализма и этнокультурного многообразия. Именно с учетом необходимости формирования и развития мультикультурного общества статья 69 Конституции Российской Федерации в 2020 году была дополнена новеллой, в соответствии с которой государство взяло на себя обязательство по защите

культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ и сохранению этнокультурного и языкового многообразия российских народов.

Официальное закрепление в Конституции РФ особого правового статуса коренных народов есть только предпосылка обновленного пути их развития, которое должно быть поддержано конституционно-правовой системой, развивающейся в целях обеспечения общероссийской культурной идентичности в сочетании с этнической идентичностью. Коренные народы как особые этнические группы, характеризующиеся индигенностью, занимают важное место в многонациональном обществе России благодаря их уникальным особенностям. Конституционный мультикультурализм как политическое и правовое направление отражает изменившийся подход российского государства к значимой роли коренных народов, и на его основе может сформироваться новая парадигма конституционно-правового развития коренных народов.

2. Предлагается ввести в теорию конституционного права понятие «феномен индигенности», под которым можно понимать совокупность характеристик, присущих определенным этносам – коренным народам, включающих их уникальную и неизменяющуюся культуру (самобытность), особый образ жизни и хозяйственной деятельности (в основном связанные с традиционным природопользованием), духовную близость к природе (исконным землям), специфичные способы расселения (в изоляции, дисперсно, вдалеке от технологически развитых территорий). Феномен индигенности призван играть значимую роль в развитии полиэтнических государств и может стать идеологической, аксиологической, социокультурной основой конституционного мультикультурализма. Поэтому представляется важным концептуализировать индигенные аспекты конституционного мультикультурализма в России и систематизировать правовые, организационные, экономические и иные инструменты, с целью того, чтобы воплотить особенности и потребности этносов, характеризующихся индигенностью, в реальные правовые конструкции.

Автор доказывает, что конституционно-правовое регулирование должно быть направлено не просто на защиту, а на развитие коренных народов в условиях

меняющейся действительности. При этом конституционализм как политико-правовая система становится важной институциональной и процедурной гарантией изменения, развития и функционирования конституционно-правовых норм о коренных народах.

3. Роль конституции в развитии коренных народов заключается в том, что основной закон выделяет их в качестве особой этнической общности, которая имеет политическую, культурную, экономическую значимость для государства. При этом характеристики коренных народов не являются постоянными – на них в значительной степени влияют внешние условия: политические, правовые, социальные и экономические, формируя или изменяя их. Это требует постоянного пересмотра и обновления подходов к изучению индигенности и определению перспектив развития коренных (индигенных) народов.

Конституция Российской Федерации является наиболее этнодетерминированной по сравнению с конституциями других арктических государств, что подтверждается объемом «этнических норм» и конституционными поправками 2020 г., подчеркивающими смену вектора этнических отношений. Следовательно, для гарантии данных изменений в настоящее время очевидна необходимость совершенствования правовой системы в части регулирования этнических отношений, связанных с коренными народами, в том числе необходимо: систематизировать базовые термины и дефиниции; пересмотреть перечень признаков, которые позволяют перенести значимые особенности коренных народов в правовое поле; нормами права обеспечить реальные потребности и интересы коренных народов, исходящие из их индигенности; инициировать следующий этап изменений федерального этнического законодательства и регионального законодательства в соответствии с уточненными целями и задачами национального развития, вызовами и изменениями внешнего мира и усиливающейся ролью самих коренных народов в политической, социальной и экономической жизни нашей страны.

4. Анализ теоретических подходов к взаимоотношениям государства и коренных народов, сложившихся в отечественной и зарубежной науке, доказал

существование двух концепций правового регулирования, которые можно обозначить как «колониальная» и «постколониальная». Автор считает, что объяснить или сконструировать модели взаимодействия коренных народов с другими этносами, органами публичной власти невозможно без понимания этих концепций (как совокупности исторических реалий, правовых, политических, психологических и других взглядов, идей и инструментов), поскольку именно ими обусловливалось выделение основных признаков коренных народов, признания или отрицания их притязаний, определенных прав в государствах.

При колониальной концепции правового регулирования коренные народы воспринимались в основном как «отсталые», «реликтовые», не имеющие существенного значения для современного и будущего развития человечества, что приводило к ущемлению их прав по сравнению с другими категориями граждан, насаждению чуждой культуры, языка, обычаев, насильственному переселению с исконных земель, проблемам жизнедеятельности.

Постколониальная концепция правового регулирования в большей степени упорядочивает взаимодействие между коренными народами, другими этносами и публичной властью, создает правовое обеспечение мультикультурных обществ. В рамках данной концепции индигенность, которой обладают коренные народы, должна гарантироваться правом как набор уникальных качеств и ценностей, которые способны оказать положительное воздействие на развитие государства и общества. Постколониальная концепция правового регулирования делает возможным поддержание конституционного мультикультурализма, основанного на интеграции локальных культур, ценностей в право, позволяющего этносам за счет эффективного правового регулирования адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

5. В работе формулируется правовая теория этничности, основанная на этнографической «теории этноса» в рамках примордиалистского подхода, в соответствии с которой характерными признаками «этноса» являются язык, общая территория проживания, особые традиции, обычаи и жизненный уклад, ценности и мировоззрение. Правовая теория этничности понимается автором как

система правовых взглядов и подходов, объясняющих взаимосвязи этничности и права, интегрирующих социально-гуманитарные знания об этносах, в частности, о коренных народах, в правовые нормы с целью обоснования в праве целей, направлений, правовых форм регулирования этнических отношений, изменяющихся в современном мире в результате внешних факторов, влияния общества и государства на этносы, осознания собственной этнической идентичности и, как следствие, с целью выстраивания более эффективной правовой системы.

Правовая теория этничности может стать основой конституционно-правового регулирования, опирающегося на базовые характеристики этносов, в том числе коренных народов, и обосновывающего правовые признаки этносов, этнические интересы, т.е. разнообразные потребности различных этнических общностей, формирующиеся в соответствии с их характеристиками и этнической идентичностью. На основе правовой теории этничности рекомендована новая концепция этнического законодательства (в части федерального законодательства о коренных народах), в том числе: сформулированы принципы правового регулирования, расширен предмет правового регулирования, предложены сферы правового регулирования, соответствующие целям, потребностям, ожиданиям коренных народов, а также очерчены возможные изменения федерального законодательства, обосновывающие направления развития коренных народов.

6. Автор предлагает пересмотреть признаки отнесения этносов к коренным народам в контексте правовой теории этничности и феномена индигенности.

В качестве признаков, которые могут быть правообразующими факторами, автор предлагает использовать следующие: исконность, самобытность, особая культура и языки; этническая самоидентификация, этноэкономика. Из перечня существующих правовых признаков предложено исключить такой признак, как «малочисленность».

Автор полагает, что основанные на таких признаках права коренных народов будут отражать их реальные этнические интересы, сформировавшееся мировоззрение и ценности. Диссертант предлагает считать этническую

идентичность важнейшим отличительным признаком коренных народов, поскольку остальные характеристики не всегда очевидны в современном мире (язык, проживание на определенной территории, традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности) или могут меняться под воздействием внешних факторов.

7. В правовое научное поле автором вводится понятие «индигенизация», под которым предлагается понимать изменение отношения общества и государства к коренным народам, что связано с общемировыми тенденциями, политической активностью самих коренных народов и национальными стратегиями государств. Индигенизация также означает процесс интеграции ценностей, интересов, ожиданий коренных народов в действующее правовое пространство, ведущий к конституционно-правовому развитию и действенным гарантиям прав коренных народов, а также к повышению восприимчивости коренными народами и публичной властью этнических норм и институтов конституционного права. Индигенизацию можно назвать одним из условий конституционного мультикультурализма.

Ценности коренных народов и их интеграция в конституционно-правовое поле способны оказать позитивное воздействие на иные общественные ценности, противостоять глобализации и необоснованной универсализации правовых идеалов, а также могут быть использованы для совершенствования правовых, социальных институтов и политических решений. Наука конституционного права должна обращаться к традиционным ценностям и знаниям, стремясь адаптировать их к современным условиям, т.е. индигенизация позволит использовать правовой потенциал нормативной культуры коренных народов для обновления законодательства.

8. На взгляд диссертанта, до настоящего времени российский правовой комплекс, связанный с коренными народами, развивался односторонне: несмотря на предоставление достаточно широкого ряда прав, проводилась либо ассимиляционная политика, либо намеренная консервация традиционного образа жизни и культуры: сами коренные сообщества рассматривались как особые коллективы,

способные лишь к традиционному жизнеобеспечению, а не к самоорганизации и саморазвитию. Основное внимание в конституционном праве уделялось защите со стороны государства, гарантиям закрепленных прав и интересов, которые выражаются, вплоть до настоящего времени, лишь в материальных и денежных компенсациях. В то же время коренные народы во всем мире фактически претендуют на особый характер развития, который предполагает не консервацию традиционного (архаичного) образа жизни, а возможности развиваться в соответствии со своими этническими интересами, представлениями и ценностями. Следовательно, на национальном уровне необходимо изменение общей концепции этнического законодательства исходя из правовой теории этничности и с учетом системы индигенных ценностей.

9. В представленной работе определена значимость федеративных отношений в государстве для обеспечения конституционно-правового развития коренных народов и показано, что именно федерализм в России, территория которой этнически фрагментирована, рассматривается как единственно возможный способ обеспечения жизнеспособности, устойчивого и эффективного развития коренных народов, а также как возможность формирования конституционного мультикультурализма на разных уровнях государственного управления.

Автор на примере нескольких арктических федеративных государств доказывает, что в случае оптимального распределения компетенции и ответственности между уровнями публичной власти в этнической сфере федеративное устройство будет служить объективным экономическим, политическим, социальным, культурным потребностям общественного развития, в том числе развития коренных народов, обеспечивать на должных уровнях правовые, организационные, экономические и административно-территориальные инструменты конституционного мультикультурализма.

Диссертантом обоснована первостепенная роль регионов, которые обозначаются как «этнические лидеры», в процессе развития коренных народов, реализации их прав. Автор формулирует понятие «региональной системы защиты прав коренных народов» как сложившейся политико-правовой модели

государственного управления, базирующейся на нормотворческой активности органов публичной власти регионов, связанной с обеспечением конституционных гарантий прав коренных народов. При этом взаимодействие центра государства и его территориальных единиц должно быть направлено на сохранение и развитие национальной самобытности этносов, традиционного (исконно) проживающих на определенной территории, гармонизацию социально-экономического и культурного развития всех этносов.

При федеративном устройстве возможно эффективное сотрудничество органов публичной власти трех уровней, равно как и с коренными народами, что создает более объективные предпосылки для реализации конституционного мульти-культурализма, особенно значимого для полиэтнических государств, таких как Россия.

10. В современной практике полиэтнических федеративных государств административно-территориальное устройство может использоваться для развития коренных народов с помощью создания различных территориальных моделей, исторически сложившихся на конкретных территориях. Автор выделяет три модели: «этнический регион», «территориальная ассимиляция» и «этно-специализированная территория». По мнению автора, модель этнического региона призвана способствовать реализации самобытности и этнической идентичности коренных народов через создание административно-территориальных образований, наделенных специальным правовым статусом, в границах которых коренным сообществам предоставляются возможности вести традиционный образ жизни, использовать родные языки в образовательной, административной и иных системах, создавать социальные институты, соответствующие традициям.

Полномочия по выбору формы и установлению цели административно-территориальной организации коренных народов диссертант предлагает закрепить в компетенции Российской Федерации, с целью обеспечения прав на культурное и экономическое развитие всех коренных этносов, осознающих свою самобытность и стремящихся реализовать ее, равно как и свои этнические интересы, и в то же время с целью определения единых для всех субъектов РФ критериев создания

и функционирования территорий. Должно быть подтверждено полномочие субъектов РФ создавать региональное законодательство с учетом исторических, культурных и иных особенностей расселения и жизнедеятельности коренных этносов.

Во многих случаях модель «этнический регион», уже существующая в Российской Федерации, может быть усилена механизмами экстерриториальной автономии, которая позволит обеспечить реальное участие самих коренных народов в решении вопросов, связанных с перспективами их развития. Национально-культурная автономия экстерриториальна, т.е. не может изменять основы административно-территориальной организации субъектов федеративных отношений, но в то же время обладает достаточным потенциалом для сохранения и развития земельных, культурных и экономических особенностей коренных народов, реализации этнической идентичности и основных этнических интересов.

11. При изучении этнических отношений в государстве становится очевидным, что взаимодействие коренных народов и публичной власти до настоящего времени происходит исходя из общегосударственных целей развития, для достижения которых формируются модели взаимоотношений государства с локальными, периферийными группами общества. В работе описываются три основные организационно-правовые модели взаимодействия публичной власти и коренных народов – «патернализм», «партнерство», «соуправление»; при этом автором доказано, что и исторически, и в настоящее время практически все страны используют модель «патернализма» как наиболее эффективную для достижения государственных целей.

Автор утверждает, что в современных условиях России необходима корректировка данной модели: речь должна идти о политическом патернализме, т.е. компенсационные меры, закрепленные в законодательстве, должны быть дополнены нормами, предоставляющими коренным народам право выражать свое мнение, участвовать в управлении делами государства, принимать решения о траекториях своего развития.

При этом в работе доказывается, что во взаимоотношениях коренных народов и государства должна также реализовываться модель соуправления, поскольку

именно эта организационно-правовая модель предоставляет больше возможностей для трансформации культурных и социально-экономических аспектов жизнедеятельности, позволяет обеспечивать конституционный мультикультурализм и учитывать мнения и интересы представителей коренных сообществ в разработке и реализации государственных программ и других проектов по развитию.

12. Для преодоления выявленных недостатков действующего российского законодательства и проблем реализации прав коренных народов, а также для правового обеспечения новелл статьи 69 Конституции РФ (защита культурной самобытности, языкового и культурного многообразия в рамках сохранения общероссийской культурной идентичности) в качестве тезиса на защиту предлагаются меры по совершенствованию конституционно-правового комплекса в этнической сфере, с тем чтобы конституционно-правовые нормы отражали реальную этническую действительность и способствовали бы:

– развитию политики мультикультурализма;

– совершенствованию конституционно-правового статуса коренных народов;

– обеспечению реальных потребностей и интересов коренных народов, исходящих из их индигенности.

Предлагается обновить перечень основных прав, предоставляемых коренным народам в Российской Федерации, в том числе зафиксировать следующие виды прав:

– на существование;

– этническую самоидентификацию;

– культурную самобытность;

– сохранение и развитие традиционной культуры;

– сохранение традиционных видов социальной организации и ведение традиционного образа жизни в семье и общине;

– свободное определение своего социального, экономического и культурного развития;

– осуществление традиционной и/или иных видов экономической деятельности, в том числе с использованием современных технологий;

– политическое представительство в органах публичной власти;

– принятие участия в управлении делами государства в отношении вопросов, касающихся их жизнедеятельности;

– создание национально-культурных автономий;

– защиту от климатических изменений.

13. В новой парадигме конституционно-правового развития автор сосредотачивает внимание на «праве на самоопределение» и «праве на развитие». Под правом на самоопределение предлагается понимать политическое право коренных народов участвовать в процессе выработки решений, затрагивающих их интересы, а также закрепление определенных полномочий на решение вопросов местного или внутреннего характера. Право на развитие может трактоваться как право самостоятельно определять направления своего развития, реализовывать выбранные стратегии развития, не лишаясь при этом своего особого конституционно-правового статуса.

В процессе реализации предоставляемых прав и в соответствии с этническими интересами возможно осуществление одной из стратегий современного развития коренных народов, позволяющей поддерживать баланс между традиционным образом жизни и современным миром, а также сохранять связь со своей культурой («стратегия параллельных миров», «стратегия проводника» и «стратегия глобального кочевника»).

14. В представленном исследовании предложено усилить участие коренных народов в управлении делами государства, в том числе через такие правовые формы как «процедура свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений» и «этнологическая экспертиза», которые должны быть урегулированы федеральным этническим законодательством. В качестве тезиса для защиты автор утверждает, что взаимодействие институтов и органов публичной власти и коренных народов может быть организовано с помощью партисипативных инструментов, которые будут способствовать обсуждению как взаимных, так и несовпадающих интересов, выработке благоприятных правовых режимов, а также принятию и реализации эффективных правовых решений в модели политического патернализма и соуправления.

Автор обоснованно считает, что процедура свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений, затрагивающих этнические интересы, является одной из важнейших форм, обеспечивающих реализацию права коренных народов на самоопределение и развитие. Доказывается, что требования об обязательности применения данной процедуры и ее регламент должны быть включены в этническое законодательство РФ, о положительном эффекте данной формы свидетельствует зарубежный опыт.

Большое практическое значение диссертант придает этнологической экспертизе как способу выявления мнений, предпочтений и интересов коренных народов в случае необходимых изменений социально-культурной среды, территорий исконного проживания, традиционного образа жизни. Этнологическая экспертиза может также рассматриваться в качестве комплексного междисциплинарного исследования, задача которого – исчерпывающе и с участием всех заинтересованных сторон обосновать целесообразность изменений социально-культурной среды, предложить действия по минимизации негативных последствий таких изменений, а также по применению эффективных компенсационных мер. Этнологическая экспертиза должна стать правовой формой проявления конституционного мультикультурализма, которая бы учитывала этнокультурные потребности и интересы как коренных малочисленных народов, так и органов государственной власти, а также и хозяйствующих субъектов, планирующих или осуществляющих свою деятельность на территориях исконного проживания коренных народов. В диссертационном исследовании в общих чертах представлена концепция федерального законодательства об этнологической экспертизе.

15. В работе предложены инновационные подходы к взаимодействию государства и научных организаций с коренными народами по исследованию политико-правовых аспектов их жизнедеятельности, которые позволят сформировать теоретическую и практическую основу для новых направлений развития коренных народов, а именно: «комплексная методология вовлеченного участия» и «модель айсберга».

На защиту выносится новая комплексная методология вовлеченного участия, которая включает антропологические, философские, социологические,

психологические, лингвистические и юридические методы познания, методы компаративного анализа в отношении траекторий, стратегий и иных решений о конституционно-правовом развитии коренных народов и обеспечивает интеграцию полученных знаний в правовое поле, в процесс разработки стратегических и нормативных документов, а также в работу органов государственной власти по вопросам коренных народов.

«Модель айсберга» представляет собой систему социально-гуманитарных исследований, направленную на глубинное изучение причин возникновения проблем коренных народов, внешних и внутренних факторов, влияющих на коренные народы, на поиск разрывов между целями государственно-правового регулирования жизнедеятельности коренных народов и этническими интересами, потребностями самих народов. Правовые исследования коренных сообществ, проводимые в модели айсберга, расширят возможности практического использования их результатов в праве и управлении, а также обеспечат реализацию новой парадигмы правового развития коренных народов в Российской Федерации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет обосновать возможности принятия эффективных правовых решений, связанных с определением и реализацией государственной этнической политики, модернизацией этнического законодательства, совершенствованием административно-территориального и организационно-правового устройства субъектов Российской Федерации, где проживают коренные народы Севера, равно как и предлагает инструменты вовлечения представителей коренных народов в процесс принятий решений. Проведенное исследование будет способствовать преодолению кризисных явлений во взаимоотношениях между государством и коренными сообществами, культура, образ жизни и хозяйствования которых меняются вместе с изменяющейся действительностью. Основные положения, выводы и рекомендации могут быть использованы в работе органов государственной власти, политических партий и общественных организаций, в преподавании соответствующих курсов, спецкурсов по индигенному праву, государственному и муниципальному управлению, этнополитологии, этносоциологии.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена в порядке обсуждения и одобрения на заседаниях кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета.

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в научных работах, в том числе монографиях и статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты, а также в журналах**,** входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования («Scopus» и «Web of Science»).

Результаты, полученные в настоящей работе, были апробированы на нескольких научных площадках, в частности, на Всероссийской конференции с международным участием «Драйверы социально-экономического развития в эпоху глобальной нестабильности» (ноябрь 2020 г.), организатором которой выступил автор; на конференции «Обдория. Ямало-Ненецкий автономный округ в XXI веке: от сохранения традиций к развитию технологий» (декабрь 2020 г.). «Обдория» – это крупнейший авторитетный научный форум Ямала, который собирает ученых, занимающихся Арктикой и происходящими в ней процессами. К работе были привлечены представители научных организаций и университетов России, Канады, США и Финляндии. Диссертантом был представлен доклад по тематике своего исследования – «Особенности мировоззрения коренных малочисленных народов Севера: острые углы взаимодействия с органами государственной власти». Еще две международные конференции по теме проекта «Человек в Арктике» с успехом прошли в формате онлайн на площадках ведущих зарубежных университетов. Е. Ф. Гладун стала ключевым спикером на IV Международной конференции по правам человека и гендерной справедливости с презентацией «Права коренных малочисленных народов и их гарантии на международном и национальном уровнях» (Индия, 2020). В 2020 и 2021 гг. диссертант стал организатором и докладчиком на ежегодных конференциях «Безопасный Север – Чистая Арктика» (г. Сургут), в том числе выступил с докладами «Использование традиционных экологических ценностей

и индигенных знаний для совершенствования экологического законодательства в России», «Этнологическая экспертиза: от опыта Красноярского края к федеральному правовому регулированию». Кроме того, результаты исследования были представлены на других российских и международных конференциях – Проектная сессия в Международном научном центре «The Woodrow Wilson International Center for Scholars» (США, 2019), Северный форум по устойчивому развитию (г. Якутск, 2019), Международный конгресс «Innovative self-government. The role of local government in creating regional innovation» (Польша, 2020), Арктический исследовательский саммит «Arctic Research Summit» (Исландия, 2020), «Арктика и человек в Арктике. Вызовы и контуры будущего развития циркумполярного мира» (г. Тюмень, 2022), VII Всероссийская научно-практическая конференция «Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика» (г. Якутск, 2022), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием VI Прокопьевские чтения (г. Калининград, 2022), Международный конгресс «Humanities vs Sciences & the Knowledge Accelerating in Modern World: Parallels and Interaction» (г. Москва, 2022), «Защита прав и интересов коренных малочисленных народов Севера посредством междисциплинарных исследований» (г. Ханты-Мансийск, 2022), Международная научно-практическая конференция «Конституционализация традиционных духовно-нравственных ценностей как условие устойчивого развития России» (г. Москва, 2023), Международный конгресс «Блищенковские чтения» (г. Москва, 2023, 2024), Уральский форум конституционалистов (г. Екатеринбург, 2021, 2022, 2023, 2024). С 2018 года было представлено более 25 докладов на российских и международных мероприятиях.

Результаты проведенного исследования частично были апробированы в ходе реализации программы научных исследований международного уровня «Арктическая инициатива Фулбрайта» (2018–2019), научного проекта «Механизмы повышения качества жизни коренных малочисленных народов Севера в меняющейся Арктике» в рамках рабочей группы «Человек в Арктике» Западно-Сибирского научно-образовательного центра (2019–2022), выполнения

научно-исследовательских работ в сфере правового регулирования этнологической экспертизы, связанных с подготовкой проекта федерального закона «Об этнологической экспертизе» (2020–2021), научного исследовательского проекта по теме: «Разработка механизмов повышения уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера в меняющейся Арктике» (Ямало-Ненецкий автономный округ, 2023).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и отражает его логику. Работа включает в себя введение, четыре главы, объединяющие двенадцать параграфов, заключение, список использованных правовых источников и литературы.

ГЛАВА 1. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Конституционный мультикультурализм – новая парадигма развития российского государства и коренных народов

Результаты процессов политико-правовой модернизации государств отражаются в конституциях, которые находятся в постоянном поиске баланса интересов личности, общества и государства. Проблема конституционной стабильности и устойчивого правового прогресса разрешается в ходе конституционного развития страны[30]. В этом отношении перед юридической наукой стоит важная задача – изучать конституционно-правовой статус коренных народов и возможности их конституционно-правового развития не только в рамках существующих конституций, но и в контексте постоянного изменения как конституционных норм, регулирующих этнические общественные отношения, так и самих коренных сообществ, трансформирующихся в процессе существования[31].

Жизнь конституции, конституционно-правовая реальность определяется учеными как «конституционализм», т.е. система, очерчивающая границы деятельности государства и его властных структур, возможностей их воздействия на общественные отношения[32]. Например, если конституцию, по мнению

---

[30] Кравец И. А. Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) // Lex Russica. 2020. № 73 (1). С. 47.

[31] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[32] Мамитова Н. В. Теория российского конституционализма: история и современность. Москва, 2005. 183 с.

М. В. Баглая, можно рассматривать как «сумму лучших идей, положенных на бумагу, то конституционализм – это жизнь конституции, реальность»[33]. Конституционализм можно определить как саморазвивающуюся систему, представленную на трех уровнях: теории конституционных идей, истории становления конституционных учреждений и практики реализации конституционных норм[34].

На наш взгляд, конституционно-правовая реальность, в которой находятся коренные народы, соответствует названным уровням и требует широких подходов к изучению и теоретизации, а также к правотворчеству и применению конституционно-правовых норм, что обусловлено историческими, политическими, экономическими и иными особенностями существования коренных народов в государстве. Обращение к тематике конституционализма представляется оправданным в сфере регулирования жизнедеятельности коренных народов, поскольку в этой области общественной жизни последние десятилетия стремительно меняются идеи и подходы к пониманию места коренных народов в государстве, в то время как нормы конституционного, и в его рамках этнического права, и новые конституционно-правовые институты формируются достаточно медленно[35]. Например, в России исследователи В. А. Кряжков, С. Н. Харючии и др. отмечают нерешенность ряда проблем конституционно-правового регулирования и пробельность отраслевого законодательства о коренных малочисленных народах[36]. Если рассматривать развитие коренных народов через призму конституционализма, то мы должны (вслед за исследователями-конституционалистами) обращаться к историко-правовым аспектам, философским

---

[33] Баглай М. В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 10.

[34] Шамба Т. М. Рецензия на монографию Н. В. Мамитовой «Теория российского конституционализма: история и современность». М., 2005. 184 с. // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 3. С. 46.

[35] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[36] См., например: Харючи С. Н. Правовые проблемы коренных малочисленных народов Севера России. Москва, 2009. 272 с.; Кряжков В. А. Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность // Государство и право. 2018. № 12. С. 74–76.

и эмпирическим исследованиям, онтологической и аксиологической природе правовых норм, регулирующих жизнедеятельность коренных народов, и системно развивать правовые нормы, регламентирующие эту сферу общественных отношений. Изучение правового положения коренных народов в контексте конституционализма позволит нам более широко взглянуть на проблематику, а также применить более широкий спектр методов для исследования существующих проблем и формулирования действенных норм национального права для их решения.

Историко-правовые проблемы конституционализма глубоко осмысливались в исследованиях XIX – начала XX вв. Можно назвать труды И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, Ю. В. Готье, М. А. Дьяконова, Н. П. Загоскина, А. А. Кизеветтера, В. О. Ключевского, В. Н. Латкина, С. Ф. Платонова, В. И. Сергеевича, Л. А. Тихомирова, Б. Н. Чичерина и др. Большой вклад в разработку различных аспектов конституционализма внесли исследования отечественных историков XX в. Предысторию конституционализма в определенной степени изучали Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, С. О. Шмидт. История государственности и реформ представлена в работах Н. П. Ерошкина и П. И. Зайончковского. Наиболее полно труды авторов, изучавших реформы и конституционные проекты начала XX в. и более раннего периода, описаны исследователем российского либерализма В. М. Шевыриным[37].

В конце 80-х гг. XX в. произошла интенсификация научных работ по изучению различных проблем конституционализма. Внимание к различным сторонам конституционализма в современной России в основном оказывают такие области научного знания, как политология, социология и история. Список представителей историко-правовой мысли XIX – начала XX вв. можно дополнить

[37] Шевырин В. М., Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История: реферативный журнал. 1998. № 3. С. 206–207; См. также: Ван Штаден М., Гладун Е. Ф. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права: Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 146–171.

именами юристов, специально занимавшихся проблематикой конституционных изменений, – А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, В. М. Гессен, М. Я. Острогорский, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский. В своих трудах данные авторы отвечают на вопросы, являющиеся актуальными как в прошлом, так и в настоящем времени, а именно: соотношение права и нравственности; негативные и позитивные права личности; объективные и субъективные конституционные права; равно как и определяют права на достойное человеческое существование как предпосылки правового государства. Все перечисленные вопросы значимы и для развития коренных народов[38].

Среди ученых-политологов, исследовавших юридические и политологические аспекты конституционализма в России, необходимо назвать Г. А. Белова, К. С. Гаджиева, М. В. Ильина, А. Н. Медушевского, В. П. Пастухова и др. Предложенные ими подходы позволяют глубже и точнее разобраться в проблемах конституционных реформ. Число ученых-юристов, обращающихся к вопросам конституционализма, значительно возросло в постсоветский период.

С середины 1990-х гг. XX и в начале XXI вв. активизировались и исследования юридических аспектов современного российского конституционализма. В отечественной юридической науке изучение конституционализма представлено работами С. А. Авакьяна, К. В. Арановского, М. В. Баглая, Н. А. Богдановой, Н. В. Витрука, В. Т. Кабышева, А. И. Ковлера, Е. И. Козловой, А. Н. Кокотова, М. И. Кукушкина, О. Е. Кутафина, В. С. Нерсесянца, А. Г. Пархоменко, Р. А. Ромашова, Б. Н. Топорнина, В. Е. Чиркина и других исследователей. Российские ученые (А. Н. Медушевский[39], Т. Я. Хабриева[40],

---

[38] См., например: Конституционные проекты в России XVIII–XX в. / сост. А. Н. Медушевский. Москва, 2010. 640 с.; См. также: Ван Штаден М., Гладун Е. Ф. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права: Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 146–171.

[39] См.: Медушевский А. Н. Размышления о современном российском конституционализме. Москва, 2007. 174 с.

[40] Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции: монография. Москва, 2005. 319 с.

И. А. Кравец[41], В. В. Виноградов[42] и другие) придерживаются мнения, что наилучшим образом можно понять сущность и значение конституционализма лишь при условии его изучения в сравнительном конституционном аспекте и с учетом исторического опыта его развития в современном мире[43].

В российских исследованиях представлен широкий спектр точек зрения на понимание конституционализма. Их обзор важен для выработки интегрированного подхода, который бы синтезировал различные аспекты и проявления конституционализма с позиций современного уровня конституционной мысли и политико-правового знания. Многие позиции исследователей группируются вокруг общей линии современного понимания конституционализма, который может быть представлен в виде трехэлементной или четырехэлементной структуры: «теория – законодательство – практика» или «теория – законодательство – практика – культура, сознание»[44].

С. А. Авакьян связывает конституционализм с четырьмя главными аспектами: конституционные идеи, наличие соответствующего нормативно-правового фундамента, политический режим, адекватный конституции, система защиты конституционного строя и конституции[45].

Р. А. Ромашов определяет конституционализм как специфическое политико-правовое явление, включающее в качестве структурных элементов идейную доктрину, действующее законодательство и юридическую практику[46]. Известный

---

[41] Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 584 с.

[42] Виноградова Е. В. Российский конституционализм: элементы системы. Москва, 2022. 266 с.

[43] Ван Штаден М., Гладун Е. Ф. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права: Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 1 (152). С. 146–171.

[44] Кравец И. А. Наука конституционного права и российский конституционализм // Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае, Барнаул, 19–20 сентября 2008 года. Барнаул, 2008. С. 149–153.

[45] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва, 2000. С. 229–232.

[46] Ромашов Р. А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории. Санкт-Петербург, 1998. С. 96.

ученый В. Т. Кабышев, учитывая различные подходы к пониманию конституционализма, считает, что конституционализм – это философия конституционного мировоззрения, закрепление в Конституции системы правовых ценностей, обеспечение верховенства конституции, ее приоритетности и реальности, правление в рамках конституции[47].

Рассмотрение сферы конституционно-правового регулирования коренных народов в рамках конституционализма особенно актуально потому, что конституционализм как явление мировой политической и правовой культуры «сформировался не так давно, а именно при переходе от традиционного к индустриальному обществу»[48]. Именно в этот временной период происходят значительные изменения и в жизни коренных народов: участие в политических и экономических процессах, технологическое развитие, в том числе транспорта, информационно-коммуникативных технологий, урбанизация и иные значимые изменения в условиях существования этносов и, как следствие, перестройка их этнического сознания. Изменяются психологические установки и духовные ценности, что в свою очередь вызывает трансформацию самих коренных сообществ. Кроме того, все более значимыми становятся такие процессы, как глобализация и информатизация общества. Названные тенденции влекут конституционно-правовую модернизацию, которая в последнее время достаточно подробно описывается в трудах российских и зарубежных ученых[49]. Как полагает Т. С. Масловская, прогрессивное развитие государства и общества, появление новых вызовов – социальных, экологических, экономических, политических и других – предопределяет необходимость новеллизации конституций, в том числе и норм, относящихся к коренным народам[50]. Конституционализм,

---

[47] Кабышев В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 4. С. 63.

[48] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. С. 3.

[49] См., например: Бондарь Н. С. Конституционная модернизация политических институтов российской государственности // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 21–29.

[50] Масловская Т. С. Конституционная модернизация: современные векторы развития // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 3. С. 46–52.

по справедливому замечанию И. А. Кравца, сохраняет свое значение в качестве нормативной основы демократических процессов с выходом к информационному обществу и постиндустриальному развитию[51], что особенно актуально для существования специфических, немногочисленных сообществ, таких как коренные народы.

Возрождение интереса к проблематике современного российского конституционализма имеет объективные причины и связано с принятием новой Конституции Российской Федерации 1993 года, ее существенными поправками 2020 года. Сфера изучаемых нами общественных отношений также подверглась конституционным изменениям именно потому, что права коренных народов – это не застывшее правовое явление, а конституционно-правовая реальность, которой свойственно меняться вместе с меняющимся миром. Поскольку статья 69 Конституции РФ в 2020 г. дополнилась новыми конституционными идеями (защита культурной самобытности, языкового и культурного многообразия в рамках сохранения общероссийской культурной идентичности), становится актуальным и важным развивать их далее в правовых нормах, а также обосновывать конституционной идеологией и теорией.

Полагаем, конституционная система современной России может быть исследована на предмет возможности обеспечить эффективность отношений между коренными сообществами и государством, равно как и соотнести формируемые правовые нормы с тенденциями развития современного общества. Российский конституционализм, как политико-правовая система[52], может стать важной институциональной и процедурной гарантией становления, развития и функционирования институтов и норм, обеспечивающих конституционные права коренных народов[53].

---

[51] Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 584 с.

[52] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. 675 с.

[53] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

Нормативная основа российского конституционализма имеет «надотраслевую» природу, что предполагает применение особых методологических подходов для изучения социальных, экономических, культурных реалий, в которых находятся коренные народы, и формирования конституционно-правовой системы, регулирующей соответствующие аспекты их жизни. В исследовании Н. А. Богдановой хорошо показано, что в науке конституционного права методологический аспект не только способствует познанию собственно предмета науки, но и приобретает надотраслевой характер. Подобное объясняется фундаментальностью изучаемой отрасли конституционного права и ролью последней в правовой системе страны. «Поскольку нормы конституционного права, – пишет Н. А. Богданова, – составляют принципиальное начало для иных отраслей права, методология их изучения влияет на методологические подходы к познанию и приемы исследования правового материала»[54].

Конституционализм позволяет формировать конституционно-правовую основу жизнедеятельности коренных народов в государстве не только с учетом существующих правовых норм, но и с использованием идеологического, социокультурного, гносеологического, аксиологического, психологического подходов. Исследования сравнительно-правового характера также представляют ценность для дальнейшего изучения конституционализма, поскольку сосредотачиваются на этнических процессах. Именно поэтому обоснованием новых правовых норм должен стать зарубежный опыт, в том числе и рассматриваемых нами арктических государств.

В конституционализме важным, на наш взгляд, представляется идеологический аспект, который способен выявить влияние идей конституции на процесс становления, развития и современное состояние коренных народов в государстве и в мировом сообществе. Идеология прав коренных народов, возможностей их взаимодействия с публичной властью, иными группами

[54] Богданова Н. А. Система науки конституционного права: монография. Москва, 2001. С. 31.

населения получает нормативное выражение в важнейших актах конституционного законодательства и институтах конституционного права.

Можно сказать, что конституционализм выступает и в качестве социального явления, так как является частью более широкого социального порядка. Благодаря конституционализму государство приобретает правовой характер и в то же время не господствует над обществом, не подавляет его. Конституционализм обеспечивает правовые формы взаимоотношений между государством, обществом и личностью, опирается на развитую социальную структуру и сформировавшиеся институты гражданского общества[55]. Это утверждение И. А. Кравца как нельзя более точно соответствует современным потребностям коренных малочисленных народов, которые мы изложим в последующих главах.

Ведущие российские ученые признают гносеологические основы российского конституционализма, подчеркивая его мультидисциплинарный характер[56], что, на наш взгляд, корреспондирует с мультидисциплинарным характером этнических отношений и позволяет исследовать и развивать коренные сообщества с точки зрения права и политики, права и истории, права и социологии, права и психологии. Такой подход создает предпосылки для интеграции научных знаний из разных областей социально-гуманитарных наук в область конституционной теории и современной практики.

Гносеологический подход к формированию конституционных норм представляет особенный интерес в настоящую эпоху перехода цивилизации от модерна к постмодерну, когда происходит радикальная смена парадигм социально-гуманитарных исследований. Это важно и для смены подходов к изучению и регулированию жизнедеятельности коренных народов.

Данному вопросу посвящены философско-методологические исследования Д. А. Керимова, Л. А. Микешиной, В. С. Нерсесянца, П. М. Петровского,

---

[55] Кравец И. А. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 6 (73). С. 72–82; Тресков В. И. У истоков российской Конституции. Памяти академика Олега Емельяновича Кутафина // Евразийская адвокатура. 2014. № 2(9). С. 85–89.

[56] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. 675 с.

Н. М. Смирнова, И. А. Честнова, Е. В. Скурко. На наш взгляд, применение методов социально-философских исследований может соответствовать не только теоретическим, но и практическим потребностям совершенствования правотворчества, правоприменения, управления в рассматриваемой сфере. Некоторые авторы обосновывают необходимость «обозреть юридическую область извне, что в состоянии сделать только философия права в совокупности с юридическими и практическими знаниями»[57].

Российские ученые также отмечают, что в современном мире необходима разработка и реализация «научно обоснованной правовой политики государства, предполагающей оптимальный баланс традиций и новаций в регулировании общественных отношений как среды правового поведения»[58]. Поэтому современные подходы к формулированию конституционных и отраслевых норм должны включать гносеологические, отнологические и аксиологические исследования, а также решать прогностические задачи для функционирования правового и социального государства с гуманистическими ценностями при учете национальных и культурологических особенностей коренных народов.

Не менее значимым в конституционализме является его социокультурный аспект, который показывает восприимчивость населения страны, различных социальных групп к новым институтам конституционного права, степень их приверженности базовым ценностям современного конституционализма, способность адекватно использовать в процессе реализации конституционные права и свободы. Данный аспект определяет возможности и трудности формирования конституционного правосознания и конституционной культуры в обществе, взаимодействующем с коренными народами, которые представляют собой разнообразные культуры и социальные группы.

---

[57] Честнов И. Л. Постклассическая философия права в эпоху постметафизики // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 11 июня 2022 года / под редакцией Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. Саратов, 2022. С. 25.

[58] Арепьев Е. И. Роль философии в современном мире // Проблемы философии: история и современность: сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием, Курск, 18–21 мая 2018 г. Курск, 2018. С. 1–3.

Современные условия существования общества (биологические кризисы, экономические спады, изменения в социальных и культурных ландшафтах) выдвигают на первое место требования поиска особенных локальных подходов, возможностей параллельного существования различных культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития.

Культурное многообразие характерно для подавляющего большинства современных государств, оно оказывает фундаментальное влияние на жизнь современного общества, на его регулирование и организацию, выражается в языке, ценностях и традиционных нормах поведения, мировоззрениях и обычаях. Декларация ООН 2007 г. признает, что коренные народы равны со всеми другими народами, и одновременно провозглашает право всех народов отличаться друг от друга и пользоваться уважением в таком своем качестве, поскольку все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества[59]. Для поддержания социального равновесия и развития сплоченности в обществе важно, чтобы культурное многообразие учитывалось в юридических правилах, которыми руководствуются граждане, публичная власть и социальные институты государства. Именно с учетом необходимости формирования и развития мультикультурного общества в 2020 г. статья 69 Конституции Российской Федерации была дополнена новеллой, в соответствии с которой государство взяло на себя обязательство по защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ и сохранению этнокультурного и языкового многообразия российских народов. Таким образом, в настоящее время приоритетом российского государства в этнической сфере становится сохранение и развитие культурных различий и культурного многообразия.

В целом проблематика мультикультурализма как социально-политической концепции, направленной на создание и развитие целостного сообщества, состоящего из различных этносов, имеющих и сохраняющих этническую культуру,

---

[59] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

оформляется в социологии, антропологии, политологии и философии к концу XIX столетия. Со второй половины XX в. мультикультурализм становится значимым направлением гуманитарного и социального знания, а также государственной политикой и идеологией[60]. Мультикультурализм в своей основе содержит идею гармоничного сосуществования культурных и этнических групп, чьи традиции, практики, ценности признаются государством.

Феномен мультикультурализма продолжал привлекать внимание ученых, главным образом социальных философов, и в XX веке, оформляясь в концепции ближе к 1980–1990-х гг. Наиболее перспективным направлением исследований явилась концепция мультикультурализма, сформулированная Ч. Тейлором[61], который утверждал, что содержание современного общества образовано множеством культур, отличающихся разнородными, порой противоречащими друг другу ценностями. Важно то, что человек существует сразу одновременно в нескольких культурных сферах-пространствах[62], поэтому сегодня нет замкнутых, самодостаточных, целостных культур. Любая культура, очерчиваемая привязкой к социуму, языковой нации или территории, характеризуется множественностью значений, ей приписываемых, различающихся (может быть, не противоположными, но разными) ценностными ориентациями[63].

Начиная с 2000 г. исследования мультикультурализма, культурного многообразия проходят в различных социально-гуманитарных науках, причем исследователи переосмысливают этот феномен с разных точек зрения. Например, теоретический фундамент мультикультурализма и культурного многообразия с позиций социальной и политической теории, философии, социологии, культурологии, а также его актуальность в условиях новых социальных реалий рассматривают в основном зарубежные ученые (У. Кимлика (W. Kymlicka),

---

[60] Лапин Д. В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2, № 2(16). С. 20–26.

[61] См., например: Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон: сборник / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. Москва, 1998. С. 219–248; Taylor Ch. The politics of recognition // Multiculturalism: Examining the politics of recognition / Ed. Amy Gutmann. Princeton, 1994. 26 p.

[62] Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. Санкт-Петербург, 2012. С. 92.

[63] Там же.

Т. Модуд (T. Modood), Б. Парех (B. Parekh), Ч. Тейлор (Ch. Taylor), Э. Тирякин (E. Tiryakin), Г. Тернборн (G. Therborn) и некоторые другие[64]). Особенно много исследований посвящено мультикультурализму в европейских странах и странах Северной Америки с точки зрения устоявшихся и новых социальных и культурных практик, отношений общества к различным меньшинствам в контексте социального государства (П. Кивисто (P. Kivisto), К. Ф. Коттак (C. Ph. Kottak), М. Ф. Райс (M. F. Rice)[65]). Некоторые авторы (Дж. Александер (J. Alexander), Я. Алибхай-Браун (Y. Alibhai-Brown), Д. Мейсон (D. Mason))[66] подвергают анализу институциональные изменения, происходящие в мультикультурных обществах, и требования, которые культурное многообразие накладывает на социальные институты. Термин «мультикультурализм» появляется в отечественных исследованиях начиная с 1990-х г. – первоначально авторы изучали данный феномен в условиях западной социальной и политической реальности (К. С. Арутюнян, А. В. Веретевская, Л. М. Дробижева, Э. А. Паин, А. И. Куропятник)[67]. Совсем недавно российские ученые начали изучать

---

[64] См.: Kymlicka, W. Neoliberal Multiculturalism? // Social Resilience in the Neo-Liberal / eds. Era P. Hall & M. Lamont. Cambridge, 2013. P. 99–126; Kymlicka W. Solidarity in Diverse Societies: Beyond Neoliberal Multiculturalism and Welfare Chauvinism // Comparative Migration Studies. 2015. Vol. 3, Iss. 1. P. 1–19; Meer N., Modood T. Cosmopolitanism and integrationism: is British multiculturalism a «Zombie category»? // Identities: Global Studies in Culture and Power. L. 2014. Mar. 21. P. 1–17; Modood T. Multiculturalism: A civic idea. Cambridge, 2007. 193 p.; Parekh B. C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. N.Y, 2006. 195 p.

[65] См.: Kivisto P. Multiculturalism in a global society. Malden, MA, 2002. 228 p.; Kottak C. and Lukas S. Anthropology: Appreciating Human Diversity: 19th Edition. McGraw Hill, 2022. 592 p.; Tiryakin E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non', in J. Rex Governance in a Multicultural Society. Aldershot, 2004. P. 1-18.

[66] Alexander J. C. Theorizing the "Models of Incorporation": Assimilation, Hyphenation, and Multiculturalism as Varieties of Civil Participation // Sociological Theory. 2001. Vol. 19. № 3. P. 237–49; Alibhai-Brown, Y. True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government. London, 1999. 148 p.

[67] См.: Веретевская А. В. Значение и значимость мультикультурализма // Политическая наука 2010. № 1. С. 29–45; Веретевская А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. Москва, 2018. 180 с.; Дробижева Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. Москва, 2002. 480 с.; Дробижева Л. М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под ред. Т. И. Заславской. Москва, 2003. С. 215–224; Куропятник А. И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. Санкт-Петербург, 2000. 208 с.; Паин Э. А. Этнические проблемы в полиэтническом обществе // Профессионалы за сотрудничество / под ред. А. Кулика. Москва, 2000. Вып. 4. С. 52–66.

мультикультурализм и его основные ценности, принципы с точки зрения его возможной адаптации к российскому контексту.

Существуют различные подходы к определению мультикультурализма. Одно из важных определений можно найти в словаре «Расы, этничность и культура», где мультикультурализм определяется как (1) сосуществование ряда различных культур внутри какой-либо группы общества; (2) определенная политическая система или государственная политика, нацеленная на гарантированное равное признание различных культур и не допускающая дискриминации по признаку принадлежности к особой группе этнических / культурных меньшинств[68].

Практически не существует исследований, где была бы представлена такая форма мультикультурализма, как конституционный мультикультурализм. Хотя очевидно, что, осуществляясь в рамках государства, проявления различных культур должны быть урегулированы правом, направленным на удовлетворение общих потребностей своих граждан. С одной стороны, предполагается, что современные государства обязаны предоставлять своим культурным, этническим и религиозным группам равный социальный статус. Непохожесть и отличие рассматриваются не как «второсортное» и «чужое», они оцениваются просто как «иное»; в этой ситуации некоторые социальные группы становятся объектом особого внимания. С другой стороны, государство может признавать особый статус (а значит, юридическое существование) определенных групп населения, например, этносов, причем в современных мультикультурных государствах это признание все чаще осуществляется на основе конституций.

Взаимопроникновение идей конституционализма и культурного многообразия, особенно значимое для коренных народов, порождает особый феномен – конституционный мультикультурализм, определяемый как программа конституционного и культурного строительства, при которой конституция создает правовые условия для развития языков, традиционных знаний коренных народов,

---

[68] Dictionary of Race, Ethnicity and Culture: 1st edition / ed. G. Bolaff, R. Bracalenti, P. H. Braham, S. Gindro. Los Angeles, 2003. P.183–184.

гарантирует возможность проявления самобытности в современных полиэтнических государствах[69].

В конституционном мультикультурализме, как определяет И. А. Кравец, конституция создает правовые условия для развития языка и культуры национальных меньшинств, гарантирует возможность исповедания различной религии, за исключением экстремистских и сектантских течений, обеспечивает многообразие форм самовыражения граждан и их объединений, включая право отстаивать и распространять разнообразные убеждения и верования, ориентирует государственную политику на поддержку этнического многообразия в стране и создает юридические формы для политической интеграции различных социальных слоев и групп в конституционное сообщество граждан[70].

В общем виде концепцию конституционного мультикультурализма можно описать как политическое и юридическое конституирование в рамках нации-государства в той или иной мере обособленных этноконфессиональных и этнокультурных групп, которое подтверждено основным законом государства. Такое конституирование рассматривается как альтернатива концепции «национального плавильного котла», применяемой в рамках государственного строительства во многих странах, в частности в США[71]. «Национальный плавильный котел», напротив, предполагал слияние всех народов в единую нацию. При этом происходит культурное и биологическое смешение, национально-государственная интеграция посредством систем общего языка, общего образования, общей культуры и общей деятельности. При этом концепция «национального плавильного котла» отрицает наличие каких-либо конфликтов социального или этнического характера[72].

---

[69] Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 584 с.

[70] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. 675 с.

[71] Веретевская А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. Москва, 2018. 180 с.

[72] Чертина З. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США. Москва, 2000. 163 с.

В 1971 г. Канада стала первой страной в мире, которая приняла концепцию культурного многообразия в качестве официальной политики. Тем самым Канада подтвердила ценность и достоинство всех канадских граждан независимо от их расовой или этнической принадлежности, их языка или вероисповедания. Такая политика культурного многообразия была закреплена в Законе о канадском культурном многообразии, принятом в 1988 году[73].

Как справедливо отмечает в своем выступлении председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, и концепция плавильного котла, и концепция мультикультурализма имеют свои серьезные недостатки и риски, и ни одна из них не получила полноценного и эффективного развития в западных странах[74]. Российский опыт построения многонационального государства оказался гораздо менее жестоким и несправедливым, чем аналогичный опыт построения подобных государств в других частях мира. За столетия государственного строительства наша страна не только научилась взаимодействовать с представителями различных этносов, но и сумела сохранить большинство этих этносов, в том числе обеспечить им широкие возможности сохранения и развития их языкового, культурного, религиозного своеобразия. Главной правовой идеей этого процесса В. Д. Зорькин считает именно выработку на уровне государства правовой модели решения проблем, порожденных этнонациональным многообразием. При этом справедливо отмечается особенная правовая концепция мультикультурализма, выработанная Россией, которая может стать ключевой для создания правовой конструкции глобального мироустройства[75].

Важным аспектом российского конституционного мультикультурализма должна стать именно общероссийская государственная идентичность, основывающаяся на едином правовом пространстве, которое «бережно

---

[73] Шведова Н. А. Гендерные проблемы коренных малочисленных народов: опыт Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2014. № 3. С. 5.

[74] Зорькин В. Д. Мультикультурализм закладывает под государство «политические мины» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. 13 сент. № 203 (5579).

[75] Там же.

инкорпорировало бы в себя правовые традиции российских окраин»[76], отражающие, например, уникальные особенности культуры, ценностей, образа жизни коренных народов.

Конституционный мультикультурализм, таким образом, можно рассматривать как правовую и политическую парадигму, вырабатываемую государством в ответ на вызовы глобализации, унифицирующей ценности и взгляды, культуры, традиции. По результатам проведенных нами исследовательских проектов[77] приходим к выводу, что в мире, где многие государства являются исконными территориями проживания коренных народов, особенно в России, исторические условия указывают, что назрела необходимость менять подходы к регулированию этнических отношений в рамках конституционного мультикультурализма. В Российской Федерации есть необходимая правовая база – Конституция РФ, в нормах которой нашли последовательную конкретизацию и воплощение положения о российском народе как конституирующей общности, источнике и носителе власти, обладающем общероссийской культурной идентичностью, а также положения о коренных народах, имеющих особые права, в том числе на культурную самобытность, этнокультурное и языковое многообразие. Исходя из этого следует, что именно Россия несет особую ответственность перед собственной страной и миром за то, чтобы найти, предложить и реализовать в политической и конституционно-правовой практике новые концептуальные основы построения успешно развивающегося полиэтничного, поликультурного, поликонфессионального правового государства[78].

---

[76] Зорькин В. Д. Нам предстоит найти работающие концепции интеграции этносообществ в государство // Российская газета. 2011. 7 сент.

[77] Международная программа «Арктическая инициатива Фулбрайта» (2018–2019 гг.), Научно-исследовательский проект «Разработка механизмов повышения уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера в меняющей Арктике (2019–2023 гг.), Научно-образовательный проект «Знакомство с Арктикой: междисциплинарный подход к изучению арктических обществ, народов и культур» (2021), Научно-исследовательские работы в сфере правового регулирования этнологической экспертизы (2021), другие.

[78] Зорькин В. Д. Мультикультурализм закладывает под государство «политические мины» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. 13 сент. № 203 (5579).

Таким образом, в представленной научной работе хотелось бы обратить более пристальное внимание на индигенные аспекты конституционного мультикультурализма, которые отличают коренные народы как особые этнические группы и в дальнейшем позволят выделить и развить правовую концепцию индигенизации, т.е. систему функционирования и развития конституционно-правовых норм о коренных народах, сформированную с учетом особого места этих народов в государстве и включающую индигенные ценности, знания, обычаи в правовые нормы.

Как феномен «индигенность» зародилась в 1920-х гг. при первых попытках коренных жителей США защитить свои интересы в период техногенного развития и укрепления позиций государства. В русском языке и в отечественных социальных науках термин «индигенность» начал использоваться все чаще как эквивалент привычных понятий, связанных с «коренными сообществами». Ракурсами интерпретации данного понятия являются такие схожие определения, как «аборигенность», «автохтонность». В социальной антропологии термин *indigenous peoples* (англ.) – «коренные народы» применяется для обозначения недоминантных групп населения, связанных с определенной территорией и обладающих более или менее признанными качествами аборигенности[79].

Особое значение феномена индигенности в праве заключается в том, что он поддерживает и легитимизирует требование специфических прав для коренных народов, основанных на их особых характеристиках, «исторических правах»[80]. Специфические (особые) права коренных народов получили освещение с двух позиций: политической и юридической. Что касается первого подхода, то в российской политической науке исследование индигенности находится в зачаточном состоянии. Юридический аспект проблемы анализируется более активно, став отдельным и перспективным направлением исследований[81].

---

[79] Куропятник М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 1. С. 164–165.

[80] Colchester M. Sharing Power. Dams, Indigenous Peoples and Ethnic Minorities // Indigenous Affairs. 1999. № 4. P. 3–16.

[81] Магомедов А. К. Индигенность как политическая проблема: к пониманию природы аборигенных интересов в российской Арктике // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. С. 46.

Политическое признание коренных народов и принятие «индигенных» нормативных правовых актов не всегда способны обеспечить реализацию специфических прав аборигенного сообщества. Особенно если учесть, что современное состояние этнического законодательства в России, по словам признанного ученого в сфере индигенного права В. А. Кряжкова, «характеризуется правовой стагнацией и откатом от прежних позиций»[82].

На наш взгляд, вполне обоснованно говорить о том, что феномен индигенности повлиял на развитие конституционно-правовых систем в таких полиэтнических странах, как Россия, США, Канада и может стать идеологической, аксиологической, социокультурной основой развития конституционного мультикультурализма. Поэтому представляется важным концептуализировать индигенные аспекты конституционного мультикультурализма в России и на основе новых теорий и моделей систематизировать правовые, организационные, экономические и иные инструменты, с целью того, чтобы воплотить особенности и потребности этносов, характеризующихся индигенностью, в реальные решения на практике. При этом конституционный мультикультурализм в полной мере основывается на важнейших универсальных принципах конституционализма, которые восприняты российским конституционным правом и особо выделены учеными-конституционалистами как принципы первостепенной важности: принцип верховенства права, верховенства конституции, народного суверенитета, разделения властей, ограниченного правления, легитимности государственной власти и достижения консенсуса, политического многообразия, принцип равноправия и обеспечения достоинства личности[83].

Поскольку, как было отмечено выше, конституционализм – это сочетание философских, правовых, политических идей, полагаем, что некоторые индигенные

---

[82] Кряжков В. А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования // Современное состояние и пути развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: независимый экспертный доклад. Москва, 2004. С. 44–55.

[83] Невинский В. В. Обеспечение человеческого достоинства – главная цель конституционно-правового регулирования // Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. Екатеринбург, 2001. С. 110–132.

аспекты развития конституции позволят отразить особенности и специфику существования коренных сообществ, проживающих в административно-территориальных границах и нормативно-правовых рамках государств, их потребности и ожидания, формы взаимодействия с публичной властью и другими этносами, а также правосознание. Наконец, конституционализм позволит в процессе государственного и общественного развития выявлять проблемные аспекты соотношения существующих конституционно-правовых норм и практики их реализации при столкновении с философией и мировоззрением коренных сообществ, а также будет способствовать совершенствованию российского этнического законодательства.

Подводя промежуточный итог, отметим: если рассматривать индигенные аспекты конституционализма как направление развития конституционно-правовых норм, то можно выделить основные векторы:

1) включение норм о коренных народах в конституцию и их модернизация;

2) принятие отраслевого законодательства на основе действующей конституции страны в различные периоды исторического развития;

3) развитие конституционных идей, политико-правовые преобразования в сфере этнических отношений;

4) индигенизация конституционных и иных правовых норм на основе возрастания значимости индигенных ценностей в государстве, с учетом мнения и представлений коренных народов и признания современных прав коренных народов.

На основе конституционного мультикультурализма может сформироваться новая этнополитика, т.е. система мер, осуществляемых государством, направленных на учет, сочетание и реализацию этнических интересов, на решение противоречий в сфере этнических отношений. Это важная часть национальной политики, представляющей целенаправленную деятельность по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами,

закрепленных в соответствующих политических документах и правовых актах государства[84]. В. А. Тишков называет этнополитикой сферу управления и обеспечения интересов и прав граждан, связанных с их этнокультурными запросами[85]. Этнополитика включает в себя приоритеты, цели, принципы, основные направления, задачи и механизмы их реализации. Ядро этнополитики – система правовых норм, обосновывающих статус, идентичность этнических групп с учетом баланса их интересов, степени конструктивности последних для общества. Л. М. Дробижева отмечает, что мировой опыт знает, по сути, две модели этнической политики – ассимиляторскую и мультикультурную – от естественной, мягкой аккультурации до свободной конкуренции[86]. Из этого можно сделать вывод о том, что под этнополитикой подразумевается правовое обеспечение этнических процессов. До сих пор основными целями государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Российской Федерации считалось сохранение и развитие их самобытной культуры и улучшение их социально-экономического положения[87]. Для этого, прежде всего, создавалась соответствующая нормативная правовая база[88].

Даже первые международные документы, посвященные коренным народам, в целом имеют ассимиляционный характер. Основной целью Конвенции

---

[84] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. Т. 23, № 3. С. 11–41; См. также: Общая и прикладная политология: учебное пособие / под общей ред. В. И. Жукова, Б. И. Краснова. Москва, 1997. С. 117.

[85] Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. Москва, 2001. С. 43–44.

[86] Дробижева Л. М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. С. 200.

[87] Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации в 2006 году: материалы международного информационного форума «Интеграция соотечественников». Москва, 2007. С. 61.

[88] Никитин М. А. Государственная национальная политика Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера в контексте проведения в Российской Федерации международного десятилетия коренных народов мира // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/2 (64). С. 281–288; Кудашкин В.А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985–2004 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 4 (18). С. 62–68.

Международной организации труда № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» (1957)[89] (далее – Конвенция № 107) было принятие мер для защиты коренного населения и его «прогрессивной интеграции» в общегосударственный коллектив, улучшения его условий жизни и труда, что мы можем расценивать как «колонизационный» и «ассимиляционный» подход.

В Конвенции № 107 подчеркивалось, что коренные народы более «неразвиты» по сравнению с другими этносами, нуждаются в государственной и международной поддержке, и условия их проживания, экономической деятельности должны быть изменены. Все социальные и правовые установки того времени говорят о том, что ценности, экономики, культуры коренных народов дискредитировались «модерностью» как традиционные или «отсталые». Это также доказывают убеждения Л. Н. Гумилева в том, что период конца XX – начала XXI вв. характеризуется глобализационными процессами, сопровождающимися унификацией и вестернизацией, что поставило под угрозу национальную идентичность в целом. Ввиду общей тенденции интеграции, которая отражается и в Конвенции № 107, ряд этнических групп и этносов в целом оказались в ситуации стоящей перед ними угрозы ассимиляции с другими сообществами, а в некоторых случаях перед угрозой полного исчезновения[90].

Однако, следует отметить и положительные черты Конвенции № 107, которая впервые установила ответственность государств за системные меры и мероприятия по защите коренного населения, согласованные с ним; равно как и недопущение насильственной или искусственной ассимиляции либо сегрегации коренного населения. Конвенция подчеркивает необходимость учитывать культурные и религиозные ценности, особые формы социальной организации коренных народов, а также специфические проблемы, возникающие перед ними

---

[89] Конвенция МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Женева, 1991. Т. II. С. 117–1183.

[90] Слюсар В. Н. Л. Н. Гумилев о проблемах взаимодействия этносов // Евразийство и мир. 2014. № 3. С. 126–137.

в период социально-экономического развития всего общества (ст. 4). Конвенция также устанавливает принципы сотрудничества, инициативы, представительства коренных народов (ст. 5) и дает возможность развития обычного права (ст. 7). Раздел II данной Конвенции специально посвящен земельным правам коренных народов, предоставляемых им на основании «исконного владения» землями, запрещает принудительное переселение, требует осознанного предварительного согласия коренных народов на использование данных земель, а также компенсаций в случае необходимого изъятия земель для государственных нужд. Значительное внимание Конвенция уделяет гражданским правам, которые должны гарантировать государства (права на труд, на образование, на здравоохранение). В то же время социальные и культурные особенности коренных народов учитываются крайне незначительно[91]. Так, упоминаются поощрение локальных экономик как фактор экономического развития (ст. 18), особенности здравоохранения с учетом социально-экономических и культурно-бытовых условий коренных народов (ст. 20), необходимость этнологических исследований, которые должны предшествовать разработке любых программ и проектов, имеющих воздействие на коренные сообщества (ст. 22), и обучение детей на родных языках (ст. 23)[92].

Исходя из анализа международных актов, конституций и этнического законодательства в России и других арктических странах, мы можем сделать вывод о том, что ранее этнополитика на национальном и международном уровне была в основном направлена на интеграцию коренных сообществ в нации, образующие государства, а в настоящее время более справедливой и соответствующий реалиям и задачам современности представляется политика мультикультурализма, в которой индигенные аспекты призваны играть значимую роль.

---

[91] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[92] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах: принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

Обобщим, что феномен индигенности поддерживает и легитимирует требование специфических прав для коренных народов, например, по принципу «первые по времени – первые по праву» или на основании их других исторических прав. Кроме того, следует учитывать, что многие индигенные сообщества достаточно специфичны по своей внутренней организации, системе ценностей, образу жизни и ожиданиям в отношении государств[93]. Поэтому задачей конституционного мультикультурализма является обоснование особых прав, в том числе не только для сохранения коренными народами их аутентичной культуры.

Предназначение конституционализма видится не просто в правовой защите, а в конституционно-правовом развитии коренных народов в условиях меняющихся государственных отношений. В его фокусе особенно значимы не только культурные и языковые права, которые в полной мере гарантированы и сейчас, а экономические и политические права и свободы[94], которые позволят коренным народам выбирать особый путь развития в современном мире. Возрождение и развитие правовых норм именно в этих сферах должно стать основой политики мультикультурализма[95].

Итак, вышесказанное позволяет сформулировать ряд выводов.

Конституционный мультикультурализм можно рассматривать как новое направление государственной этнополитики в России, в том числе в отношении коренных народов, являющихся субъектом российской государственно-правовой системы, который может стать основой особого пути развития как самих коренных народов, так и полиэтнических государств, где они исконно проживают. Если мы будем понимать конституционализм как процесс функционирования и развития конституционных и правовых норм, имеющих, в том числе, индигенный аспект, т.е. сформированных с учетом культурной самобытности, этнической

---

[93] Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford, 1995. P. 172.

[94] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[95] Paine R. Aboriginality, Multiculturalism and Liberal Rights Philosophy // Ethnos. 1999. Vol. 64, № 3. P. 326.

идентификации, ценностей и знаний коренных народов, то это даст нам теоретические основания формировать новую парадигму их конституционно-правового развития и нормы этнического законодательства, его обосновывающие, которые постепенно смогут стать частью правового сознания и правовой системы российского общества.

Индигенные аспекты конституционного мультикультурализма необходимо концептуализировать, т.е. выработать новые теории и модели, систематизировать правовые, организационные, экономические и иные инструменты, с целью того, чтобы воплотить особенности и потребности этносов, характеризующихся индигенностью, в реальные правовые конструкции, что позволит наделять коренные народы специальными правами, в том числе выбирать особый путь развития.

1.2. Роль конституций и конституционных изменений в правовом положении коренных народов (на материалах России, Соединенных Штатов Америки, Канады и Финляндии)

Под влиянием различных исторических, географических и экономических условий, воздействующих на государственное строительство, практически все современные демократические государства сложились как поликультурные, со сложным составом населения, имеющие этнические, религиозные и иные особенности. Кроме того, многие, в том числе и рассматриваемые нами полиэтнические государства, имеют на своих территориях сообщества, отличающиеся многовековой традиционной культурой, особым образом жизни и хозяйствования – коренные народы, которые в большинстве случаев обладают особым правовым статусом. В России исторически складывались условия для включения в государственные границы ареалы исконного проживания коренных народов, большинство из которых до сих пор занимают земли своих предков.

Коренные народы, населяющие территории современных Соединенных Штатов Америки и Канады, представляют собой потомков коренных жителей Северо-Американского континента, которые в процессе колонизации территорий европейскими переселенцами были либо ассимилированы, либо вытеснены со своих исторических земель и переселены в иные регионы государств. История саамов, многочисленного финно-угорского народа, проживающего на современной территории от севера Норвегии и Швеции до Финляндии и Кольского полуострова России, насчитывает около трех тысячелетий развития, на которое значительно влияли миграции, отступления на север под натиском других народов и ассимиляция с иными сообществами Северной Европы.

Коренные народы состоялись как конституционно-правовое явление во всех рассматриваемых нами странах. Этому свидетельствует в первую очередь формально-юридический анализ конституций данных стран.

Правовой статус этнических общностей Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации имеет «двойственную» структуру – во-первых, базируется на конституционном предписании статьи 69 Конституции РФ, во-вторых, конкретизируется и подробно определяется в федеральном и региональном законодательстве, причем не выделенном в отдельную отрасль права.

При этом необходимо констатировать, что коренные народы в Российской Федерации не имеют четко обозначенного конституционно-правового понятия. Даже «базовая» статья 69 оперирует различной терминологией – «коренные малочисленные народы» и «этнические общности». Можно увидеть «этнические» и «полиэтнические» нормы и положения в преамбуле, а также в шести других статьях Конституции РФ 1993 г. В частности, преамбула содержит формулу: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, принимаем Конституцию Российской Федерации»[96]. В ст. 3 термин «многонациональный народ»

[96] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм. 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

характеризует многообразие этнического состава граждан Российской Федерации, являющихся носителем суверенитета и единственным источником власти. В ч. 3 ст. 5 Конституции федеративное устройство увязывается с принципом «равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации». В ст. 71 и 72 Конституции РФ присутствуют термины «национальные меньшинства», что тоже может быть интерпретировано как коренные народы, в отношении которых устанавливается компетенция федерации и ее субъектов.

Появление этнических норм в Конституции отражает значимость этнического многообразия для российского государства и готовность наделять некоторые этнические общности дополнительным правовым статусом, что в той или иной степени всегда проявлялось по мере расширения российского пространства. В 1993 г. наша страна выразила готовность и далее развивать это направление, учитывая положения международного права и особенности жизнедеятельности коренных сообществ. Конституционное положение о гарантиях прав коренных народов, по сути, означает, что эти этносы выделены в специальную группу, и на самом высоком уровне признается наличие их особого статуса. Таким образом, наряду с многонациональным российским народом, коренные народы стали специфическим субъектом государственно-властных отношений. Государство берет на себя обязанность гарантировать права коренных народов, ориентируясь на международно-правовые стандарты. То же самое происходит и в других государствах, где проживают коренные народы, и где они наделяются конституционно-правовым статусом на основании их особых характеристик.

В Соединенных Штатах Америки для определения представителей коренных народов, как правило, используются два термина: «американский индеец» (англ. *American Indian*) и «коренной американец» (англ. *Native American*). Представителем коренного народа считается лицо, являющееся членом индейского племени, признанного в качестве такового на федеральном уровне. Права коренных американцев закреплены в Конституции США, они признаются в договорах, ратифицированных Конгрессом, а также в решениях судов. Все это в совокупности

является конституционно-правовой основой статуса коренных народов в государстве (пар. 1452 разд. 25 Кодекса США[97]).

В США конституционными основами регулирования отношений государства с коренными народами является статья V Конституции, устанавливающая основы торговли. Данная статья относит вопросы регулирования торговли с иностранными государствами, между штатами и с индейскими общинами к исключительной компетенции органов федеральной власти. Формулировка данной статьи объясняется тем, что в процессе формирования государственности в США индейские племена долгое время имели суверенный статус и сохраняли возможности самоопределения: «племена» представляют собой «обособленные политические единицы, обладающие суверенитетом, который ограничен условиями соглашений, заключаемых в процессе интеграции индейских племен в состав США»[98]. То есть, являясь «суверенными образованиями», индейские племена осуществляли отношения с федерацией на основании соглашений. В период с 1778 по 1871 г. было заключено около 700 соглашений[99]. Выделялись три типа соглашений между государством и коренными народами: 1) о мире и дружбе; 2) о колонизации резерваций; 3) о расселении племен на отдельных участках или комплексно в целях постепенной ликвидации племенного образа жизни[100]. Индейцы утратили суверенитет после принятия Акта о присоединении индейских земель в 1871 г. В указанном документе предусматривалось, что ни один индейский народ, проживающий в пределах территории США не признается в качестве независимой нации, племени или источника власти. При этом ранее заключенные соглашения сохраняют свою юридическую силу (пар. 71 гл. 3 разд. 25 Кодекса США[101]).

---

[97] U. S. Code. URL: www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

[98] Philpott D. Understanding the Department of the Interior. Maryland, 2016. P. 126.

[99] Mason M. D. Canadian and Unites States Approaches to Indian Sovereignty. Toronto, 1983. P. 469.

[100] Dion T. Treaty Relationships Between the Canadian and American Governments and First Nation Peoples// Research Paper for the National Centre for First Nations Governance. 2008. P. 5. URL: www.fngovernance.org/ncfng_research/tina_dion.pdf.

[101] U. S. Code. URL: www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

Другие конституционные нормы, в частности XIV и XV поправки, устанавливающие конституционное право федеральных органов власти заключать договоры с иностранными государствами и решать вопросы войны и мира, также имеют большое значение, поскольку распространяются и на отношения с индейскими племенами[102].

Конституционное регулирование отношений с коренными народами в Канаде осуществляется в соответствии с п. 24 ст. 91 Конституции Канады и ст. 35 Хартии прав и свобод 1982 г. [103] Конституция Канады признает три группы коренного населения – индейцы, метисы и иннуиты; их права находятся под защитой Конституции страны с 1982 г. [104] Законодатель использует в отношении коренных народов термин «Первые нации» (англ. *First Nations*) либо «аборигены» (англ. *aboriginal peoples*). Индейцы подразделяются на «статусных», т.е. зарегистрированных в качестве представителей коренного народа, и «нестатусных», т.е. исторически являющихся аборигенными народами, но не имеющими особого правового статуса.

В Конституционном акте Канады 1982 г. содержится часть «Права коренных народов», нормы которой провозглашают, что «существующие исконные или вытекающие из договоров права коренного населения Канады признаются и подтверждаются» (п. 1 ст. 35)[105].

Основной закон Финляндии, вступивший в силу с 1 марта 2000 г., не дает ни определения, ни описания конституционно-правового статуса коренных народов (саамов), проживающих в государстве. Конституцией гарантируются несколько прав саамов, а именно: право на сохранение саамского языка и культуры, а также некоторые политические права, в частности на представление интересов через этнические парламенты. Особенностью Финляндии считается то, что в государстве

---

[102] U. S Code. Title 30. Sec. 1300. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/30/.

[103] Конституции зарубежных государств: США. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада / сост. В. В. Маклаков. 2-е изд. Москва, 1999. С. 478, 523.

[104] Кожемякина В. А. Коренные народы Канады: этноязыковые и культурно-языковые проблемы // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сборник статей. Москва, 2009. Вып. 1. С. 41–47.

[105] Конституционный акт Канады 1982 г. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=47.

существует языковое и культурное самоуправление саамов: «саамы могут устанавливать языковую и культурную автономию на территории их исконного проживания, что должно регулироваться отдельными законами»[106]. С одной стороны, Финляндия подчеркивает значимость коренных народов для государства – например, обеспечивает возможность для общин и иных организаций коренных народов участвовать в работе Арктического Совета, т.е. на уровне международного сообщества, а на национальном уровне гарантирует право на участие в делах государства[107]. С другой стороны, государство не наделяет свой единственный этнос, обладающий характеристиками индигенности, каким-либо весомым конституционно-правовым статусом, отмечая права саамов наряду с аналогичными правами других этносов: «саамы как древние обитатели страны, а равно цыгане и другие группы вправе сохранять и развивать свои собственные языки и культуру»[108].

Таким образом, исходя из трактования конституционных норм, определяющих статус коренных народов на государственном уровне в представленных странах, можно сделать несколько выводов. Во-первых, в изучаемых нами государствах до сих пор не сложилось четкого определения понятий, связанных с этническими сообществами. Так, в конституциях идет смешение двух основных понятий – «этнос»/ «нации» и «племена»/ «коренные народы». Полагаем, что «этнос» является более широкой категорией и в большей степени используется в культурологической и этнографической науках, а также именно из различных «этносов», «наций» и состоит вся совокупность жителей любого многонационального государства. «Коренные народы», в свою очередь, выделяются на основании их «индигенности», т.е. обладают определенным набором характеристик, который делает их отличительными, уникальными

---

[106] Конституции Финляндии, параграф 121. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=139.

[107] Suomen arktinen strategia 2013 // Arctic Finland: official site. URL: http://valtioneuvosto.fi/tiedostot/julkinen/arktinen_strategia/Suomen_arktinen_strategia_fi.pdf.

[108] Конституция Финляндии (Финляндской Республики) // Официальный сайт. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=139.

этносами, что, следовательно, является основанием особого конституционно-правового статуса.

Во-вторых, в рассматриваемых нами странах конституции по-разному подходят к определению понятий «народ», «нация», «этнос» и смежных с ними. Так, народ может быть определен как политическая общность (многонациональный народ, соединенный общей судьбой на своей земле), этническая общность (устойчивая социальная группа людей, исторически возникшая и обладающая общими историческими и культурологическими характеристиками), источник и субъект публичной власти (носитель суверенитета и единственный источник власти). В России народ как политическая общность – это граждане, обладающие политическими правами и свободами, которые по Конституции признаются носителем и единственным источником власти. Иногда народ определяется как территориальная общность, как население определенной территории (ст. 9, 69, 71 Конституции РФ). Статья 9 Конституции РФ упоминает о народах, проживающих на соответствующей территории, основой жизни и деятельности которых признается земля и другие природные ресурсы. Кроме того, в России в конституционное законодательство впервые вводится такое понятие, как «коренные малочисленные народы» (ст. 69), «малочисленные этнические общности» (ст. 72) и в нем признаются права «национальных меньшинств» (ст. 71). В Конституции США нация обозначена как «народ Соединенных Штатов», в Конституциях Канады и Финляндии – народ, представленный в Парламенте[109], т.е. в большей степени как политические общности.

Наконец, народ может рассматриваться как наднациональная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение (Преамбула, ст. 5 Конституции РФ). Народ как политико-территориальная общность, представляющая территорию (например, субъект Федерации), – это общность лиц разной национальности, религиозной, социальной,

[109] Конституции Республики Финляндия. Параграф 2. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=139.

культурной принадлежности и т.д., исторически объединенных проживанием на одной территории[110].

В ст. 5 Конституции РФ в качестве одного из принципов федеративного устройства России провозглашается равноправие и самоопределение народов в Российской Федерации. С учетом этой нормы конституционного регулирования, И. А. Умнова-Конюхова считает, что: «Конституция Российской Федерации закладывает наднациональный подход к пониманию «народы»[111]. Автор отмечает, что в России «народ» как политико-территориальная общность, понимается не как однородная в этническом или национальном отношении общность, а как общность лиц разной национальности, исторически объединенных проживанием на одной территории. То есть, ключевым критерием идентификации народа как общности является объединение единой территорией проживания. Дополнительные факторы – этническая общность, религиозная общность и др. – усиливают консолидированность, но не являются обязательными. Народ как общность может быть многонациональным, его представители могут исповедовать разную веру и т.д., что и характерно для Российской Федерации»[112]. Противоположная оценка концепции конституционного регулирования национального вопроса дается Л. В. Савиновым. Автор считает, что: «…отечественное научное сообщество не преодолело методологического противоречия относительно сущности и содержания феноменов этноса и нации, этнического и национального, культурного и гражданского»[113]. И именно эти признаки, по мнению ученого, формируют реальную политику, политические практики, политические и правовые институты, закрепляют категории этноса и коренных народов не только в массовом сознании, но и в конституционно-правовых документах.

---

[110] Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития: монография. Москва, 2004. С. 592.

[111] Конюхова И. А. Право народов на самоопределение как принцип федерализма // Политическая наука. 2003. № 3. С. 166.

[112] Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: учебное пособие. Москва, 2000. С. 159.

[113] Савинов Л. В. Формула российской гражданской нации // Федерализм. 2009. № 1. С. 162.

Коренные народы же, на наш взгляд, не могут быть охарактеризованы как «политико-территориальная» общность. Их уникальные характеристики (которые подробнее рассмотрены в следующих главах) указывают на то, что они являются особой территориально-культурной общностью, которую государство в своем основном законе выделяет из других общностей/ этносов, составляющих государственную нацию, в силу их особой значимости для государства. Причем особенные признаки коренных народов, которые разные государства считают значимыми, могут варьироваться, но в совокупности представлять особый феномен – индигенность, при соответствии которому народы наделяются специальными коллективными и индивидуальными правами. Таким образом, для наделения конституционно-правовым статусом необходимо четко сначала в теоретическом плане, а затем в текстах Конституции и отраслевых законов обозначить правовые критерии, по которым представителей определенного этноса можно отнести к «коренным» («индигенным»). В своей совокупности именно эти критерии, характерные для различных народов и групп населения, которые в определенных социокультурных контекстах определяют и позиционируют себя как коренные, и будут, наполняя это понятие своим особенным содержанием, выделять индигенные народы из категории «этнос».

Как было отмечено выше, в конституциях разных государств имеется значительное разнообразие в терминологии, обозначающей социальные общности, в том числе и этнические. Запутанность и несоответствие категорий и определений создает некоторые сложности для толкования и применения конституционных норм, поэтому необходимо уделить особое внимание понятийно-терминологическому аппарату, связанному с этническими общностями. Такое внимание оправдано тем, что трактовка содержания многих этнических терминов до сих пор вызывает расхождения у специалистов, а само понятие «коренные малочисленные народы» нуждается в семантической адаптации[114].

В Конституции и законах Российской Федерации используется различные термины: «коренные малочисленные народы» «малочисленные этнические

[114] Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 210 с.

общности» «этнические группы», «малочисленные народы», «малочисленные коренные (аборигенные) народы» «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока» и т.д. В Конституциях и уставах субъектов Российской Федерации используется такая терминология, как «малочисленные этнические группы», «коренные народы», «малочисленные народы Севера». Представляется, что все эти термины имеют в основном символическое, а не практическое значение.

Полагаем, что такое разнообразие может быть допустимо в научной литературе, поскольку каждый термин может отражать определенное свойство, характеристику этноса. Однако считаем, что перенесение в законодательство различных терминов, употребляемых в научном обороте, затрудняет нормативно-правовое регулирование и отрицательно влияет на эффективность реализации конкретных правовых норм.

Для формулирования предложений о систематизации понятий, связанных с коренными народами, представляется целесообразным сопоставить категории «коренной народ» и «этнос», а также дать определение понятию «коренной народ» в современном мировом дискурсе[115].

Во всем мире нет общепринятого определения «коренные народы». В международной терминологии, имеющей греческие и латинские основы, мы встречаем следующие понятия: «аборигенные», «автохтонные», «индигенные» народы[116]. Например, термин «автохтоны», образованный от древнегреческих основ «сам» и «земля», определяет коренные народы как «самоземцы», уроженцы определенной местности. Латинское выражение «индигенные» (англ. *indigenous*) является калькой термина «автохтон» и тоже обозначает уроженцев определенной местности[117]. В мировой литературе можно также встретить такую терминологию,

---

[115] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.

[116] Паршин П. Б. Взаимодействие коренных народов с окружающим миром: принцип свободного, предварительного и осознанного согласия // Международная аналитика. 2019. № 1 (2) С. 114–128.

[117] Соколовский С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнос, общество, государство. 1998. № 3. С. 75.

как «исконные народы», «первоначальные народы», «четвертый мир». В отечественной литературе для обозначения коренных народов встречаются такие термины, как «туземцы» и «инородцы», которые характерны именно для нашего языка и использовались уже на самом раннем этапе освоения Сибири и Севера России. Туземцы – это население «тех земель», удаленных земель[118]. В словаре В. И. Даля этот термин определяется как «здешний, тамошний уроженец», природный житель страны[119]. Термин «аборигены», достаточно часто используемый в настоящее время, произошел от латинского понятия *ab origene* («первобытный»; «исконный»), изначально применяемого в отношении коренных жителей Австралии[120].

Впервые официальный термин «коренной народ» был предложен на международном уровне специалистом из Эквадора Х. Р. М. Кабо, который определил его следующим образом: «Коренные народы – это коренные общины, народы и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на своих собственных территориях, считающие себя отличающимися от других слоев общества, преобладающих в настоящее время на этих территориях или на части этих территорий. Они составляют слои общества, не являющиеся доминирующими, и хотят сохранить, развивать и передавать будущим поколениям территорию своих предков и свою этническую самобытность в качестве основы для продолжения своего существования как народа

---

[118] Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации = International Law and International Organizations. 2013. № 3. С. 411.

[119] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Москва, 1994. С. 441.

[120] Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации = International Law and International Organizations. 2013. № 3. С. 411; См. также: Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Л. В. Андриченко, Е. Е. Никитина, И. В. Плюгина, Н. И. Хлуденева. Москва, 2019. 272 с.

в соответствии со своими собственными культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами»[121].

Определений «коренного народа» достаточно много, включая как более сложные (в частности, предложенное Х. Р. М. Кабо), так и более простые, например, данное российским этнологом Ю. А. Евстигнеевым: «Коренным народом определенной территории является этнос, который сложился («родился») в особую общность на этой территории, которая называется этнической территорией («исторической родиной») этого народа»[122].

В этом ракурсе можно признать, что понятие «коренной народ» очень близко к понятию «этнос», т.е. мы можем утверждать, что коренной народ – это этнос (народ), обладающий рядом узких характеристик (принадлежность к определенной территории, традиционная культура, тесная связь поколений и др.), делающих его уникальным и отличным от других этносов, проживающих в государстве. В современном мире неотъемлемыми признаками «индигенности» становятся также и такие, как регулярные миграции на «малую родину» (например, в тундру, если представитель коренного народа постоянно проживает в городе), к «очагу культурных ценностей», артикуляция ностальгии по утраченному «традиционному» образу жизни (если современный представитель коренного народа не ведет традиционный образ жизни), а также образование особых, «малых» диаспор (основанных больше на семейных связях). Опираясь именно на перечисленные особенные характеристики, и следует выделять коренные народы как социальную, территориально-культурную общность, наделять ее неким особым статусом, в том числе и правовым. Как уже отмечалось, феномен «индигенность» как раз и представляет собой сочетание этих особых характеристик, присущих коренным (индигенным) народам.

---

[121] Цит. по: Организация Объединенных Наций: Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. URL: http://www.center-bereg.ru/o405.html. См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. С. 19.

[122] Евстигнеев Ю. А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры: краткий этно-исторический справочник. Москва, 2008. С. 7.

Индигенность с позиции западных исследователей рассматривалась по-разному на всех этапах исторического развития. Так, изначально термин «коренной», т.е. «выросший из земли», использовался в английском языке с 1588 г., когда английские исследователи самоедских народов Сибири назвали так местных жителей, причем данный термин применяли не только к людям, но и к представителям местной флоры и фауны. Считается, что такое определение понятия носит «расистский» оттенок, под «коренными» понимается «дикость и отсталость от цивилизации»[123]. Данная интерпретация особенно поддерживалась во время колониального периода, когда характеристику «коренной» рассматривали как отличие от белых поселенцев. Представляется интересным проследить парадигму развития феномена «индигенность» в западных странах: принадлежность земле, связь с землей, на которой вырос (1588) – маргинальное меньшинство, примитивность, отсталость (1900–1960) – первожительство, наделяющее свойствами, отличными от других (1960–1970) – осознание себя другим, особенным, самоидентификация (1990-е). К 2000 гг. появляется более комплексный подход к данному феномену, в соответствии с которым индигенными народами называют тех, кто представляет этносы с уникальной и неизменяющейся культурой, с особым образом жизни и хозяйственной деятельности (в основном связанной с традиционным природопользованием), духовной близостью к природе и особым способом расселения (в изоляции, дисперсно, вдалеке от технологически развитых территорий). Однако западные теоретики признают, что на характеристики индигенности в значительной степени влияют и внешние условия – политические, правовые, социальные и экономические, формируя или изменяя какие-либо из описанных выше[124]. Это требует постоянного пересмотра и обновления подходов к изучению и поддержке индигенности в современном обществе[125].

---

[123] It’s Time to Rethink the Idea of the “Indigenous” Manvir Sing? The New Yorker, 2023. URL: https://www.newyorker.com/magazine/2023/02/27/its-time-to-rethink-the-idea-of-the-indigenous; Stewart G. What does ‘indigenous’ mean, for me? // Educational Philosophy and Theory. 2018. № 50 (8). P. 740–743.

[124] Béteille A. The Idea of Indigenous People // Current Anthropology. 1998. Vol. 39. № 2. P. 187–192.

[125] Peters M. A., Mika C. T. Aborigine, Indian, Indigenous or First Nations? // Educational Philosophy and Theory. 2017. № 49 (13). P. 1229–1234.

Более того, ученые отмечают тенденцию все большего продвижения феномена в различных социально-гуманитарных областях знаний; это обусловлено тем, что сам концепт «индигенности» входит в резонанс с историческим опытом и выраженными устремлениями и влиянием многих социальных и культурных групп, маргинализованных в границах национальных государств[126], самостоятельно определять перспективы своего развития. Таким образом, индигенность сегодня подразумевает новый способ для коренных народов определить свое место в «глобализованном политическом пространстве»[127]. Эта тенденция приобретает еще большую значимость в глазах западных ученых, которые говорят даже об «индигенизации современности»[128].

Интерес к определению особых характеристик коренных народов вызывает, например, подход Всемирного банка, который под «коренным народом» понимает «социальные образования, социально-культурный облик которых отличается от преобладающего населения, что делает их уязвимыми в процессе развития»[129]. При данной парадигме выделяются следующие характеристики коренного населения:

а) территориальная и духовная связь с местом исторического проживания;

б) самоопределение или официальное отнесение локального сообщества к отдельной этнической группе;

в) использование родного языка, часто отличающегося от государственного языка;

г) наличие традиционного общественно-политического уклада;

---

[126] Karlsson B. Anthropology and the «indigenous slot». Claims to debates about indigenous people's status in India // Critique of Anthropology. 2003. № 23 (4). P. 404; См. также: Куропятник М. С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019 Вып. 19. № 3. С. 390.

[127] Merlan F. Theorizing relationality: A response to the Morphys // American Anthropologist. 2013. № 115 (4). P. 406; Niezen R. A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford, 2004. P. 66–74; См. также: Куропятник М. С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Вып. 19. №. 3. С. 390.

[128] Sahlins M. Two or three things that I know about culture // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1999, № 5. P. 399–421.

[129] Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 58.

д) наличие экономики, ориентированной в основном на натуральное хозяйство.

Как видно из приведенных определений и подходов, в основу терминологии, связанной с коренными народами, чаще всего ложатся их историческая принадлежность к территориям, социально-культурные отличия от других народов, а также «самоидентификация» (или отнесение к коренным народам самими этническими группами)[130].

Большой вклад в изучение этой темы и разработку первых международных стандартов в отношении коренных народов внесла Международная организация труда (далее – МОТ), которая в 1957 г. приняла Конвенцию №107, а в 1989 г. ее переработанный вариант – Конвенцию № 169. В основу международного статуса коренных народов, на наш взгляд, положены именно их отличия от других этнических групп, такие как «принадлежащие им издавна» территории, имеющие для них особое духовное значение, а также «особый» образ жизни, существенно отличающий их от других. Декларация ООН 2007 г. не дает определения понятию «коренной народ», более того, выделяет лишь два отличительных признака: (1) жертвы исторических несправедливостей в результате колонизации и лишения земель; (2) особая культура, духовные традиции, история и философия, особенное отношение к своей земле, территориям и ресурсам[131].

В России Конвенция МОТ № 169 не ратифицирована, что связано, прежде всего, с вопросом о признании за коренными народами прав на землю[132]. При голосовании по вопросу принятия Декларации ООН 2007 г. Россия воздержалась,

---

[130] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[131] Декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

[132] Кряжков В. А., Гарипов В. Р. Конвенция МОТ № 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 2. С. 52–64; См. также: Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Л. В. Андриченко, Е. Е. Никитина, И. В. Плюгина, Н.И. Хлуденева. Москва, 2019. 272 с.

что во многом обусловлено содержанием ст. 3 данной Декларации, признающей за коренными народами права на самоопределение, включая право на свой политический статус[133].

Тем не менее на международном уровне выделены сущностные характеристики коренного народа, которые могут иметь руководящее значение при определении конституционно-правового статуса этих общностей на государственном уровне.

Таким образом, можно говорить о двух различных подходах к понятию «коренные народы». Первый подход представлен международной доктриной и практикой, мировыми исследователями, которыми понятие трактуется широко. Особенность состоит в том, что наполнение правового содержания данного понятия на международном уровне проходило длительный (несколько десятилетий) процесс, и определение коренных народов основывается на более широком перечне характеристик[134] (связь с территорией проживания предков, особая культура и язык, уязвимое положение, самоидентификация).

В России представлен более узкий подход, при котором термин «коренные народы может обозначать любые народы, исторически проживающие на определенной территории и ведущие особый образ жизни. Так, в словаре В. И. Даля читаем: «Коренной житель, исконный, не переселенец»[135]. В законодательстве существует особый термин – «коренные малочисленные народы», который отражает именно российскую специфику установления особого правового статуса для наиболее социально уязвимой (по численности) группы населения. На этом определении основана статья 69 Конституции Российской Федерации, а также ряд отраслевых законов, которые раскрывают данное понятие

---

[133] Андриченко Л. В. Роль международных правовых актов в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Анализ российской и зарубежной правовой базы, международных правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Москва, 2019. С. 155–173.

[134] Кузиванова О. Ю. Коренные народы: два подхода, две концепции // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). С. 249–253.

[135] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва, 1863. Т. 2. С. 163.

и содержат перечень характеристик, являющихся важными для данной социальной категории[136].

На наш взгляд, для систематизации нормативных понятий в рассматриваемой сфере возможно использовать термин «индигенный», поскольку именно этот термин отражает ту специфику, которая, с одной стороны, присуща коренным народам, с другой – большинство терминов-прилагательных с вроде бы подходящими значениями (например, автохтонные или аборигенные) обладают (во всяком случае, в русском языке) теми или иными нежелательными смысловыми контекстами и/или ассоциациями. В силу этого представляется целесообразным наряду с привычным в русском языке термином «коренные», воспользоваться заимствованным латинским термином «индигенные» (англ. *indigenous*), который повсеместно используется в мировой научной литературе и практике, между тем его русская форма «индигенный» встречается нечасто, даже в специальной литературе. Слово «индигенный» по своей внутренней форме означает буквально «в-рожденный», то есть «здешний, местный». Для русского языкового сознания его внутренняя форма непрозрачна, что в данном случае является достоинством и в дальнейшем будет предпочтительно использоваться в широком спектре значений. Более того, как уже было отмечено, именно феномен индигенности и отражает совокупность особенных характеристик, которые делают коренные народы уникальными и выделяют их из других этносов.

Наиболее емкое и отвечающее современным реалиям определение, которое можно было бы использовать как теоретическую основу для нормативно-правовой дефиниции, на наш взгляд, следующее: коренные, или индигенные, народы – это живущие в современных государствах территориально-культурные общности, сохраняющие свою этническую идентичность, духовную связь с природой и землей, на которой они исконно находятся, ведущие особый образ жизни и хозяйствования, связанные с окружающей их природной средой, а также

---

[136] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

обладающие уникальной культурой, знаниями и ценностями, усиливающими их роль в политической, социальной, культурной и экономической жизни государства.

Данное предложение представляется обоснованным, поскольку еще в 2009 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 132-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»[137] был разработан комплекс первоочередных мер, предусматривающих совершенствование нормативной правовой базы в области защиты прав малочисленных народов Севера, в том числе в части упорядочения терминологии, используемой в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы гарантии прав и традиционного природопользования. Как показал проведенный нами формально-юридический анализ, такой систематизации до сих пор не произошло. Таким образом, систематизация конституционных понятий, связанных с коренными народами, представляется первым шагом в перечне мер, которые необходимо предпринять для конституционно-правового развития коренных малочисленных народов в связи с меняющимся миром.

Помимо прямого конституционно-правового регулирования, жизнедеятельность коренных народов осуществляется в рамках отраслевого – этнического – законодательства. В Российской Федерации можно выделить четыре этапа формирования современного этнического законодательства, раскрывающего конституционные нормы о положении коренных малочисленных народов.

Законодательство середины 1980-х – начала 1990-х гг. в большей степени концентрировалось в области земельных и природоресурсных отношений и было неразрывно связано с проблемами охраны окружающей среды, так как именно с этой точки зрения понятнее и менее «политично» воспринимались притязания малочисленных народов на «контроль собственного развития», а также на земли

---

[137] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

и иные природные ресурсы территорий их исконного проживания[138]. Одним из наиболее значимых документов того периода стал Указ Президента РФ от 22 апреля 1992 года № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», в котором «территории традиционного природопользования» были объявлены «неотъемлемым достоянием» малочисленных народов и без их согласия не подлежали отчуждению под промышленное или иное освоение, не связанное с традиционным хозяйствованием[139]. Анализ данного акта дает основания предполагать, что механизмы защиты прав коренных народов в тот период были достаточно ограничены и не предполагали комплексного развития.

Ко второму этапу процесса формирования политических и общественных взглядов на проблему обеспечения прав и интересов коренных малочисленных народов можно отнести 1994–1998 гг. Этот период характеризуется интенсивным формированием законодательства по проблемам коренных малочисленных народов России на федеральном и региональном уровнях[140]. Необходимо отметить, что в это время продолжали развиваться правовые акты в сфере земельных отношений и природопользования, равно как и все больше появлялось актов по вопросам местного самоуправления коренных малочисленных народов Севера на региональном уровне. Кроме того, в региональном законодательстве появляется блок, касающийся традиционных отраслей хозяйствования, который практически отсутствовал в федеральном законодательстве[141].

Третий этап формирования политики и законодательства в отношении коренных народов России приходится на 1999–2001 гг. Он ознаменовался

---

[138] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: на примере Ненецкого автономного округа: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. 197 с.

[139] Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право // Социология власти. 2011. № 3. С. 173.

[140] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: На примере Ненецкого автономного округа: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. 197 с.

[141] Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право // Социология власти. 2011. № 3. С. 174.

принятием так называемых этнических федеральных законов, а именно: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» носит рамочный характер, его можно воспринимать лишь как развивающий положения ст. 69 Конституции РФ, гарантирующей права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами. Этот Закон включает нормы, которые связывают традиционный образ жизни малочисленных народов с природопользованием, признают их исконную среду обитания как исторически сложившийся ареал, в границах которого народы осуществляют свою жизнедеятельность (п. 2 и 3 ст. 1). Закон разграничивает полномочия органов публичной власти по рассматриваемому вопросу. Кроме того, данный закон впервые гарантирует малочисленным народам не только индивидуальные права (ч. 2 ст. 8), но и коллективные (ч. 1 ст. 8)[142].

Четвертый этап, начавшийся в 2002 г., можно назвать периодом совершенствования и углубления политики и правоприменительной практики в отношении коренных малочисленных народов России. В порядке реализации принятых законов разрабатываются и принимаются соответствующие программы развития коренных малочисленных народов Севера. В частности, Распоряжением Правительства РФ от 21 ноября 2007 г. № 1661-р утверждена Концепция федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 года»[143].

---

[142] Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право // Социология власти. 2011. № 3. С. 174.

[143] О Концепции Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 года» / Распоряжение Правительства РФ от 21.11.2007 № 1661-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136920/

Россия в 2007 г. включилась в проведение Второго Международного десятилетия коренных народов мира принятием Комплекса первоочередных мер по подготовке и проведению в Российской Федерации данного десятилетия[144]. В 2009 г. Правительство России утвердило Концепцию устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России на период до 2025 г. Целью Концепции является создание в Российской Федерации условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей.

На сегодняшний день законодательство РФ о коренных малочисленных народах Севера включает целый комплекс нормативных правовых актов и их отдельных норм, к которым можно отнести: Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть 3 ст. 50; ст. 123. 16. ; 65. 1; 123. 1; 123. 16.), Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ст. 1; 7; 39. 10; 39. 14; 39. 34; 68; 72. 1. ; 78; 97), Лесной кодекс РФ от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ст. 1; 30; 38; 48), Водный кодекс РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (ст. 3; 29; 54), Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ст. 395; 422), ФЗ от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (ст. 5; 9; 48; 49), ФЗ от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 2; 11; 12; 19; 71), ФЗ от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (ст. 2; 16; 18; 25; 25. 1; 29. 1; 30; 31; 33. 2; 63), ФЗ от 14 марта 1995 г. » № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях (ст. 9; 15; 24), Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» (ст. 2; 4), ФЗ от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (ст. 28), ФЗ от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе

[144] Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право // Социология власти. 2011. № 3. С. 172-180.

продукции» (ст. 2; 6; 7; 13), ФЗ от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (ст. 1; 3; 4; 9; 19-25), ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (ст. 13), ФЗ от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (ст. 2; 11; 18; 22; 25), Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ст. 6. 1), ФЗ от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (ст. 2; 4; 10), ФЗ от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ст. 1; 10), ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 3; 12; 12. 2; 14; 18; 59), ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 1; 9; 9. 1; 11; 14-16; 27. 1; 34; 85), Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ст. 1-4; 6; 7; 9-11; 15; 16; 18-21; 23), ФЗ от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» (ст. 1-10), ФЗ от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» (ст. 1-15), ФЗ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ст. 3; 7; 8; 15; 28-30; 33).

В какой-то мере этнические нормы содержатся и в ряде положений подзаконных актов различного уровня, в частности в Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в Положении от 5 июня 2012 г. № 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям», Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года от 5 марта 2020 г. № 164, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года от 26 октября 2020 г. № 645. Действуют также Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне

коренных малочисленных народов Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049 «Об утверждении перечня малочисленных народов Севера и перечня районов проживания малочисленных народов Севера в целях установления социальной пенсии по старости», Положение о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами (Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2020 г. № 1488), Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (Постановление Правительства от 30 марта 2021 г. № 484), Положение о порядке прохождения альтернативной гражданской службы (Постановление Правительства от 28 мая 2004 г. № 256). Следует также отметить Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 986 «О проведении конкурса на право заключения договора пользования рыболовным участком для осуществления рыболовства в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и о заключении такого договора», Правила подготовки и принятия решения о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование от 15 октября 2008 г. № 765. Не менее важными являются Распоряжения Правительства РФ, а именно: Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р, Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р, Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р, Программа государственной поддержки традиционной

хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 978-р, Распоряжение Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 2004-р «Об образовании Национального организационного комитета по подготовке и проведению в 2022–2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов».

Этнические нормы содержатся в целой иерархии нормативно-правовых актов, посвященных Арктике с точки зрения защиты прав проживающих в ней коренных малочисленных народов Севера. Существуют также документы, относящиеся к стратегическому планированию, а именно:

– Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации[145];

– Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.[146];

– Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.[147] и др.

В целом законодатель руководствуется необходимостью обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, образа жизни и культурных ценностей, а также повышения уровня адаптации к современным экономическим условиям. Продолжается работа по обновлению и совершенствованию нормативной правовой базы для

---

[145] Распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. № 978-р «Об утверждении программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации». URL: https://docs.cntd.ru/document/603336622.

[146] Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/566091182.

[147] Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: https://docs.cntd.ru/document/564371920.

эффективного обеспечения гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав коренных малочисленных народов Севера.

Нельзя не отметить, что, несмотря на наличие спектра проблем развития коренных малочисленных народов[148] (которые будут рассмотрены далее), за последние двадцать лет конституционная и нормативная система их поддержки, в общем и целом, состоялась. Большая часть прав коренных малочисленных народов базируется на конституционном предписании статьи 69 Конституции Российской Федерации, которая была дополнена в 2020 г. Отраслевое федеральное законодательство стабильно функционирует, вносимые изменения в законы о конституционных гарантиях прав коренных народов, общинах и территориях традиционного природопользования не являются критическими, но приводят содержащиеся в них нормы к общему знаменателю с другими федеральными законами. В России сложилась особая форма взаимоотношений между государством и коренными народами, в основе которой лежит понимание специфики данных этносов как наименее защищенных и нуждающихся в правовой, социальной, организационной поддержке[149].

Представляется интересным в общих чертах рассмотреть процесс формирования этнического законодательства в США и Канаде. Исторически в данных государствах законодательные и исполнительные полномочия по обеспечению прав и интересов коренных жителей, сохраняющих свой традиционный образ жизни, были включены в компетенцию федеральных органов на основании того, что власти штатов, «нацеленные» на экономическое развитие своих территорий, склонны меньше считаться с интересами и нуждами аборигенов по сравнению с федеральными органами[150]. Однако уже с 1970–1980-х гг. стало активно развиваться и региональное законодательство, в частности на Аляске.

---

[148] См.: Gladun E., Ivanova K. Preservation of Territories and Traditional Activities of the Northern Indigenous Peoples in the Period of the Arctic Industrial Development // The Interconnected Arctic – UArctic Congress 2016. Rovaniemi, 2017. P. 135–147.

[149] Гарипов Р. Ш. Актуальные вопросы защиты прав коренных народов в России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 107–116.

[150] Houle A. G. Non-lease Agreements Available for Indian Mineral Development // Natural Resources Journal. 1984. Vol. 24. P. 195–201.

Законодательство в отношении коренных народов в данном штате значительно отличается от сходного законодательства в других субъектах. В Законе штата Аляска от 18 декабря 1971 г. «Об урегулировании территориальных требований коренных жителей Аляски»[151] (далее – АНКСА) был, во-первых, установлен отличный от других коренных народов статус аборигенов: граждане США, коренные жители Аляски, а также дети смешанных браков, которые имеют право на создание этнических корпораций, землю и недра, компенсационные выплаты и право свободно осуществлять экономическую деятельность на территории штата. Во-вторых, определяются формы организации коренных народов: клан, племя, община, родовой поселок, ассоциация коренных народов, которые проживают на Аляске в количестве не менее 25 человек, представляющих большинство населения на определенной территории. Окончательное решение об отнесении к числу аборигенов принимает министр внутренних дел штата.

В США основные нормы, регулирующие отношения коренных народов, содержатся в рамочных федеральных законах, в частности, в двух актах «О реорганизации индейцев» (1934)[152], «Об учреждении комиссии по рассмотрению судебных исков, поданных представителями коренных народов» (1952)[153]; в других федеральных законодательных актах: «О землях, выделяемых федеральным правительством в собственность коренным народам» (1887)[154], «О самоопределении индейцев и участии в образовательных программах» (1975)[155]; в федеральных законах природоресурсного блока: «О лицензировании недропользования на территории индейских общин» (1938), «О недропользовании на территориях индейских общин» (1982), «Об энергетических ресурсах индейских резерваций» (1992), в указах Президента, в решениях и заключениях министра юстиции

---

[151] Alaska Native Claims Settlement Act of 1971 // URL: https://ancsaregional.com/about-ancsa.

[152] Indian Reorganization Act of 1934. URL: https://www.webpages.uidaho.edu/~rfrey/329indian_reorganization.htm

[153] Indian Claims Commission of 1952 // Ttile 25 U.S.C. §§ 70h-70v (Suppl. 5 1952). URL: https://www.loc.gov/item/uscode1952-015025002a/

[154] General Allotment Act of 1887. URL: https://www.ecfr.gov/current/title-43/subtitle-B/chapter-II/subchapter-B/part-2530.

[155] Indian Self-Determination and Education Assistance Act of 1975 // Title 25, United States Code. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

и министра внутренних дел США[156]. Можно отметить блок антидискриминационного законодательства США, включающий Закон «О равной оплате труда» (1963), «О равноправии при трудоустройстве» (1964), а также Законы «О гражданских правах» (1968 и 1991) и др.[157].

Признание и гарантирование прав коренного населения, создание правовых норм, защищающих культурное наследие, языки и права на землю и природные ресурсы произошло в 1960–1980-е гг. под влиянием роста самосознания американских индейцев и связанных с ним общественных движений. Результатом стал постепенный отказ от ассимиляционной политики, переход к политике мультикультурализма и принятие ряда законодательных актов, направленных на обеспечение прав коренных народов, в частности Закона «О гражданских правах индейцев» (1968)[158], Закона «О свободе вероисповедания американских индейцев» (1978)[159], который отменил действовавшие ранее запреты на традиционные верования коренных народов. Кроме того, в соответствии с этим законом племена получили право участвовать в принятии решений по управлению землями, на которых расположены священные места. Закон «О благополучии детей индейцев» (1978)[160] запретил распространенную ранее практику отрыва детей – представителей коренных народов от семей. Закон «О самоопределении индейцев и участии в образовательных программах» (1975)[161] закрепил право племен самостоятельно распоряжаться грантами, которые выделяются правительством.

Кратко отметим, что в Канаде Конституция (если рассматривать ее как систему основных законов нации) является гибридной, т.е. частично писаной

---

156 VcLane A. E. Oil and Gas Leasing on Indian Lands. Denver, Colorado, 1995. P. 1–36.

157 Protections Against Discrimination and Other Prohibited Practices // Federal Trade Commission. URL: https://www.ftc.gov/policy-notices/no-fear-act/protections-against-discrimination.

158 Indian Civil Rights Act of 1968. URL: https://www.tribal-institute.org/lists/icra.htm.

159 American Indian Religious Freedom Act of 1978. URL: https://www.congress.gov/103/bills/hr4230/BILLS-103hr4230enr.pdf.

160 Indian Child Welfare Act of 1978. URL: https://www.congress.gov/bill/95th-congress/senate-bill/1214

161 Indian Self-Determination and Education Assistance Act of 1975 // Title 25, United States Code. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

и частично неписаной[162]. К писаной части федеральной Конституции относятся акты Британского и Канадского парламентов, приказы Тайного Совета Королевы для Канады, а также ряд правовых актов международного характера. К неписанной части традиционно относят конституционные соглашения, судебные прецеденты, акты Верховного суда Канады, т.е. совокупность правовых актов высшей юридической силы, начавших свою историю с 1867 г. Учитывая данную классификацию, мы можем сказать, что нормы о коренных народах в любом случае носят конституционный характер, поскольку они были включены и в Конституционный акт Канады, и в конституционные соглашения. Так, Конституционным актом 1982 г. – Хартией о правах и свободах – непосредственно определено, что провозглашенное равенство граждан не запрещает принятия законов, программ, целью которых является создание привилегированных условий для ущемленных индивидов или групп, включая те, которые ущемлены по причине расовых отличий, национального или этнического происхождения и цвета кожи (п. 2 ч. 1 ст. 15)[163]. К таким социальным группам относятся коренные народы, которые обеспечены государственными гарантиями прав именно в силу своего дискриминированного положения, являющегося основанием конституционно-правового статуса.

Статья 35 Конституционного акта 1982 г. обеспечивает конституционную защиту коренных народов и договорные права коренных народов в Канаде, что конкретизируется в различных законодательных актах и соглашениях федерального уровня. В компетенции провинций также закреплен ряд вопросов, относящихся к коренными народам, включая природопользование, развитие инфраструктуры, здравоохранение и образование[164].

---

[162] Politics in Canada / R. Jackson, D. Jackson, N. Baxter-Moore. Scarborough, Ontario, 1986. P. 181, 184; Smiley D. V. The Federal Condition in Canada. Toronto, 1987. P. 22, 28.

[163] Кряжков В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования // Государство и право. 1997. № 1. С. 18–20.

[164] См. McCue H. A., Carley G. Indian Status // The Canadian Encyclopedia. 2020. URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/indian-status.

В настоящее время основным законодательным актом, реализующим конституционные нормы в отношении коренных народов, является принятый Парламентом Канады Закон «Об индейцах» (1876)[165]. Законы провинций применяются в том случае, если они направлены на вопросы, находящиеся в ведении провинций и неурегулированные федеральным законодательством. В основном это вопросы здравоохранения и социального обслуживания коренного населения[166].

Правовым основанием наделения коренных жителей особыми правами является регистрация, осуществляемая Министерством по делам индейцев и развитию северных территорий путем внесения данных о лице в единый реестр. Признание лица статусным индейцем дает право на получение таких льгот, как субсидии на образование, жилищные субсидии, бесплатная медицинская помощь (медицинское страхование) и т.д.

Процессы формирования конституционно-правового статуса коренных народов в течение всей истории освоения североамериканского континента также можно разделить на несколько этапов. Так, с начала колонизации северных территорий в Канаде была сформулирована концепция «аборигенных прав», которая закреплялась в договорах между государством и племенами коренных народов. Аборигенные права, как основное условие данных договоров, выражались в форме права на компенсации за исконные земли, изымаемые для нужд вновь создаваемого государства. Но фактически предоставляемые аборигенам компенсации были очень незначительными, также в договорах устанавливалась возможность основывать специальные резервации и право осуществлять охоту в целях традиционного жизнеобеспечения в любое время года. В качестве общей характеристики можно отметить, что описываемые «аборигенные права» носили ущемляющий права человека характер и по своей сути не предоставляли коренным жителям возможности управлять собственными землями и участвовать в принятии

---

[165] Indian Act of 1876. URL: https://nctr.ca/wp-content/uploads/2021/04/1876_Indian_Act_Reduced_Size.pdf.

[166] The Indian Act of 1951. Canadian Indians and the Law: Selected Documents. 1663–1972. Toronto, 1975. P. 89.

решений, значимых для их жизнедеятельности. Коренные народы на протяжении десятилетий не имели всех прав канадских граждан. Например, в период между 1927 и 1951 гг. статусные индейцы не имели никаких прав на участие в политической жизни и в делах государства, они не имели права голосовать на федеральных выборах до 1960 г.

В 1869 г. Закон «Об индейцах» был дополнен Законом «О постепенном предоставлении избирательных прав, совершенствовании управления делами индейцев и о включении норм Акта № 31 Королевы Виктории»[167], который вобрал в себя нормы предшествующего договорного права и стал основным инструментом управления и контроля в отношении коренных сообществ. На основании Закона стали создаваться небольшие изолированные общины, произошло разграничение полномочий по вопросам ведения, связанным с коренными народами, которые были включены в компетенцию федерации.

Важной характеристикой Закона является то, что он устанавливает различные права для разных категорий коренных жителей – статусных индейцев (зарегистрированных коренных народов), метисов, иннуитов и живущих в резервациях или за их пределами. Действие Закона «Об индейцах» (1876) было в основном направлено только на одну группу коренного населения – «Первые нации», в тот время как положение других групп статусных индейцев стало регулироваться на основе их собственных конституций и законодательства. Статусные индейцы также подпадают под действие постановлений Совета племен. Наиболее значимые изменения федеральной этнической политики и установление официального статуса коренных жителей в Канаде произошли в 1970-е гг., вследствие юридического признания правового статуса аборигенов, основанного прежде всего на факте «первожительства» на континенте (исконности). Это произошло в результате трех судебных решений, которые оказали неизмеримое влияние на будущее прав коренных народов[168].

---

[167] Act for the gradual enfranchisement of Indians, the better management of Indian affairs, and to extend the provisions of the Act 31st Victoria, Chapter 42 of 1869. URL: https://www.sac-isc.gc.ca/eng/1100100010204/1618939577385.

[168] A legal timeline of Indigenous Rights in Canada / Nelligan Law. URL: https://nelliganlaw.ca/a-legal-timeline-of-indigenous-rights-in-canada.

В 1973 г. деле «Calder v. British Columbia»[169] Канада официально признала обязательства государства, вытекающие из исторически определенных прав, и подтвердила законность притязаний коренных народов на земли, переданные им по условиям договоров, которые были заключены в период колонизации. В частности, признавались права аборигенов на землю, охотничьи и рыбные угодья. В этот период был закреплен основной принцип этнической политики – гарантии основных прав коренных народов, которые выражались в возможности подать иск, оспаривающий отчуждение прав на земельные участки, исторически или по договору принадлежащие племенам коренных народов. Этот подход впоследствии был назван «политика современных исков». Еще более определенно политика федеральной власти была сформулирована в 1980-е гг. в связи с внесением существенных изменений в Конституцию Канады, т.е. заменой действовавшего в качестве основного закона Акта о Британской Северной Америке 1867 г. В новом тексте Конституционного акта 1982 г. ст. 35 «Права коренных народов Канады» предусматривает «признание и подтверждение существующих аборигенных и договорных прав коренных народов Канады»[170]. Интересно отметить, что проведенные с 1983 по 1987 гг. министерские конференции с участием лидеров аборигенных организаций не привели к закреплению в Конституции прав на самоопределение и самоуправление, хотя это было требованием коренного населения[171].

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов.

Прежде всего, необходимо сделать вывод о роли конституции в правовом развитии коренных народов в государстве. Эта роль заключается в том, что основной закон выделяет коренные народы в качестве особой этнической общности, обладающей совокупностью сущностных характеристик (индиген-ностью), имеющей политическую, культурную, экономическую значимость,

---

[169] Calder v. British Columbia, 1973 / SCR 313. URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/5113/index.do.

[170] Section 35(1) of the Constitution Act of 1982. URL: https://nelliganlaw.ca/a-legal-timeline-of-indigenous-rights-in-canada.

[171] First Ministers' Conference on Aboriginal Constitutional Matters, 1983 Constitutional Accord on Aboriginal Rights (15-16 March 1983). URL: https://primarydocuments.ca/first-ministers-conference-on-aboriginal-constitutional-matters-1983-constitutional-accord-on-aboriginal-rights-federal.

зависящую от процессов государственного строительства. На характеристики индигенности в значительной степени влияют внешние условия: политические, правовые, социальные и экономические, формируя или изменяя их, что требует постоянного пересмотра и обновления подходов к изучению индигенности и определению перспектив развития коренных (индигенных) народов в современном обществе.

Во-вторых, в разных странах конституционно-правовые нормы в отношении коренных народов формируются по-разному, что зависит главным образом от подходов к определению их статуса в государстве, а также от культурно-исторических и политических процессов взаимодействия коренных этносов, долгое время проживающих на исконных территориях своих предков, и публичной власти, которая формируется из доминирующих сообществ, заселяющих данные территории в процессе развития государств.

В-третьих, Конституция РФ является наиболее этнодетерминированной по сравнению с конституциями других арктических государств, что подтверждается объемом «этнических норм» и конституционными изменениями 2020 года.

Опыт зарубежных стран показывает, что возможны и могут быть обусловлены различными процессами государственного строительства изменения векторов развития этнических отношений. Из приведенных примеров следует, что суть изменений должна заключаться в создании действенного конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов, способного гарантировать их основные права, способствовать организации реального самоуправления, защищать права и интересы коренных народов и обеспечивать возможность участвовать в принятии решений, касающихся их развития.

При этом следует заметить, что копирование и тиражирование зарубежного опыта недопустимо, поскольку опыт каждой из стран сугубо индивидуален, взаимоотношения коренных народов с государством складывались путем согласования интересов в течение столетий в условиях различных политических, правовых, экономических систем: действующие соглашения и законодательные акты – это, как правило, результат длительных обсуждений и компромиссов. Кроме

того, общеизвестно, что в США, Канаде решены далеко не все вопросы коренных народов. Наконец, представления о реализации прав коренных народов в процессе общественного развития существенно меняются.

В настоящее время в России очевидна необходимость не только продолжить политический и правовой вектор защиты коренных народов как носителей уникальной культуры, знаний и опыта, важных для всего российского общества, но и инициировать следующий этап изменений федерального этнического законодательства в соответствии с уточненными целями и задачами национального развития, вызовами и изменениями внешнего мира и усиливающейся ролью самих коренных народов в политической, социальной и экономической жизни нашей страны.

Для совершенствования правовой системы в части регулирования коренных народов, являющихся важной составляющей российского многонационального общества, представляется необходимым таким образом изменить существующие конституционно-правовые нормы, чтобы они отражали реальную этническую действительность и способствовали бы:

– систематизации базовых конституционных и отраслевых понятий, относящихся к этнической сфере;

– совершенствованию конституционно-правового статуса коренных народов, а именно фиксации перечня признаков, которые позволяют перенести их значимые особенности в правовое поле и эффективно регулировать общественные отношения для сохранения и защиты этих особенностей;

– обеспечению реальных потребностей и интересов коренных народов, исходящих из их индигенности;

– развитию правового регулирования на региональном уровне, которое, как будет показано в дальнейшем исходя из российского и зарубежного опыта, способно создать более эффективные правовые нормы, отражающие реальные особенности развития проживающих там коренных народов.

1.3. Концепции правового регулирования коренных народов колониального и постколониального периода

Вопросы эффективности конституционно-правового инструментария, используемого в отношении интересов и прав коренных народов, всегда достаточно противоречивы и требуют взвешенных политических, экономических и правовых решений. Как было отмечено выше, это в первую очередь связано с тем, что в настоящее время не существует четкого и однозначного определения коренных народов, а также универсальной концепции их правового статуса. На государственном уровне статус и права коренных народов понимаются и трактуются достаточно разнообразно, а иногда и противоречиво. Кроме того, образовалось значительное несовпадение между существующими нормами и реальностью, в которой существуют и меняются сообщества коренных народов. Все это требует динамичной и адекватной оценки степени соответствия политической и правовой систем конкретных государств потребностям живущих в них коренных народов и корректировки сложившихся нормативных систем по защите их законных прав и интересов[172]. Но все очевиднее становится то, что и политическая, и правовая система формируется исходя из отношений, сложившихся в государствах и населяющих их этносов, в том числе и индигенных народов, на конкретный исторический момент.

В научных работах (особенно отечественных), представленных по тематике правового регулирования коренных народов, практически никогда не рассматривались причины, ведущие к формированию определенной политики государства в отношении коренных народов, между тем векторы направлений мысли в этом проблемном поле значительно изменились в прошлом веке с появлением постколониальной теории, выдвинувшей на первый план мультикультурное

[172] Фомиченко М. П. Права народов в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 463 с.

измерение, что не могло не отразиться на поведении самих коренных народов, равно как и на отношении публичной власти к их интересам и проблемам[173].

Объяснить или сконструировать концепции правового регулирования отношений коренных народов с другими этносами, органами публичной власти невозможно без понимания двух подходов: колониального и постколониального. Именно эти подходы обусловливали выделение основных признаков коренных народов, признания или отрицания их притязаний, определенных прав и проч.[174] Современная историческая ситуация, в которой находятся коренные этносы северных стран, должна предстать на общем фоне жизни всего человечества, на фоне всемирно-исторического процесса, что позволит в полной мере объяснить или обосновать развитие коренных народов Севера.

Особенности нормативно-правового регулирования положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в России изучены достаточно подробно (Л. Ю. Абрютина, Л. В. Андриченко, К. Д. Аракчаа, С. В. Бахрушшин, Л. С. Богословская, У. А. Винокурова, П. В. Гоголев, И. А. Доронина, В. А. Кряжков, Ю. Д. Петров, Ю. В. Попков, А. Е. Постников, П. В. Суляндзига, Р. В. Суляндзига, Т. Я. Хабриева, С. М. Харючи, Н. М. Ядринцев).

Авторы отмечают, что на разных временных этапах политика российского государства претерпевала концептуальные изменения: от политики невмешательства в традиционный образ жизни аборигенов в XVII–XIX вв. через попытки полной интеграции, ассимиляции и модернизации их жизненного уклада в эпоху советского периода к современным принципам уважительного отношения к праву коренных малочисленных народов на сохранение традиционного образа жизни, методов и способов традиционного природопользования до установления особых

---

[173] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[174] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

условий использования территорий их исконного проживания[175]. Эти выводы ученые делают исходя из анализа нормативных документов того периода (Указ «О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада Государям, об охранении их от обид и налогов и притеснений, о посылке приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясашных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали» (1695)[176], Указ «О нечинении обид и притеснений ясашным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке» (1733)[177], Устав об управлении инородцев (1822)[178], Положение об инородцах (1892)[179].

Не углубляясь в анализ государственной политики историографических периодов прошлого, отметим лишь выводы ученых, изучающих эти периоды, сводятся к тому, что основной целью политики развивающегося российского государства была ассимиляция коренных народов и использование их исконных земель в целях государственного развития. Так, Н. М. Ядринцев, известный исследователь того периода, отмечает, что на первых этапах колонизации Сибири главной целью являлось ослабление инородческого элемента и уменьшение его численности. Затем возникла задача усмирения инородцев, а далее – подчинение и опека[180]. По мере освоения Сибири государство принимало все возможные меры,

---

[175] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: На примере Ненецкого автономного округа: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. 196 с.

[176] Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676-1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / сост. В. А. Томсинов. Москва, 2012. 288 с.

[177] Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое. Т. 9. 1733–1736. Санкт-Петербург, 1830. С. 131–132.

[178] Высочайше утвержденный 22 июля 1822 года Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое. Т. 38. 1822–1823. Санкт-Петербург, 1830. С. 394–416.

[179] Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. Санкт-Петербург, 1903. Т.2.4.1. Тетрадь 7. С. 144; См. также: Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней // Государство и право. 2022. № 6. С. 68-78.

[180] Ядринцев Н. М. (1842-1894). Сибирь, как колония: к юбилею трехсотлетия: Соврем. положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург, 1882. XII. 471 с.

в том числе и правовые, направленные на вовлечение коренных народов в систему общегосударственных связей, а также интегрирование всех их представителей «в число равноправных подданых»[181].

Политика зарубежных государств (США, Канады, Финляндии в частности) в колониальный период не столь широко описана в русскоязычных источниках. Историю завоевания исконных земель коренных жителей США изучали Р. Ш. Гарипов, В. А. Кряжков, Б. Морс, В. И. Соколов, В. Г. Стельмах, В. И. Юдин. Взаимодействие аборигенов с другими группами общества в сфере земельных и природоресурсных отношений в своих работах представили М. Н. Игнатьева, В. П. Пахомов, А. Н. Пилясов. В результатах их исследований просматриваются определенные закономерности, этапы развития, при всем многообразии особенностей существования тех или иных коренных народов.

Вся история человечества представляет собой цепь непрерывных захватов и миграций, границы многих стран устанавливались путем захвата и лишь в исключительных случаях в результате выбора населения. Колониализм как политика, как социальное явление, как эпоха оказал огромное влияние на развитие коренных народов по всему миру. Говоря «колониализм», мы имеем в виду полутысячелетнюю эпоху, которая до неузнаваемости изменила мир[182].

В целом колониализм определяется как система господства группы развитых государств и стран над остальным миром в XVI–XX вв. Поэтому вполне справедливо, как считает научное сообщество, использовать понятия «колониализм», «колониальный» не только в отношении колониального контроля европейскими государствами над менее экономически развитыми странами. Многие этнические группы, находящиеся на территориях государств, в этом аспекте можно рассматривать как «насильственно присоединенные», находящиеся в условиях «колонизации». Под «колониализмом» можно также понимать

---

[181] Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX в.). Москва, 1995. С. 7.

[182] Лакост Ив. Постколониальный вопрос // Herodote 2006. № 120. URL: https://www.herodote.org/spip.php?article206.

экономическую эксплуатацию или экономическое неравенство, доминирование одной нации над другой[183].

Коренные народы существовали на землях своих предков тысячелетиями. Колониальная экспансия имела очень большое влияние на коренные народы некоторых стран (в частности, США, Канады). В эпоху великих географических открытий на территории их проживания произошло массовое переселение уже национально сформированных народов Запада[184].

Колонизация является исключительным геополитическим феноменом, характерным практически для всех континентов: Африки, Америки, большей части Азии. Общественные отношения в государствах, не подвергшихся колонизации, также находились под влиянием колониального дискурса, поскольку во всех из них происходила территориальная экспансия (например, в странах Западной Европы и, по оценке некоторых исследователей, в России[185]).

Наряду с цивилизационной, культурной, экономической экспансией метрополии, приходящие в Индию, Северо-Американский и Южно-Американский континенты получали прямой доступ к уникальным, редким природным ресурсам и большим площадям земель, трансформировали экономические отношения колонизируемых обществ, насаждали собственные правовые ценности и нормы, отличные от норм обычного права, которые использовали коренные народы. Колониальное господство в основном выражалось в форме прямого управления

---

[183] См.: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[184] Лакост Ив. Постколониальный вопрос // Herodote № 120, 2006. URL: https://www.herodote.org/spip.php?article206. См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[185] См., например: Зубариев Р. Б. Российский и зарубежный взгляд на феномен колонизации и переселенческих процессов в Российской истории // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 76–78; Чуркин М. К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 27. С. 27–35; Чуркин М. К., Токмурзаев Б. С. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах Российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 196–206.

колонией, что привносило чуждые коренным народам административные, организационные механизмы, модернизацию и вестернизацию общественных отношений, так называемые ценности «белого человека»[186]. Воздействие, оказываемое колониальной политикой на государства и их население, можно охарактеризовать как очень существенное[187]. К многочисленным эффектам, как отрицательным, так и положительным, могут быть отнесены эксплуатация и порабощение населения, этноцид в отношении локальных сообществ, установление неравных общественных отношений, распространение новых инфекций, и в то же время – развитие экономики, медицины, формирование новых социальных институтов, совершенствование инфраструктуры и общий технологический прогресс[188]. В отношении коренных (индигенных) народов такое влияние в основном приводило к ущемлению их прав (причем до последней четверти XX в.), сегрегации, к насильственному переселению с земель проживания, лишению средств к существованию. Колонизация западных стран часто приравнивается к рабству или даже к умышленному геноциду[189].

Исторический процесс развития отношений западных государств с коренными народами условно можно разделить на несколько этапов. Первый этап (XV–XVII вв.) можно представить как захват исконных земель, либо военно-завоевательными, либо юридическими способами. Колонизационная эра на территории современных США началась в 1607 г. Известно, что первые контакты аборигенного и пришлого населения носили мирный характер,

---

[186] Мурунова А. В. Правовые традиции Росси и Запада: сравнительно-правовой анализ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Вып. 5. С. 120–126.

[187] Perry A. Come Back, Colonialism, All Is Forgiven. Time, 2008. URL: http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1713275,00.html#:~:text=The%20Congo%20River%20in%20Western,African%20history%20on%20its%20head.&text=%22The%20river%20is%20the%20artery,Congo's%20economy%2C%22%20he%20says.

[188] См, например: Lovejoy P. E. Transformations of Slavery: A History of Slavery in Africa. London; 2000. 396 с.; Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. London, 2003. 392 с.; Lane A., Thong T. Civilized Colonizers and Barbaric Colonized: Reclaiming Naga Identity by Demythologizing Colonial Portraits // History and Anthropology. 2012. № 23(3). P. 375–397; См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[189] Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. С. 225.

отчуждение земель производилось путем выкупа их у индейцев. Политика насильственного захвата территорий сформировалась лишь к 1629 г. Ее правовым основанием стала доктрина «ничейной земли» (англ. *terra nullius*), согласно которой индейцы, имея естественные нрава на землю, не могут иметь на нее юридических прав, не возделывая ее как европейцы[190]. Эта доктрина в XVII в. была объявлена губернатором штата Массачусетс Д. Уинтропом правовым основанием оформления прав на землю переселяющихся в США «некоренных» народов[191]. Доктрина «ничейной земли» или «ничейного владения» послужила основанием массового захвата земель у коренных американцев.

На основании данной колониальной доктрины первые сто лет существования США коренные жители лишились почти всех своих земель, потеряли независимость. В 1787 г. министр обороны США Г. Нокс предложил рассматривать индейские племена «как иностранные нации, не подвластные какому-либо штату, а их право на владение своими землями — законным и не подлежащим сомнению»[192]. Этот подход был принят Конгрессом, издавшим 13 июля 1787 г. Постановление, устанавливающее независимый статус коренных (индейских) народов[193]. Провозглашение подобного принципа делало невозможным прямой захват земель коренного населения, требовало заключения с ними договоров. Сущностью договоров между государством и коренными народами стали обязательства последних добровольно уступить федеральному правительству те или иные территории, а также сохранять мир и добрые отношения с публичной властью. Правительство Соединенных Штатов Америки, со своей стороны, гарантировало коренным народам денежные компенсации и меры поддержки в области образования и здравоохранения. Первый договор был подписан в 1778 г.,

---

[190] Максимов А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: от зарубежного опыта к российской модели: дис. ... канд. эконом. наук. Сыктывкар, 2007. С. 46.

[191] Whinthrop J. History of New England from 1630 to 1649. Boston, 1853. Vol. 2. (1st ed. – 1690). P. 120.

[192] Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. Москва, 1990. С. 10.

[193] Northwest Ordinance of 1787. URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/northwest-ordinance

а последний – в 1868 г., в целом был заключен 371 договор, в результате которых коренные американцы, владевшие в начале XIX в. большей частью континента, сохранили всего около 120 млн акров (48 млн га) земель. Провозглашение «независимости» индейских племен проистекало не из принципов гуманности и демократии, а было продиктовано конкретной политической ситуацией на рубеже XVIII–XIX столетий[194].

Для этого этапа были характерны элементы партнерских отношений, некоторые формы самоуправления и самоорганизации, использование норм обычного права, договорные и совещательные механизмы. В Канаде договорная форма согласования интересов, прав и обязанностей между аборигенными народами и государством активно применялась еще с XIX в. К 1923 г. в Канаде было заключено более 10 договоров с аборигенными племенами, по которым они уступали свои земли в обмен на определенные компенсационные выплаты, материальную помощь, социальные услуги и право поселения в резервациях. В подавляющем большинстве право собственности и иные права представителей коренных народов при подписании договоров нарушались, что всегда приводило к социальной напряженности. К тому же правительство не выполняло взятые на себя обязательства. Чаще всего нарушалось право коренных жителей на охоту в определенных районах и на рыболовный промысел на акваториях, еще не занятых белыми поселенцами. Со временем все больше распространялась практика отказа федеральных властей подписывать какие-либо договоры на основании доктрины «эффективной оккупации» (т.е. титула фактического «юридического владения» территорией). Согласно данной доктрине, право собственности на вновь открытые земли принадлежит тому государству, чьи подданные открыли эту территорию. В результате в пределах границ Канадского доминиона оказались огромные территории, вообще не охваченные договорными обязательствами[195].

---

[194] Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. Москва, 1990. С. 10.

[195] Там же. С. 23.

Предполагалось, что взаимодействие в форме такого «сотрудничества» будет способствовать экономическому развитию коренных народов[196]. В этот период развивались новые отрасли экономики (сельское хозяйство в южных районах, лесная и горнорудная промышленность на севере), сопровождающиеся быстрым ростом численности некоренного населения на землях аборигенных народов. На следующем этапе на смену политике сотрудничества с аборигенными народами пришла политика доминирования некоренных народов и ассимиляции[197], которая характеризовалась следующими ключевыми элементами[198].

В США, например, коренные народы постепенно лишались исконных земель и ресурсов, в то время как для развития сельского хозяйства и промышленности привлекались переселенцы, получавшие доступ к лесным, минеральным и энергетическим ресурсам, права на рыболовные и охотничьи угодья и монополизирующие торговлю продукцией охоты, рыболовства и оленеводства. Немногие права на землю и традиционные промыслы, которые сохранялись за аборигенами, рассматривались как «дарованные» государством привилегии и меры поддержки, при этом в любой момент земли традиционного природопользования могли быть изъяты для промышленных или сельскохозяйственных нужд. Однако в 1820-е гг. произошли существенные изменения этнополитики: в США в 1829 году Конгресс признал «принципы Маршала», по

---

[196] Максимов А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: от зарубежного опыта к российской модели: дис. ... канд. эконом. наук. Сыктывкар, 2007. 136 с.

[197] Kvist R. Swedish Saami Policy 1548–1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, 1994. P. 28-44.

[198] Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В. А. Тишков Москва, 1990. 396 с.; Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / сокр. пер. с англ. Москва, 1972. 768 с.; Трифонов А. Чужие на своей земле. Заметки с международной конференции «Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера» // Нефть России. 1999. № 7. С. 1–5; Suellman A. Native Language Claims in Health Care - Experience from Samiland // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. 1994, P. 45–53; Bryleva Z. I. The History of the Kola Peninsula Komi-izhemets // Seminar on the Identity, Environment and Rights of the Indigenous People, March 27-29, 1995. Helsinki, 1996. P. 5-26; Henrik M. O. Sami Past and Present and the Sami Picture of the World // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30- December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. 1994, P.13–20; Kvist R. Swedish Saami Policy 1548–1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, 1994 P. 28-44.

которым американские индейцы объявляются «нациями, зависимыми от США»[199]. Это позволило легализовать новые захваты земель и массовые насильственные переселения индейских племен на другие территории, а позднее в резервации. Законодательные акты, регламентирующие переселение индейцев, обосновываются необходимостью «восстановить справедливость» в земельном вопросе, а также «спасти дикарей от развращающего влияния американцев»[200]. Военные конфликты, жестокое отношение к коренным жителям в процессе переселения и сложности обустройства жизни на новых местах, сопутствующие инфекционные заболевания – все это привело к сокращению численности индейцев за два столетия в пять раз[201].

По современным оценкам, именно умышленный геноцид стал инструментом развития многих переселенческих колоний, поглотивших излишки демографического взрыва в Западной Европе XIX в. Заселив территории колоний, переселенцы стали развивать сельское хозяйство и распределять для этих целей обширные территории, освободившиеся после переселения коренных жителей. Одновременно стали меняться организационные и административные механизмы управления территориями. В США и Канаде происходили массовые убийства индейцев, истребление объектов животного мира, служившего для них продуктами питания, насильственное переселение, изъятие из семей и вестернизация детей коренных народов[202].

Основным направлением этнической политики американского государства в 1950–1960-е гг. была «терминация», т.е. ликвидация особого статуса коренного населения США и отказ от обязательств федерального правительства осуществлять компенсационные выплаты и иные виды поддержки. Отмена особого статуса также была предпочтительна для государства, поскольку он оказался фактором,

---

[199] Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В. А. Тишков Москва, 1990. 396 с.

[200] Емельянова Т. А. Рациональное использование и охрана земель северных территорий Российской Федерации (экономика и организация): дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2006. С. 122.

[201] Максимов А. А. Права коренных народов Севера на землю и природные ресурсы: эффективное использование и совместное управление. Москва, 2004. 89 с.

[202] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты. / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

значительно затрудняющим доступ к природным ресурсам, находящимся на территориях индейских резерваций[203].

Как мы видим, для создания колониальной концепции правового регулирования коренного населения колонизаторы использовали свое теоретико-правовое и социально-организационное превосходство, формулируя новые доктрины и правовые основания, обосновывающие доминирование государственной власти над коренными народами, рассматривающие их в качестве «отсталых» и «нуждающихся в развитии»[204]. К числу таких доктрин, кроме названной выше доктрины «ничейной земли», относилась, например, доктрина «открытия»[205].

Доктрина «открытия», начиная с XVII, а также в XVIII и XIX вв., предоставляла государству, открывшему ранее не известные ему земли, неопределенный правовой титул. Права «открывшего» колониального государства на земли коренных народов ограничивались лишь правом коренных народов на пользование и владение землей, которое иногда называют аборигенным правовым титулом[206]. Согласно данной доктрине, право собственности на вновь открытые земли принадлежит тому государству, чьи подданные открыли эту территорию. Доктрина использовалась с целью лишения аборигенного населения права собственности на землю, которая объявлялась «ничейной» и могла быть изъята для государственных нужд в пользу колониальных или постколониальных держав[207].

---

[203] Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. Москва, 1990. 316 с.

[204] Thornberry P. Indigenous peoples and human rights. Manchester, 2002. P. 61.

[205] См., например: Антонов Б. А. О влиянии Доктрины открытия (Discovery Doctrine) на современное право в Соединенных Штатах Америк // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 1 (7). С. 99–107.

[206] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 183.

[207] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

Позднее доктрина «ничейной земли» стала использоваться и в международном праве: если территория не находится под суверенитетом какого-либо государства, или государство отказалось от прав на данную территорию. Термин *terra nullius* с XVIII в. и до начала XX в. играл большое значение в европейской колонизации и в других странах, так как «ничейной» объявлялась земля с малочисленным населением или населенная аборигенами, которая не принадлежала какому-либо государству. Это означало, что ее могла завоевать и колонизировать любая европейская держава. Данная доктрина утверждала, что земли коренных народов юридически являются незанятыми вплоть до начала колониального присутствия и поэтому могут стать собственностью колонизирующей державы посредством фактического завладения[208].

Помимо указанных, к числу дискриминирующих коренные народы доктрин относится также доктрина «полных правомочий», согласно которой право собственности коренных народов на землю (титул) может быть признано недействительным без надлежащей правовой процедуры или компенсаций. Государства при этом имеют практически неограниченное право регулировать и контролировать пользование землями коренных народов, не обращая внимания на конституционные ограничения, если таковые и существуют[209].

Особым примером правового регулирования аборигенных отношений является штат Аляска в США. Активная политика по сегрегации и ассимиляции коренного населения началась лишь в XX в., когда на Аляске были обнаружены крупные запасы золота, что привело к «золотой лихорадке» и притоку белого населения из «нижних штатов». Широко распространенные взгляды на превосходство «белой расы» над «дикарями» стали основным фактором формулирования дискриминационной политики, которая выражалась в принятии

---

[208] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты/ под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 57.

[209] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 183; См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты/ под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

нормативных правовых актов, обосновывающих дискриминацию коренных народов во всех сферах общественной жизни: в школе, церкви, общественных заведениях, при приеме на работу и прочих[210]. До 1924 г. у коренного населения Аляски, как и у американских индейцев, не было гражданства и права голоса. С 1925 г. некоторые права можно было приобрести при подтверждении знания английского языка и рекомендаций от пяти белых граждан, являвшихся жителями Аляски не менее одного года[211].

В то же время интересным остается факт, что в штате Аляска не применялись названные выше доктрины. Аляска является совершенно особым случаем в истории взаимоотношений федеральной власти с индигенными народами. Во-первых, северные народы, исконно проживающие на Аляске, никогда не были завоеваны, как индейцы «нижних» штатов американцами, не переселялись в резервации, не подписывали кабальных договоров с федеральными органами публичной власти. Процесс взаимодействия на основе договоров с государством начался у них лишь в 1960-е гг. после образования штата и с начала активного нефтепромышленного освоения, когда коренные народы предъявили права на значительную часть территории Аляски. Именно тогда имел место уникальный переговорный процесс, целью которого стал поиск баланса интересов коренных сообществ и государства. Коренные народы Аляски отличались достаточно четкой позицией и пониманием своего места в государстве, а также осознавали значимость ресурсов территории, которую они исторически занимали. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить уникальность процесса, который предшествовал созданию правовых норм, обеспечивающих северные народы США особым правовым статусом. Этот статус в итоге был закреплен в Федеральном законе «Об урегулировании территориальных требований коренных жителей Аляски» (1971). Основные новеллы АНКСА заключались в следующем: создавались «корпорации коренных народов», т.е. организации на основе этнических

---

[210] Stebing H. M. Rewriting the history of racial segregation in Alaska: Undergraduate Honors Thesis. P. 7. URL: http://csre.stanford.edu/theses/09_HMStebing_Thesis.doc.

[211] Голомидова П. С., Сабуров А. А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 61–77.

признаков, которые не наделялись особыми гарантиями со стороны государства, но получили права осуществлять любые виды хозяйственной деятельности и распоряжаться доходами, а также участвовать в принятии решений по использованию земель и ресурсов недр на территории штата. Часть земель была передана в частную собственность представителям коренных народов с ограничением на передачу права третьим лицам в течение двадцатилетнего периода. Компенсационные выплаты за прошлое использование исконных земель направлялись в специальные денежные фонды; компенсации включали также отчисления от прибыли предприятий, осваивающих ресурсы этих территорий; арендной платы, доли платежей за право пользоваться природными ресурсами (если такое право предоставлялось природопользователю по решению самого коренного населения)[212]. Принципиальным отличием АНКСА от других «этнических» актов стало то, что он создал основу для интеграции аборигенных народов в рыночную экономику и намеренно не создавал никаких этнических институтов и систем прав, равно как им не было предусмотрено учреждение резерваций. Созданные правовые механизмы способствовали решению социальных проблем коренных народов Севера и обеспечили их встраивание в экономические и политические процессы американского общества, при этом сохраняя территории традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

В целом в американском обществе данный нормативный акт оценивают очень высоко: считается, что Аляска пошла своим путем, не копируя колониальный подход правового регулирования. Однако есть и определенная критика АНКСА, указывающая на то, что народы Севера не смогли (или намеренно не стали) формировать этнические институты управления, закреплять нормы обычного права и требовать более выгодных условий для взаимоотношений с государством. Отсутствие резерваций на территории штата Аляска тоже часто становится предметом дискуссий. Кроме того, созданные корпорации по-разному включились в рыночную экономику: для каких-то организаций получение земель и ресурсов

[212] От патернализма к партнерству. Строительство новых отношений народов Севера и государства / отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан, 1998. 198 с.

в собственность стало импульсом для развития, некоторые же корпорации не смогли реализовать предоставленные возможности, что создает определенную социальную напряженность и воспринимается самими коренными сообществами Аляски противоречиво. Наконец, членами (акционерами) корпораций в большинстве случаев являются лица, родившиеся не позднее 18 декабря 1971 г. – даты принятия Закона АНКСА, что ведет к большому количеству конфликтов между старшим и младшим поколениями коренных народов.

Относительно другой пример развития представляет собой Россия, в которой нет признаков колониальной концепции правового регулирования коренных народов, в частности, население, живущее на отдаленных территориях, никогда не лишалось своих земель и не переселялось. Внутренняя миграция в Российской империи долго не получала значительного распространения. До конца XVIII в. лишь небольшие группы переселенцев (русские и украинские казаки, крестьяне-старообрядцы) уходили на не вошедшие в состав империи земли. После определения административно-политического статуса региона вырабатывалась оптимальная модель взаимоотношений, которую можно назвать «имперской»: развивалась инфраструктура региона, шло его культурное освоение. Затем происходило «поглощение» региона путем создания унифицированных управленческих структур, распространения на окраины реформ, апробированных в центре страны, а также экономической и социокультурной модернизации[213]. Тем не менее, входя в состав Российской империи, территории не теряли своего самоуправления. Право на него содержится в Судебниках (1497 и 1550), Соборном уложении (1649), Своде законов Российской империи. При этом разные территории империи имели разную степень самоуправления[214]. Практика России по отношению к коренному населению характеризовалась своеобразной системой покровительства, защитой его прав на ресурсы от посягательств со стороны

[213] Напалкова И. Г. Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи // Регионология. 2010. № 3 (72). С. 15–22; См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[214] Напалкова И. Г. Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи // Регионология. 2010. № 3. С. 15–22.

пришлого населения, что принципиально отличалось от взаимоотношений западноевропейских колониальных властей с аборигенным населением завоеванных стран. Если для западноевропейских колонистов абориген был, прежде всего, конкурентом в праве присвоения земель и других ресурсов, то для Российского правительства абориген был дополнительным источником дохода – ясака, а территории являлись государственной собственностью. Позже, в первой половине XVII в., началась политика интеграции коренных народов Севера и Сибири в правовую, социальную и религиозную системы русского общества[215].

Тем не менее великий отечественный историк В. О. Ключевский считал колонизацию основным фактом отечественной истории, обращая внимание на роль государства в этом процессе: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией»[216]. Важную специфическую особенность российской концепции правового регулирования коренных народов составляет ее направленность на освоение незаселенных или экономически неосвоенных территорий. Термин «колонизация», на наш взгляд, не может быть в полной мере применен к российским условиям, поскольку, как мы описывали выше, взаимоотношения государства с аборигенами северных земель носили в основном характер «опеки», патронажа с целью интегрировать коренные народы в российскую нацию. Россия, будучи основой евразийского мира, исторически формировалась как система, объединявшая многочисленные этносы и тем самым дававшая им новое качество будущего[217].

Характер отношений центра и исконных территорий проживания в Российской империи определялся, с одной стороны, стремлением центра к усилению своей власти и расширению периферийных территорий, с другой – отношение коренных народов к центру было более разнообразным: от стремления

---

[215] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: на примере Ненецкого автономного округа: автореф. дис. … канд. полит. наук. Москва, 2005. 26 с.

[216] Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. Москва, 1987. С. 50.

[217] Шапаров А. Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117.

к независимости, автономии до лояльного или нейтрального отношения к установленной системе управления[218]. Комплексная правовая база, регламентировавшая отношения между северными коренными народами и государством, в целом была охарактеризована исследователем П. В. Гоголевым как «пронизанная патерналистским духом, доброжелательностью и стремлением сохранить самобытный образ жизни и управления этих народов»[219]. При продвижении Российской империи на Север, Сибирь и Дальний Восток были установлены основы правового статуса проживающих там коренных жителей, их гарантии, определились пределы государственной власти и возможности коренных народов применять нормы обычного права и участвовать в некоторых государственных делах.

Таким образом, в процессе колонизации либо заселения территории другими народами применялись различные философские, этические, правовые подходы к взаимодействию коренных этносов и государства и к установлению политического и правового статуса, причем достаточно отличающегося в разных странах вплоть до середины XX в.

Изучая особенности взаимодействия этносов и государства в условную эпоху «колониализма», можно сделать вывод, что на протяжении нескольких веков во многих государствах сложилась так называемая «колониальная концепция правового регулирования» коренных народов, при которой развитие территорий, исторически заселенных аборигенами, велось с позиций доминирования определенных этносов, населяющих государство (пришлых, как в США и Канаде), либо осваивающих территории (как в России). В любом случае в рамках данной концепции правового регулирования исконные территории считались

---

[218] Напалкова И. Г. Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи // Регионология. 2010. № 3. С. 21.

[219] См. например: Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. Москва, 2010. С. 35; Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России. Энгельс, 2009. С. 45.

«периферийными»[220], а правовые решения, принимаемые в отношении коренных народов, формулировались исходя из интересов «центра».

Используемые выше термины «центр» и «периферия» были предложены латиноамериканскими мыслителями, в первую очередь, Р. Пребишем в 1970-х гг.[221] Р. Пребиш считал, что специфика периферии проявляется во всем: в сфере технологий и потребления, в производственной структуре, в уровне развития и демократизации, в системе землевладения, в экономическом и демографическом росте[222]. Эти же особенности можно отнести и к территориям проживания коренных народов, которые всегда считались периферийными, в другом значении – «отсталыми», «не дотягивающими» до колонизировавших их государств в экономическом, организационном и правовом отношениях.

Именно такой историко-правовой дискурс можно обозначить как колониальный. Периферия виделась словно бы не доросшей до восприятия либеральных правовых ценностей: демократической организации общества, прав и свобод человека, частной собственности, свободной экономики, приоритетности разума над верой и др., которые колонизаторам пришлось «прививать» насильственным путем. Использование богатейших природных ресурсов периферийных регионов, не считаясь с интересами проживавшего на них населения во многих странах, являлось привычной практикой последних столетий и мощным фактором дистанцирования периферии от центра. В итоге постоянное игнорирование интересов локальных сообществ привело к их пассивности и привычному ожиданию указаний из центра, что еще больше укрепляло веру центра в его интеллектуальное и политическое превосходство[223].

Такой подход к описанию взаимоотношений отдаленных территорий и государства подтверждается американским социологом И. Валлерстайном[224].

---

[220] Теории и истории империй: академический словарь / сост. В. Н. Барышников, Л. В. Аржакова. Санкт-Петербург, 2012. С. 355–357. URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Slovar_Imperii.pdf.

[221] Там же.

[222] Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? Москва, 1992. С. 200.

[223] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 61.

[224] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. Москва, 2006. 304 с.

Вслед за данным исследователем, который основывает свою позицию на примере государств Индия, Китай, Бразилия, полагаем, что каждая общность, исторически живущая на отдаленных территориях, имеет право на определенное мировоззрение, обладает особыми ценностями[225], является частью «традиционного мира» и тем самым ее интересы подлежат особому учету и правовой защите[226].

Даже в России, где, как уже отмечалось, отсутствовал ярко выраженный колониальный дискурс, перспектива жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера определялась политикой центральной власти, образ жизни «центра» и в советское время, и в современный период представлялся тем образцом, на который должна была ориентироваться «периферия». По мере индустриального развития на Севере должна была сформироваться однотипная социальная структура и в конечном счете возобладать городской образ жизни[227]. Однако в конце XX – начале XXI вв. произошел рост этнического самосознания коренных малочисленных народов Севера. Возникли общественные объединения, учебные центры, ассоциации и профессиональные союзы (оленеводов, морских зверобоев и другие) малочисленных народов Севера практически во всех северных странах.

В действительности, несмотря на известные достижения колониального периода, коренные народы столкнулись с большим количеством проблем, возникших при освоении территорий их исконного проживания, которые кардинальным образом изменили их традиционный уклад, культурные традиции и создали угрозу самого их существования.

Таким, образом, предлагается ввести в научную теорию «колониальную концепцию» и «постколониальную концепцию» правового регулирования коренных народов, которые отличаются взглядами на роль и место коренных народов в государстве, основными идеями по способам взаимодействия коренных народов с государством. Колониальная концепция правового регулирования

---

[225] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. 38 с.

[226] Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. № 5 (56). С. 3–8.

[227] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. 38 с.

характеризуется ассимиляционной политикой, дискриминирующими коренное население правовыми доктринами и использованием правовых инструментов, обосновывающих изъятие земель и ограничение прав на землю и природные ресурсы, намеренную консервацию традиционного образа жизни и культуры, на основании того, что коренные народы и их развитие позиционировалось как «отсталое», «архаичное» и требующее «цивилизационного» развития, т.е. в соответствии с ценностями и взглядами доминирующих сообществ.

Применение данной концепции привело к следующим последствиям. Политика государства, определяемая целями доминирующего населения и индустриального развития, шла по пути интеграции коренных народов, проживающих на своих исконных территориях, в государственную нацию, без признания их особенностей как уникального и ценного достояния человечества[228]. Хотя очевидно, что в России не было преднамеренных действий по дискриминации коренных народов, в целом происходила поддержка их интересов, равно как и сохранение исконной среды их обитания и традиционного образа жизни.

Тем не менее использование правовых инструментов, позволяющих принимать решения без учета мнения коренных народов и, более того, нарушающих их интересы и противоречащие их целям развития, привело к значительным проблемам существования коренных народов, практически во всех описываемых нами странах. Особенно актуально такое состояние для арктических стран, где использование запасов углеводородов и других природных ресурсов всегда определялись государством как основное направление государственного развития, что противоречит интересам коренных народов.

Период с середины-конца XX вв. считается «постколониальным» этапом развития общества, который оценивается не только с точки зрения трансформации взаимодействия метрополий и колоний, обретения независимости некоторыми

---

[228] См. Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 128–166.

государствами, но и как переосмысление мироустройства[229]. Например, все больше обсуждается сомнительность и неэтичность таких идей, как ассимиляция и доминирование одного этноса над другим, хотя еще в середине прошлого века такой подход прослеживался даже в международном праве[230].

«Постколониальность» – это историческое состояние, обозначенное видимой, официальной независимостью и скрытым состоянием зависимости от бывшей метрополии, выявляющейся в остатках колониальной иерархии. То есть в постколониальный период исторического развития по-прежнему сохраняется экономическая, культурная и знаниевая зависимость одних народов от других. В то же время постколониальные общества характеризуются иными признаками, один из них – желание восстановить аутентичность своей культуры, показать возможности мультикультурного развития. При этом на идентичность этнических сообществ оказывает влияние не только их собственное происхождение и самобытность, но и процессы колонизации[231].

Теория постколониальности была введена в научный оборот исследованиями Ф. Фанона, Э. Саида, Х. Бхабхи, Р. Гуа, Д. Чакрабарти[232], на фоне перемен, происходящих в обществе с 1980-х гг.; сформировалась отдельная междисциплинарная область гуманитарной науки – постколониальные исследования,

---

[229] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 72.

[230] Мурашко О. А., Власова Т. К. Долматова С. А. Коренные народы — взгляд в будущее // Коренные народы в гражданском обществе России: материалы международной конференции, 31 марта – 2 апреля 2003 г. Москва, 2023. С. 240-245; Трифонов А. Чужие на своей земле. Заметки с международной конференции «Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера» // Нефть России. 1999. № 7. С. 1–5; Kvist R. Swedish Saami Policy 1548–1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, 1994. P. 28-44.

[231] Бисенова А. О манкуртизме и постколониализме URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1223317800. См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[232] См., например: Bhabha H. The Location of Culture. London; New York, 1994; Said E. The Arab Portrayed // The Arab-Israeli Confrontation of June 1967: An Arab Perspective / ed. by I. Abu-Lughod. Evanston, 1970. Саид Э. Ориентализм. Москва, 2021. 560 с.; Фанон Ф. Черная кожа, белые маски / пер. с франц. Д. Тимофеева. Москва, 2022. 224 с.

направленные на историю и иные аспекты взаимоотношений доминирующих и периферийных сообществ[233].

Важно отметить, что, когда говорят о постколониальных исследованиях, речь не обязательно идет о научных, академических изысканиях, но также о публицистических, художественных текстах, так или иначе обращающихся к вопросу властных отношений между колонизатором и колонизованным. Постколониальность – это не просто период после колониализма, это еще и особый способ интерпретации современности, выдвигающий на первый план культурное и идеологическое измерение.

Цель постколониальных исследований – переосмыслить и преодолеть ограниченность «великих нарративов» либерализма, колониализма и модернизации, уйти от универсалистского европоцентризма с его жесткими оппозициями типа «Запад – Восток», «цивилизованный – нецивилизованный», «прогрессивный – отсталый»[234].

Подобные тенденции интегрируются в «философии освобождения», к создателям которой принадлежит аргентинский философ Э. Дуссель, стремящийся к этической переоценке основных философских теорий второй половины XX в. с позиции «иного» как эксплуатируемого субъекта (прежде всего латиноамериканца), лишаемого справедливого отношения, основных прав, в том числе права на высказывание своего мнения, учета особенностей «малых» сообществ. Под «иным» Дуссель подразумевает жителей периферий, локальные сообщества, этнические меньшинства. В этом подходе «иной» рассматривается с точки зрения самоидентификации, а также его взаимодействия с властью,

---

[233] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[234] Ремнев А. В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории. Москва, 2017. С. 172; См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

экономикой, культурой[235]. Э. Дуссель говорит о множественности культур, реальностей, мировоззрений, которые существуют в действительности, но очень часто не воспринимаются западной цивилизацией, государствами или «большим миром»[236]. В постколониальном дискурсе появляются множественные «иные» – индейцы, азиаты, африканцы, долгое время считавшиеся отсталыми варварами, обитателями периферии, нецивилизованными с точки зрения Запада людьми. Им было отказано в праве голоса, они были исключены из диалога культур и обществ и, как отмечает исследователь, «принципиально не могли претендовать на справедливость»[237]. То есть Э. Дуссель формулирует новое представление об этнической идентичности, противопоставленное тому понятию, которое было определено западной культурой времен «позднего капитализма» и колонизации[238].

Таким образом, базируясь на идеях Э. Саида, Х. Бхабхи, Р. Гуа, Д. Чакрабарти, Э. Дусселя, в научном сообществе сформировалась альтернатива колониальному дискурсу, в основе которой лежит идея равноценности культур, равноправности отношений, складывающихся на территориях, населяемых коренными народами. Современный мир становится все более сложным и неопределенным, поэтому нам следует отказаться от колониального дискурса и прислушаться к голосу многих этносов для достижения устойчивости нашего общего мира, для формирования мультикультурализма[239].

Согласимся с тезисом о том, что ни одна культура, ни один этнос не может быть принесен «в жертву», независимо от того, какие цели общественного развития преследуются. Данные идеи были поддержаны и позднее, например,

---

[235] Ионов И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 33–60.

[236] Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. Atlantic Highlands, NJ, 1996. 277 с.

[237] Ионов И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2 (10). С. 42.

[238] Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation. Atlantic Highlands, NJ, 1996. P. 3–6, 17.

[239] Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 74.

В. Миньоло, который развивает теорию взаимодействия множества культур, образов жизни, историй (топосов), с которых познается мир и которые еще вчера совершенно игнорировались[240].

Интересно, что постколониальные исследования рассматриваются как теоретическое обоснование для диалога между «цивилизацией» и «другими», поскольку подразумевает как взгляд со стороны развитых в знаниевом и технологическом отношении сообществ, так и со стороны подчиняемых ими (в прошлом или настоящем) субъектов. В России «постколониализм» и глобально-исторические составляющие этого дискурса связаны прежде всего с изучением материального положения, демографии и ментальностей групп, испытавших на себе положение колониальных «иных», таких как коренные сообщества, малочисленные этносы, некоторые другие социальные группы. (Т. Шанин[241]; С. А. Нефедов[242]). Е. Ю. Чемякиным были выделены следующие проблемные поля постколониальных исследований: нация и национализм, ориентализм, саморепрезентация, поиск культурной идентичности, мульти-культурная личность, проблема отношения к прошлому[243].

Начавшись с рассмотрения взаимодействия «запада» и «другого востока», в постколониальных исследования нарастает интерес к изучению всех «других» культур, так, например, идея национальной культуры уступает место идее «мультикультурного» общества, и понятие «другой» применяется к самым разным общественным группам (чаще к тем, которые считаются традиционно дискриминируемыми) – гендерным, этническим, религиозным, расовым меньшинствам.

---

[240] Mignolo W. The darker side of Western modernity: global futures, decolonial options. Durham, 2011. 226 с.

[241] Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. Москва, 1992. 432 с.

[242] Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 543 с.

[243] Чемякин Е. Ю. Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012. С. 15–16; Голубкина С. В. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 2 (14). С. 20.

Постколониальный дискурс характеризуется так называемым «этническим ренессансом». Этнический ренессанс – понятие, появившееся в отечественной и зарубежной литературе в 80-х гг. XX в., выразительно определило оживление национальных процессов в мире. Этнический ренессанс вызывается в основном преодолением остатков колониализма и борьбой с неоколониализмом[244]. Об этом также писал И. Валлерстайн. Интерпретируя его тезисы в статье постколониального периода «Существует ли действительно Индия?»[245], можно сказать, что каждый народ обладает определенной «этничностью», причем она проявляется по-разному в разные временные отрезки истории. Основной мыслью автора является то, что «этническая идентичность» может структурироваться не только на объективном уровне (через ментальность, восприятие), но также и через влияние субъективного уровня (через связь субъекта с тем или иным этносом или с государством). Таким образом, взаимодействие сообществ создает место для анализа самоидентификации и диалога. Еще одним важным тезисом И. Валлерстайна является то, что есть различные способы социального выражения или коллективной ментальности, включая национализм, религию, однако могут быть и другие способы конструирования этнической идентичности[246].

Поскольку диалоговый потенциал различных культур во многом определяется состоянием исторического сознания в мире и конкретном обществе, считается, что постколониальный дискурс в большей степени способствует и ориентирован на диалог[247].

Именно в период смены колониального мира на мир деколонизации, в последней четверти XX в., возникает и социокультурная антропология как новое направление юриспруденции, которое развивается как реакция общества

---

[244] Стешенко Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие X–XXI вв. Москва, 2002. С. 18–22.

[245] Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. № 5 (56). С. 3–8.

[246] Там же.

[247] Ионов И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2. С. 47.

на позитивистскую методологию в юриспруденции, или даже на отчуждение человека от права[248].

Представление о правовом положении коренных народов в мире стало меняться еще в большей степени в 1970-х гг., когда по инициативе Организации Объединенных Наций (далее – ООН) началось серьезное исследование особенностей их образа жизни и культуры. Результаты научных изысканий повлекли формирование новых подходов к решению проблемы защиты прав коренных народов. Теперь эти подходы должны были соответствовать их мировоззренческим и ценностным ориентациям. Значимым фактором новой парадигмы развития послужило еще и то, что в отдельных случаях к исследованию привлекались сами представители коренных народов[249].

Таким образом, постколониальная концепция правового регулирования коренных народов характеризуется следующими тенденциями:

1. Государства начали признавать культурные особенности коренных народов не как признак их «отсталости», а как ценный вклад в культурное многообразие (англ. *cultural diversity*) и формулировать их особые права, которые частично были отражены[250] в таких универсальных международно-правовых документах, как Всеобщая декларация прав человека (1948)[251], Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)[252], и других актах, разработанных и принятых в то время. Нормы, основанные на новых подходах и концепциях, были

---

[248] Елфимов А. Л. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сборник статей / ред. и сост. А. Л. Елфимов. Москва, 2012. С. 10.

[249] Гусейнов К. К. Проблема защиты прав коренных народов в современном международном праве // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2015. № 3. С. 11.

[250] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[251] Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

[252] Международный пакт о гражданских и политических правах» - принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, документ ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18.09.1973 г. № 4812-VIII с заявлением // Ведомости Верховного Совета СССР от 28.04.1976 г. №17. Ст. 291.

интегрированы в национальное законодательство ряда государств. Например, в Дании в 1978 г. появился Закон о внутреннем самоуправлении Гренландии[253], в Швеции в 1974 г. – Закон о форме правления[254], в Норвегии были приняты Закон об оленеводстве 1978 г.[255] и Закон о саами 1987 г.[256]

2. Коренные народы к 1990-м гг. все чаще заявляли о своих правах и выражали свою самоидентификацию, высказывали мнение о желании или нежелании ассимилироваться с другими сообществами. Крах евромодерных установок, не приведших к обещанному успеху и гармонии для всех, заставлял исследователей во всем мире заново прислушиваться к голосам, ценностям, экономикам, культурам, которые были дискредитированы модерностью как традиционные или «отсталые». Особенности, ценности, которыми обладали коренные народы (традиционные знания, языки, единение с природой и иные), перестали считаться «низким» уровнем развития, а стали подчеркиваться как «уникальные» качества, которые способны оказать положительное воздействие на всю планету и общество.

3. Сообщества и представители коренных народов демонстрировали свои стремления вести особый образ жизни, сохранять традиционную культуру, но в то же время развиваться – получать больше политических и экономических возможностей, участвовать в принятии государственных решений.

4. Такие явления, как интеграция и насильственная ассимиляция коренных народов все чаще стали получать негативную оценку на международном уровне и исключаться из сферы национального правового регулирования. Государства включают в свои нормативные правовые акты нормы, предоставляющие возможности учета мнения коренного населения, «диалога» между публичной властью и коренными народами[257].

---

[253] Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы / сост. В. А. Кряжков Москва,1994. С. 413.

[254] Там же.

[255] Там же. С. 446.

[256] См.: Сандвик Г. Правовой статус саами // Государство и право. 1992. № 9. С. 113.

[257] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

Уже к 1990-м гг. во многих странах, особенно в латиноамериканских, заговорили о несостоятельности колониальной концепции[258]. Стало усиливаться понимание, что решения об изменении образа жизни, интеграции с другими этносами, переселении и других трансформаций жизни коренных народов необходимо принимать либо самими сообществами, либо с их полного осознанного согласия. Однако на практике такие подходы применялись далеко не во всех государствах.

В настоящее время в рамках постколониальной концепции на мировом уровне признается интерес каждого народа сохранять непрерывность политического, экономического и культурного развития на территории проживания и хозяйствования, самостоятельно определять направления экономического развития, чтобы оно не разрушало данный народ, а укрепляло его способности к самоуправлению и саморазвитию.

В постколониальный период тон научных публикаций о Севере и населяющих его народах радикально меняется. Постоянно подчеркивается, что, по историческим данным, в Арктике с древнейших времен существуют очаги человеческой культуры, не уступающие по своей значимости и оригинальности другим центрам культуротворчества на Земле[259]. Народы арктических территорий несколько тысячелетий назад создали своеобразную культуру, главная ценность которой состоит в «нетравматичном» взаимодействии человека и природы, и пронесли ее через века до настоящего времени, постоянно адаптируя к меняющимся условиям жизни.

Отличительной особенностью циркумполярной культуры является экстремальность условий ее функционирования. С ее помощью северные народы удержали за человечеством в самой холодной части планеты уникальный плацдарм среды обитания человека, хозяйственно освоили большие территории[260].

---

[258] Костогрызов П. И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 73–76.

[259] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. С. 59.

[260] Там же. С. 59-60.

Сложность реализации этнополитики, соответствующей постколониальной концепции правового регулирования, характерна и для других арктических стран. Так, например, на Аляске (США) некоторые успехи коренного населения в установлении и защите своих социально-экономических прав стали возможны только в середине XX в., когда начался подъем этнического самосознания. Этому периоду предшествовала активная политика ассимиляции коренного населения, которая претворялась в жизнь в 1884–1909 гг. В итоге данная политика практически разрушила основы традиционной жизни, не дав взамен надежных основ существования, следствием чего явились нищета, болезни, алкоголизм, вымирание. Численность алеутов, к примеру, к началу XX в. сократилась до 1000 человек[261]. В современной культуре северных народов Аляски до сих пор отмечается высокий уровень влияния американской культуры, в том числе в одежде, жилищах, предметах быта.

Постколониальная концепция правового регулирования, на наш взгляд, дает возможность для развития концептуально иных отношений между этносами, различными культурными и социальными группами, противопоставляя мировое сообщество (государство) локальным сообществам (семье, общине). Так, например, И. Валлерстайн, А. Рохас изучая взаимодействие локальных и глобальных систем, пришли к пониманию, что экономика домашнего хозяйства, натурального хозяйства имеют важное экономическое, социальное и культурное значение, поскольку они обуславливают специфику воспроизводства и вовлечения всех заинтересованных сторон, создают условия для устойчивого развития и более эффективной адаптации к быстро меняющимся внешним условиям[262].

Постколониальная концепция также подразумевает развитие различных доктрин в отношении коренных народов. Так, например, в Канаде была

---

[261] Ляпунова Р. Г. Этнокультурные изменения у алеутов в русский период истории Аляски (вторая половина XVIII – середина XIX в.) // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов, 1983 г. / отв. ред. Р. Ф. Итс; АН СССР ИЭ. Ленингр. часть. Л, 1985. С. 71–72.

[262] См.: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

сформулирована «доктрина примирения»: государство признало применение культурного геноцида в отношении коренных народов, который выражался в том, что дети коренных народов изымались из семьи, помещались в школы-интернаты, где подвергались сексуальному, физическому насилию, воспитывались в системе знаний и ценностей, не соответствующих традиционной культуре. В государстве с 2008 г. исследовались проблемы, вызванные политикой ассимиляции, а в 2015 г. был не только официально признан значительный вред, причиненный коренному населению, но, кроме того, приносились официальные извинения тем людям, которые пострадали от насильственной ассимиляции, а также выплачивались существенные денежные компенсации[263].

В современном мире традиции коренных народов перестают быть целостными, изменяются под влиянием технических процессов, цифровизации, миграции населения. Нельзя требовать от коренных народов во что бы то ни стало сохранять их культуру, образ жизни как что-то неизменное, как модель прошлого, равно как представляется неправильным намеренно выстраивать границы между «мы» и «они», «экзотичным» и «обычным», «прошлым» и «будущим», «умирающим» и «живущим»[264]. Но в то же время запрос государства и международного сообщества часто направлены на «консервацию» уникальной культуры и образа жизни коренных народов[265]. Государство, исследовательское сообщество, международные организации пытаются навязать «доминирующее» мнение о том, что коренные жители забыли свою культуру или отказались от обычаев предков, т.е. формируют представления о «других», в соответствии с образами других, которые уже существуют[266].

---

[263] Юдин В. И. Культурный геноцид коренных народов Канады: правда, примирение и остающиеся без ответа вопросы // Власть. 2015. № 10. С. 205–207; См. также: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

[264] Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 3. С. 97.

[265] Филиппова Н. А. Право коренных народов: перспективы развития в условиях освоения Арктики // Арктика: общество, наука и право: сборник статей / под ред. Н. К. Харлампьевой. Санкт-Петербург, 2020. 542 с.

[266] The Oxford Handbook of Postcolonial Studies / ed. by Graham Huggan. Oxford, 2013. 734 p.

Поскольку в эпоху колониализма усилия государств ассимилировать коренные народы либо сформировать их пути развития исходя из понимания «центра», с одной стороны, оказывались не всегда успешными, а с другой – привели к психологическим стрессам, физическому исчезновению, социально-экономическим проблемам представителей этносов, то в постколониальный период государства начали обращаться к более современным подходам для учета интересов, взглядов и стремлений всех народов, сосуществующих на их территории. В формирующемся постоколониальном дискурсе перед государствами и живущими в них этносами стоит важная задача – создать возможности для диалога, сделать модели взаимодействия коренных народов с публичной властью более осмысленными и направленными на достижение целей развития всего государства и каждого этноса. Это представляется возможным, поскольку происходит как трансформация этничности, так и неоспоримая тенденция к полиэтничности и «многоликости» современных национальных государств, которая в перспективе может только возрасти[267].

Подводя итоги, обобщим: две концепции правового регулирования коренных народов – колониальная и постколониальная – представляют собой совокупности реалий, политических взглядов, правовых доктрин и правовых инструментов, на основании которых исторически строились взаимоотношения между коренными народами и государствами в различных странах.

Цель проведенного анализа – показать, что при колониальной концепции правового регулирования коренные народы воспринимались в основном как отсталые, неспособные внести вклад в развитие человечества. В рамках колониальной концепции происходило ущемление их прав по сравнению с другими категориями граждан, насаждение чуждой культуры, языка, обычаев, ассимиляция и насильственное переселение с исконных земель, возникали проблемы жизнедеятельности.

---

[267] См.: Подходы к взаимодействию коренных народов и государств // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 2. С. 52–88.

Основной мыслью для защиты является то, что правовое регулирование коренных народов в российском государстве должно осуществляться на основе постколониальной концепции, которая признает интерес каждого народа сохранять непрерывность политического, экономического и культурного развития на территории проживания и хозяйствования. Постколониальная концепция призвана поддерживать конституционный мультикультурализм, основанный на интеграции локальных культур, ценностей в право и позволяющий этносам за счет эффективного правового регулирования адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

ГЛАВА 2. КОРЕННЫЕ НАРОДЫ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

2.1. Формирование правовой теории этничности с учетом знаний социально-гуманитарных наук

До настоящего времени проблематика коренных малочисленных народов Российской Федерации, их правового положения в обществе и государстве, способов гарантирования и реализации прав изучалась в основном в общетеоретической, а также в отраслевой и межотраслевой правовой литературе, где она давно стала предметом самостоятельного исследования и получила достаточно широкую разработку в трудах ученых-юристов. И очевидно, что нормы конституционного права в данной области формировались без соотнесения с другими областями знаний, которые гораздо больше внимания уделяют этносам. Как результат мы наблюдаем многие проблемы правового регулирования, в том числе отмеченные нами выше – запутанность терминологии, неэффективность существующих правовых норм, пробельность законодательства. В частности, в современных конституционных исследованиях не определено то, какое место в правовой науке занимают философские, социальные, управленческие, т.е. не только правовые, аспекты жизнедеятельности коренных народов.

Все больше ученых склоняются к тому, что ни одна из существующих ныне теорий, рассматривающих деление человеческого общества на различные народы, не может претендовать на более полное раскрытие сути этнической составляющей в социуме. Понятие «этнос» сложно определить однозначно в том числе потому, что в этой категории заключено множество разнообразных характеристик. Тем не менее разнообразие взглядов, подходов в исследовании проблемы

доказывают тот факт, что этнос, как любое сложное явление, требует разносторонних подходов[268].

Поэтому в диссертационном исследовании автор посчитал возможным отойти от чисто правовых методов научного познания и обратиться к иным областям знаний, с тем чтобы четко определить правовое место коренных народов в современном обществе и, как следствие, выработать более эффективные подходы к определению их конституционно-правового статуса, инструментов его реализации и направлений дальнейшего конституционно-правового развития.

В рамках данного параграфа необходимо в первую очередь рассмотреть теоретические основы понятия и сущности этноса, что является базовой категорией, лежащей в основе этнических отношений.

Долгое время терминология, связанная с «этносом» и «этничностью», была известна только узкому кругу специалистов. В последние годы данные термины и базирующиеся на них категории стали использоваться в общественно-политической и правовой сферах, их начали включать в нормативные правовые акты[269].

Термин «этничность» (*ethnicity*) встречается в западной литературе с 1940-х гг. и первоначально означал «другие», то есть отличные социальные группы. Развитие термина этничность начинается с 1960-х гг., когда этот концепт стал ответом на изменения в постколониальной геополитике и на политические движения этнических меньшинств во многих промышленно развитых странах. Обсуждение этничности касалось таких разных явлений, как социальные и политические изменения, формирование идентичности, социальный конфликт, расовые отношения, нациестроительство, ассимиляция и проч. Впервые научное определение этничности, которое принадлежит американскому социологу Д. Рисману, появилось в 1953 г.[270] Начало широкого употребления термина

---

[268] Харабаева А. О. Аксиологические основания этноса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. № 7(4). С. 149–154.

[269] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[270] См.: Riesman D., Psychological Types and National Character. An Informal Commentary // American Quarterly. 1953. Vol. 5. P. 325–343.

«этничность» принято относить к середине 70-х гг. XX в. с именами американских политологов Н. Глейзера и Д. Мойнихэна[271].

С начала 1990-х гг. в российской этнологии и других социальных науках понятие «этничность» используется все чаще и укореняется все прочнее, распространяясь в связи с использованием новых научных методологий, возрастающего значения в обществе и возможностями практического применения. Как отмечает С. Е. Рыбаков, понятие это не было традиционным и для западной социальной (культурной) антропологии – Н. Глейзер, М. Бэнкс и Д. Мойнихэн писали об «этничности» как о весьма новом понятии[272]. На протяжении многих лет «этничность» является ключевым понятием антропологии и социологии, тем не менее его значение, применение и соотношение с другими понятиями по-прежнему оставались неясным»[273]. Причина этого, лежала скорее всего в том, что этничность подразумевала приоритезацию этнических ценностей, являлась достаточно субъективной категорией и была междисциплинарным понятием[274].

Этнос и этничность рассматривается в различных научных концепциях, которые сводятся в основном к трем следующим подходам:

– примордиалистскому,

– конструктивистскому,

– инструменталистскому[275].

Примордиалистский подход исходит из того, что этничность основана на глубоких связях с определенной группой или культурой, а значит, и на существовании реалий, которые могут рассматриваться или как преимущественно биологические, или как культурно-исторические. На этот подход оказал сильное воздействие эволюционизм с его интересом к биологическим,

---

[271] См.: Glaser N. Ethnicity: Theory and Experience / eds. D. P. Moynihan. Cambridge (Mass.), 1975. 512 p.

[272] См.: Рыбаков С. Е. Философия этноса. Москва, 2001. С. 79.

[273] Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. Москва, 2003. 379 с.

[274] Артановский С. Н. Этноцентризм и «возврат к этничности»: концепции и действительность // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 22; Чешко С. В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 35–38.

[275] Тишков В. А. Забыть о нации. Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

генетическим и географическим факторам. Схожие построения распространены и в российской литературе в рамках так называемой «теории этноса» (Л. Н. Гумилев, С. М. Широкогоров)[276]. Более социально ориентированными являются работы социологов (Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, В. В. Пименов, Ю. И. Семенов)[277].

В то же время существует и другое понимание этничности, которое включает рационально-инструменталистские ориентации. Известный российский социолог Н. Г. Скворцов дал наиболее полную характеристику данного явления. По мнению автора, этничность является аспектом социального взаимодействия между группами, имеет символическую природу, но при этом связана с политическими и организационными аспектами[278].

Этничность может быть присуща социальной группе, но пребывать в латентном состоянии и использоваться обществом в целях социальной мобильности, доминирования и социального контроля, в тех случаях, когда данной группе необходимо обосновать свое солидарное поведение, например, для политической мобилизации или достижения иных социальных целей.

Инструменталистский подход рассматривает этничность как результат политических мифов, создаваемых и используемых культурными элитами в их стремлении к преимуществам и власти.

Так, один из лидеров этого направления, П. Брасс, отмечает значительную гибкость даже такой исторически устойчивой формы идентичности, как этническая, которая также поддается перенастройке при определенных мерах

---

[276] Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Изд. Стереотип. URSS. 2022. С. 13.

[277] См., например: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва, 1983. 412 с.; Козлов В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. Москва, 1999. 343 с.; Пименов В. В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю.В. Бромлея // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / отв. ред. С. Я. Козлов. Москва, 2003. С. 12–18; Семенов Ю. И. Народ. Этнос. Нация. Статья 1. Общество, население, этнос // Философия и общество. 2013. №1 (69). С. 21–55.

[278] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. 38 с.; См. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. Санкт-Петербург, 1996. 183 с.

и под целенаправленным воздействием информационных систем. Их использование позволяет «политическим предпринимателям» стимулировать развитие интересов социальных групп и этнических общностей и воздействовать тем самым на их ценностные ориентации[279].

В информационную эпоху последней трети прошлого века эта теория была дополнена новым научным направлением — конструктивизмом, который указал на особую роль в трансформации ценностей определенных групп (например, государства или интеллектуальной элиты конкретного этноса), конструирующей культуру, изобретающей традиции, содействующей развитию и распространению национального самосознания[280]. Конструктивизм, ставший основной парадигмой современных социальных наук, дал толчок развитию еще одного научного направления — инструментализма, который сосредоточил свое внимание на изучении политических технологий манипулирования массовым сознанием.

В классических работах социальных антропологов мы находим констатацию того факта, что этничность ситуативна и изменчива, что она «может быть политической, экономической или культурной в своем проявлении в различного рода конфликтах, или проявляться во всех этих ипостасях одновременно»[281].

Как видим, природа и значение этничности изучались различными социально-гуманитарными науками и практически не рассматривались правом, хотя в то же время концептуальное понятие этноса, в рамках какого бы из подходов оно ни сформировалось, неизбежно ведет к институциализации этноса как субъекта политики и права, а интересы этнических общностей зачастую поддерживаются и гарантируются государствами именно посредством правовых систем. А. А. Жириков убеждает своих читателей в следующем: «Представляется правомерным рассматривать этносы... в качестве субъектов политики и права, формирующих то или иное состояние общества и государственности»[282].

---

[279] Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi, 1991. 778 p.

[280] См., например: Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. Москва, 1995. 323 с.

[281] Nash M. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago, 1989. P. 127; Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. Москва, 2003. С. 33.

[282] Жириков А. А. Политическая стабильность российского государства. (Этнополитический анализ.) Москва, 1996. С. 13.

В конце 1980-х гг. появились научные дискуссии и концептуальные разработки, описывающие подходы к взаимодействию государства и общества с различными этническими группами, предлагающие и обосновывающие этнические права. При этом ученые-юристы и политологи лишь частично изучали вопросы этничности. Среди наиболее важных работ можно отметить исследования Р. Г. Абдулатипова, В. С. Нерсесянца, А. И. Овчинникова, В. О. Соловей, С. А. Романенко, В. А. Тишкова, В. И. Фатхи, Т. Я. Хабриевой и др.[283], где авторы рассматривают следующие аспекты: формирование различных моделей этнической идентичности, множественность концепций этнической идентичности и ее многоуровневость, изучение гражданской и этнической идентичности в контексте общих цивилизационных процессов современной России[284].

Исследовательская проблема нахождения места этничности в правовом пространстве остается, на наш взгляд, открытой и требует внимания, прежде всего, со стороны теоретиков права. Справедливо отмечает А. А. Романов, что «этнические проблемы, тем более соотношение этничности и политики (права), вплоть до настоящего времени, не были объектом пристального внимания ни теоретико-правовой мысли, ни политической практики»[285]. На наш взгляд, к настоящему времени назрела необходимость сформулировать правовую теорию

---

[283] Абдулатипов Р. Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). Москва, 2005. 472 с.; Малинкин А. Н. Новая российская идентичность: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 66–86; Романенко С. А. Типология процессов национального самоопределения // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 66-74; Соловей В. О. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // Международная экономика и международные отношения, 2003. № 2. С. 98–109; Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 окт. 2010 г.). Москва, 2011. 299 с.; Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. Москва, 1997. 531 с; Тишков В. А. Этнология и политика: статьи 1989-2004 гг.: 2-е изд., доп. Москва, 2005. 384 с.; Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999-2008. Оренбург, 2008. 232 с.

[284] Libakov N. M., Sertakova E. A. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 8, №. 1. P. 121–136; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[285] Казнина И. А. Этнокультурная идентичность коренного народа саамы в политико-правовом контексте России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 65.

этничности, в основе которой должно лежать концептуальное понятие «этноса», выработанное социальными науками. Правовая теория этничности необходима в силу того, что она может, кроме всего прочего, теоретически и практически подтвердить особое место в обществе для коренных народов как уникальных этносов, аргументировать систему признаков, которые станут правовым основанием их конституционно-правового статуса, и будет способствовать правовым возможностям развития.

Поэтому цель правовой теории этничности в представленном диссертационном исследовании видится в следующем: обосновать взаимосвязи этничности и права, доказать, что углубленные исследования этнических факторов могут и должны влиять на правовые отношения, конструировать их и становиться обоснованием при принятии тех или иных властных решений. Для обеспечения мультикультурализма локальные этнические сообщества (коренные народы) нуждаются в предоставлении специальных юридических мер – коллективных прав. Только в этом случае право способно скорректировать существующее фактическое неравенство между различными культурными группами в рамках одного общества, обеспечить справедливое предоставление возможностей. Правовое признание этнической идентичности, языка и культурной принадлежности важно для полноценного осознания коренными народами себя как равноправных членов общества и полноценной личности.

Наиболее обоснованной для правовой теории этничности, на наш взгляд, является «теория этноса» в рамках примордиалистского подхода, в соответствии с которой «этнос» определяется как «группа людей, говорящих на одном языке, обладающих общей территорией, мировоззрением, комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ею от таковых других групп»[286]. Это неизменные характеристики этноса, которые у некоторых этнических групп, а именно у коренных народов, являются особенно значимыми

[286] Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова и ее критика // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 14–25; См. также: Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Л. В. Андриченко, Е. Е. Никитина, И. В. Плюгина, Н. И. Хлуденева. Москва, 2019. 272 с.

для существования и жизнеобеспечения, и следовательно, должны становиться правообразующими факторами.

Однако считаем, что «теория этноса» (примордиалистский подход) в чистом виде не будет достаточной для формирования правовой теории этничности по двум причинам. Во-первых, в течение исторического развития общества, особенно в эпоху колониализма, происходили процессы переселения народов, изменение образа жизни, отторжения их исторической памяти и культуры, в связи с чем характеристики этносов существенно меняются. Выше мы писали о том, что такие изменения особенно заметно влияют на коренные народы, чьи биологические, географические и исторические характеристики уникальны и отличны от многих других этносов[287]. Во-вторых, в связи с возросшим вниманием общества к этничности и этническому разнообразию все более существенными становятся политические, экономические, технологические изменения, происходящие с этносами, что делает их, с одной стороны, более гибкими, с другой – более подверженными влиянию государственных структур, политических технологий, общественного мнения и проч.

Одним из ключевых аспектов правовой теории этничности становится национальная и этническая идентичность, которая должна быть поддержана в государственно-правовой системе. В современной научной литературе, да и в политической практике, вопрос об идентичности этноса становится центральным уже в 1990-е гг. По словам С. Хантингтона, «кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом»[288]. Подобные кризисы приводят к исключению этнических групп из наций, протесту против такого отчуждения, социально-политической нестабильности, острым и устойчивым политическим расколам[289].

---

[287] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[288] Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва, 2004. С. 13.

[289] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 33.

Некоторые ученые различают понятия «этничность» и «этническая идентичность». Под этничностью они понимают объективные характеристики структурного взаимодействия этнических групп, а под этнической идентичностью – одну из составляющих общего процесса самоидентификации людей[290]. То есть, если понятие «этничность» включает в себя объективные признаки (этническая принадлежность родителей, место рождения, культура и язык), то этническая идентичность, наоборот, субъективна, причем культурная компонента рядом исследователей воспринимается одной из главных составляющих как этничности, так и этнической идентичности[291]. Неслучайно Л. М. Дробижева пишет: «Этничность – это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование этноспецифическим формам поведения, особенностям в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях»[292].

В. А. Тишков указывает: «Есть некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой. К числу таких характеристик относятся:

– разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;

– политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»;

– чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия»[293].

---

[290] Liebkind K. New Identities in Europe: Immigrant Ancestry and the Ethnic Identity of Youth. London, 1989. P. 28.

[291] Бакланов И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 401.

[292] Дробижева Л. М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества: сборник статей / отв. ред. Л. М. Дробижева. Москва, 1994. С. 9.

[293] Тишков В. А. Этнос или этничность. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/etnos_ili_.html.

Согласно концепции Э. Дюркгейма, этничность – это групповой феномен, который формируется «коллективными представлениями» и опытом предыдущих поколений, а не индивидуальным сознанием и опытом. Поэтому, на его взгляд, этничность чаще всего формируется как предписываемая и конституированная обществом характеристика. Тем не менее каждому человеку внутри этнической группы присущи собственные особенности и различия, следовательно этническая идентичность формируется гораздо сложнее, в ней есть и элементы этничности (групповой принадлежности), и влияние социальной реальности, равно как и личные представления и устремления представителей этноса[294]. Это говорит о том, что кроме общего, коллективного, статуса, важен учет мнения каждого представителя коренных народов.

Этническая идентичность – это комплексный феномен, включающий в себя три элемента: механизмы генерации, признаки общности, а также условия формирования идентичности[295].

Как писал академик Ю. В. Бромлей: «Среди всего многообразия человеческих общностей этносы, несомненно, должны быть отнесены к тем, что возникают не по воле людей, а в результате объективного развития исторического процесса. Они охватывают многие поколения людей, то есть являются потомственными, имея, соответственно, переменный состав. Таким образом, одно из характерных свойств этносов – устойчивость»[296]. В то же время существуют этническое самосознание и этническая самоидентификация, которые характеризуют отношение человека к этничности. Обычно личность легко определяет свою этническую принадлежность, опираясь на те или иные признаки этничности. Одним из элементов этнического самосознания является историческая

---

[294] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 37; См. также: Durkheim É. Preface to the Second Edition // The Rules of Sociological Method and Selected Texts on Sociology and its Method / ed. by S. Lukes, translated by W. D. Halls. New York, 1982. P. 34–47; Брачун Т. А. Источники этнической толерантности коренных малочисленных народов севера (на примере чукчей) // Гуманитарные и социальные науки 2009. № 6. С. 16-28.

[295] Там же.

[296] Бромлей Ю. В. К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей // Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А. А. Празаускас. Москва, 2000. С. 14.

память, означающая сохранившиеся и воспроизводимые из поколения в поколение воспоминания о прошлом в истории этноса.

Отдельной проблемой становится конструирование этничности под влиянием и в рамках государства. По мнению исследователей, «государство является одним из ключевых акторов, обладающих символической властью и участвующих в конструировании идентичностей (в том числе, этнических)»[297], так как, с одной стороны, обладает способностью номинировать и атрибутировать этнические группы[298], придавая им особый политический, экономический, правовой статус. С другой стороны, государство может предпринять комплекс мер и сформировать особую политику, направленную на укрепление этничности, усиления успешного мироощущения этносов, снятие ограничений для свободного развития[299].

Особый интерес представляет обоснование В. А. Тишковым «личностно-ориентированного подхода к изучению этнической идентичности». Он пишет: «Когда мы говорим об этнической границе, конструирующей группу, мы должны иметь в виду, что если даже это результат внутреннего выбора, то это не есть всеобщий выбор, а момент согласия только части социально активного населения, для которой участие в этническом дискурсе важно по тем или иным причинам»[300].

Условия формирования идентичности часто называют «конструированием» идентичности, т.е. выстраиванием границ между своей группой и остальным миром. При этом создание образа «другого» приводит к формированию определенных шаблонов или стереотипов при восприятии других сообществ.

---

[297] Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности / С. А. Тулаева, Е. Ф. Гладун, О. В. Захарова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 171.

[298] Brubaker R. Ethnicity without groups. Harvard, 2004. 296 p.

[299] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 43.

[300] Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. Москва, 2003, С. 119. См. также: Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. 392 с.; Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии / Н. И. Новикова. Москва, 2014. 407 с.; Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

Это означает, что этническая группа создается не только деятельностью ее представителей, находящихся внутри нее, но и внешними игроками, у которых существуют свои стереотипы в восприятии другой культуры, самобытности. Основываясь на этих стереотипах, они выстраивают свои ожидания и запросы в отношении данного этноса, его культуры, иных признаков. Зачастую внешние, доминирующие группы навязывают представителям этноса определенные образцы поведения, в основном из прошлого, которым те вынуждены соответствовать. Так, многие движения, отстаивающие свою национальную и культурную идентичность, выступают за консервацию отличительных особенностей своей культуры, ориентируясь на запросы внешних акторов[301]. Особенно часто такая ситуация наблюдается в транзитных сообществах, т.е. таких сообществах, где на смену прежним ценностям уже пришли новые нормы и практики, но они еще не получили достаточной легитимации[302].

Генерация этнической идентичности предопределяет положение этноса в обществе, в государстве и в мире, а также отношение государства и общества к данному этносу и, наоборот, отношение этноса к другим народам. Например, высокий общественный статус в историческом прошлом или социальном настоящем может вызвать чувство национальной исключительности и превосходства, трансформирующееся на практике в желание доминировать над другими народами. Чересчур низкий статус способен генерировать представление о незначительности своего народа, чувство национальной неполноценности или даже готовность отказаться от своей этнической принадлежности[303]. Такое положение особенно характерно именно для коренных народов: очень часто под влиянием внешних факторов, стереотипного восприятия общества или внутренних процессов эта категория этноса или ее отдельные группы могут конструироваться как «непохожие они», с набором негативных характеристик, такие

---

[301] Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 3. С. 93–109.

[302] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 42.

[303] Бакланов И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 399.

как «девиантные», «неполноценные». Примером такого конструирования можно назвать сложившийся в общественном сознании стереотип «отсталого малого народа» либо образ «ныне дикого тунгуса»[304].

То есть можно говорить о самостоятельном «конструировании» этнической идентичности либо о «навязывании» этнической идентичности извне[305].

В первом случае этническая группа или отдельные представители этноса стремятся сохранить свои характерные особенности, отличительные черты, чувство общности, солидарности и принадлежности к данному сообществу. Осознание своей принадлежности определяется множеством факторов, в числе которых общность языка, традиций, обычаев, культуры, хозяйственного уклада, территории проживания и др. Кроме того, немаловажными являются и факторы чисто субъективного, психологического характера[306].

Во втором случае этническая идентичность может быть определена решением других «внешних» групп о принадлежности или непринадлежности сообщества к этносу. В большинстве случаев такое решение принимает государство, на территории которого проживают эти сообщества, опять же на основании определенных признаков или тенденций развития общества[307].

Процесс конструирования идентичности включен в более широкие культурные и исторические нарративы. Он представляет собой сложный процесс, состоящий из сохранения и переосмысления традиционного в настоящем. Так, идентичность коренного жителя Севера тесно увязывается с принадлежностью к традиционной культуре и ведением традиционного образа жизни. В то же время и сами культуры, в рамках которых формируются идентичности, достаточно динамичны. С. Бенхабиб доказывает, что культуры конституируются посредством

---

[304] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 43.

[305] Бакланов И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 399.

[306] Ананидзе Ф. Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ» // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 19–27.

[307] Там же. См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

постоянных изменений. Разные культуры не представляют обособленные группы, имеющие четко обозначенные границы. В реальности ни одна культура не является абсолютно однородной. Все культуры существуют посредством взаимовлияния с другими культурами. Они постоянно трансформируются и преобразуются посредством взаимодействия своих членов с представителями других культур[308].

Вместе с тем конструирование идентичностей — необходимый элемент легитимаций власти, принятия норм права как необходимых для реализации (соблюдения, использования, исполнения, применения) и их защиты при нарушении какими-либо субъектами. При этом люди самоидентифицируют себя как лояльные граждане целостного и состоятельного государства, как соотечественники, ожидающие, что государство строит национальное законодательство в соответствии с конституцией (общественным договором), национальными интересами, обеспечивая условия для безопасности и благополучия граждан, и ожидает, в свою очередь, от сограждан законопослушности, патриотизма и следования национальным интересам. Именно этим можно объяснить появление в 2020 г. в статье 69 Конституции РФ новой нормы об «общероссийской культурной идентичности».

Общероссийская культурная идентичность – это комплексное явление, сложившаяся система, которая включает в себя много аспектов, в том числе национальный, этнический, социальный[309]. Для полиэтничных государств характерен феномен двойной культурной идентичности, который характеризуется ощущением принадлежности индивидов одновременно как к своей культуре, так и к культуре общегосударственной нации. Культурные различия не воспринимаются критически, они совмещаются в образе жизни, ценностях, поведении. Чрезвычайно важны в определении двойной идентичности знание

---

[308] Benhabib S. The claims of culture. Equality and diversity in the global era. Princeton, NJ, 2002. 622 p.; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[309] Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2. С. 55–68.

и восприятие как российских традиций, в том числе правовых, так и знание и использование традиций своего этноса и идентификация со своими культурными корнями и традициями. Для национальной идентичности наиболее важным аспектом является единение вокруг определенной национальной общности. Этот аспект чрезвычайно важен для определения фрейма российской идентичности, основанной на идее национальной государственности, базирующейся на целостности многонационального общества[310].

В свете этого целью правовой теории этничности будет обеспечение правовых условий для конкретизации ст. 69 Конституции РФ (в том числе в части этнокультурного многообразия и общенациональной культурной идентичности).

Используя данные теоретические положения применительно к конкретным этносам – коренным народам Севера, отметим, что все названные выше тенденции характерны и для них.

Отнесение себя к этнической группе выражается в чувстве духовной близости, сознания принадлежности к самобытной (т.е. обладающей характерными особенностями) культуре[311]. Представители коренных народов чувствуют и определяют себя причастными к общей «родословной», традициям и другим атрибутам этнической группы, языка, иных соответствующих факторов. Как отмечает российский ученый П. В. Гоголев, «коренным жителем является человек, который считает себя принадлежащим к такой группе и признается таковым этой группой»[312]. Применить этот подход становится достаточно сложным в современных условиях, когда на северные коренные сообщества влияют не только внутригосударственные политические и экономические процессы, но и глобализация, научно-технический прогресс, глобальные природные изменения.

---

[310] Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2. С. 55–68.

[311] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 18.

[312] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 78; См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

Коренные народы не только подвергаются ассимиляции, но и становятся изменчивыми «изнутри»: либо приспосабливаются к внешним условиям, либо меняют свою идентичность. Например, лица, принадлежащие к коренным народам и переселившиеся в города, совмещают свои культурные особенности с необходимостью интегрироваться в городское сообщество. В этом отношении необходимо также отметить, что некоторые группы стремятся сохранить свою этнокультурную самобытность, в то время как других вполне устраивает ассимиляция в национальное большинство[313].

Значительно меняются и внешние условия существования коренных народов и, соответственно, их культуры. Например, часть молодых людей из числа коренных народов Севера растут уже не в тундре, а в городах и поселках, они вовлечены в традиционный образ жизни лишь частично, приезжая в тундру на каникулы или погостить. Но несмотря на эпизодичность традиций в их жизни, молодежь осознает свою принадлежность к коренным народам и уникальность культуры своих народов, что в большей степени формируется через образовательные и культурные каналы (школы, музеи, книги). В то же время почти все молодые люди из числа коренных народов Севера хорошо адаптированы к современному контексту и плотно включены в него. Это связано с тем, что все они получили опыт учебы и жизни в школах-интернатах, которые являются интегративным механизмом между общинами, ведущими традиционный образ жизни, и современным миром[314]. Поэтому, рассказывая о культуре своих предков, молодые люди подчеркивают ее уникальность и значимость в общемировом контексте[315].

---

[313] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 70; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[314] Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (На примере ненцев Ямала): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2003. 309 с.

[315] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 46.

При этом коренные народы Севера испытывают влияние тех же процессов глобализации и мультикультурализма, что и остальные локальные сообщества. Это влияние вполне способно привести к появлению новых культурных феноменов, оживляющих традицию[316]. Жизнь коренного населения не соответствует какому-то одному культурному паттерну, застывшему в музейных экспозициях, а представляет множество разнообразных сценариев все в меньшей степени, соответствующих стереотипным представлениям о традиционных сообществах[317].

С одной стороны, часть коренного населения продолжает вести традиционный образ жизни и не готова отказываться от него. Многие семьи продолжают заниматься традиционными видами деятельности: охотой, рыболовством, оленеводством, собирательством. Поэтому их жизнь по-прежнему тесно связана с окружающей их природой и зависит от нее. У них остались представления о своей тесной связи с землей, на которой они живут. Основой своего благополучия они все так же считают сохранение своих священных мест и земель для занятий хозяйственной деятельностью[318].

С другой стороны, в эпоху глобализации появилось множество других сценариев конструирования идентичности у коренных народов. В такой ситуации все большую роль начинают играть малые группы, «элита» коренных народов, опирающиеся на этнические, религиозные, культурные характеристики, которые используются для противопоставления себя или своей группы другим группам[319].

В то же время запросы государства и международного сообщества чаще направлены только на сохранение уникальной культуры и образа жизни коренных

---

316 Головнев А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.

317 Пика А. И. Неотрадиционализм на российском Севере // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

318 Хакназаров С. Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований) Ханты-Мансийск, 2016. 100 с.

319 Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 47.

народов[320]. Происходит романтизация или искусственное культивирование самобытности. При этом изменения культуры и модернизация образа жизни вызывают упреки со стороны внешних акторов, связанные с тем, что коренные жители «забыли свою культуру или отказались от обычаев предков»[321]. Как замечает ряд исследователей, в этом проявляется желание доминирующей культуры формировать представления о «других», в соответствии с образами других, которые уже существуют[322]. В то же время, как уже было проиллюстрировано, повседневная жизнь коренного населения продолжает содержать много прежних правил и практик, но переосмысленных в современном контексте[323]. Наличие этих противоречивых тенденций заставляет коренных жителей искать новые пути конструирования и поддержания своей этнической идентичности. В настоящее время коренное население сталкивается с необходимостью балансировать между традиционными нормами и правилами и современным миром[324]. Особенно актуальным это является для молодежи, которая активно включается в современную жизнь, но при этом стремится сохранять связи со своим этническим сообществом[325].

---

[320] Филиппова Н. А. Право коренных народов: перспективы развития в условиях освоения Арктики // Арктика: общество, наука и право: сборник статей / под ред. Н. К. Харлампьевой. Санкт-Петербург, 2020. 542 с.

[321] Тулаева С. А. Негосударственное регулирование в сфере устойчивого развития // Открытый исследовательский семинар по социальным наукам. 18.05.2021. URL: https://science.spb.ranepa.ru/events/details/4258aa21-1b7a-4561-b3f2-38deb52b9d1c/. См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[322] Huggan B. The Postcolonial Exotic Marketing the Margins // Routledge, 1st Edition: 2001. 344 p.; См. также: Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[323] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 49.

[324] Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 130.

[325] Toivanen R., Fabritius N. Arctic youth transcending notions of ‘culture’ and ‘nature’: emancipative discourses of place for cultural sustainability // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2020. № 43. P. 58–64. URL: https://doi.org/10.1016/j.cosust.2020.02.003; Hamilton L. C., Seyfrit C. L. Town–village contrasts in Alaskan youth aspirations // Arctic. 1993. № 46(3). P. 255–263.

На международном уровне все чаще выражается позиция, что ни государство, ни другие представители меньшинства и их организации не должны принуждать лицо определять «этничность» коренных народов, их принадлежность к какой-либо группе населения. Копенгагенское совещание Конференции по человеческому измерению заявило об этом следующими словами: «Принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора, и никакие неблагоприятные последствия не могут возникать из осуществления такого выбора»[326]. В российской Конституции это положение выражено в статье 26: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

Таким образом, осознание и подтверждение собственной этнической идентичности коренных народов является, по сути, базовым правообразующим фактором и обусловливает их личные и общественные интересы, коллективные потребности, в том числе политического, экономического и культурного характера. Именно благодаря этому функционирование этнической идентичности становится в той или иной мере условием развития социокультурных, политических и экономических процессов среди различных групп коренных народов.

Этническая идентичность – это осознание человеком своей принадлежности к определенному этносу, осознание себя представителем этого этноса, благодаря чему достигается удовлетворение потребностей в самобытности, с одной стороны, а также защите и принадлежности к своей общности – с другой. Этническая идентичность является одним из наиболее постоянных компонентов человеческой субъективности, выражающей человеческую индивидуальность и формирующуюся в процессе самореализации. Фактически она не зависит или же в малой степени зависит от изменения видов деятельности, социальных позиций личности, политических или иных ориентаций[327]. В российских источниках этническая

---

[326] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 38.

[327] Бакланов И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 399.

идентичность понимается как зрелый уровень этнического самосознания, которая формируется посредством мотивационной, эмоциональной, поведенческой составляющих[328]. Именно этническая идентичность сохраняется как важнейший отличительный признак коренных народов, даже если иные характеристики не очевидны (язык, проживание на определенной территории, традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности)[329]. Это подтверждается и Декларацией ООН о правах коренных народов 2007 г., где основополагающим критерием определения сообщества «коренной народ» является собственное осознание себя таковым. В Декларации сказано, что коренные народы имеют право определять себя или свою этническую принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями[330].

Обсуждение этнической идентичности вызывает много споров среди исследователей. Во-первых, в связи с многочисленностью и условностью элементов, формирующих этническую идентичность. Во-вторых, эти обсуждения связаны с тем, насколько устойчивой она является в современном меняющемся мире[331]. Британский исследователь феноменов нации и национализма Э. Смит определяет границы этнической идентичности через общее происхождение и культурные традиции, включающие в себя фольклор, исторические воспоминания и связи. [332] Однако, последние могут быть пересмотрены в зависимости от сложившегося контекста и внешних воздействий[333]. Российский этнограф К. В. Истомин придерживается точки зрения, что этнос – феномен

---

[328] Антипенко Е. Д., Луцык Д. Н., Замараева Ю. С. Специфика понимания слова «этнос» в современной молодежной среде города Красноярска (результаты ассоциативного эксперимента) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: сборник материалов V Международной научно-практической конференции (30 ноября – 2 декабря 2015 г.). Красноярск, 2016. С. 130–143.

[329] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[330] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

[331] Calhoon C. Nationalism and the contradictions of modernity // Berkeley journal of Sociology. 1997/1998. Vol. 42, № 1. С. 1.

[332] Smith A. Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism. London and New York, Routledge, 1998. 270 p.

[333] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 41.

социальный, а его объективность обусловлена его историчностью, что делает его независимым от воли отдельных людей или групп[334]. Хотя государство или элитные группы, безусловно, оказывают влияние на представление людей о своей идентичности[335], поэтому внутри исторических рамок этническая идентификация «свободна и может меняться от ситуации к ситуации»[336].

В ряде многонациональных и многоконфессиональных стран имеется ряд специфических проблем взаимодействия с коренным населением по поводу установления политического и конституционно-правового статуса, признания и удовлетворения этнических интересов, в частности, сохранения традиционного образа жизни и традиционного природопользования или, наоборот, по поводу свободы отказа от традиционного образа жизни, а также создания особых условий при разрешении возможных конфликтов между коренными народами и интересами государства. Следует понимать, что условия, при которых развивались взаимоотношения государств и коренных народов, значительно менялись в течение времени (в частности, в колониальный и постколониальный период) и во многом зависели от подходов, формирующихся на уровне мирового сообщества, и исторических факторов конкретных государств[337].

Правовая теория этничности призвана интегрировать объективные характеристики и процессы этнических сообществ в систему правовых взглядов и подходов, которая легко политизируется в определенных исторических, социально-экономических, культурных и иных обстоятельствах и позволяет реализовывать ведущую идею о текущем развитии коренных народов, существующую на данный момент в обществе[338].

---

[334] Дискуссия по книге А. А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение» (М., 2012) // Этнографическое Обозрение. 2012. № 2. С. 209.

[335] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 41.

[336] Дискуссия по книге А. А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение» (М., 2012) // Этнографическое Обозрение. 2012. № 2. С. 212.

[337] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 52.

[338] Савинов Л. В. Концепт нации, конституция и этнополитика // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 75–91.

Опираясь на примордиалистское понимание этноса и связанные с этой теорией характеристики, видится возможным отразить реальные взаимосвязи и взаимозависимости нормативных, ценностных и морально-духовных установок в процессе правотворчества, а также в процессах конституционного правоприменения и правореализации. Формулирование правовой теории этничности представляется очень актуальным в настоящее время, потому что в обозримом будущем значение этничности в мире будет все повышаться, а этнические процессы будут существенно влиять на процессы социокультурные, политические, поэтому они нуждаются в четком правовом регламентировании.

Следовательно, как бы не изменялись внешние условия существования коренных народов, при проявленности этнической идентичности и выражения самосознания государство должно основывать конституционно-правовой статус этих этносов исходя из правовой теории этничности с учетом этнической идентификации и, соответственно, предпринимать все необходимые меры для его практической реализации. Определить признак этнической идентичности и наличие самосознания возможно через использование эмпирических наблюдений, в процессе диалога и иных способов выражения мнения, которые помогают установить, что имеет в виду человек, утверждающий свою этническую принадлежность. Иногда складывается такая ситуация, когда маргинализация, социальные и экономические проблемы, наряду с желанием признать и защитить свои коллективные и индивидуальные права человека, сохранить преемственность своей культуры, побуждают локальные сообщества заявлять, что они идентифицируют себя как коренные народы, соответствуют основному критерию, выделенному на международном уровне и, следовательно, могут претендовать на защиту основных прав. Известный российский этнограф А. В. Головнев также связывает изменчивость и возобновляемость этничности «персональной и групповой стратегией самоопределения», в которой «реализуется общность понимания и доверия», черпаются «ресурсы самореализации и позиционирования»[339].

[339] Головнев А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 11.

Полагаем, что формирование правовых норм с учетом сущности этничности, ее физиологических, исторических, культурных, ценностных и иных особенностей позволит сделать более устойчивой связь индивидов (коренных народов) с существующей этнополитикой и правом, обеспечить включенность представителей коренных народов в правовые, управленческие и общественные процессы, сделать социально-политические цели и ценности государства более понятными и близкими коренным сообществам и тем самым гарантировать более действенное правоприменение.

Исходя из правовой теории этничности, можно обобщенно сформулировать так называемый «этнический интерес», т.е. процесс осознания и удовлетворения разнообразных потребностей этнической общности, стремление к сохранению этнического своеобразия в трансформирующемся мире[340], который также может лежать в основе нормативных установок, гарантирующих основные права коренных народов[341].

Этнический интерес можно определить также как потребность в обеспеченности этноса и каждого его отдельного представителя различными материальными и духовными благами, исходящими из самобытных особенностей самого этноса и одновременно его современного образа жизни.

Представляется важным рассмотреть права, установленные законодательством Российской Федерации, исходя из этнических интересов коренных народов, сформировавшихся в современном мире, и предложить некоторые обобщения и дополнения в перечень существующих прав.

Культурные интересы могут быть рассмотрены как возможность сохранять социально-культурные особенности, свободно проявлять свои культурные эталоны, религиозные воззрения и традиции, сохранять и реализовывать культурные традиции и обычаи своего народа, обеспечивать сохранение

---

[340] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 101.

[341] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

исторической памяти, выраженной в предметах быта, памятниках этнического наследия; сохранять и развивать языки и иные объекты нематериальной культуры; реализовывать новые направления культурного развития, диктуемые современностью, распространять лучшие образцы культуры как в своей социокультурной среде, так и вовне[342]. Если проанализировать статью 8 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», то, к сожалению, мы не находим фиксации данной группы интересов в ее нормах. Статья содержит лишь право «получать от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для … культурного развития»[343], что на наш взгляд, как раз более относится к «конструированию» этнической идентичности со стороны государства через формы поддержки, чем к гарантированию права коренных народов на свободное выражение своих культурных интересов. Можно также предположить, что реализация перечисленных выше интересов была бы более эффективна в форме национально-культурной автономии, преимущества которой будут обоснованы далее.

Полагаем, что закрепление права на сохранение и развитие культуры будет способствовать более полноценному развитию коренных народов и их духовному благополучию. Наше мнение созвучно с международной позицией, в соответствии с которой представители ООН считают, что «неспособность разрабатывать приемлемые и учитывающие культурные особенности законы, стратегии и программы может привести к несбалансированности и неравенству в обществе»[344].

---

[342] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[343] Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[344] Осуществление Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: руководство для парламентариев // Межпарламентский союз (МПС). 2014. № 23. С. 10.

Социальные интересы могут быть представлены в создании следующих возможностей: сохранения традиционных, привычных форм социальной организации сообществ – семья, община; обеспечение доступности здравоохранения, образования, социального и бытового обслуживания, причем предоставляемые блага и услуги должны быть совместимы с традиционным образом жизни и представлениями коренных народов о данных видах отношений[345]. В соответствии с действующим законодательством коренные народы имеют право лишь «получать от органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического развития…»; «получать социальное обслуживание в порядке, устанавливаемом законодательством Российской Федерации»; а также «право на создание, организацию и деятельность общин коренных народов»[346]. Данные права реализуются в основном в форме социальных выплат, улучшения жилищных условий, предоставления образовательных и медицинских услуг, а также в поддержке деятельности общин. Однако за рамками правового регулирования остаются многие вопросы социальной организации, более значимой для коренных народов, такие как семья, родовая организация жизнедеятельности, социально-культурная среда. В то же время практически не регламентируется социальная поддержка студентам, семьям, иным категориям и группам коренных народов, которые имеют большое значение. Полагаем, что игнорирование социальных интересов может привести к социальным конфликтам, маргинализации, социальной неустроенности и иным проблемам коренных народов, которые будут описаны далее.

---

[345] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[346] Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 30. Ст. 3122.

Достаточно большое значение имеют экономические интересы коренных народов, которые в настоящее время гарантируются лишь через механизмы государственной поддержки, в том числе право: безвозмездно пользоваться в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционной хозяйственной деятельности и занятия традиционными промыслами, и участвовать в контроле за использованием таких земель; получать от органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для защиты традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов; пользоваться необходимыми льготами по землепользованию и природопользованию для защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов и иные права, связанные в основном с поддержкой традиционной хозяйственной деятельности и промыслов со стороны государства. Не умаляя положительного значения данных прав для существования коренных народов и их социально-экономического благополучия, отметим, однако, что в действующем законодательстве не отражены интересы коренных народов, связанные с осуществлением иных видов экономической деятельности и возможностью интегрировать традиционные виды хозяйственной деятельности в рыночную экономику. Достаточно ограниченной представляется и доступность объектов публичной собственности и иных средств, необходимых для обеспечения достойной жизни и развития личности в современном обществе[347].

Коренные народы имеют и определенные политические интересы, в частности, установление организационных форм осуществления власти через понятные или традиционные социально-правовые нормы, например, через нормы обычного права; гарантии особого статуса; возможность прямого и косвенного

---

[347] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 374.

участия в делах государства и в процессах принятия решений по значимым для них вопросам[348]. Такие интересы лишь частично закреплены в действующем законодательстве, например, в норме об участии в осуществлении контроля за соблюдением федеральных законов и законов субъектов РФ об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве и реконструкции хозяйственных и других объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; об участии через уполномоченных представителей малочисленных народов в подготовке и принятии органами публичной власти решений по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов; о проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; об участии уполномоченных представителей коренных народов в советах представителей при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления[349]. На наш взгляд, интегрирование политических интересов в нормы действующего законодательства представляется далеко не полным и крайне затруднительным в реализации, поскольку отсутствуют реальные инструменты участия, что будет отмечено в последующих параграфах.

В наиболее систематизированном виде новый подход к реализации конституционных норм, связанных с коренными народами, описал В. А. Тишков[350], выделивший, с учетом этнических интересов, ряд основных «этнических прав», которые должны быть закреплены в качестве основы жизнедеятельности коренных народов на территории любого государства. Полагаем, что этнические права должны быть сформулированы исходя из понимания этничности, этнической

---

[348] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[349] Там же.

[350] Тишков В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 73–89.

идентификации и связанных с ними характеристик коренных народов[351]. Основанные на таких характеристиках права коренных народов будут отражать их этнические интересы, сформировавшееся мировоззрение и ценности, и, кроме перечисленных выше, могут включать право народов на существование; право на этническую самоидентификацию; право на самоуправление; право на культурную самобытность; право на государственную и международную поддержку[352].

Сказанное выше позволяет сформулировать некоторые выводы и положения на защиту.

Правовая теория этничности представляет собой систему правовых взглядов и подходов, объясняющих взаимосвязи этничности и права и интегрирующих социально-гуманитарные знания об этносах в правовые нормы. Данная теория делает возможным обосновывать цели, направления, правовые формы регулирования этнических отношений, которые изменяются в современном мире, и позволяет выстраивать более эффективную правовую систему, отражающую характеристики, потребности и мнения этносов, к каковым относятся и коренные народы.

Правообразующими факторами и основой формирования правовых норм в данной теории выступают характеристики этничности, ее физиологические, исторические, культурные, ценностные и иные особенности, что позволяет выработать релевантную этнополитику, учитывающую этнические интересы и обеспечить включенность представителей коренных народов в правовые, управленческие и общественные процессы, сделать социально-политические цели и ценности государства более понятными и близкими коренным сообществам и тем самым гарантировать более действенное правоприменение.

Однако следует учитывать, что представления и ожидания коренных малочисленных народов о происходящих в мире процессах могут в значительной степени отличаться от представлений публичной власти, других этносов, поэтому

---

[351] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[352] Там же.

при формировании этнополитики и законодательства необходимо, во-первых, сопоставить существующие правовые нормы и заложенные в них цели, ценности, приоритеты с индигенными ценностями, а во-вторых, применять инновационные научные подходы для анализа этнокультурных и социально-культурных ситуаций, в том числе анализа систем мировоззрения, социальных практик, экономических стремлений, психологических возможностей коренных народов. Следовательно, разработке государственной политики и принятию законодательства в данной сфере должны предшествовать междисциплинарные научные исследования, которые обеспечат механизм учета этничности и особенностей этносов.

Формулирование правовой теории этничности представляется очень актуальным в настоящее время, потому что в обозримом будущем значение этничности в мире будет все повышаться, а этнические процессы будут существенно влиять на процессы социокультурные, политические, поэтому они нуждаются в четком правовом регламентировании. С помощью действенных правовых норм коренные народы получат возможность сохранять индигенность и в то же время осваивать атрибуты современного общества, к числу которых принадлежит и само право[353].

2.2. Признаки коренных народов как правообразующие факторы

Как было определено в предыдущем параграфе, в основе конституционно-правового развития коренных народов должна лежать правовая теория этничности, отражающая в том числе феномен индигенности, который характеризуется определенным набором признаков, отличающих коренные народы от других этносов, поэтому представляется необходимым подробнее

[353] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 95.

обосновать те критерии, которые сделают их положение в государстве легитимным и дадут правовые основания для предоставления особых коллективных и индивидуальных прав.

Во всем мире ученые различных областей знаний (этнографы, антропологи, историки, юристы) до сих пор дискутируют о том, какие именно признаки коренных народов лежат в основе особых правовых режимов регулирования их жизнедеятельности[354]. На наш взгляд, в современной ситуации появились основания к пересмотру существующих признаков, в том числе потому, что наступают новые условия, а также потому что теоретики в прошлом так и не пришли к однозначным выводам[355].

На нынешнем этапе социального, экономического и культурного развития коренных народов достаточно сложно опираться на существующие ранее критерии отнесения этносов к коренным: например, происходит смешение «кровных», родоплеменных признаков в связи со смешанными браками, проблематичным становится признание «первоочередных» прав на территорию в связи с тем, что старожильческое население достаточно давно разделяет территории проживания с коренными сообществами. Часть коренных народов не ведет традиционный образ жизни, предпочитая жить в городах и пользоваться благами цивилизации[356].

Впервые вопрос о выделении представителей коренных народов в качестве особого субъекта правоотношений был поставлен Международной организацией труда (далее – МОТ) в Женеве в Конвенции № 107 «О защите и интеграции

---

[354] Филиппов В. Р. Этничность в концепциях российского федерализма: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2003. С 89.

[355] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 87.

[356] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 95; См. также: Розин В. М. Опыт разработки политики в отношении аборигенного населения (по материалам экспедиции «Обская панорама») // Полис. 1993. № 5. С. 130.

коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах»[357] и Рекомендации № 104 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах», принятых 26 июня 1957 г. (далее – Рекомендация № 104)[358]. Указанная Конвенция МОТ была пересмотрена в 1989 г. Генеральной конференцией МОТ, созванной в Женеве Административным советом Международного бюро труда на 76ую сессию, принявшей новую Конвенцию № 169 МОТ от 27 июня 1989 г. Влияние Конвенции на правовую систему России оказалось существенным. Одним из главных его результатов было закрепление в общественном и правовом сознании того факта, что коренные народы представляют собой особую группу населения, являющуюся специфическим субъектом правоотношений, что во второй половине 1980-х гг. привело к официальному выделению из всей совокупности многонационального народа России групп населения по принципу «коренности» в качестве специфического субъекта права[359].

В свое время российскими исследователями, например, Н. А. Михалевой, была предпринята попытка определения юридических критериев отнесения этноса к категории коренных национальных меньшинств. В числе правовых предпосылок назывались: историческое единство и социально-психологическая общность этноса, обладание национальным самосознанием, культурными, языковыми характеристиками, специфической средой обитания, численность населения менее 1 млн человек[360]. Как мы отмечали выше, оправданным представляется

---

[357] Конвенция МОТ №107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах» (вступила в силу 2 июня 1959 г.). URL: https://docs.cntd.ru/document/1901053

[358] Indigenous and Tribal Populations Recommendation № 104 (dated June 26, 1957). URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312442

[359] Жуков М. А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 6 (150). С. 126.

[360] Жуков М. А. «Северное право» и пути отражения интересов его субъектов в законодательстве // Журнал российского права. 1998. № 6. С.24; Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский Север. Первый сборник статей / под ред. П. П. С-Мидовича. Москва, 1929. С. 69; Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. Санкт-Петербург, 1750. Кн. 1. С. 97.

встраивание примордиалистской теории в правовое поле, поскольку, во-первых, установленные данной теорией характеристики коренного народа остаются неизменными даже при активизации процессов изменений в современном мире, а во-вторых, именно эти характеристики отражают особую значимость коренных народов: исконное проживание на определенных территориях, уникальная и практически неизменяющаяся культура, устойчивость социальной организации сообществ, особый образ жизни и хозяйствования, основанный на духовной близости к природе и традиционных знаниях, а также определенные ценности, проверенные несколькими поколениями. Рассмотрим данные признаки подробнее.

Одним из наиболее часто встречающихся оснований особого правового статуса является доктрина «коренности» («исконности»). Исконность можно определить как первоначальную принадлежность небольших групп к территории, на которой они издавна проживают. Иногда эта доктрина обозначается термином «автохтонность», указывающая на тот факт, что представители данного народа были первыми, поселившимися на какой-либо территории. Признак «исконности» лежит в основе определения коренных народов, используемого в США и Канаде, – странах, характеризующихся специфической историей завоевания и этническими особенностями[361]. Как отмечает известный американский профессор Дж. Анайя, коренные народы являются потомками людей, населявших данную территорию до прихода других народов с другой культурой, религией, языком, обычаями другого этнического и расового происхождения[362]. В соответствии с этой доктриной коренные народы исторически населяли ту или иную территорию во времена, когда данную территорию начинали занимать другие народности, с несвойственной местным народам культурой, отличающиеся экономическим развитием, способами природопользования. При этом коренные народы подвергались выселению со своих «исконных» земель (США, Финляндия),

---

[361] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 136.

[362] Bowen J. R. Should We Have a Universal Concept of ´Indigenous Peoples' Rights? Ethnicity and Essentialism in the Twenty-First Century // Anthropology Today. 2000. Vol. 16. № 4. P. 12-16.

вынуждены были жить в условиях подчинения и колониального господства (Канада) либо попадали «под покровительство» государства, которое расширяло свои территории за счет присоединения исконных земель (Россия).

В Канаде уже с конца 1950-х гг. появились первые заявления представителей индейских общин о том, что именно индейцы (коренные жители) в действительности являются первожителями страны и, в связи с этим, имеют особые права[363]. Данное мнение было предложено в научном докладе «Обзор современного положения индейцев» (1967)[364]. В то же время многие политики, в частности П. Э. Трудо, придерживались противоположной концепции, а именно «равных возможностей для всех канадцев», независимо от их расовых, этнических или религиозных отличий, что является единственно возможным путем обеспечения равноправия и демократии. На наш взгляд, политика «равных возможностей» фактически означала политику ассимиляции. Эта идея подтвердилась позицией федеральных властей Канады, обнародованной в 1969 г. в виде «Белой книги по индейской политике»[365], в основу которой лег тезис о том, что всякие особые права и статус индейцев только усиливают сегрегацию и дискриминацию их в канадском обществе и поэтому стоят на пути ассимиляции. В целом же европейская колонизация и образование государств в США и Канаде привели к массовой гибели аборигенов, иногда к полному исчезновению целых племен, к большому сокращению территорий их традиционного проживания. Тем не менее, несмотря на насильственные перемещения, смешение различных племенных групп в пределах ограниченных резервационных поселений и в США, и в Канаде концепция «исконности» была положена в основу правового статуса коренных народов. В некоторых регионах, в частности, в северных и западных

---

[363] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 50.

[364] Hawthorn H. B. A Survey of the Contemporary Indians of Canada: Economic, Political, Educational Needs and Policies. Ottawa, Ontario, 1967. 211 p.

[365] Statement of the Government of Canada on Indian policy of 1969. URL: https://publications.gc.ca/site/eng/9.700112/publication.html.

районах Канады и в штате Аляска, коренные народы до сих пор сохраняют области расселения в пределах их исконных территорий[366].

Достаточно отличительным является подход к коренным народам в России, которая исторически складывалась как многонациональное, поликультурное государство. Известный русский ученый государствовед Н. М. Коркунов в конце XIX в. писал: «Условия географического положения и исторических судеб русского государства привели к тому, что мы со всех сторон окружены, как кольцом, окраинами, резко отличающимися своей культурой, племенным составом, религией, историческим прошлым от коренных русских областей»[367]. Для России, в отличие от многих колониальных держав, не было характерно стремление к исключительно насильственной этнической ассимиляции национальных меньшинств и коренных малочисленных народов[368]. Даже если в некоторых источниках встречается словосочетание «российская колонизация»[369], следует признать, что она была направлена не на уничтожение коренного населения, в частности из-за захвата земель (как в США и Канаде), а на «мягкую» интеграцию в российское общество, т.е. «превращение чужих в своих»[370].

Тем не менее в Российской Федерации также законодательно подтверждена доктрина «исконности» – через понятие «исконная среда обитания». Под исконной средой обитания коренных народов понимается исторически сложившийся ареал, в пределах которого коренные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни[371].

---

366 Стельмах В. Г., Тишков В. А., Чешко С. В. Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады. Москва, 1990. 316 с.

367 См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Санкт-Петербург, 1914. Т. II. С. 180; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

368 Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 203.

369 Соколовский С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнос, общество, государство. 1998. № 3. С. 75.

370 Тлепцок Р. А. Проблема «Имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. №3. С. 75–82.

371 Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

Сложным является вопрос об определении «коренности» через сроки проживания на исконной территории: разные государства применяют различные подходы к временным границам, очерчивающим исторические грани проживания народов. Например, в России основным является подход, при котором момент прихода русского этноса на территории проживания аборигенных народов рассматривается как черта, до которой проживание считается достаточно долгим для признания населения коренным, а после которой – недостаточно долгим. Однако некоторые ученые считают, что данный подход неприменим в рамках реальной этнической истории Севера, Сибири и Дальнего Востока, поскольку эти территории всегда являлись местом поселений новых групп, переселений, масштабных миграций, среди которых приход русских был лишь последней по времени крупной миграционной волной[372]. В США же применяется иной подход, который был зафиксирован в 1971 г. в Законе «Об урегулировании территориальных требований коренных жителей Аляски» (АНКСА): «коренные жители» определяются по наличию предка из числа аборигенов во втором или третьем поколении (хотя бы один из родителей, дед или бабушка)[373]. Согласно АНКСА, аборигены получили права на землю в районе именно тех поселений, где проживали их предки[374]. В Финляндии коренное население в соответствии с финской Конституцией (пар. 7) определяется по территориальному признаку и реализует свои основные права, в том числе право на «культурную автономию» только на территории конкретных северных муниципалитетов – Энонтекиё, Инари, Утсйоки и северная часть Соданкюля, которые именуются родиной саамов (англ. *Sami Homeland*)[375].

---

[372] Жуков М. А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 6 (150). С. 126.

[373] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[374] Максимов А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: от зарубежного опыта к российской модели: дис. ... канд. экон. наук. Сыктывкар, 2007. 136 с.

[375] Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy 1994 // 2 Government Bill HE 248/1994 vp. URL: https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248

В настоящее время во многих случаях, особенно в промышленно развитых странах, коренные народы существенным образом изменили характер своих связей с окружающим миром, и большинство из них уже не проживает на тех территориях, на которых проживали их предки. Однако земли предков могут иметь большое символическое и политическое значение даже в условиях индустриализации и экономической интеграции[376], поэтому признак коренного происхождения («исконность») до сих пор не утрачивает своего значения и, несомненно, является отличительной особенностью коренных народов[377].

Еще одним значимым признаком, по мнению Ф. Р. Ананидзе, считается «недоминирующее», а иногда и зависимое положение, которое коренные народы занимают на общегосударственном уровне[378]. Очень часто их положение являлось, и в некоторых случаях до сих пор является, дискриминационным, а государственная политика по отношению к ним – несправедливой[379]. Сходной представляется доктрина «несправедливого прошлого» по отношению к коренным народам[380], в связи с чем они наделяются особым правовым статусом[381].

По мнению В. И. Юдина, современное положение коренных народов постепенно преодолевает «стигму ущемленности и дискриминации»[382], в этом основная специфика постколониального дискурса, к которому обращаются все больше ученых, политиков и общественных деятелей. В Канаде, например, правовой статус коренных народов в середине XXI в. был дополнен на основе

---

376 Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 72.

377 Там же. С. 70.

378 Ананидзе Ф. Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ» // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 19–27; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

379 Swepston. Indigenous and Tribal Peoples and International Law: Recent Developments // Current Anthropology. 1989. Vol. 30. № 2. P. 259.

380 Гарипов Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. // Международное право и международные организации = International Law and International Organizations. 2013. № 3. С. 409.

381 См.: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

382 Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 79.

доктрины «примирения», заключающейся в том, что государство официально признало применение культурного геноцида в отношении коренных народов и значительный вред, причиненный коренному населению изъятием детей из семей, насаждением системы знаний и ценностей, не свойственных традиционной культуре[383]. Была создана специальная правительственная комиссия, которая начала рассматривать все случаи причинения вреда детям и семьям коренных жителей и принимала решения о «примирении»: представителям коренных народов, пострадавшим от насильственной ассимиляции, приносились официальные извинения и выплачивались существенные денежные компенсации[384].

В России же важным отличием статуса коренных малочисленных народов является то, что они не рассматриваются ни концептуально, ни законодательно как «жертвы внутренней колонизации», то есть не определяются через категории «доминирование – недоминирование»[385]. В. И. Юдин считает, что именно такой подход к коренным малочисленным народам в российской действительности является одной из предпосылок их низкой социальной защищенности и недостаточной степени осознания органами государственной власти и обществом необходимости такой защиты, что, безусловно, уменьшает социальную ответственность за неблагоприятное положение данных народов[386]. Позволим себе не согласиться с мнением ученого, во-первых, потому что – как мы отметили выше – отношения между российским государством и коренными народами никогда не носили ярко выраженный дискриминационный характер. Во-вторых, выделение такого признака нами рассматривается как проявление «колониального», «патерналистского» подхода, что может привести к чрезмерной опеке со стороны государства, в то время как государственная помощь не всегда

---

[383] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 92.

[384] Truth and Reconciliation Commission of Canada. URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1450124405592/1529106060525

[385] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.

[386] Там же.

решает проблемы коренного населения: способности самостоятельно управлять собственным развитием снижаются, нарастают потребности иждивенчества и ожиданий постоянной «внешней» поддержки.

Один из самых специфичных признаков, характеризующих коренные народы и проявляющихся почти у всех из них, – духовная привязанность к земле. Коренные народы неразрывно связаны с территориями, на которых проживали их предки, с землей и природными ресурсами, которые они используют для ведения традиционного хозяйства, сохраняют свою самобытность и традиционные знания, коррелированные с религиозными верованиями, социальными традициями и родным языком[387]. Коренные народы заявляют, что они являются «хранителями земли» – своей земной матери, прародительницы всего живого, понимают особую связь между ними и их землей[388]. С землей же связано и их культурное наследие, включающее в себя земельные участки, сооружения, священные места и иные объекты, представляющие археологическую, архитектурную, историческую, религиозную, духовную, культурную, экологическую или эстетическую ценность или значение[389]. Земли коренных народов подвергаются особой опасности при освоении арктических территорий, при этом негативному воздействию подвержена не только сама земля, но и ценности, системы верований и обычаев, социальная организация и традиции коренных народов, следовательно земля коренных народов нуждается в особой правовой защите.

В международном праве особое внимание уделяется праву индигенных народов на землю как основу их существования, как системообразующему началу

---

[387] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 89.

[388] Горубнов С. Н. Задорин М. Ю. Коренные народы и устойчивое развитие: монография. Архангельск, 2014. 358 с.; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[389] Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Л. В. Андриченко, Е. Е. Никитина, И. В. Плюгина, Н. И. Хлуденева. Москва, 2019. С. 127.

их государственно-правового статуса. С данным признаком связывается несколько этнических интересов и, соответственно, прав, в частности, на самоуправление, сохранение языка, развития культуры и решения социальных вопросов. И, напротив, замечено, что ущемление коренных народов зачастую обуславливается отсутствием у них прав на землю[390]. Взаимосвязь коренных народов со своими исконными землями особенно важна, поскольку на новых землях они не «приживаются» и погибают[391]. В связи с этим акцент в понятии коренного народа смещается уже не в сторону определения территории происхождения народа, которая в силу объективных причин, описанных выше, может меняться, а в сторону осознания связи этих народов с землей, с традиционным образом жизни, традиционными формами хозяйствования и промыслов, утрата которых может привести к полной или частичной ассимиляции коренных малочисленных народов с другими народами и, в конечном итоге, к исчезновению их как самостоятельных этнических общностей[392].

В качестве примера можно привести саамов Финляндии, которые были, во-первых, вытеснены на север в длительном процессе колонизации как со стороны Швеции, так и Российской империи. За несколько столетий переселений и ассимиляционной политики почти весь их традиционный образ жизни и экономика были разрушены, а знания, обычные нормы и языки запрещены в соответствии со вновь создаваемыми законами государства. В XX в. интеграционная политика включала обязательное образование в финноязычных интернатах, полностью искоренявшее связь с саамской культурой. Территории, исторически заселенные саамами, приобретали новые формы собственности.

---

[390] Кряжков В. А. Право коренных малочисленных народов России на земли и иные природные ресурсы // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: сборник научных статей. Москва, 2003. С. 159.

[391] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[392] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 18; См. также: Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

Таким образом, саамы были вынуждены ассимилироваться в финское общество, что привело к множеству социальных, психологических проблем[393].

Вопросы принадлежности земель и прав на них достаточно полно исследовались российскими и зарубежными авторами, в том числе Н. И. Новиковой, В. А. Кряжковым, Н. В. Даниловой, А. А. Максимовым, О. А. Мурашко, А. А. Траниным, Д. Станнардом (D. Stannard), М. Блейзером (M Blaser), Д. Харви (D. Harvey), Ф. Хорном (F. Horn), иными[394]. В их работах отмечается, что привязанность коренных народов к землям своего традиционного проживания является достаточно сложной характеристикой, которой не всегда можно дать четкое правовое оформление.

Проживание на «территории традиционного расселения своих предков» – это достаточно обширная формулировка, которая зачастую вызывает сложности в определении границ такой территории. В США и Канаде, например, в результате резервационной политики[395] коренные народы жили на определенных территориях, однако сомнительно, что коренные сообщества были «привязаны» к землям на территориях их изгнания[396].

Российский законодатель подчеркивает особое значение для коренных народов территории, которую они издавна занимают, однако принадлежность к территории рассматривается в совокупности с ведением традиционного образа жизни по Закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (исконная среда обитания). В связи с тем, что существование этих

---

393 Artemjeff P.; Attias M., Kettunen P. An Overview of the Current Situation of Integration and Good Relations Policies in Finland / Council of Europe. 2024. 37 p.

394 Мурашко О. А., Дордина Н. Ю. Этноэкологическое соуправление должно стать реальностью на Севере России // Мир коренных народов «Живая Арктика». 2009. № 22. С. 105–109; Транин А. А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы). Москва, 2010. 213 с.; Stannard D. E. American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World. New York, 1992. 358 p.; Blaser M., Harvey A. F. and McRae G. In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalization. London & New York, 2004. 259 p.

395 Гарипов Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6 (186). С. 67–73.

396 Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

народов в качестве аборигенных в первую очередь связано с землей, следует также учитывать конституционные нормы о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9).

Из формулировки, содержащейся в федеральном законодательстве РФ, следует, что к коренным народам относятся только те, которые проживают на территориях традиционного расселения своих предков и сохраняют традиционный образ жизни, хозяйствования и промыслов[397]. Однако следует учитывать, что практически многие народы под влиянием различных обстоятельств, как объективных, так и субъективных, в течение своей истории изменяли ареалы своего проживания, поэтому иногда определить территорию исконного проживания и расселения этих народов бывает достаточно сложно. Возможно, в этом случае следует руководствоваться, прежде всего, не столько традиционностью расселения, сколько определением территорий, которые за обозримый период времени перешли к нынешнему поколению от одного-двух предшествующих поколений. Например, основой предоставления земель коренному населению Аляски в соответствии с АНКСА стали права на исконно занимаемые земли, урегулированные еще договорами XIX в. Аборигенные права на земли, предоставляемые в соответствии с ранее заключенными договорами, были оформлены в виде права собственности на 12% земель территории Аляски, кроме того, коренные народы получили права собственности на недра, находящиеся под данными землями, денежные компенсации за земли, изъятые в связи со строительством нефтепровода и других хозяйственных объектов на территории Аляски[398].

---

[397] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[398] От патернализма к партнерству. Строительство новых отношений народов Севера и государства / отв. ред. А. Н. Пилясов. Магадан, 1998. 198 с.; См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

Интересно отметить, что данный идентифицирующий признак иногда подвергается критике со стороны самих коренных народов. По мнению известного чукотского писателя Ю. Рытхэу, «привязывание» законом малочисленных народов к землям своих предков и ведению традиционного образа жизни «вопиюще противоречит Конституции» и ограничивает права человека[399].

При описании конституционно-правового статуса коренных народов учитывается ведение традиционного хозяйства. Так, например, в Финляндии критерием отнесения к саамам был тот факт, что их предки по документам XVII–XIX вв. значились как «лопари» (саамы) одной из хозяйственных групп – оленеводческой, лесной или рыболовецкой, т.е. вели традиционное хозяйство и образ жизни[400].

Рассмотрим этот признак подробнее: до настоящего времени в российском законодательстве не было предложено определение термину «традиционная хозяйственная деятельность». Критерии отнесения коренных малочисленных народов Севера к ведущим традиционную хозяйственную деятельность в России основываются на специфике конкретного вида и места осуществляемой традиционной хозяйственной деятельности (перечислены в Постановлении Правительства в 2009 г.) и существующих законодательных ограничениях (получение разрешений, учет, контроль, регистрация). Кроме того, промышленное освоение северных территорий, изменение климата и нормативной правовой базы, масштабные экономические преобразования, происходящие как в России, так и во всем мире, привели к серьезным изменениям в традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. Эти изменения обусловливают целый комплекс взаимосвязанных проблем и противоречий, которые требуют серьезного изучения и анализа, разработки мер по их разрешению. Например, современные технологии совершенствуют способы ведения оленеводства, что, тем не менее, не изменяет основные признаки данного вида деятельности.

---

[399] Строгальщикова З. И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период // Финно-угорский мир. 2008. № 1 (1). С. 48–63.

[400] Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Москва, 2010. Вып. 221. С. 6.

Поэтому, на наш взгляд, в настоящих условиях в качестве отличительного признака следует использовать более широкий термин «этноэкономика», который можно обозначить как экономические отношения, возникающие внутри социально-культурной среды или территорий традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности под воздействием традиционного образа жизни и хозяйствования коренных народов и связанные с традиционным природопользованием, культурной и бытовой жизнедеятельностью, традициями, обычаями, идеологией, религиозными воззрениями[401].

Хотя этноэкономика в процессе развития общества и технологий претерпевает определенные изменения, тем не менее остается несколько основных характеристик традиционной хозяйственной деятельности коренных народов в современном мире[402].

Во-первых, это связь экономики коренных народов с традиционным природопользованием[403]. Основная часть хозяйственной деятельности коренных народов Севера всегда была связана с оленеводством, рыбной ловлей, собирательством, охотой. Во-вторых, экономика коренных народов привязана к конкретным территориям их проживания[404]. В-третьих, существует взаимозависимость экономической деятельности с социальными нормами и представлениями коренных сообществ[405]. В-четвертых, для ведения

---

401 Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 122–154.

402 Подробнее см.: Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

403 Kassam K. A. Hunting, Subsistence // Encyclopedia of the Arctic / ed. by M. Nuttall. New York, 2004. С. 65–80; Pickering K. A. Alternative Economic Activities // Lakota Culture, World Economy / ed. by K. A. Pickering. Lincoln, 2000. С. 38.

404 Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources / S. Kyllönen, A. Colpaert, H. Heikkinen [at al.] // Silva Fennica. 2006. № 40 (4). P. 687–728.

405 Новикова Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3. С. 102–111; Gladun E., Zakharova O. Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples // In Dawid Bunikowski, Alan D. Hemmings (eds.). Philosophies of Polar Law. Routledge. 2020. 196 p.; Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie: BOEM Report 2015-023/ G. Kofinas, ShB. BurnSilver, J. Magdanz [at al.]. Alaska, 2016.

хозяйственной деятельности коренные народы используют специфические традиционные знания[406]. Это включает в себя знание маршрутов миграции диких животных, особенностей местного климата, навыки охоты и ловли рыбы, умения перерабатывать собранные ресурсы, адаптироваться к природным катаклизмам и проч. В-пятых, этноэкономика тесно связана с культурой коренных народов, переплетена с особенностями их языка, фольклора, быта, промыслов[407]. Исчезновение оленеводства, например, означает угрозу утраты языков коренных народов, именно поэтому сохранение традиционной хозяйственной деятельности напрямую связывается с сохранением культуры коренных народов[408]. Даже в ситуации, когда речь идет не о традиционных видах хозяйственной деятельности, а о вновь созданных занятиях, культурные аспекты продолжают играть ключевое значение. Например, экологический и этнографический туризм, который развивается на землях коренных народов, возможен только благодаря «эксплуатации» элементов культуры коренных народов[409].

Во многих странах коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности даже в ситуации их экономической неэффективности[410]. Неизбежность трансформации природных и социально-экономических условий традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера в контексте их включенности в арктическую экосистему ставит задачу поиска видов хозяйственной деятельности (занятости), сохраняющих первоначальную связь

---

[406] Poppel B. Interdependency of subsistence and market economies in the Arctic // The Economy of the North. Statistisk sentralbyre - Statistics Norway / Solveig Glomsrod, Gerard Duhaime and Iulie Aslaksen (eds.). Oslo–Kongsvinger, 2006. C. 65–80.

[407] Tulaeva S., Nysten-Haarala S. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements. Resources. 8: 2019. C. 86.

[408] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[409] Nuorgam P. Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? // Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges / A. Xanthaki, S. Valkonen, L. Heinämäki, P. Nuorgam (eds). Leiden, 2017. P. 229–252.

[410] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

с экосистемой, но характерных постиндустриальному обществу[411]. Например, этноэкономика может включать такие виды деятельности, как сбор и обработка информации о состоянии окружающей среды (исследования и мониторинг), предоставление услуг, связанных с защитой и использованием природных ресурсов (экопатруль, туризм, традиционная медицина), проведение работ, связанных с восстановлением природных ресурсов (очистка, рекультивация, восстановление), искусственное разведение биологических ресурсов.

В связи с этим можно предложить расширить перечень традиционных видов хозяйственной деятельности, включив новые, более технологичные виды, в которые в настоящее время вовлечены коренные народы.

В качестве признака, характеризующего коренные народы, ученые часто указывают самобытную культуру, которая представляет один из наиболее значимых аспектов этничности. Об этом свидетельствует высказывание Л. А. Уайта: «Культура представляет собой организацию тех явлений и деятельностей (норм, поступков), предметов (средств, вещей, созданных с помощью орудий), идей (веры, знания) и чувств (установок, ценностей), которые связаны с использованием символов. Под культурой мы подразумеваем непрерывность вещей и событий во времени и вне человеческого организма, которую поддерживает создание символов»[412]. Традиция – это передача, предание, элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени. Традиция охватывает объекты социального наследия (материальные и духовные ценности), процесс социального наследования, его способы. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.д. [413] Обращаясь к этим сложным и многомерным понятиям, следует отметить,

---

[411] Деттер Г. Ф. Экономическое поведение коренных малочисленных народов Севера России: постановка проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 32–42.

[412] Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. Москва, 2004. С. 17.

[413] Хилтухина Е. Г. Традиционная культура коренных народов, составляющих этнический субстрат населения России // Научный журнал. 2020. № 1 (46). С. 85–87.

что культура обычно определяется формами организации и деятельности людей, их взаимоотношениями, способами ведения хозяйства, создаваемыми и используемыми ими материальными ценностями.

Важной составляющей культуры являются также духовные ценности, которые проявляются, прежде всего, в отношениях между людьми в семье, обществе и верованиях. Анализируя духовные ценности коренных народов Севера, например, следует учитывать, что они сложились под влиянием необходимости выживания в суровой арктической природе, обязывающей народы выработать традиции взаимопомощи, защищать наряду с человеком и природу. Можно также отметить, что культура коренных народов разнообразна, поскольку складывалась на протяжении долгого времени в условиях разрозненного проживания небольших групп коренных людей на огромных территориях. Это приводит к значимым отличиям в каждой отдельной группе людей, при этом каждая отдельная ветвь одного и того же этноса может обладать только ей присущими чертами и особенностями.

Долгое время язык рассматривался как один из факторов, условий формирования, жизнедеятельности, развития этноса. Язык учитывался как маркер сущности, объективного проявления народа, даже в том случае, если этот народ исчез, растворился в общем цивилизационном потоке. В исторической, этнографической науке достаточно примеров языков, которые остались от прошлых, не существующих в настоящее время народов. Данное обстоятельство могло бы служить одним из доказательств приоритета языка в ряду маркеров, обусловливающих формирование и устойчивого функционирование этноса. Ю. В. Бромлей полагает, что язык является либо условием формирования этноса, либо итогом этногенеза. Он же выделяет среди элементов материальной и духовной культуры, способствующих устойчивому функционированию этносов, их специфические проявления в виде обычаев, обрядов, народного искусства, норм поведения[414].

---

[414] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. С. 132. Цит. по: Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. Москва, 1987. С. 12.

В Финляндии, например, отнесение лица к этому коренному этносу (саамам) до 1996 г. осуществлялось по языковому критерию: владение саамским языком или подтверждение владения этим языком отцом или дедом. В настоящее время для признания саамом достаточно предъявить свидетельство, что среди его предков были саамы. Таким образом, этнический критерий основывают на принципе родства, а не на культурных или языковых признаках.

Еще одним способом установить особый статус коренных народов является «количественный критерий». В основном принято считать, что понятие «малочисленные народы» отражает именно российскую специфику, поскольку данный статус применяется в России только к наиболее социально уязвимой по признаку численности группе народов. В российской культурологической и правовой действительности одним из главных критериев выделения коренных малочисленных народов в особую категорию граждан является такой количественный показатель, как «менее 50 тыс. человек»[415]. На основании названных критериев в России выделяют 47 этнических общностей со статусом коренных малочисленных народов в соответствии с Единым перечнем, утверждаемым Правительством РФ. В данный перечень включены этнические общности Севера, Сибири и Дальнего Востока, насчитывающие менее 50 тыс. человек[416].

В политологии, социологии, социальной и политической антропологии, и даже в международном праве понятие «коренной народ» часто описывается при помощи концепта «меньшинства», однако этот признак независим от его демографических параметров[417]. Именно данный критерий в настоящее время, на наш взгляд, является наиболее дискуссионным.

---

[415] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // В монографии: Гражданин и государство // Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]; под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 94.

[416] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

[417] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 39.

Следует отметить, что определение меньшинства в целом разработал американский социолог Л. Вирт в 1945 году. Он впервые рассмотрел меньшинства в качестве объекта политического и социологического исследования, а также предложил два важных критерия их выделения:

– состояние дискриминации;

– осознание себя объектом коллективной дискриминации[418].

Таким образом, Л. Вирт научно обосновал проблему «дискриминационного меньшинства» (англ. *minority problem*), проявляющуюся в неблагоприятном социальном и политическом положении меньшинств[419].

С точки зрения количественных характеристик под меньшинством понимается группа, которая численно уступает остальной части населения.

Следует оговорить, что хотя и ситуация с коренными народами часто описывается при помощи концепта меньшинства, однако дефиниции «коренной народ» (англ. *indigenous peoples*) и «меньшинство» (англ. *minority*) не тождественны[420]. Наиболее отчетливо разделение данных понятий можно проследить в международно-правовой системе, где дефиниция «меньшинство» отвергается представителями коренных народов как «артикуляция колониальной риторики доминирующего большинства»[421], не соответствующая их законодательно закрепленному особому статусу.

Вероятно, поэтому в последнее время данный признак конституционно-правового статуса подвергается критике, в частности, со стороны ученых-этнографов, которые также говорят о повышении численности представителей коренных народов в России – например, ненцев (более 49 тыс. в 2021 г.)

---

[418] Wirth L. The Problem of Minority Groups // The Science of Man in the World Crisis / ed by Linton, Ralph. New York, 1978. P. 347–372.

[419] Ibid.

[420] Альфредсон Г. Права меньшинств: равенство и недискриминация // Ленинградская конференция по правам меньшинств = Leningrad minority rights conference: доклады и сообщения, 2-4 июня 1991 г. / отв. редакторы: Н. Юхнева, Х. Крагю. Ленинград, 1991. С. 12–35.

[421] Куропятник М. С. Коренные народы в процессе социальных изменений. Санкт-Петербург, 2005. С. 31; См. также: Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 146–147.

и кавказских абазинов (свыше 41 тыс.)[422]. Причем их озабоченность связана не с демографической ситуацией, которая как раз имеет положительную динамику, а с рисками несоответствия формальным ограничениям статуса коренных малочисленных народов в виде численности до 50 тыс. человек[423].

С одной стороны, критерий малочисленности указывает на необходимость органам публичной власти обращать особое внимание на данные этносы, поскольку их неблагоприятное процентное соотношение объективно ведет к ассимиляции, растворению в основной, титульной нации и требует принятия специальных мер для их сохранения. С другой стороны, наличие в законе численного критерия носит дискриминационный характер. Этим требованием государство, гарантируя защиту прав коренных народов в обмен на их малочисленность, ограничивает их стремление к росту своей численности[424].

Именно «размер» коренного народа, закрепленный в правовых нормах в России, до сих пор не позволяет коми и саха (якутам) иметь статус коренных народов, при этом коми признаны коренным народом Европы по версии ООН[425].

Конституция РФ нигде не проводит разделения народов на основании их численности. В преамбуле Конституции указано, что она исходит из «общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов». Как было отмечено в первой главе, в науке и в законодательстве не существует признанного всеми определения народа. Например, в словаре В. И. Даля, составленном почти два века тому назад, народ понимается как люди, «народившиеся на известном пространстве; язык; племя; жители страны,

---

422 Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya.

423 Головнев А. В., Киссер Т. С. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. 2022. № 3 (17). С. 8–9; См. также: Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // Гражданин и власть / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]. Тюмень, 2023. С. 95.

424 Гарипов Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. 2012. № 6 (186). С. 71.

425 Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // Гражданин и власть / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]. Тюмень, 2023. С. 95.

говорящие одним языком»[426]. С этой точки зрения численные критерии, являющиеся основанием для определения народа, этноса, вызывают сомнения.

Подводя итог сказанному выше, мы можем сделать вывод, что отнесение какого-либо этноса к коренным народам возможно на основании определенных критериев, которые устанавливаются либо изменяются в результате политических и иных трансформаций. Такие критерии могут формулироваться исходя из феномена индигенности, т.е. совокупности сущностных характеристик, присущих коренным народам, которые остаются неизменными даже при изменчивости коренных сообществ в современном мире. Учитывая примордиалистский подход к пониманию этничности, выделяющий основные характеристики этноса через принадлежность к территории, язык, этническую экономику, расовый тип, мировоззрение и ценности, а также через осознанную принадлежность к самобытной группе людей (самоидентификация), признавая вслед за мировым сообществом особенные признаки коренных народов, предлагаем рассматривать «индигенность» как совокупность следующих характеристик:

– наличие предков из числа коренных народов;

– приоритет во времени заселения определенной территории (проживание на исконных землях либо проживание предков на исконных землях);

– самобытность, т.е. добровольное сохранение отличительных особенностей традиционной культуры (социальная организация, язык, религия, духовные ценности);

– этническая идентификация, т.е. сознательное отнесение себя к самобытной этнической общности и признание другими группами в качестве особой этнической общности;

– этноэкономика, т.е. ведение такого типа хозяйственной деятельности, который основывается на традиционных знаниях, традиционном природопользовании.

---

[426] См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1998. Т. 2. Ст. 2001.

Коренные народы рассматриваемых нами стран отвечают практически всем признакам индигенности, поскольку являются потомками тех этносов, народов, которые населяли определенные территории до прихода туда населения с другой культурой (в США и Канаде – европейские колонизаторы, в России – расширение империи, в Финляндии – преобразование границ), обладают особыми обычаями, языком или религией, ведут традиционный образ жизни и хозяйствования, чаще всего связанный с определенными ареалами проживания.

На основе проведенного анализа можно сделать общие выводы и выделить основные критерии, применяемые для определения коренных народов в правовой системе России[427]:

Исконность. Коренные народы являются потомками тех этносов, народов, которые населяли какую-либо область, территорию, страну, континент до прихода туда населения с другой культурой, другого этнического или расового происхождения, другими обычаями, другим языком или религией.

Духовная привязанность к земле. Главной отличительной чертой коренных народов от других слоев общества является их отношение к земле, окружающей среде, что выражается в особой любви, уважении к природе, которая является неотъемлемой частью культуры, быта, религии, жизни и главным источником жизнеобеспечения, существования и развития коренных народов[428]. Право на доступ к землям и ресурсам сегодня имеет особое значение не только для культуры, самобытности коренных народов, но и для их выживания.

Культурная самобытность как совокупность традиций, обычаев, верований, языка. Коренные народы характеризуются языковыми, традиционными, культурными особенностями, отличающими их от остальной части населения государства. Традиции и культура тесно взаимосвязаны с землей, окружающей природной средой и базируются на специфических, уникальных знаниях и представлениях.

---

[427] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[428] Ананидзе Ф. Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ» // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 19–27.

Этноэкономика. Экономическая деятельность коренных народов, которая основывается на традиционных знаниях, традиционном использовании природы и на зависимости от нее, осуществляется в особых организационных формах (семья, община), а также в процессе которой могут быть использованы новые технологичные виды хозяйствования.

Этническая идентичность. Коренные народы сознательно считают себя таковыми (относят себя к коренным сообществам), и такое самосознание является частью их культуры и существования.

Традиционные ценности и знания: идеи, убеждения, знания, способности, опыт и мудрость, которые создавались, накапливались, сохранялись, развивались[429] и передавались из поколения в поколение в традиционных этнических сообществах и на основании которых выстраивается традиционная культура и образ жизни. Ценности и знания формировались в согласии с экологической системой, окружающей природой, обществом и культурой[430].

Из перечня существующих критериев предложено исключить такой признак как «малочисленность». Данное предложение обосновывается тем, что в феномене индигенности, который характеризует коренные народы, индигенность в широком смысле подразумевает признание особой значимости определенных этносов, которые могут быть как малочисленны, так и не малочисленны в количественном смысле, однако в любом случае эти социальные группы характеризуются «локальностью», особой культурой и образом жизни, пространственной и культурной удаленностью, а также социальной маргинальностью.

Культурные, политические, экономические процессы, лежащие в основе развития полиэтнических государств, требуют существенной модификации правовых систем в новом тысячелетии. Существующие конституционные нормы

---

[429] Паникарова С. В. Этнокультурный потенциал региона как фактор повышения конкурентоспособности // ЭКО. 2010. № 3. С. 104–117.

[430] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

играют важную роль в систематизации и упрочении меняющихся общественных отношений, в том числе, индигенных отношений, однако они не всегда представляются достаточными для полного обеспечения и реализации обновляемой системы прав коренных народов. Цель обновления признаков коренных народов как основания наделения их особыми правами заключается в том, чтобы отразить меняющиеся условия существования коренных народов и новые этапы их развития.

2.3. Индигенизация конституционно-правовых норм в российской правовой системе

Принято считать, что наличие конституционной нормы и развивающего ее этнического законодательства на федеральном и региональном уровнях означает официальное признание со стороны государства особого правового статуса коренных народов. К сожалению, нормативный аспект индигенной проблематики не всегда означает гарантии реализации особых прав и достижение реального развития коренных народов в современной действительности[431].

Современное конституционное право нередко оперирует такими категориями, как цели, ценности, приоритеты, имеющими в изначальном смысле не правовое, а скорее философское, идеологическое содержание. Представляется важным использовать эти категории в конституционно-правовой системе. По мнению О. Снежко, в праве посредством ценностей устанавливаются юридические свойства этого явления, так как правовые ценности считаются нормативными по своей сути[432]. В научной литературе существует мнение о том,

[431] Popkov Yu. V. The Indigenous peoples of the North in the conditions of globalization // Vek globalizatsii [Age of globalization]. 2014. № 1. P. 114.

[432] Снежко О. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2 (51). С. 13.

что в праве создаются собственные ценности, которые затем признаются и применяются в разных областях жизни[433].

Изучением ценностей занимаются и другие социально-гуманитарные науки, предметом изучения которых являются отношения культуры, власти, политики. Следовательно, для более полного представления правовой реальности, в которой существуют и развиваются коренные народы, необходим междисциплинарный подход не только к изучению ценностей, характерных для этнических отношений в государстве, но и для интегрирования этих ценностей в правовые нормы, регулирующие все направления общественных отношений, связанных с коренными народами, поскольку развитие коренных народов происходит в пределах государственной и правовой системы, где устанавливаются и охраняются общеобязательные правила поведения, которые воздействуют на личность, на этносы, на культуру и образ жизни.

Не существует единого подхода к пониманию категории «традиционные ценности и знания». В узком смысле под традиционными знаниями понимаются знания о стратегии выживания, в широком – вся совокупность элементов этнической культуры. Б. К. Малиновский, представитель современной культурной антропологии, еще в 20-е гг. прошлого века убедительно показал, что устойчивость культурных традиций, в том числе и традиционных ценностей, определяется их включенностью в функционирование конкретного общества и напрямую зависит от формируемой ими системы потребностей и интересов людей. Изменения потребностей и интересов определяют и динамику ценностей[434]. В последние десятилетия во всем мире растет интерес к нематериальному культурному наследию и традиционным ценностям, знаниям как факторам социально-экономического развития.

Индигенные ценности, т.е. идеи, убеждения, знания, способности, опыт и мудрость коренных народов, представляют особую значимость для

---

[433] См.: Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля // Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. Москва, 1998. 350 с.

[434] Малиновский Б. Научная теория культуры. 2-е изд., испр. Москва, 2005. 184 с.

государственных и правовых систем, в том числе потому, что коренные народы, обладающие устойчивой системой собственных ценностей, не раз доказывали свою способность не просто выживать в суровых природных, экономических и социальных условиях, адаптироваться к изменчивому окружающему миру, но и сохранять традиции, посредством них находить способы объединения поколений и социальных групп, а также развития экономики и общественных отношений[435].

Именно в связи с возрастающей ролью ценностей в обществе вектором современных конституционно-правовых исследований все чаще становится правовая аксиология. Российские ученые больше обращаются к аксиологическим характеристикам правомерного поведения в конституционном праве[436], описывают аксиологические подходы к конституционно-судебной системе[437], рассматривают сущность конституции как единства ценностного и нормативного начал[438].

Понимание важности и значения конституционно-правовых ценностей и их учета позволяет определять степень правовой зрелости общества, состояние развития юридической мысли, перспективы дальнейшего движения институтов государственности. Таким образом, важно учитывать, какие идеалы или явления будут признаваться конституционными ценностями, насколько общество готово их воспринимать в качестве таковых и каковы будут последствия их внедрения в общественную и государственную жизнь[439].

---

[435] Гладун Е. Ф. Индигенизация конституционных ценностей (на примере концепции «убунту» Южно-Африканской Республики) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 22 (3). С. 95–103.

[436] Титова Е. В. Конституционное поведение с позиции конституционной аксиологии. Конституционные идеалы и ценности в практической демократии // Материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара, 2017. С. 283–286; Титова Е. В. Некоторые аксиологические аспекты конституционного правомерного поведения // Проблемы права. 2015. № 6. С. 19–23.

[437] Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Вып. 2. Москва, 2013. 176 с.

[438] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2 (22). С. 73–91; Ерофеев А. А. Ценностный подход в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnyy-podhod-v-konstitutsionnom-prave.

[439] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 73–91.

Любая конституция содержит в себе положения, устанавливающие правовые ценности, которые выступают своеобразным ориентиром, определяющим деятельность органов публичной власти различного уровня и поведенческую модель иных субъектов права, прежде всего самих граждан. Ценности представляются особенно значимыми, так как признаются в качестве таковых обществом, а конституционализация делает их юридически значимыми. При этом сами ценности достаточно обширны и касаются культурной, экономической, правовой, религиозной, мировоззренческой, идеологической и других сфер жизнедеятельности[440]. При исследовании проблематики ценностей в праве и, в частности, в конституционном праве, необходимо детально рассмотреть как минимум несколько аспектов: философский и социологический, который, несомненно, оказывает влияние на развитие правовых явлений; собственно правовой, оказывающий, в свою очередь, воздействие на общественные ценности, и, наконец, конституционно-правовой, специфика которого обусловливается предметом и методом конституционного права и его ролью в системе права[441]. Как отмечается в научной литературе, «ценности — важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами»[442]. Категорию конституционных ценностей можно назвать одной из современных новаций конституционного права России.

Так, в частности, под конституционными ценностями понимают совокупность универсальных приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в конституции (основном законе) и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности,

---

[440] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 73–91.

[441] Ерофеев А. А. Ценностный подход в конституционном праве // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnyy-podhod-v-konstitutsionnom-prave.

[442] Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Санкт-Петербург, 1998. Т. 2. С. 342.

общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости[443].

Согласимся с мнением Д. А. Авдеева о том, что наиболее емким является определение конституционных ценностей, предлагаемое А. А. Кондрашовым, в котором раскрывается не только сущность конституционных ценностей, но и их назначение в современном государстве[444]. Так, конституционные ценности «представляют собой общесоциальные принципы (догматы) с правовой коннотацией, закрепленные в конституции или вытекающие из системного толкования нескольких конституционных предписаний, а также выявляемые в ходе интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия, которые имеют целью обеспечить достижение такого соотношения интересов личности, общества и государства, где в приоритете высшая ценность личных прав человека в рамках возникших в ходе цивилизационного развития морально-нравственных, общесоциальных, этических, правовых, культурных и иных фундаментальных основ человеческого бытия»[445].

Исследуя вопрос наполнения и системообразования конституционных ценностей, В. В. Комарова приходит к выводу о том, что можно выделить три блока. Первый блок составляют конституционные ценности, закрепленные в Конституции России и названные таковыми; второй блок – конституционные ценности, которые выявляются в процессе интерпретации Конституционным судом России; третий – описываемый в процессе интерпретации Конституции РФ в трудах ученых[446].

---

[443] Ереклинцева Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 23.

[444] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 73–91.

[445] Кондрашов А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 22; См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[446] Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 1386.

По мнению Д. Авдеева, вне зависимости от политического режима, общественного и государственного устройства, есть общечеловеческие ценности, которые не теряют своего значения в зависимости от перечисленных факторов и условий, и актуальны во все времена. К числу таких общечеловеческих ценностей, которые в настоящее время получили закрепление в подавляющем большинстве конституций в том или ином виде, относятся: правовая свобода, собственность, общественный правопорядок и государственная безопасность[447].

Ценностно-идентифицирующее значение имеет большинство положений первой, второй и других глав Конституции РФ. В частности, можно назвать положения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, поскольку перечисленные в ней «объекты» конституционной защиты: основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы людей, обороноспособность и безопасность российского государства – являются, несомненно, и конституционными ценностями[448].

Высшей ценностью названы, прежде всего, «Человек, его права и свободы», согласно статье 2 Конституции России, конституционной ценностью является и возможность творчества, культура, культурное наследие (ст. 44).

Конституционным судом России в качестве конституционных ценностей названы «… суверенитет и государственная целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами, единство экономического пространства (ст. 1, ч. 1; ст. 2; ст. 3, ч. 1; ст. 4; ст. 5, ч. 1 и 3; ст. 8, ч. 1; ст. 11, ч. 3; ст. 15, ч. 1 и 2)…».

Важнейшей чертой ментальности России всегда являлся и является этикоцентризм, т.е. подчинение права нравственным и религиозным ценностям, что связано со специфическими условиями, в которых формировалось правосознание живущих на территории России народов. Это дает основание

---

[447] Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 77.

[448] Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. С. 191.

полагать, что в основе нормы права, в том числе и этнического права, должны лежать некие ценности, которые будут понятны, а следовательно, позитивно восприняты и реализованы сообществами коренных народов, на которые они направлены. В частности, нет сомнений что и для российского народа в целом, и для различных этносов, его составляющих, характерен культ ценностей абсолютного добра, долга, справедливости, бескорыстного служения, подвига, совести[449]. Именно с этим связано, на наш взгляд, принятие Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[450]. В соответствие с данным документом традиционные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Так, к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Наряду с изучением и формированием конституционно-правовых ценностей в праве крайне важен, на наш взгляд, и иной подход, когда сложившиеся ценности общества или определенных социальных групп, лежащие в основе их поведения,

---

[449] Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2010. С. 25.

[450] Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

их жизнедеятельности, способствуют более эффективному взаимодействию этих социальных групп с публичной властью, более четкому выполнению существующих или создаваемых правовых предписаний.

Данный вектор аксиологического подхода более активно используется в зарубежных, особенно полиэтнических странах. К сожалению, в деятельности отечественных ученых-юристов отсутствуют исследования нравственных, религиозных, традиционных ценностей коренных народов, которые могут стать основой формирования правовых ценностей, что позволит им быть более позитивно воспринятыми и действенно реализованными со стороны субъектов общественных отношений[451].

Ценности коренных народов рассматривались российскими этнографами, антропологами, а также зарубежными исследователями, в том числе П. Дж. Сергон (P. J. Sergon), К. Свидерска (K. Swiderska), Ф. Моро (F. Mauro), Г. Хармсворт (G. Harmsworth)[452], которые активно использовали указанный подход.

Следует отметить, что данный подход был сформирован за рубежом, прежде всего в рамках социологических наук в 1970-х гг. Р. Мертон, один из основателей социологии,[453] обосновал особое место этнических сообществ как источника уникальных социологических знаний, важных для развития колонизированных территорий и развивающихся стран. Несмотря на принудительную ассимиляцию и интеграцию в доминирующие общества, коренные народы продолжали сохранять свою культуру и образ жизни, придерживались собственных ценностей и представлений. В антропологии с 1990–2000-х годов описываемый подход

---

[451] Социально-правовые исследования в регионах / Ю. А. Тихомиров, Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, И. В. Плюгина. Москва, 2013. 256 с.

[452] Sergon P. J., Akoth S. O., & Dzinekou J. Y. The role of Indigenous knowledge: Practices and values in promoting socio-economic well-being and equity among Endorois community of Kenya // AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples. 2022. №. 18(1). P. 37–45; Indigenous Peoples' Food Systems and Biocultural Heritage: Addressing Indigenous Priorities Using Decolonial and Interdisciplinary Research Approaches / K. Swiderska, A. Argumedo, C. Wekesa [at al.] // Sustainability. 2022. № 14. P. 11311; Harmsworth G., Awatere S., Robb M. Indigenous Māori values and perspectives to inform freshwater management in Aotearoa-New Zealand // Ecology and Society. 2016. № 21 (4). P. 9.

[453] Merton R. K. Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge // American Journal of Sociology. 1972. Vol. 78, №. 1. P. 9–47.

выразился в формировании так называемой индигенной методологии (англ. *indigenous methodology*)[454]. Индигенизация (термин теоретической антропологии) обозначает интеграцию локальных ценностей, представлений, норм обычного права в действующее социальное пространство, что ведет к сохранению многообразия культур и цивилизационной независимости всего общества[455]. Индигенизация также стала использоваться и в других научных отраслях – психологии, педагогике[456]. Лишь позднее, к 2000-м гг., подобное направление исследований было воспринято правовыми науками[457].

В российской политической и правовой науке индигенизация находится в зачаточном состоянии. Между тем результаты проведенных диссертантом исследований[458] позволяют утверждать, что ценности коренных народов могут быть встроены в конституционно-правовую систему, положительно изменяя иные

---

[454] Windchief S, Cummins J. Considering Indigenous Research Methodologies: Bicultural Accountability and the Protection of Community Held Knowledge // Qualitative Inquiry. 2022. № 28 (2). P. 151–163; Simonds V. W., & Christopher S. Adapting Western research methods to indigenous ways of knowing // American journal of public health. 2013. № 103 (12). P. 2185–2192.

[455] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[456] Тезаурусы и проблемы культуры: III Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова: доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (с международным участием), прошедшей в Московском гуманитарном университете 4 апреля 2019 г. / отв. ред. Вал. А. Луков Москва, 2019. С. 106.

[457] См, например: Sauyaq H. and Gordon J. Building Relationships in the Arctic: Indigenous Communities and Scientists: Master's Thesis, Washington D. C., 2014. P. 79; Indigenous standpoint theory as a theoretical framework for decolonizing social science health research with American Indian communities / G. R. Cox, P. FireMoon, M. P. Anastario [et al.] // AlterNative. 2021. № 17 (4). P. 460–468.

[458] Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva, J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51 (7). P. 1086-1095; Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147; A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy-making, Research, and Practice / Lavoie, J. G. et al. // Global Policy. 2019. № 10 (4). P. 686–696; Historical foundations and contemporary expressions of a right to health care in Circumpolar Indigenous contexts: A cross-national analysis / J. G. Lavoie, J. P. Stoor, E. Rink, K. Cueva, C. V. L. Larsen, G. H. Akearok, E. Gladun, N. Kanayurak // Elementa-Science of the Anthropocene. 2021. № 9(1). P. 79.

общественные ценности и правовые идеалы и совершенствуя правовые, социальные институты[459].

Международное сообщество также обращает особое внимание на ценное знание и традиции коренных народов, которые можно использовать для решения многих современных проблем человечества[460]. Следовательно, они нуждаются в четком правовом регламентировании для дальнейшего развития и совершенствования общества, его социокультурной ориентации[461].

Описанная позиция автора подтверждается и тем, что в настоящее время мы становимся свидетелями «конца прогрессивной эры», в которой доминировала западная идеология, и вступаем в период, когда многочисленные и разнообразные «малые» сообщества будут взаимодействовать, конкурировать, сосуществовать и оказывать влияние на мировой правопорядок[462]. Очевидно, что индигенизация – это процесс, который будет иметь место во многих странах[463].

Традиционные ценности могут быть определены как система этических и эстетических установок и знаний коренных народов, которые воспринимают социально-культурную среду как взаимосвязанное целое. Мировоззрение коренных народов можно сравнить с «сетью, брошенной на мир»[464]. Оно охватывает всю Вселенную, подчеркивая ее согласованность, и в то же время

---

[459] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[460] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[461] Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2004. С. 10–31.

[462] Богданова Е. Г. Концепции суверенитета в странах Юго-Восточной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 43–47.

[463] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[464] Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 20.

является избирательным, гибким и в основном незавершенным. Это делает общество адаптивным, т.е. активно приспосабливающимся к конкретным социальным, экологическим, экономическим условиям, пользуясь определенными технологиями и навыками. Традиционная система ценностей формирует нормы, устремления и ограничения поведения, передаваемые из поколения в поколение, поддерживающие жизнь и координирующие общественные усилия в суровых условиях. Все ценности коренных народов основаны на определенных критериях, имеющих решающее значение для процесса принятия решений. Эти критерии включают в себя обеспечение эффективных правил сохранения биоразнообразия[465], редких видов[466], охраняемых территорий[467], экологических процессов[468] и устойчивого использования ресурсов в целом[469].

Ценности коренных народов передавались из поколения в поколение специальными средствами: религиозными верованиями, сказками[470], художественным творчеством[471], социальными обычаями и хозяйственными правилами[472]. Традиционный способ передачи социального опыта предков обеспечивает согласованность ценностей и воспроизводство наиболее эффективных устойчивых правил поведения.

Наука конституционного права вслед за юридической антропологией обращается к традиционным ценностям и знаниям, стремясь адаптировать

---

[465] Gadgil M., Berkes F., Folke C. Indigenous knowledge for biodiversity conservation // Ambio. 1993. № 22 (15). P. 156.

[466] Молданов Т., Молданова Т. Очерки традиционной культуры хантов. Ханты-Мансийск, 2010. С. 96.

[467] Johannes R. E. The case for data-less marine resource management: examples from tropical nearshore fisheries // Trends in Ecology and Evolution. 1998. № 13. P. 243–246.

[468] Alcorn J. B. Indigenous peoples and conservation // Conservation Biology. 1993. № 7. P. 424–426.

[469] Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень, 2007. С. 200–201.

[470] Alvaro F.L., Mar C. Rediscovering the Potential of Indigenous Storytelling for Conservation Practice Conservation Letters // A Journal of the Society for Conservation Biology. 2017. № 11 (2). P. 1–12; Молданов Т., Молданова Т. Очерки традиционной культуры хантов. Ханты-Мансийск, 2010. С. 210.

[471] Сязи А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобъя. Томск, 2000. С. 19; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири. Москва; Ленинград, 1963. С. 441.

[472] Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel, 2017. P. 16.

их к современным условиям, использовать правовой потенциал нормативной культуры аборигенов для создания нового законодательства, проведения этнологических и экологических экспертиз, создания систем правового регулирования, учитывающих исторические и культурные особенности коренных народов. В современных условиях главенства позитивного права во всех государствах, где проживают коренные народы, для аборигенов стали важными не только внутренние правила коренных общин, которые они узнают в процессе социализации, но и нормы законодательства, в которых отражены их собственные ценности и знания[473].

Индигенизация законодательства представляется оправданной, поскольку глобальные процессы, включая биологические, политические и иные кризисы, неизбежно требуют от коренных народов либо интегрироваться в общество и видоизменять традиционные институты, либо совместно с государством вырабатывать действенные конституционно-правовые нормы и принципы. Такой процесс уже был описан И. А. Кравцом, который говорит о возникновении в России интегрированного конституционализма. Текущий мировой политический кризис показывает, что налицо несовпадение правовых ценностей некоторых сообществ, например, западной цивилизации и российского традиционного общества. Стремление представителей западных стран внедрить европейские стандарты в различных областях жизни воспринимается иными странами, в том числе Россией, как политическое вмешательство во внутренние дела государств, ущемление суверенитета. Сегодняшнему мировому сообществу крайне необходимы новые инструменты для создания и поддержания многополярного мира, с разделяемыми либо различными ценностями, демократией и сосуществованием разных культур[474]. Необходимость этого можно понять через

---

[473] Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. 392 с.

[474] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

осмысление специфики правовых традиций, правовых ценностей, способов взаимодействия государства с коренными этносами, где значимую роль будут играть не «универсальные», а локальные ценности.

Полагаем, что индигенность соответствующих институтов будет достаточно успешно «встроена» в российское политическое и правовое пространство, поскольку традиции, знания, культура и поведение коренных народов во многом основаны на этических нормах (подробно рассмотрено далее).

Примечательно, что политическая и правовая культура народов, населяющих Российскую Федерацию, имеет много общих черт и традиций, позволяющих говорить если не о единстве, то по крайней мере о близости в понимании таких ценностей, как свобода, справедливость, добросовестность, равенство, гуманизм, солидарность. Эти ценности имеют не только культурный, но и конституционный характер, будучи прямо закрепленными в первой главе Конституции Российской Федерации либо неизбежно следующими из ее духа.

Отсюда можно сделать вывод, что глубоко исследованные, пропущенные через призму основных прав и свобод человека, обсужденные с этническими сообществами, ценности коренных народов могут быть успешно интегрированы в конституционно-правовые нормы и играть большую роль для становления конституционно-правовых основ всего государства. В условиях глобализации общества проблема кризиса национальной идентичности является одной из актуальных проблем многих стран. Выживание и развитие национального государства зависит от идентификации и лояльности всех этнических групп, проживающих на его территории, а также и от того, в какой мере ценности населяющих его сообществ отражены в действующем конституционном законодательстве[475].

---

[475] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

Нам представляется важным сопоставление и изучение возможностей взаимопроникновения правовых и индигенных ценностей; полагаем, что и интеграция таковых в отраслевое законодательство позволит идти по пути совершенствования способов взаимодействия коренных народов и государства, формирования эффективных норм для принятия решений, касающихся социально-экономического развития самих коренных народов и территорий, на которых они проживают[476].

По справедливому замечанию И. Б. Ломакиной, «в рамках территории Сибири исторически сформировался особый социокультурный этнический тип и особая социо-нормативная этническая культура, которая в современных условиях недостаточно учитывается, а в ряде случаев происходит и прямое разрушение этнических стереотипов. Поэтому изучение индигенных ценностей в совокупности с социокультурной средой и соответствующей правовой ментальностью позволит лучше понять и осмыслить современные процессы в этнических отношениях и ответить на многие актуальные вопросы современности…»[477].

Проблемы формирования индигенных ценностей[478] непосредственно связаны с проблемами этнической идентичности, научные предпосылки которой уже описаны выше. Ценности коренных народов нашли отражение в аборигенных представлениях о земле (территории, ресурсах), семье, духовности и телесности, которые имеют особые характеристики в северных условиях. Законодательство регулирует уже устоявшиеся отношения, складывающиеся тысячелетиями, поэтому для создания действенной и адекватной культурным ценностям аборигенов системы их конституционных прав необходимым является выработка

---

[476] Куропятник М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений: автореф. дис. … д-ра социол. наук Санкт-Петербург, 2006. С. 3–4.

[477] Ломакина И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 5; См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[478] Лихачева А., Макаров И. Национальная идентичность и будущее России: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, 2014. 74 с.

взаимоприемлемых ценностей и их включение в правовую систему[479]. Для коренных народов традиционные знания и традиционные ценности служат наследием их предков, основой социального и этнокультурного благополучия, базой для воспитания подрастающего поколения. Традиционные ценности сложились исторически и определяют неписанные правила хозяйственной жизни людей, эстетическое восприятие окружающего мира и особое мировоззрение. Эти структуры достаточно устойчивы, продолжают до сих пор оказывать воздействие на отношение локальных сообществ к природе и обществу[480]. Главная цель государства – гармонизация этнической идентичности с идентичностью национально-гражданской. Для этого нормы, составляющие правовую систему государства, должны быть сбалансированы с ценностями, представлениями и правилами коренных народов. Следовательно, на ценностях и должны быть основаны правила поведения, соответствующие этническим интересам и воплощенные в этнические права, на основании которых и происходит взаимодействие коренных малочисленных народов с органами публичной власти, компаниями и организациями, иными народами, проживающими или работающими на северных территориях.

С одной стороны, политика государств в течение многих лет была направлена на искоренение традиционного образа жизни как «отсталого», что подрывало основы существования коренных народов, разрушало семьи (вынуждая переселяться в поселки, отдаляя детей от родителей через систему образования), препятствовало передаче трудовых навыков, языка и культуры от поколения к поколению. Такие условия вынуждали людей отрываться от традиционного образа жизни, забывать свой язык и национальную культуру. Затем политика государства была направлена только на сохранение, подчас даже «искусственную

---

[479] Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. 392 с.

[480] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

консервацию» уникальной культуры и образа жизни коренных народов[481]. С другой стороны, нельзя отрицать или забывать тот факт, что этнос – это живой организм. На него нельзя смотреть как на нечто застывшее, раз и навсегда данное. Этнос развивается под влиянием не только давней истории, но и современной[482]. Примечательно, что, несмотря на изменения в традиционном образе жизни, связанные с экономическим и идеологическим влиянием на культуру, коренные народы в целом продолжают сохранять традиционные приоритеты духовного развития и базовые ценности[483]. Поиск баланса и отражение реальных этнических интересов – первоочередная задача арктических государств, поэтому крайне важно учитывать ценностные ориентиры, экологические, социальные, ментальные и иные особенности коренных народов, являющихся субъектами регулируемых отношений.

Изучение систем мировоззрения и мировосприятия коренного населения, в которых предметом является культура и традиции коренных малочисленных народов Севера, социокультурный анализ правил хозяйственной и промысловой деятельности, сказок, религиозных верований северных народов, а также герменевтическая интерпретация этих явлений, предпринятая на этнографическом материале, позволяет выявить генезис и структуру ценностей, а также факторы эффективности, которые должны быть учтены для модернизации этнического законодательства. Герменевтический метод позволил получить вывод, что действенность правового регулирования может обеспечиваться аксиологически, то есть за счет ценностных составляющих.

Можно выделить несколько категорий традиционных ценностей и знаний, которые предлагаем определить как набор этических, эстетических, знаниевых установок, подкрепленных эмпирическим опытом, сложившимся на протяжении

---

[481] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[482] Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005. 38 с.

[483] Красовская Т. М. Природопользование Севера России: социокультурный и эколого-экономический анализ: дис. ... д-ра геогр. наук. Москва, 2005. 369 с.

долгого периода времени, который позволяет воспринимать окружающий мир как взаимосвязанное целое и учитывать правила, связи и «ритмы» окружающей их природной и социальной действительности.

В качестве особенностей систем мировоззрения и мировосприятия коренных народов выделяются следующие факторы:

– связь с землей и духовная привязанность к земле своих предков;

– природа как основа духовного мира, культуры и языка;

– необходимый для устойчивого существования уровень биологического разнообразия и продуктивности, поддерживаемый с помощью духовных и культурных традиций, а также соответствующего поведения всего сообщества и его отдельных представителей[484];

– окружающие условия, которые вынуждают вести исключительно общественный образ жизни и проявлять бережное отношение к природе в соответствии со сложившимися культурными традициями;

– существование «внутри» естественных экосистем и осознание себя частью окружающего мира. Этим коренные народы принципиально отличаются от индустриальных и постиндустриальных обществ, живущих «над природой»[485].

В первую очередь необходимо отметить, что наиболее значимой ценностью коренных народов является «единство с землей своих предков»: связь с землей и всем живущим на ней – основа мировоззрения коренных народов. Мировые исследования также подтверждают, что именно то глубинное и особое отношение коренных народов к земле, как началу всего сущего, послужило основой для появления их верований, обычаев, традиций и всей культуры. Земля – не только основа хозяйственной деятельности, но и базовая духовная ценность и место особой связи с предками (священные места и места захоронения предков имеют даже большее значение для коренных народов, чем их экономическое благополучие). При сопоставлении с сущностью правовых норм о земле это может

---

[484] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 80.

[485] Там же. С. 81.

означать, что в традициях коренных народов никогда не было частной собственности на землю и природные ресурсы. Оленьи пастбища, охотничьи угодья, акватории для рыболовства, священные места, погребальные урочища всегда являлись предметом общего пользования общины, семьи.-Поэтому правовая концепция «собственности на землю» трудна для понимания коренными народами, для них «земля – это не собственность, это подарок судьбы, и в определенной степени это и есть судьба и жизнь»[486].

В общем смысле, предложения по формулированию прав на землю были полноценно представлены профессором В. А. Кряжковым, который определяет, что право коренных народов на безвозмездное пользование землями, проистекающее из Конституции и отраслевого законодательства (земельного и этнического), не может трактоваться исключительно с позиций обычных имущественных отношений, а является в большей мере публичным правом с понимаем того, что оно:

– связано с проживанием коренных народов на соответствующих землях с древних времен;

– признается во всех случаях, когда имеет место постоянное присутствие этих народов на исконных землях и использование ими данных земель для традиционных видов деятельности;

– неотчуждаемо и как таковое не подлежит передаче, продаже, отказу в пользу кого-либо, кроме государства, и осуществляется коллективно;

– позволяет представителям коренных народов в первоочередном порядке претендовать на выделение земельных участков для ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности;

– не исключает ограничения прав на землю, но только на законных основаниях, в общественных интересах и при непременном участии самих коренных народов при принятии соответствующих решений и компенсации всех потерь[487].

---

[486] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 45.

[487] Кряжков В. А. Право на пользование землей и сопряженные с ним права коренных малочисленных народов Севера (конституционно-правовые основы) // Государство и право. 2008. № 12. С. 82–90.

Таким образом, становится очевидным, что нормы существующего гражданского и земельного законодательства могут быть изменены в том случае, если очевиден положительный социальный эффект от индигенизации норм. Полагаем, что даже если отношения не подпадают под предмет правового регулирования Федерального закона № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования», то нормы соответствующего законодательства могут быть дополнены положениями, гарантирующими предоставление земельных участков в пользование для ведения традиционного образа жизни и связанных с ним иных видов деятельности коренных народов, если рассматриваемые территории являются духовно значимыми для них[488]. Кроме того, представляется важным предусмотреть механизмы получения согласия со стороны коренных народов при предоставлении земельных участков для промышленной деятельности (более подробно рассмотрим в последующих параграфах).

Экологические знания и ценности коренных народов исследователи считают наиболее развитыми. Особое мировоззрение, присущее коренным народам, основано на заботе об окружающей среде[489]. Часть экологических норм перемещается в духовную сферу, дистанцируется от своих истоков, превращается в пословицы, сказки, религиозные верования, тем самым происходит очеловечивание природы[490]. Религия, фольклор, изобразительное искусство коренных народов Севера насыщены экологическими знаниями, ценностями, которые в доступной форме транслируются на все сообщество и передаются из поколения в поколение. Они не только содержат информацию, отчасти мало или вовсе неизвестную современной науке, но и выражают альтернативные способы восприятия окружающего мира, иные мировоззренческие позиции.

---

[488] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[489] Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Москва, 1989. С. 207–208.

[490] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 79.

Исследователи отмечают, что ценности баланса, равновесия в окружающем мире лежат в основе регулирования отношений коренных народов с природной средой. На основе этой идеи формируются основополагающие принципы: глубокое знание среды обитания, всеобщее уважение, взаимосвязи всего живого[491]. Коренные народы Севера встроены в арктические экосистемы, и даже когда происходит деградация природных систем, они обнаруживают внутренние ресурсы и инструменты и становятся устойчивыми[492].

Для сохранения баланса природы и человека коренные народы выбрали такие виды экономической деятельности, которые присваивают «дары природы» – охота, рыболовство, собирательство, оленеводство – а не изменяют природную среду, являются наиболее оптимальными методами ведения хозяйственной деятельности, основанными на балансе возможностей территории.

Эффективность традиционной деятельности коренных народов – кочевников, охотников и рыбаков – зависит от их знаний о животных, птицах, рыбе, природных и погодных явлениях, от способности перемещаться в пространстве, использовать ресурсы холода, климата и проч. Эти знания, накопленные многими поколениями, позволили сформировать такие ценности, как любовь к природе, почитание природных благ, восхищение жизнью в любой ее форме[493].

Благодаря данным ценностям коренные народы поддерживают равновесие человеческой деятельности в природе и на определенных территориях. Они устанавливают различные запреты в отношении использования природных ресурсов и понятие меры, означающее определенные пределы использования этих ресурсов, а также демонстрируют понимание природных законов, функций,

---

[491] Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень, 2007. С. 205; См. также: Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

[492] Geo-economic reality and solidarity-based economy casejustification of political decisions about indigenous communities' resettlement in the Russian Arctic / E. Gladun, A. Ljovkina, G. Detter, K. Filant // The Arctic in a Space of Knowledge. The collection of St Petersburg State University scientific events articles (2020- 2021). St Petersburg, 2022. С. 54–67.

[493] Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

систем. Например, культуре коренных народов Аляски присуща необычайная, по мнению специалистов, адаптивность. Эта черта позволила им в течение многих столетий сравнительно легко приспосабливаться к меняющейся среде.

Традиции, знания коренных народов, правила поведения в окружающей среде, а также традиционные навыки считаются частью космологических и религиозных верований, которые отражают устойчивые методы землепользования, использования природных ресурсов, экологического планирования[494]. Таким образом, духовные ценности играют значительную роль в регулировании природопользования, формулируют конкретные нормы, правила и способы взаимодействия с окружающей средой. Основные традиционные ценности, обусловливающие общественные отношения в сфере взаимодействия общества и природы, перечислены ниже:

– экологическая ответственность: опыт взаимодействия с природой и природными явлениями позволяет людям осознать последствия своей деятельности;

– бережное отношение к природе: чувство меры, обычаи-запреты, религиозные убеждения ограничивают необоснованное и неэффективное использование ресурсов и таким образом обеспечивают достаточное количество ресурсов для нынешнего и будущих поколений;

– любовь и благодарность: эстетическое восхищение природой, родными местами и обитающими существами помогает воспринимать жизнь как благословение и быть ей благодарным;

– гармония с природой: рациональное использование природных ресурсов оказывается единственным возможным способом выжить в суровых условиях и ограниченных природных возможностях[495].

---

[494] Alvaro F.-L., & Mar, C. Rediscovering the Potential of Indigenous Storytelling for Conservation Practice Conservation Letters // A Journal of the Society for Conservation Biology. 2017. № 11(2). P. 1–12.

[495] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

В отличие от системы ценностей, формировавшейся веками и передававшейся от старшего поколения к младшему, что обеспечивало согласованность ценностей, российское право, как в этнической, так и в экологической сфере, сформировалось очень быстро, за несколько десятилетий[496], поэтому не успело впитать в себя традиционные нормы, ценности и знания. Кроме того, оно претерпело серьезные идеологические трансформации, вообще не связанные с природными ограничениями[497]. Таким образом, эволюционный путь формирования экологического права, иногда нарушается, что неизбежно отражается на его способности регулировать общественные отношения в сфере взаимодействия с природой. Вследствие этого в Российской Федерации и ее субъектах все стратегические и нормативные правовые документы, в частности законодательство в области охраны окружающей среды, основаны на позиции антропоцентризма, где человек и его интересы рассматриваются как первичные по отношению к интересам других живых существ и самой природной среды[498].

Значение традиционных ценностей, обусловливающих «разумное», устойчивое взаимодействие общества и природы, не упоминается ни в одном из нормативных правовых актов федерального или регионального уровня. Следует также отметить, что при формировании норм как федерального, так и регионального законодательства совершенно не принимается в расчет нематериальная, духовная сторона отношений человека с природой[499], которая в традиционных сообществах является основополагающей.

В противовес этому издавна развивается система традиционных ценностей и знаний коренных народов Арктики. Коренные народы, вне зависимости от национальной принадлежности, выработали свои особые стратегии

---

[496] Экологическое право / под ред. С. А. Боголюбова. Москва, 2011. 482 с.

[497] Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 48–54.

[498] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

[499] Venkatesan M. Sustainable development, the significance of culture: Foundations of present practices and Indigenous reflections // Challenges in Higher Education for Sustainability / J. Davim, Paulo, Leal Filho, Walter (Eds.). Aveiro, Portugal, 2016. P. 103–118.

природопользования, которые обладают повышенной устойчивостью к резким негативным изменениям природных условий и адаптированы к ограниченности биологического разнообразия и низкой продуктивности северных экосистем. Коренные народы связаны с природой мощными духовными отношениями; природа является основой их духовного мира, культуры и языка[500].

Задачей нашего государства, осуществляющего переход к устойчивому развитию, должно стать формирование взвешенного, разумного подхода к поддержанию баланса между ускоренным развитием промышленного потенциала северных территорий и созданием равных возможностей для развития человека и природы[501]. Таким образом, включение традиционных знаний коренных сообществ Севера в виде базовых принципов современного российского экологического законодательства позволит не только сохранить необходимый уровень биологического разнообразия и продуктивности исконно принадлежавших им территорий, но и повлиять на соответствующее поведение всего российского сообщества и его отдельных представителей, проживающих на северных территориях[502].

Экологические ценности коренных народов взаимосвязаны с экономическими, среди которых наиболее значимыми следует назвать:

– отсутствие корыстных мотиваций к труду: целью человека выступает не производство как таковое и не богатство, с ним сопряженное, а сам человек и его насущные потребности;

– циклический характер развития: создает фундамент гармонизации взаимоотношений в системе «природа – общество», а также способствует формированию определенных форм социальной организации и поведения;

---

[500] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

[501] Чеботарев Г. Н., Гладун Е. Ф. Соуправление коренных малочисленных народов Севера арктическими территориями в период их промышленного освоения // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 48–58; Gladun E., Zakharova O.V. State Environmental Ideology: From Tsarist Empire to Sustainable Russia // BRICS Law Journal. 2017. № 4 (4). P. 39–64.

[502] Там же.

– гармоничное единство человека и природы: природная среда выступает как общий дом, а не только как ресурсная кладовая, что предопределяет сакрализацию природных объектов, способствует выработке бережного отношения к природе.

Жесткая зависимость от суровых природных условий определила природосберегающую сущность северной традиционной экономики, которая поддерживалась как духовными традициями, так и прагматическими соображениями[503].

Важной конституирующей основой экономики коренных народов являются взаимозависимость, взаимопомощь, дарообмен, которые, в частности глубоко исследует известный антрополог Н. И. Новикова. В условиях зависимости от суровой арктической природы и недостатка рыночной и социальной инфраструктуры, реципрокные отношения выступают в качестве социальной страховки и позволяют преодолеть случающиеся кризисные ситуации. Так, на Аляске, несмотря на современный формат жизни, сохраняются традиции коллективных трапез после удачного улова, когда любой житель поселка может получить часть добычи. На Ямале коренные жители могут рассчитывать на поддержку своих родственников в случае падежа оленей, необходимости временного проживания в поселке и проч.

В то же время происходит значительная трансформация традиционных представлений и практик. Возможность продавать оленину, панты, добытые шкуры животных, рыбу в большом количестве может постепенно приводить к отказу от понятия меры, характерного для традиционной культуры. Ситуация усугубляется приходом в тундру компаний, несущих иное отношение к природе. Наблюдая за исчезновением прежде нетронутых природных территорий, коренные жители тоже меняют свои представления о природе: природа начинает рассматриваться как источник обеспечения материальными благами[504]. Следовательно, традиционные ценности, описанные выше и имеющие важное

---

503 Сирина А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 125.

504 Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

значение для устойчивого развития арктических территорий в целом, должны быть поддержаны не только самими коренными сообществами, но и нормами права.

Изучение фольклора и образа жизни коренных малочисленных народов Севера России выявило такие ценности, как щедрость (запреты на жадность), добровольчество, волонтерство. Эти ценности также можно отнести к чертам кооперативности, сотрудничества. В экстремальных природных условиях приоритет получают именно ценности сотрудничества и взаимопомощи, а не конкуренции.

Традиционная экономика тесно связана и с определенными формами социальной организации, отсюда и проявляется ценность основной хозяйственной и социальной единицы коренного населения – семьи или рода (общины, племени). Такая социальная структура зачастую сохраняется и в ситуации перехода к рыночным отношениям[505]. При этом условия жизни и традиционной экономики обусловливают закрепление таких ценностей, как взаимопомощь (в семье, соседям, даже пришлому населению), бескорыстие и толерантность. Эти ценности позволяют им терпимо относиться к традициям, быту, культуре иных народов, которые осваивают северные территории. Высокий уровень толерантности коренных малочисленных народов Севера также связан с особенностями проживания в суровых климатических условиях. Открытость, доверие и взаимопомощь, как синонимы толерантности, стали основой выживания на Севере и помогли коренным народам создать особую «циркумполярную» цивилизацию[506].

Бережное отношение к родному языку, безусловно, является общечеловеческой ценностью, но особенное отношение коренных народов к своему языку состоит в том, что национальные языки коренных народов тесно связаны

---

[505] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. Т. 23, № 3. С. 11–41.

[506] Гладун Е. Ф. Правовое обеспечение взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с другими национальностями и культурами // Правовые аспекты гармонизации межнациональных отношений: материалы II Тюменского международного форума. Тюмень, 2016. С. 253–259.

с традиционным образом жизни, поэтому знание родного языка считается важным признаком самобытности коренных народов. Хозяйственная деятельность коренных жителей переплетена с особенностями их языка и фольклора. Например, язык коренных жителей российского Севера тесно связан с их традиционным занятием (оленеводством) и выстроен вокруг кочевого образа жизни. Исчезновение оленеводства означает угрозу исчезновения языков северных народов[507]. Поэтому сохранение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов напрямую связывается с сохранением их культуры. Даже в ситуации, когда речь идет не о традиционных видах хозяйственной деятельности, а о вновь созданных занятиях, культурные аспекты продолжают играть ключевое значение[508].

Современные тенденции в отношении языков коренных народов весьма негативны: родные языки находятся почти на грани исчезновения во многих странах[509]. В течение последних 50–60 лет происходило угасание родных языков коренных народов, что объясняется различными субъективными и объективными причинами – в том числе, утратой межпоколенной связи (язык сохраняет лишь старшее поколение); низкой оценкой этнообразующей роли родных языков; исключением родных языков из образовательных программ[510].

Основная проблема, которую можно выделить в этой связи, состоит в том, что образование детей и молодежи кочевых народов вдали от семьи становится инструментом изменения традиционной культуры и разрыва связи поколений. С одной стороны, современное образование дает возможность получить доступ к технологиям, социальным лифтам, социальной мобильности, расширяет географию проживания и повышает качество жизни и, с другой стороны,

---

[507] Tulaeva S., Nysten-Haarala S. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements // Resources. 2019. № 8. С. 86.

[508] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. Т. 23, № 3. С. 11–41.

[509] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[510] Белолюбская В. Г. Языки коренных народов Севера: история и современность // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 110–115.

не препятствует сохранению традиционной культуры в форме языка и фольклора. В то же время, не все модели образования отвечают этническим интересам современных коренных народов, кроме того, формируют негативный фон, не способствующий развитию коренных народов и адаптации их в современном быстро развивающемся обществе.

В качестве вывода можем отметить, что существуют определенные разрывы между нормами, созданными государством, и представлениями и ценностями коренных народов об организации их жизнедеятельности и реализацией их прав и интересов в современный период. Системы жизненных ценностей доминирующего большинства и коренных народов в некоторой степени различаются, в то же время «голоса» коренных народов не учитываются при формировании государственных стратегий, норм законодательства и социально-экономических программ. Практически все меры государственной поддержки носят компенсационный характер и не обеспечивают право коренных малочисленных народов на развитие в соответствии с собственными жизненными ценностями (семья, земля, общность, род).

В федеральных и региональных стратегических документах и нормативных правовых актах Российской Федерации гарантирование прав коренных народов осуществляется через сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных народов, а иногда даже более узко – через сохранение языка и культурных ценностей. Однако в данных формулировках просматривается позиция государства, выраженная доминирующим обществом, и игнорируются истинные потребности коренных народов. Например, органы государственной власти видят низкий уровень социально-экономического благополучия как самостоятельную проблему, которую можно решить обычными компенсационными мерами. Исследования показывают, что социально-экономическое неблагополучие – это только часть комплексной проблемы, объединяющей три составляющих, – экологическую, социальную, экономическую. Ценности коренных народов лежат в комплексном сочетании всех вышеназванных нами концептов, т.е. в сохранении и развитии

и материальных, и духовных основ своих этнических сообществ, экономики и, что более важно, социальной организации (семья, община), а также в обеспечении охраны окружающей их природной среды. Таким образом, полагаем, что на современном этапе развития этнического законодательства оно должно быть дополнено нормами, обсужденными с коренными сообществами, и включать индигенные ценности, являющиеся основой их жизнедеятельности.

Данный подход будет соответствовать принципу, заложенному в Декларации Рио де Жанейро, устанавливающему, что коренное население призвано играть жизненно важную роль в устойчивом развитии с учетом их знаний и традиционной практики. Государства должны признавать и должным образом поддерживать их самобытность, культуру и интересы и обеспечивать их эффективное участие в достижении устойчивого развития (Принцип 22)[511]. Таким образом, может быть закреплен принцип верховенства ценностных и знаниевых традиционных начал, который характерен для коренных сообществ. Данный принцип должен быть четко сформулирован как в стратегических документах, так и найти отражение в базовых нормативных правовых актах[512].

Поскольку предметом нашего исследования являются конкретные регионы государств, а именно северные территории, Арктика, будет правильным отметить ее особенные характеристики, которые безусловно выделяют данный регион в составе каждой из изучаемых стран. Арктический макрорегион с сушей и водными пространствами по своим административно-территориальным и геополитическим характеристикам значительно отличается от других частей планеты, он издавна считался сосредоточением политических, правовых, экономических, военно-стратегических, экологических и социальных интересов. Именно эти интересы влияют на характер принимаемых арктическими

---

[511] Декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

[512] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 76–87.

государствами законодательных актов и определяют специфику регулирования общественных отношений в границах этих территорий.

Рассматривая Арктическую зону Российской Федерации сквозь призму названных конституционных и индигенных ценностей, очевидно, что при регламентации ее правового статуса и решения актуальных вопросов ее развития необходимо исходить из несомненной данности: Арктика – объект стратегически важный для реализации конституционных основ страны и конституционно закрепленных ценностей.

Говоря о ценностях, значимых для северных территорий, можно определить так называемые «арктические ценности». Арктические ценности – это некие идеологические и политические установки, которые формируют общепринятые модели поведения в этом значимом для государства регионе. Полагаем, для использования, охраны и «обживания» Арктики всегда нужны идейно-духовная основа, мировоззренческие установки, присущие как жителям, так и природопользователям, которые будут содействовать духовному, социально-экономическому и правовому благополучию арктического сообщества во всем его этническом многообразии, а также комплексному развитию Арктической зоны.

Арктика – это многомерное большое пространство, примыкающее к Северному полюсу, которое включает не только окраины материков Евразии и Северной Америки, Северный Ледовитый океан со всеми его морями и островами, а также и территории арктических государств, десятки народов, разнообразие субкультур и цивилизаций[513].

Проблема правового регулирования статуса Арктики заключается в отсутствии системообразующего законодательного акта, так как из 67 законов, касающихся Арктики, полноценный «арктический» предмет имеют только шесть федеральных законов, посвященных двум темам, – защите коренных

---

[513] Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск, 2013. С. 15; Лукин Ю. Ф. Арктика и Север России в проблематике гуманитарных исследований // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 94–106.

малочисленных народов Арктики и компенсациям для лиц, живущих на Крайнем Севере и выезжающих из районов Крайнего Севера[514]. То есть достаточно трудно выделить арктические ценности на основе действующих нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в Арктической зоне Российской Федерации.

Основываясь на авторской модели историка, изучающего Арктику, Ю. Ф. Лукина[515], которая описывает основные значимые аспекты Арктической зоны, попытаемся выделить определенные ценности, влияющие на ее развитие и регулирование общественных отношений на арктических территориях:

1. Арктика – это административно-правовое пространство, представляющее сухопутные территории восьми арктических государств общемирового водного пространства. Следовательно, ценностями, признаваемыми большинством граждан и предопределяющими общественное и государственное устройство, в этом отношении можно назвать государственный суверенитет, возможность самоуправления, лидерство, и сходные ценности, связанные с реализацией публичной власти и управлением в арктическом макрорегионе.

2. Арктика представляет собой физико-географическое пространство, занимающее более 26% территории земной суши и акваторию Северного Ледовитого океана площадью 14,75 млн кв. км., характеризующееся суровым климатом, особыми суточными циклами, биологическим разнообразием фауны и флоры. Ценностями, отражающими физико-географические особенности региона, являются ценности выживания, адаптации к суровым климатическим условиям, взаимозависимости и взаимовыручки, близость и единение с природой.

3. В Арктике признается существование особого духовно-цивилизационного, геокультурного пространства, объединяющего четыре цивилизации, которые можно обозначить как «европейская», «евразийская» (русская, российская), «североамериканская», «циркумполярная». Несмотря на то, что все эти цивилизации

---

[514] Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 1. С. 59–78.

[515] Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск, 2012. С. 15–22.

характеризуются этнокультурным разнообразием, некоторые ценности присущи для всех – толерантность, доверие, поступательность в принятии решении, отрицание собственности, принятие общего блага.

4. Арктика – это геополитическое пространство, объединяющее более 4 млн человек, проживающих в восьми арктических государствах. Национальные интересы и ценности государств значительно отличаются друг от друга, поскольку они вырабатываются на основе их исторического развития, реальных потребностей политики и экономики. Так, среди ценностей западных арктических государств можно назвать политическое лидерство, обеспечение военно-стратегического присутствия. Среди российских ценностей, соотносимых с арктическим регионом, можно выделить достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, которые особенно проявляются в этом стратегически значимом регионе.

5. Геоэкономическое пространство Арктики всегда обозначается особо, как наиболее значимый фактор ее развития, поскольку здесь сосредоточено, по разным оценкам, от 25 до 30% запасов минерально-сырьевых ресурсов[516]. По данным ООН, разведанные запасы арктической нефти составляют более 100 млрд т, а извлекаемые запасы газа оцениваются в 50 трлн куб. м[517]. Кроме того, Арктика – это большие запасы чистого воздуха, пресной воды, резервное экологическое пространство всего мира. Через Северный Ледовитый океан проходит самый короткий морской торговый путь из Атлантического океана в Тихий, в связи с глобальным потеплением он становится вполне доступным для судоходства[518]. То есть ярко выражены и материально-экономические ценности: права на землю и недра, природные блага, возможность жизнеобеспечения.

---

[516] Селин В. С., Васильев В. В. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики. Апатиты, 2010. С. 13.

[517] Зонн И. С., Жильцов С. С. Арктический нефтегазовый фронт. Данные по запасам ресурсов на Крайнем Севере нуждаются в уточнении. URL: http://www.ng.ru/energy/2011-12-13/15_arctic.html.

[518] Лукин Ю. Ф. Концептуальные подходы к определению внутренних границ и развитию Российской Арктики в изменяющемся мире // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 94–109.

6. Уникальность Арктического региона характеризуется особыми экологическими ценностями, которые, в свою очередь, близки к ценностям устойчивого развития: обеспечение здорового образа жизни, справедливое качественное образование, доступная энергия и прочие.

7. Арктика ценится не только за ее материальные богатства, а за духовную чистоту и первозданность, прозрачность человеческих отношений. Главный ресурс Арктики – это люди, человеческий, креативно-интеллектуальный капитал. Следовательно, особыми «арктическими» ценностями можно назвать солидарность, сотрудничество, взаимовыручку, равенство, иные общие духовные ценности[519].

Определяющим критерием развития северных (арктических) территорий является сочетание государственных интересов и интересов коренных народов, без взаимодействия с которыми эффективное освоение арктических территорий будет существенно затруднено. Как справедливо отмечает Е. А. Корчак, «всевозрастающее значение Арктики требует от северных стран, в состав которых входят арктические территории, разработки и реализации специфической «арктической» политики, основа которой – устойчивое развитие, предполагающее обеспечение текущих экономических и социальных потребностей местных социумов без угрозы экономической безопасности территории и ресурсам Арктики»[520].

К сожалению, в действующих стратегических документах Российской Федерации четко не обозначены ценности, которые должны лежать в основе развития арктических территорий. Как следует из приведенных выше рассуждений, пространство Арктического региона, населенного коренными народами и осваиваемого современными способами, чрезвычайно многообразно, представлено различными ценностями, в том числе национальными и индигенными,

---

[519] См.: Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики: монография. Архангельск, 2010. 400 с.

[520] Корчак Е. А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях // Научное обозрение. Экономические науки. 2014. № 1. С. 126–127; Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Северные (арктические) территории Российской Федерации: реализация экономических прав коренных малочисленных народов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. №5 (101). С. 53–61.

обусловленными биологическими, территориальными, культурными, экономическими особенностями.

На основе указанных традиционных ценностей могут быть сформулированы принципы обновляемого этнического законодательства. Под принципами можно понимать общее требование руководствоваться в своих оценках и действиях определенной ценностью. Следует отметить, что далеко не все правовые принципы могут быть формализованы. При этом отражение правовых принципов в законах, обретение ими качества принципов права придают законодательству легитимность. Однако важна не столько формализация, сколько то, что правовым принципам должна быть подчинена вся система этнического законодательства.

Правовые принципы, во-первых, имеют прямое деятельно-установочное значение (в отличие от ценностей, к которым они апеллируют); во-вторых, они могут быть легко легализованы – перенесены в законодательство; в-третьих, подобно ценностям они носят конвенциональный характер и, следовательно, имеют значение для субъекта правового регулирования – коренных народов; в-четвертых, в силу своего абстрактного характера правовые принципы, уже в той или иной мере закрепленные в Конституции и законодательстве, не препятствуют «юридической мобильности» (ввиду возможности их интерпретации).

Правовые принципы должны быть включены в обновленную концепцию этнического законодательства, например, в базовый Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», с целью того, чтобы определить пути создания правовых норм, регулирующих этнические отношения. Как уже отмечалось, перед отечественной юридической наукой стоят задачи переосмысления категориального аппарата в сфере этнических отношений, уточнения ранее установившихся значений некоторых терминов (в частности в силу их многозначности), раскрытия традиционных понятий в контексте их нового понимания, создания новых концепций и правовых конструкций. Включение базовых принципов в законодательство о коренных народах поможет скорректировать реализуемую государственную этническую политику России, сформировать ценностную и организационную основу функционирования этнического законодательства. При этом данные принципы должны сочетать

ценности и интересы российского государства, Арктической зоны Российской Федерации и принципы, отражающие индигенные ценности.

Представляется обоснованным сформулировать следующие принципы:

– принцип свободного определения этнической идентичности;

– принцип обеспечения достоинства людей, являющихся представителями коренных народов во взаимоотношениях с органами государственной власти, природопользователями, иными народами, проживающими на исконных территориях;

– принцип первостепенной важности земель и природных ресурсов в жизнеобеспечении, материальном и духовном благополучии коренных народов;

– принцип культурного многообразия;

– принцип многообразия экономической деятельности, связанной с традиционным использованием природы;

– принцип сохранения родных языков;

– принцип сохранения и развития культуры коренных народов;

– принцип бережного отношения к природе в местах исконного проживания, как основе духовного и физического благополучия;

– принцип ответственности при принятии хозяйственных решений;

– принцип гармонии с природой;

– принцип комплексного устойчивого развития территорий;

– принцип приоритета духовных ценностей над материальными;

– принцип приоритета семьи как основной социальной единицы, сохраняющей ценности и передающей их из поколений в поколения, и как основной хозяйствующей единицы;

– принцип толерантности и гуманизма, особенно в суровых природных условиях;

– принцип сотрудничества и взаимопомощи со всеми заинтересованными лицами и органами государственной власти;

– принцип установления диалога; свободного выражения мнений, ожиданий и интересов.

Таким образом, можно сделать вывод, что одним из условий конституционного мультикультурализма является индигенизация конституционно-правовых норм, что означает процесс интеграции ценностей, интересов, ожиданий коренных народов в действующее правовое пространство, ведущий к конституционно-правовому развитию и действенным гарантиям прав коренных народов, а также к повышению восприимчивости коренными народами и публичной властью этнических норм и институтов конституционного права.

Кроме того, индигенизация предполагает вовлечение коренных народов в качестве субъектов в процесс концептуализации собственной культуры, образа жизни и экономической деятельности и, соответственно, в процесс интеграции собственных интересов и ценностей в правовой контекст, что позволит конституировать собственную идентичность относительно общественного мнения, национального законодательства и правоприменительной практики.

С учетом современных тенденций и на основании анализа онтологий и миропонимания коренных народов можно сделать вывод, что система традиционных ценностей коренных народов основана на таких концептах, как:

– «территории исконного проживания (земля)»;

– «экологическое благополучие (природа)»;

– «социально-экономическое благополучие (тело)»;

– «традиционные виды хозяйственной деятельности (технологии)»;

– «духовное благополучие (душа)»;

– «социальная организация (семья/ община)»;

– «взаимоотношения с государством и иными субъектами (власть, природопользователи)».

Значение данных концептов для мировосприятия и ценностей коренных народов подтверждается «теорией этноса» (С. М. Широкогоров, Ю. В. Бромлей), которая определяет этнос как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую межпоколенную совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями

культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием).

На основе этих концептов могут быть предложены некоторые меры, способствующие преодолению выявленных недостатков современного российского законодательства и расширению возможностей развития коренных народов в системе права. Исходя из правовой концепции этнической идентичности и с учетом системы индигенных ценностей, автором предлагается обновленная концепция этнического законодательства, в которой должны быть учтены этнические интересы коренных народов и вытекающие из них права, а предметом правового регулирования должны выступать такие общественные отношения, которые базируются на основных концептах системы ценностей (например, индигенных ценностей, названных выше).

Концепция этнического законодательства должна строиться также на определенных принципах, в том числе предложенных автором и направленных на формирование ценностной и организационной основы законодательства о коренных народах, что, на взгляд диссертанта, позволит скорректировать государственную этническую политику России, сочетать ценности и интересы российского государства и исконно проживающих в нем коренных сообществ.

ГЛАВА 3. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

3.1. Правовое регулирование роли и места коренных народов в системе федеративных отношений

Федеративные отношения в государстве как форма демократической организации общества обеспечивают децентрализацию системы публичной власти, позволяют распределять властные полномочия между центром и регионами, сохранять баланс интересов различных территорий и тем самым создают эффективное правовое регулирование, в том числе в сфере этнических отношений[521]. В федеративных государствах предоставляется больше политических и правовых возможностей осуществлять развитие различных этнических и территориальных общностей, полнее учитывать их исторические, культурные и экономические особенности, формировать законодательство, ориентированное на особенности и потребности каждого этноса[522].

В науке конституционного права понятие «федерализм» обозначает, во-первых, способ организации некоторых государственных объединений; во-вторых, определенного рода отношения[523] и, в-третьих, принцип территориального обустройства государства. Ряд авторов определяет федерализм как «постоянный процесс улаживания отношений между центральным правительством и составными частями федерации»[524], как режим и форму

---

[521] См.: Столяров М. В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань, 1998. С. 7; Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. Москва, 2003. 379 с.

[522] См.: Саликов М. С. Сравнительно-правовое исследование федеративных систем России и США: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 481 с.

[523] Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. Москва, 1998. С. 293.

[524] Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. Москва, 2004. С. 17.

государственно-территориального устройства (тем самым фактически отождествляя понятия «федерализм» и «федерация»)[525]. Федерация традиционно понимается как «сложносоставное государство, объединяющее в себе несколько других государств или государственных образований»[526]. Н. А. Богданова под федерализмом понимает «совокупность идей, в том числе нашедших конституционное закрепление, о федеративной форме государственного устройства, а также практику их реализации»[527], а под федеративным государством – «объединение нескольких государств в союзное государство или выделение из состава единого государства нескольких государств (государственных образований), взаимодействующих на принципах союзного государства, в котором союзная (федеральная) власть распространяется на всю территорию государства, а его члены (субъекты) участвуют в формировании и осуществлении этой власти»[528].

В мире существует ограниченное количество федеративных государств, на территориях которых проживают коренные народы, наделенные особым правовым статусом. Это Австралийский Союз, Канада, Соединенные Штаты Америки, федеративные государства Латинской Америки и Российская Федерация. Еще более коротким является перечень тех федеративных государств, в которых правовой статус аборигенов особо урегулирован национальной конституцией: Канада, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Россия, США и, с существенными оговорками, Австралийский Союз[529]. Именно этим был обусловлен выбор предмета нашего исследования.

---

[525] Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. Москва, 2004. С. 18–19.

[526] Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. 184 с.; См. также: Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). Москва, 1994. С. 127–128; Понятие и правовые признаки коренных народов // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 1. С. 11–52.

[527] Богданова Н. А. Конституционное право. Общая часть. Москва, 1994. С. 47.

[528] Там же.

[529] Филиппова Н. А. Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (3). С. 431.

В силу того, что Россия, Соединенные Штаты Америки и Канада являются крупнейшими федеративными государствами, расположенными в сходных географо-климатических условиях, сопоставление норм о разграничении компетенции, установленных в конституционном и отраслевом этническом праве и законодательстве данных государств, имеет особое значение.

Федеративное устройство Российской Федерации имеет конституционную основу. Необходимо заметить, что формально-юридически федеративный принцип разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами не обозначен в основах конституционного строя России. О том, что данный принцип положен в основу разделения государственной власти, можно вывести из толкования ст. 71, 72, 73 Конституции РФ. Разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами основывается также на статьях 66, 76, 77, 78 (ч. 2, 3), 85 (ч. 1), 125 (ч. 3) Конституции Российской Федерации[530]. Статья 5 Конституции РФ, устанавливающая базовые принципы федеративного устройства, в качестве одного из таких принципов называет лишь разграничение компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Далее же, в ст. 71, 72, 73, Конституция РФ разграничивает предметы ведения федерации и ее субъектов.

Статья 76 Конституции РФ устанавливает общие принципы и предмет правового регулирования федерации и субъектов федерации. Федеральные законы, принимаемые по предметам исключительного ведения федерации и по предметам совместного ведения, имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Субъекты могут принимать нормативные акты как по предметам совместного ведения, так и по предметам собственного ведения. Конституции, уставы, законы и иные нормативные акты субъектов Федерации не могут противоречить федеральным законам. В случае противоречия между федеральным

---

[530] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм. 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон.

Особенность российской Конституции состоит в том, что конституционные положения о коренных малочисленных народах включены в главу о федеративном устройстве, а не в главу о правах и свободах человека и гражданина. То есть право индигенных народов – элемент наших федеративных отношений с последующим отражением в других (конкретизирующих) положениях Конституции. Похожим примером такого подхода является и Конституция Канады (ст. 25).

Обеспечение и защита прав коренных малочисленных народов и лиц, относящихся к ним, отнесены к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Эта особенность обусловлена как нетипично большим количеством субъектов РФ, в том числе и таких, в которых проживают коренные малочисленные народы России, так и значительным количеством и многообразием самих таких народов[531].

Поскольку российская Конституция устанавливает, что в ведении РФ находятся «регулирование и защита прав национальных меньшинств» (п. «в» ст. 71), а в совместном ведении РФ и ее субъектов — «защита прав национальных меньшинств» и «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (п. «б» и «м» ч. 1 ст. 72), то можно сделать вывод, что нормативное регулирование прав коренных народов и этнических отношений как таковых в РФ осуществляется на трех уровнях:

– на федеральном уровне (в федеральных законах и подзаконных актах);

– уровне субъектов РФ (в законах субъектов РФ, в подзаконных актах, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ);

– уровне местного самоуправления (в нормативных актах органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления).

---

[531] Филиппова Н. А. Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (3). С. 431–445.

Предметы совместного ведения в Конституции Российской Федерации представляют собой довольно объемный список, и мнения по установлению предметов совместного ведения в Российской Федерации весьма неоднозначны. Научные позиции поляризуются от признания ст. 72 Конституции как нового слова в мировой практике федерализма до полного неприятия, когда данная статья расценивается как свидетельство неспособности законодателя разделить власть между федерацией и ее субъектами[532].

В США и Канаде преобладающей моделью правового регулирования является отнесение общих вопросов регулирования этнических отношений к исключительному ведению органов государственной власти федерации, которые действуют в интересах коренных народов.

Конституция США 1787 г. разграничивает компетенцию федерации и штатов в статьях I, III, IV, VI, а также в поправке X. Законодательные полномочия федеральных органов власти сформулированы в семнадцати пунктах в разд. 8 ст. I; разд. 9 ст. I перечисляет конституционные ограничения полномочий федеральных органов власти, то есть содержание исключительной федеральной компетенции уже не требует пояснения[533].

Согласно американской Конституции, предметы ведения по своей природе делятся на три вида: национальные, региональные и предметы совместного ведения. Предметы ведения Федерации представляют общенациональный интерес, и федеральным органам власти делегированы четко определенные полномочия по их решению, что составляет исключительную компетенцию Федерации. Перечень общефедеральных полномочий в Конституции США не является исчерпывающим, как, например, в Российской Федерации. Помимо строго оговоренного объема полномочий, каждый субъект также вправе делегировать центру дополнительные полномочия[534].

---

[532] Конюхова И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. Москва, 2004. С. 491.

[533] Конституции зарубежных государств: США. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада / сост. В. В. Маклаков. 2-е изд. Москва, 1999. С. 12.

[534] См.: Мухаметшин Ф. Х. Российский федерализм: проблемы формирований отношений нового типа // Государство и право, 1994. № 3. С. 49–59.

К предметам совместного ведения относятся те, которые приобретают особую актуальность применительно к отдельным субъектам, в том числе и многие вопросы жизнедеятельности коренных народов[535]. Напрямую не относя вопросы коренных народов к предметам совместного ведения, Конституция США регулирует сотрудничество Федерации и штатов в сфере этнических отношений, а некоторые американские исследователи даже считают, что сотрудничество штатов является их конституционной обязанностью[536]. Хотя прямое указание на обязанность сотрудничества в американской Конституции обнаружить нельзя, тем не менее косвенным доказательством в пользу этого является ст. IV, в разделе 1 которой говорится, что «в каждом штате должны пользоваться уважением и полным доверием публичные акты, официальные документы и судебные решения любого другого штата»[537].

Разграничивая компетенцию между федерацией и ее субъектами, основной закон США устанавливает прямые запреты для штатов (разделы 9 и 10, поправки XIV, XV, XIX, XXIV, XXVI). Все полномочия по ведению вопросов, не указанных в Конституции или возникающих в процессе развития общества и изменения социальных отношений, сохраняются за штатами. Таким образом, определяется исключительная компетенция субъектов Федерации.

Одним из запретов для штатов является нарушение федеральной Конституции и неисполнение федеральных законов. Федеральные Конституция и законы обладают верховенством над законодательством штатов также и в случае их противоречия[538]. Конституция США является основой федеральной и региональной систем власти, экономических и политических структур. Ни одна конституция штатов не противоречит федеральной. Это объясняется, прежде всего,

---

[535] См.: Калина В. Ф. Развитие идеи федерализма в истории человечества // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 1. С. 221.

[536] Подробнее см.: Zimmerman J. Contemporary American Federalism: The Growth of National Power. New York, 1992. P. 135.

[537] Фарукшин М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт. Изд-во Казанского университета. 1998. С. 182.

[538] См.: Саликов М. С. Федерализм в России и США: сравнительно-правовое исследование // Российский юридический журнал. 1995. № 4. С. 64–68.

тем, что законодательство в рамках американского федерализма создавалось на протяжении двух столетий, оно отработано в мельчайших деталях, оформлено в систему законодательных актов, процедур, механизмов реализации и контроля принятых решений. Например, Ю. А. Тихомиров отмечает, что в английском праве глубоко укоренилось чувство легитимности власти, когда подчинение основывается не на прямом давлении, против воли подчиняющегося, а добровольно, путем внутренней мотивации[539]. Вместе с этим практическое использование положений Конституции США предполагает необходимость их юридической интерпретации, расширительного толкования, и здесь, по мнению американских специалистов, должен преобладать творческий подход[540].

Полномочия органов государственной власти Федерации и штатов в США строго разделены, хотя фактически эта правовая конструкция не действует, так как не соответствует политическим реалиям. Это касается и этнической сферы. Интерпретируя поправки XIV и XV к Конституции США, федеральные законодательные акты, решения судебных органов, можно сделать вывод, что большая часть полномочий в отношении коренных народов, в частности штата Аляска, находится в компетенции органов государственной власти штатов[541]. Если же определенные отношения с коренными малочисленными народами урегулированы федеральными законодательными актами, то законы штатов не имеют применения. В тех случаях, когда вопрос не отнесен к компетенции федеральных органов власти, он относится к компетенции органов власти штата. Нормы регионального законодательства не могут противоречить федеральным нормам. В частности, к компетенции органов власти штата относятся такие вопросы, как границы территорий, навигационные реки, некоторые вопросы права частной собственности на землю, вопросы перераспределения земель, находящихся в собственности общин коренных народов. Однако нормативно-правовые акты штата не могут содержать нормы, уменьшающие права коренных народов[542].

---

539 Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. Москва, 2001. С. 67.

540 См.: Бокова С. В., Чувахина Т. Г. Конституционные основы американского экономического федерализма и современная практика // США: Экономика. Политика. Идеология. 1992. № 1. С. 112.

541 US Code. Title 30. Sec. 1300. URL https://www.law.cornell.edu/uscode/text/30/.

542 VcLane A. E., Oil and Gas Leasing on Indian Lands. Denver, Colorado, 1995. P. 1–36.

Как известно, американская федерация включает в себя пятьдесят штатов, ни один из которых не является формой государственности какой-либо нации или этнической группы. Как следует из приведенных выше положений, в США этнический фактор не является принципом федеративного строительства[543]: Соединенные Штаты Америки – многонациональная страна, однако эта поли-этничность сложилась не в силу внутренних факторов[544], а по причине массовой внешней иммиграции. Как справедливо отмечает А. С. Автономов, коренное население Америки участия в федеративном строительстве не принимало. В течение длительного времени индейские племена рассматривались как иностранные образования и с ними заключались своеобразные квази-международные договоры[545]: Пришлое население перемешивалось, никаких исторических связей у него с той или иной территорией не было, поэтому заинтересованность и практическая возможность создать этно-территориальные образования отсутствовала[546]. Именно такая концепция носит название «плавильный котел», где задача этнополитики государства – «переварить» или ассимилировать все этническое многообразие в социальной структуре современного американского общества.

В Канаде нет конституции в привычном ее понимании, а существует свод конституционных законов, принятых в период с 1867 г. и закрепленных в Конституционном акте 1982 г. [547] Основу Конституционного акта составляет

---

[543] Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. 184 с.

[544] Червонная С. А. Этнический фактор в политической системе // Политическая система США. Актуальные измерения. Москва, 2000. 285 с.; Чертина В. С. Этничность в США: теория «плавильный котел» // Американский ежегодник. 1993. Москва, 1994. С. 151–161; Kymlicka W. Minority Nationalism and Multination Federalism // Vol. 3: Models of Individualism, Communalism, and Multinationalism in Federal Governance / ed. by J. Kincaid // Federalism. 2011. P. 227–255 и др.

[545] Автономов А. С. Принципы федерализма в России и США: сравнительный аспект // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под ред. Р. Хакимова. Казань, 2004. С. 46.

[546] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

[547] Гладун Е. Ф. Разграничение компетенции в области недропользования в федеративном государстве (Конституционно-правовое исследование на материалах России, США и Канады): дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 227 с.

распределение законодательной власти между органами власти провинций и федеральными органами на основе четкого разграничения их предметов ведения, причем органы власти обоих уровней в пределах своих полномочий функционируют независимо[548]. Другой особенностью Конституции является отсутствие в ней четко выраженной иерархической подчиненности одного уровня государственного управления (провинций) другому (федеральному). Нет в ней и упоминания о каких-либо юридических субъектах, таких, например, как субъекты федерации в Конституции России[549].

Основополагающим принципом Канадской Конституции является наделение федерального уровня полномочиями по предметам ведения, имеющими общегосударственный, «национальный» характер. Полномочия провинциальных органов власти распространяются на сферы деятельности, традиционно считающиеся областями региональных интересов. Перечень предметов ведения Федерации дан как закрытый, в п. 28 ст. 91 гл. IV установлено, что к компетенции федеральных органов власти относятся вопросы, изъятые Конституцией из перечня вопросов, относимых к компетенции законодательных органов провинций. Предметы ведения провинций перечислены в ст. 92, п. 16 которой к ведению провинций относит «все вопросы, по своему характеру имеющие местное или частное значение в провинции»[550]. В современных условиях экономическая и социальная роль субъектов федерации в Канаде резко возросла, и, таким образом, уже основной закон создал объективную базу для усиления и расширения экономического и политического влияния провинций в важнейших вопросах государственной жизни, для возрастания роли провинциального уровня власти в общегосударственной системе правового регулирования[551].

---

[548] Конституции зарубежных государств: США. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада / сост. В. В. Маклаков. 2-е изд. Москва, 1999. С. 521.

[549] Сондерс О. Канадский федерализм: история и современность // Освоение ресурсов нефти и газа в федеративных государствах (опыт Канады и России). Москва, 1997. С. 18–25.

[550] Конституции зарубежных государств: США. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада / сост. В. В. Маклаков. 2-е изд. Москва, 1999. С. 526.

[551] Моргачев В. Н. Формы и методы территориального управления в США и Канаде. Москва, 1987. С. 30–31.

Пункт 24 ст. 91 Конституционного акта Канады 1867 г. закрепил за федеральным парламентом исключительные законодательные полномочия в отношении статусных индейцев и принадлежащих им земель. По смыслу Конституции федеральный парламент вправе принимать нормативные правовые акты по любым вопросам в отношении коренных жителей, даже если аналогичные вопросы отнесены к компетенции провинций. В соответствии с Конституцией Канады все вопросы, связанные с регулированием деятельности на территории проживания коренных малочисленных народов, относятся к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти. Федерация является собственником территорий на севере Канады, на которых проживают коренные народы.

Таким образом, от того, как разграничена по своему существу компетенция между федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением, зависит роль, которую играет федеративное государственное устройство в жизни этносов данного государства, то есть федеративное устройство или будет служить объективным экономическим, политическим, социальным, национальным, культурным потребностям общественного развития, или будет тормозить это развитие[552].

Главной особенностью федераций, характеризующихся полиэтничностью и иными этническими признаками, является не столько само существование в них субъектов, отличающихся особым этническим, языковым или религиозным составом населения, сколько связанные с этим процессы формирования региональной этнической идентичности при наличии национальной идентичности[553]. Учитывая сказанное, отметим, что исследование различных аспектов коренных народов в федеративном государстве, таком как Россия, США, Канада, невозможно без изучения одной из разновидностей федерализма – этнофедерализма.

---

[552] Линник Т. Г. Совершенствование федеративных отношений и региональная политика. Тюмень, 2000. С. 137.

[553] См.: Тишков В. А. Избранные труды: в 5 т. Т. 2: Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва, 2021. 543 с.

Как замечает И. А. Умнова-Конюхова, специальными задачами федеративного государства являются не только обеспечение единства публичной власти на основе интеграции, кооперации и солидарности разных уровней власти, но и формирование нецентрализованного самоуправляемого режима осуществления государственной власти на местах, учета этнического, культурного, национального, религиозного разнообразия страны в условиях компактного проживания определенных групп населения, отличающихся по национальной или этнической принадлежности, языковыми, религиозными, культурными и иными особенностями[554].

Если федерализм олицетворяет собой идеологию, принципы и процесс государственного устройства территории, то федерация выступает государственно-правовой оболочкой этой идеологии. Иначе говоря, федерализм и федерация соотносятся как содержание и форма. Авторам книги «Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке»[555] представляется, что, говоря о федерализме, необходимо принимать во внимание четыре его составляющие: институциональную (или инструментальную), функциональную, нормативно-правовую и культурно-ценностную. Нам интересна культурно-ценностная составляющая федерализма, которую иначе еще называют федеративным духом, идеологией федерализма, культурой федерализма. Данный аспект характеризует федерализм не только как совокупность инструментов, институтов, практик и правовых норм, но также как определенную социальную ценность. В предельно обобщенном социальном контексте культура – это «образ жизни, которому следует община или племя…, совокупность верований и практик»[556], «сумма поведения и образа мышления, образующая данное общество»[557], «социально стандартизованное поведение – действие, мышление,

---

[554] См.: Умнова-Конюхова И. А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С.104–105.

[555] Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М.С. Саликова. Екатеринбург, 2014. 184 с.

[556] Wissler K. An Introduction to the Social Anthropology. N. Y., 1929. P. 15.

[557] Herskovits M. Cultural Anthropology. N. Y., 1955. P. 351.

чувства некоторой группы»[558]. Несмотря на то, что приведенные определения культуры принадлежат различным исследовательским и философским традициям, в них можно выделить в качестве общего элемента то, что все они так или иначе связывают данный концепт с поведением, образом жизни на основе сложившихся в определенном обществе правил, образцов и стереотипов. Примеры изучаемых нами зарубежных государств показывают, что федеративное устройство государства способствует достижению целей согласования интересов публичной власти, нации и коренных сообществ, поскольку распределение компетенции по уровням власти – от высшего (федерального) до наиболее приближенного к местам проживания локальных сообществ, возможности договорных отношений между частями государства, инструменты конституционного мульти-культурализма способны обеспечить благоприятное правовое поле для достойного и гармоничного существования коренных народов, характеризующихся специфическими чертами расселения, образа жизни, культуры, ведения экономической деятельности и обладающих специфическими ценностями, знаниями и ожиданиями.

Во взаимосвязанных идеологических, культурных и правовых процессах формируется феномен «этнизации» региональной политической идентичности и политизации[559] этнической идентичности. Возможности регионов в федеративных государствах заключаются в создании особых условий для граждан федерации, проживающих в национальном регионе и относящихся к этнической группе, образующей данный регион, воспринимающих себя как члена сразу двух наций: нации-согражданства, составляющей федерацию, и своего этнического сообщества[560]. Как уже отмечалось, практически у каждого представителя коренных народов присутствует этническая идентичность, при этом

---

[558] Honigman J. Culture and Personality. N. Y., 1954. P. 17; См. также: Определение понятия культура // Биофайл: научно-информационный журнал. URL: http://biofile.ru/chel/8172.html.

[559] Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. Москва, 2003 С. 34.

[560] Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. 184 с.

не имеющая политического содержания, поэтому этнические группы обладают в большинстве случаев как бы двумя национальными идентичностями. В субъектах федерации находится больше возможностей поддерживать феномен двойной национальной идентичности, выражающейся не только в ощущении принадлежности индивидов одновременно к двум территориально-политическим коллективам, но принадлежности к территориально-политическим коллективам, имеющим культурные различия и воспроизводящим в их сознании как характеристики своего этноса, так и признаки других этносов, разделяющих с ними территории проживания, и в целом признаки общегосударственной нации. Это приводит к развитию этнического самосознания внутри данной этнической группы, предполагающего осмысление такой группой себя как сообщества, обладающего собственными ценностями, интересами и правилами поведения, иногда отличными от ценностей и правил, существующих в государстве, имеющего собственные публично-властные институты, в той или иной степени основывающиеся на этих ценностях и обычаях, и собственную территорию[561]. В результате происходит сложное переплетение общегосударственной и этнической идентичностей, что, на наш взгляд, не противоречит, а, напротив, способствует устойчивому развитию общества.

Интересно отметить, что для государств, отличающихся территориально-этнической фрагментацией, характерны разные подходы к формированию федеративной культуры.

Соединенные Штаты Америки являют собой классический пример территориальной федерации, т.е. такой федеративной системы, которая не ставит в качестве основного принципа своего формирования национальный или этнический аспект. Тем не менее как этнические, расовые, так и культурные, религиозные, языковые и иные факторы не могут не влиять на функционирование институтов федеративной системы в целом, на построение органов публичной власти и не сказываться на проведении ими внутренней политики. Необходимость

---

[561] Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург, 2014. 184 с.

определения понятия и смысла термина «федерализм» применительно к американской политической системе обусловлена наличием множества трактовок этого термина, зачастую противоречивых, а также тем обстоятельством, что федерализм внедрялся на территории бывших британских колоний впервые и, по сути, не имел каких-либо аналогов в прошлом.

Для американского государства, которое прошло через этапы колониальной зависимости, первоначального объединения штатов в форме конфедерации, затем в форме более совершенного союза – федерации, которая также постепенно эволюционировала под воздействием многих обстоятельств как внутреннего, так и внешнего свойства, вполне приемлемо говорить и о федералистской культуре или культуре федерализма. Последняя зиждется на четком понимании рядовыми гражданами того, что государственный федеративный механизм устроен таким образом, что определенная совокупность вопросов может и должна решаться (и по факту решается) на федеральном уровне, другая – на уровне штата, оставшаяся – на уровне местного самоуправления. Культурно-идеологические факторы удивительным образом преломляются через призму отдельных конституционных прав в контексте федеративного устройства. В Российской Федерации, по нашему мнению, складывалась несколько иная ситуация – чрезмерная социальная опека определенных этносов со стороны центральных органов власти, существовавшая в СССР и в некоторой степени подтверждаемая сейчас в федеральных законодательных актах, отчасти способствовала формированию пассивной жизненной позиции коренных народов, «привычкой к социальному иждивенчеству»[562]. В результате в некоторых случаях до сих пор наблюдается пассивность, выражающаяся в выжидательном и потребительском отношении к государственной власти.

Однако возможности федерализма для предоставления необходимых форм организации проживания и жизнедеятельности коренных народов, для более полной реализации их конституционно-правового статуса и конституционно-

[562] Одзял Л. А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока (1950–1960 гг.): автореф. дис. … канд. истор. наук. Хабаровск, 2008. С. 24–25.

правового развития очень значительны. Например, в федеративных государствах мира достаточно распространенными являются формы национально-культурной автономии, о которых будет сказано ниже.

Как считают исследователи Т. А. Васильева, М. В. Глигич-Золотарева, А. Н. Лебедев, Ю. Л. Шульженко, по мере усиления глобализационных тенденций регионы и «периферийные» местности становятся все более разнообразными. В то время как они укрепляют свойственные только им культурные, экономические и политические особенности, государствам становится все сложнее управлять ими, применяя традиционные методы: централизованное государственное регулирование, налогообложение и другие инструменты[563]. Полагаем, что в развитии этнофедерализма определяющей является роль субъектов федерации. Как показало проведенное нами исследование[564], именно региональная этническая политика является наиболее эффективной, поскольку федеративные отношения позволяют децентрализовать систему управления, решать насущные проблемы коренных народов, распределять экономические и властные полномочия и предметы ведения между центром и регионами, сохраняя баланс интересов. Важно отметить, что степень реализации конституционных гарантий прав коренных народов на региональном уровне практически полностью зависит от уровня экономического развития субъекта. Очевидно, например, что традиционно «нефтегазовые» субъекты выделяют гораздо больше средств на поддержку данных социокультурных групп.

Задачей субъектов Российской Федерации, в которых исконно проживают коренные народы, может стать развитие «этнического лидерства». Во многих этнических регионах наблюдается высокий уровень доверия к политическому лидеру, особенно если у власти находится представитель коренных народов, при этом он также имеет полномочия по решению этнических вопросов.

---

[563] Глобализация и федерализм / Т. А. Васильева, М. В. Глигич-Золотарева, А. Н. Лебедев, Ю. Л. Шульженко // Государство и право. 2007. № 7. С. 5–16.

[564] Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 122–154.

На некоторых территориях даже существуют конституционно подтвержденные традиции и обычные нормы этнических групп, а также институты управления, образованные со стороны местных «традиционных лидеров». Эти институты не встроены в систему публичных органов власти, однако обладают авторитетом и играют большую символическую и культурную роль для существующих этносов[565].

Нередко именно регионы – «этнические лидеры» – служат локомотивом для развития государственной этнополитики, опираясь на собственный опыт, и посредством законодательных инициатив в Государственную Думу. Республики, автономные округа, иные субъекты Федерации, на территории которых проживают коренные народы, помимо детальной регламентации их правового статуса на региональном уровне, создают реальные условия (организационные, экономические, финансовые) для практического осуществления этих прав и свобод[566]. Лидерами в области этнизации в России можно назвать Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Республику Саха (Якутия).

Одной из самых развитых и прогрессивных в плане законотворчества по правам коренных малочисленных народов Севера является Республика Саха (Якутия). Например, здесь действовала государственная программа «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы»[567]. В рамках этой срочной программы было заявлено четыре задачи: безопасное и комфортное проживание населения, реализация проектов для повышения экономического потенциала арктических районов, этнокультурное развитие коренных народов, научное

---

[565] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты /под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 147.

[566] Заметина Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 210 с.

[567] Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 23 мая 2022 года № 359 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) “Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы” (с изменениями на 23 мая 2022 года)». URL: https://docs.cntd.ru/document/574897545.

и организационное сопровождение арктических проектов[568]. Помимо этого, якутское правительство также осуществляет план мероприятий по реализации Концепции устойчивого развития сроком до 2025 года[569]. В число этих мероприятий входят такие значимые пункты, как законодательные инициативы в федеральные органы государственной власти по вопросам защиты прав коренных народов; ведение реестра территорий традиционного природопользования и формирование единой информационной базы; совершенствование законодательства в области этнологической экспертизы; обеспечение эпизоотического благополучия оленьих стад; обеспечение услуг связи и Интернета в местах постоянного проживания коренных народов, то есть по сути своей «аборигенная цифровизация»; обеспечение социально значимых пассажирских перевозок в местах постоянного проживания коренных народов, а также реконструкция автомобильных дорог; ведение реестра кочевых семей; этнографический туризм и связанные с ним проекты; поддержка научных исследований в области историко-культурного наследия; охрана священных и сакральных мест коренных народов и др.[570] Эти направления во многом совпадают с целями развития коренных народов, заданных мировым сообществом[571].

Законодательство в сфере коренных народов и в Ямало-Ненецком автономном округе, и в Республике Саха (Якутия), например, представляется наиболее развитым и отражающим очень многие аспекты жизнедеятельности коренных народов, которые урегулированы с точки зрения этнических

---

[568] Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 133.

[569] Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 10 марта 2020 года № 223-р «О плане мероприятий по реализации в 2020–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Республике Саха (Якутия)». URL: https://docs.cntd.ru/document/570910601.

[570] Гладун, Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 122–154.

[571] A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy Making, Research, and Practice / S. V. Larsen, E. K. Bors, L. Johannsdottir, E. Gladun [et al.] // Global Policy. 2019. Vol. 10, Iss. 4. P. 686–696.

особенностей, территориального своеобразия и иных специфических черт коренных народов, проживающих в этнических регионах. Данный вывод был сделан исходя из формально-юридического и контекстуального анализа региональных нормативных правовых актов названных субъектов РФ: Закона ЯНАО от 2 марта 2016 г. № 1-ЗАО «О гарантиях прав лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», Закона ЯНАО от 5 апреля 2010 г. № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа», Закона ЯНАО от 6 октября 2006 г. № 49-ЗАО «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», Постановления Законодательного собрания ЯНАО от 9 декабря 2009 № 1996 «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» (всего в автономном округе действует более 15 законов и подзаконных нормативных актов, направленных на регулирование различных аспектов жизнедеятельности коренных народов)[572]; Закона Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2011 года 897-З № 715-IV «О защите исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», Закона Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 года З № 175-III «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера», Закона Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 года № 227-З N 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» и иных (всего в Республике Саза (Якутия) действует более 20 этнических актов)[573].

В целом исторически сложилась так, что в Республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецком автономном округе и иных названных выше регионах этнические лидеры из числа коренных малочисленных народов (Е. Д. Айпин, Г. П. Ледков,

---

[572] Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа / Официальный сайт // URL: https://dkmns.yanao.ru/about/

[573] Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) / Официальный сайт // URL: https://iu-upkm.sakha.gov.ru/zakony.

А. С. Николаев, С. Н. Харючи, Н. Н. Харючи, Г. П. Дюкарев) играли ведущую роль в местах их исконного проживания в становлении модели этнического региона, который в организационно-правовом, общественном и экономическом отношении способствует развитию коренных народов, исконно проживающих в нем.

В настоящее время арктические регионы России сталкиваются с большими вызовами в политике, управлении, экономике и экологии. Арктическая повестка включает такие вопросы, как изменение климата, здравоохранение, инфраструктура, энергетика, охрана окружающей среды, устойчивое использование северных вод, права коренных народов[574]. Следовательно, крайне важно создавать региональные системы защиты прав коренных народов на примере практического опыта и нормативно-правового обеспечения субъектов Российской Федерации – «этнических лидеров». Под региональной системой следует понимать сложившуюся политико-правовую, институциональную и правовую модель государственного управления, базирующуюся на нормотворческой активности органов публичной власти конкретного региона, связанной с обеспечением конституционных гарантий прав коренных малочисленных народов[575].

Подводя итог сказанному выше, подчеркнем: от оптимального разграничения компетенции между федерацией, ее субъектами и местным самоуправлением зависит роль федеративного устройства государства в жизни этносов. Полагаем, что модель российского федерализма призвана максимально учитывать исторические, экономические, духовные и иные особенности всех этносов, проживающих на территории Российской Федерации. Это обстоятельство, в свою очередь, определяет особое внимание государства к коренным народам, которые, будучи составной частью многонационального народа России выступают самостоятельным фактором, оказывающим непосредственное влияние на процесс

---

574 Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51 (7). P. 1086–1095.

575 Гладун Е. Ф., Задорин М. Ю., Горбунова А. И. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 127.

возрождения российской государственности и сохранении общероссийской культурной идентичности, равно как и своей этнической идентичности.

Диссертантом обоснована первостепенная роль регионов, которые обозначены как «этнические лидеры», в процессе развития коренных народов, реализации их прав; приведены примеры наиболее эффективного конституционно-правового регулирования в некоторых субъектах Российской Федерации и других федеративных государствах. Автор формулирует понятие «региональной системы защиты прав коренных народов» как сложившейся политико-правовой модели государственного управления, базирующейся на нормотворческой активности органов публичной власти регионов, связанной с обеспечением конституционных гарантий прав коренных народов, и приводит позитивные примеры действия таких моделей. При этом взаимодействие центра государства и его территориальных единиц должно быть направлено на сохранение и развитие национальной самобытности этносов, традиционного (исконно) проживающих на определенной территории, гармонизацию социально-экономического и культурного развития всех этносов.

Региональные системы защиты прав коренных народов, очерченные федеральным и поддержанные региональным законодательством, а равно как и сотрудничество органов публичной власти трех уровней с участием коренных народов и их лидеров, возможное при федеративном устройстве, создают более объективные предпосылки для реализации конституционного мультикультурализма, что особенно важно для полиэтнических государств, таких как Россия.

3.2. Административно-территориальные модели организации жизнедеятельности коренных народов

В основе системы мировоззрения и мировосприятия коренных народов всегда лежат следующие факторы: связь с землей и всем живущим на ней; эмоциональное, духовное отношение к земле не как к средству владения и производства, а как к культурной ценности, отражающей связь с предками,

с родиной. Мировые исследования, как отмечалось, также подтверждают, что особое отношение коренных народов к земле является основой для всей их культуры и образа жизни.

Отсюда следует, что конституционно-правовое развитие коренных народов, особенно в федеративном государстве, должно в первую очередь быть обеспечено рациональной, эффективной организацией территорий исконного проживания и традиционного использования, т.е. в административно-территориальном обустройстве государства должен присутствовать «этнический» компонент[576].

В целом в современной практике государств территориальное устройство по-разному может использоваться для управления этническим многообразием[577]. Вопросы единого суверенитета федерации и особого статуса ее участников – территориальных единиц (субъектов, штатов, земель провинций) в некоторой степени исследовались еще дореволюционными российскими юристами (в частности, Н. И. Лазаревским, Ф. Ф. Кокошкиным, Н. М. Коркуновым, С. А. Котляревским и др.). Во второй половине XX в. разработку вопросов национально-государственного строительства РСФСР, а также правовой анализ процесса образования автономных республик и автономных областей, их юридической природы проводили такие ученые, как З. Г. Еникеева, А. М. Каримов, К. Д. Коркмасова, А. М. Халилов, Р. Ш. Хафизов. Отдельно следует выделить исследования советских юристов Б. Л. Железнова, И. Д. Левина, А. И. Лепешкина, Р. С. Мулукаева, В. А. Рахлевского, Я. Н. Уманского, О. И. Чистякова. Современные конституционно-правовые исследования, посвященные автономным образованиям, не так многочисленны. Прежде всего, среди современных авторов следует выделить Б. Д. Дамдинова, И. Л. Жеребцова, Е. В. Кузнецову, А. Н. Мочалова, А. Г. Осипова, Т. Я. Хабриеву. Познавательны

---

[576] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // Гражданин и власть / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]. Тюмень, 2023. С. 165.

[577] Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 134–173.

и чуть более ранние статьи, касающиеся обозначенной темы, таких авторов, как И. Н. Барциц, И. В. Левакин, А. А. Ливеровский, В. А. Симонов.

Анализируя исследования по данному вопросу, возможно выделить три модели административно-территориального устройства этнически сложных государств. Первая модель – «этнический регион» – призвана способствовать реализации самобытности и этнической идентичности коренных сообществ через создание регионов, наделенных специальным правовым статусом, в границах которых коренным сообществам предоставляются возможности вести традиционный образ жизни, использовать родные языки в образовательной, административной, судебной и иных системах. В соответствии с конституцией или законодательством такие регионы могут в той или иной степени наделяться правом на внутреннее самоуправление, а иногда и юридической возможностью применять нормы обычного права (например, самостоятельно на основании обычных норм решать вопросы в сфере культуры, языка, образования, земельных и хозяйственных отношений и иные вопросы местного ведения). Иногда в местах компактного проживания коренных народов организуются «автономные территории», которые наделяются особым конституционно-правовым статусом[578].

Вторая модель представляет собой «территориальную ассимиляцию» и направлена на интеграцию коренных сообществ среди доминирующей в государстве или регионе этнической группы. В этом случае внутреннее административно-территориальное устройство формируется без учета национального признака, и как результат, этнические группы в регионе не сконцентрированы, а скорее «ассимилированы» в другие этнические группы (представляющие большинство), и все территории функционируют в едином конституционно-правовом режиме.

Третья модель заключается в создании «этно-специализированных территорий» (резервации, национальные поселения и проч.) для управления

[578] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 135–136.

этническими сообществами[579]. Как отмечает А. Н. Мочалов, эти территории «накладываются поверх существующего территориального деления»[580]. Этнические группы на этно-специализированных территориях могут наделяться некоторыми правами, например, правом использовать традиционные институты социальной организации, осуществлять самоуправление в соответствии с их обычаями (в той мере, в какой это согласуется с правовой системой страны и этнической политикой в целом). При этом, в отличие от двух предыдущих моделей, ограниченными полномочиями наделяется именно этническая группа, а не вся территория[581].

Чаще всего такой способ применяют к коренным народам, сохранившим родоплеменной уклад и тем самым обособляющим себя от остального населения страны. Правовой режим этно-специализированных территорий может быть различным и в большинстве случаев предусматривает юридические гарантии сохранения традиционного хозяйства и исконной среды обитания, однако не предполагает наделения их статусом публично-территориальных единиц. В некоторых странах такие территории могут иметь статус муниципалитетов, а институты социальной организации коренных народов могут интегрироваться в систему органов публичной власти[582].

Рассмотрим более подробно, какие из указанных выше моделей существуют и каким образом функционируют в изучаемых нами государствах, насколько эффективными они являются с точки зрения конституционно-правового развития коренных народов.

Условно названная модель «этнический регион», которая законодательно и организационно дает коренным народностям возможности вести традиционный

---

[579] Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира // Гражданин и власть / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]. Тюмень, 2023. С. 136.

[580] Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 161.

[581] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 136.

[582] Там же. С. 137.

образ жизни, использовать родные языки в различных системах общественных отношений и реализовывать некоторые политические, экономические и культурные права, сложилась в Российской Федерации, частично в Канаде и США (Аляске)[583]. Так, в России сформировалась своя собственная модель федеративного устройства, которую называют асимметричной федерацией, основанной на территориальном и национально-территориальном принципах[584]. Согласно ст. 5 Конституции Российской Федерации все субъекты России равноправны. В то же время ст. 5 и 65 Конституции РФ называют шесть видов субъектов (республики, края, области, города федерального значения, автономные округа, автономная область), а ст. 66 и 68 говорят о том, что статус субъекта Федерации зависит от его вида[585]. Выраженными этническими отличиями обладают автономные округа – субъекты Федерации, образованные в местах традиционного проживания коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока[586] и республики, образованные по национально-территориальному признаку. Именно их мы можем классифицировать как «этнические регионы»: будучи исторически сформировавшимися местностями концентрированного проживания соответствующих этнических групп (отличных от русского этноса), некоторые являются территориями исконного проживания коренных народов, на которых данные этносы ведут традиционный образ жизни и хозяйствования (Ханты-Мансийский автономный округ–Югра, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа; Республика Саха (Якутия), Республика Коми). Такие регионы также характеризуются более развитым этническим законодательством регионального уровня и отдельными государственными полномочиями в сфере

---

[583] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 147.

[584] Степанова А. А. Еще раз о федеративном устройстве России // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 20–24.

[585] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 138.

[586] Мочалов А. Н. Территориальное устройство стран БРИКС: сравнительный обзор // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2 (98). С. 54.

защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов, которыми наделяются органы местного самоуправления с соответствующим финансовым обеспечением. Кроме того, обеспечивается представительство коренных народов в органах региональной или местной власти с учетом особенностей их расселения, кочевого образа жизни и других социально-культурных характеристик[587].

В соответствии со ст. 97 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей в случаях, предусмотренных федеральными законами, могут образовываться территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов[588]. Порядок природопользования на указанных территориях устанавливается федеральными законами, их границы определяются Правительством Российской Федерации. Реализуя указанные нормы, Правительство РФ Распоряжением от 8 мая 2009 г. № 631-р утвердило Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации[589].

В зарубежных арктических странах в настоящее время выделяются этнические регионы, где коренные жители численно преобладают и наделяются определенной степенью автономии. Например, территориальная автономия была закреплена в 1970-е гг. в Гренландии и районе Северный Склон (Аляска, США). К концу XX в. такой процесс получил дальнейшее развитие и на Севере Канады

---

[587] Филиппова Н. А. Асимметричная организация местного самоуправления как фактор участия в нем сообществ коренных малочисленных народов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 3 (27). С. 98–115; См. также: Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 149.

[588] Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[589] Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2493.

(территория Нунавут, Территории Первых наций Юкона[590], а также стал предметом обсуждения в скандинавских странах[591]. Каждый из указанных регионов имеет своеобразную форму территориального самоуправления. Но все их объединяет главное: получение аборигенами достаточного количества земли, ресурсов и властных полномочий, чтобы выйти из-под опеки государства, начать самостоятельно планировать и определять свои компетенции, используя ресурсы территории для создания рабочих мест и формирования основ диверсифицированной экономики.

Вторая модель «территориальной ассимиляции» была характерна для США и Канады в XIX – начале XX в., однако впоследствии такую политику не просто признали неэффективной, но даже приравнивали к геноциду (подробно данная модель была описана в пар. 2. 2 и 2. 3 настоящей работы).

Третья модель – «этно-специализированная территория» – существует в настоящее время в США и Канаде. Такая форма территориальной организации более близка к «резервациям». В России до 1990-х гг. по такой модели создавались «национальные поселки», «национальные населенные пункты», зачастую лишь в этнических регионах, и наделялись особым статусом в соответствии с законодательством субъектов РФ, которое к настоящему времени в большинстве случаев утратило силу[592].

---

[590] Постановление Президиума Верховного Совета РФ от 30 марта 1992 г. «Об упорядочении пользования земельными участками, занятыми под родовые, общинные и семейные угодья малочисленных народов Севера // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 16 апреля 1992. № 16. Ст. 868; Kvist Roger. Swedish Saami Policy 1548-1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi. Finland. Rovaniemi, 1994.

[591] Доклад Международного круглого стола по изучению опыта работы Швеции, Норвегии и Финляндии с Парламентами саами. 14–19 марта 1999 г., Москва, РФ / под ред. О. Егорова, А. Хайдыпа. Москва, 1999. С. 55; Kvist Roger. Swedish Saami Policy 1548-1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992, Rovaniemi. Finland. Rovaniemi, 1994.

[592] См., например: Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 9 декабря 1996 года № 43 «Об административном устройстве Ямало-Ненецкого автономного округа» (утратил силу) // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа, декабрь 1886 г. № 10; Закон Алтайского края от 31 октября 1995 года № 17-ЗС «О территориальном устройстве Алтайского края» (утратил силу) //Алтайская правда. 23 ноября 1995 г. № 10.

Резервации были впервые использованы поселенцами на американском континенте для того, чтобы изолировать коренных жителей и доминировать над ними.

Статус резерваций, как специальной территориальной единицы, обладает рядом особенностей. Во-первых, на территории резерваций не создаются общепринятые для данного государства единицы административно-территориального деления и органы местного самоуправления. Во-вторых, живущие в резервации коренные народы сохраняют традиционные формы управления, например, создавая органы власти общины или племени на основе сложившихся обычаев. В-третьих, независимо от того, кто является в резервации собственником земли (государство или коренные народы), решение вопросов местного значения, в том числе отчуждение земель, использование природных ресурсов на территории резервации осуществляется при согласии совета коренных народов или иного органа власти в системе традиционного управления и подтверждается федеральным или региональным органом власти. Компетенция органов управления территориями устанавливается на основе конституции или хартии общины (племени) и сводов законов, принятых еще в 1930-е гг., через выборные органы – советы общин. В компетенцию общины (племени) обычно входят вопросы взаимодействия с федеральными и региональными органами власти, вопросы налогообложения, правосудия, разработка стратегии собственного развития, финансовые вопросы, связанные с распределением средств, сформированных за счет денежных компенсаций, например за уступку своих земель и переселение в резервации.

К настоящему времени в США количество резерваций и проживающих там коренных жителей увеличивается. Так, если в 1980-х гг. официально было зарегистрировано 493 общины, которые находились на территории 267 резерваций, созданных по решению федерального правительства, и 24 резерваций, созданных на основании нормативных актов отдельных штатов, и в целом в резервациях проживало около 750 тыс. коренных жителей[593], то в 2023 г. на федеральном уровне

[593] U. S. Census of Population. 1980. Subject Report PC (2).1 D // American Indians on Identified Reservations. Washington, 1985.

зарегистрировано 574 общины и 326 индейских резерваций[594], всего на территориях резерваций проживает 1 млн человек[595].

В Канаде модель этно-специализированных территорий всегда считалась действенным способом сохранения традиционного образа жизни коренных народов; примечательно, однако, что данная модель не распространялась на северные районы[596]. Идея резерваций состояла в том, чтобы интегрировать коренных жителей в общеканадскую среду, и «цивилизовать» их. Во многих случаях резервации, напротив, помогли сохранить традиционную культуру, включая языки, обычаи, систему социальных взаимоотношений. Канадский исследователь Д. Сандерс заметил: «Задуманная евроканадцами резервационная система как метод контролируемого изменения культуры стала индейским бастионом для группового выживания»[597]. То есть, с одной стороны, резервации способствовали развитию самосознания коренных народов. С другой стороны, такой подход привел к социально-экономическому и культурному отчуждению коренного населения от доминирующей нации.

В настоящее время в Канаде происходит постепенная трансформация резерваций в самоуправляемые территории, при этом сохраняются предоставленные им ранее полномочия, традиционные политические и культурные обычаи[598]. Большинство коренных сообществ проживает на территории резерваций, находясь в официально зарегистрированных общинах. Создание и ликвидация общин, их организационно-правовая форма определяется федеральными органами власти, в частности Министерством по делам индейцев.

---

[594] Официальный сайт Бюро по делам индейцев. URL: https://www.bia.gov/bia.

[595] IWGIA – International Work Group for Indigenous Affairs. URL: https://www.iwgia.org/en/usa/4684-iw-2022-united-states-of-america.html.

[596] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 145.

[597] Тропою слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В. Г Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. Москва, 1990. С. 268. Цит. по: Sanders D. Prior Claims: An Aboriginal People in the Constitution of Canada // Canada and the New Constitution. The Unifinished Agenda / ed. by S. M. Beck, J. Bernier. Montreal, 1983. Vol. 1. P. 263.

[598] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 146–147.

В 1981 г. в Канаде существовало 576 общин[599]. По данным переписи населения 2021 г., в Канаде насчитывается более 630 общин Первых наций и 3 394 резервации, в которых проживает более 600 тыс. коренных народов, принадлежащих к Первым нациям[600].

Численность каждой общины может быть от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, и в настоящее время наблюдается их укрупнение. Концентрация коренного населения и укрупнение общин не только ведут к расширению и диверсификации их хозяйственной деятельности, но и создают новые дополнительные возможности для дальнейшего развития этнического самосознания, роста общественно-политической и культурной активности. Среди проблем резерваций можно отметить их разбросанность по северным территориям Канады, удаленность от крупных городов и промышленных центров, недостаточно развитую инфраструктуру, изоляцию от рынков труда и товаров, очагов современной культуры. Даже при высокоразвитой канадской инфраструктуре лишь 50% резерваций связаны с другими территориями дорогами, в 41% доступен только водный транспорт или гидросамолеты и 4% не имеют никаких средств сообщения. Изолированность – одна из причин, тормозящих экономическое развитие резерваций и вызывающих миграции представителей коренных народов на другие территории[601].

Для России более характерно использование модели этнического региона, однако отечественное законодательство не предусматривает каких-либо ограничений и по созданию этно-специализированных территорий. При этом создание национальных поселений в России имеет под собой историческую основу. Национальные административно-территориальные образования стали появляться в 1920–1930-е гг. В указанный период активно создавались

---

[599] Census Highlights on Registrated Indians 1981: Annotated Tables. Department of Indian and Northern Affairs. Ottawa, 1985. P. 5.

[600] Irwin R. Reserves in Canada // The Canadian Encyclopedia, 22 November 2022, Historica Canada. URL: www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/aboriginal-reserves.

[601] Тропою слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В. Г Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. Москва, 1990. 316 с.

национальные районы и сельсоветы для малочисленных общностей и национальных меньшинств. Данный механизм стал своего рода формой вовлечения компактно проживающих этнических групп в систему советской национальной государственности.

В 1929–1930 гг. были образованы Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский, Эвенкийский, Чукотский, Корякский национальные округа, несколько десятков национальных районов с этнически однородным населением и традиционно сложившейся территорией расселения. В функции органов власти национальных округов входила защита национально-культурных интересов местного населения. Но со сменой курса этнополитики государства, ориентированного на сближение и слияние наций и меньшинств, к 1939 г. значительная часть таких районов была ликвидирована[602].

В настоящее время в России существует более 160 поселков, где компактно проживают коренные народы[603], однако ни один их них не имеет статус «национального поселения». Все они находятся на территории этнических регионов и имеют такой же статус как любое муниципальное образование Российской Федерации.

Можно привести различные позиции ученых по вопросу административно-территориального устройства в полиэтнических государствах. Так, некоторые из них являются сторонниками территориальной аккомодации и оправдывают создание автономий, цель которых – регулировать местные вопросы с учетом особенностей социальной организации, культуры и экономики коренных народов, особенно доминирующих на своих исконных территориях[604]. Н. И. Лазаревский полагал, что «автономия не только не нарушает государственного единства,

---

[602] Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Москва, 2007. С. 19; Бредихин А. В. Национальные районы в системе федеративных отношений // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 10. С. 32–35.

[603] Перечень районов проживания коренных малочисленных народов Севера по состоянию на 1 января 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_23/IssWWW.exe/Stg/01-00.htm.

[604] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 136.

но его и не затрагивает», а «отказ в автономии возможен лишь при условии борьбы с проявлением местного национализма»[605]. Другие исследователи, например, Ф. Ф. Кокошкин, категорически возражали против придания этническим территориям особого правового статуса, полагая, что этническая децентрализация способствует углублению этнополитических противоречий[606]. Некоторые современные авторы критикуют этнизацию территориальной структуры государства и высказываются о необходимости упразднения национального признака в государственном устройстве[607].

Другие авторы отмечают, что наделение этнических территорий автономным статусом не препятствует интеграции национальных меньшинств в общество, а, напротив, может даже способствовать ей. Данная позиция находит поддержку и среди российских ученых[608]. Например, В. А. Тишков, будучи последовательным сторонником интеграции всех российских народов в «нацию наций», в то же время признает, что «развитие разных форм автономии, в том числе этно-территориальной при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры»[609]. Тем не менее универсального подхода к территориальному устройству, который мог бы быть применим ко всем полиэтническим государствам, ни наукой, ни практикой не выработано[610].

---

[605] Цит. по: Лазаревский Н. И. Автономия // Хрестоматия по конституционному праву / сост. Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. Москва, 2014. Т. III. С. 300–301.

[606] Кокошкин Ф. Ф. Автономия и федерация / Хрестоматия по конституционному праву / сост. Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. Москва, 2014. Т. III. С. 306.

[607] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 128–166.

[608] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 151.

[609] Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 159. Цит. по: Тишков В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мульти-культурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. Москва, 2013. С. 172.

[610] Мочалов А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) // Право. Журнал

Как уже отмечалось, исконные земли коренных народов условно можно назвать «территориальной основой» их существования. Эта основа, как представляется, включает три аспекта: экономический, социальный и духовный. У каждого коренного этноса есть определенные правила, принятые в отношении своих исконных земель, которые в течение многих веков являлись средством производства, местом организации коллективной (семейной) жизни и территориальной основой существования коренного народа как такового[611]. Весь спектр эмоциональных, культурных, духовных и религиозных факторов, отраженных в исследованиях диссертанта, показывает, насколько сильна взаимосвязь коренных народов с землей[612].

В то же время во многих странах мира, особенно изучаемых нами северных странах, крупномасштабные мероприятия в области экономического, производственного и территориального развития проводятся на исконных землях коренных народов без учета их отношения к территориям, равно как и без учета их мнения по поводу развития исконных земель[613]. Например, в последние годы в связи с глобализацией, климатическими изменениями и промышленным освоением большие масштабы приобрел процесс переселения коренных сообществ. Вследствие этого разрушается традиционное хозяйство и среда обитания, изменяются социальные системы, происходит утрата или осквернение религиозных и культурных святынь. Общины коренных народов в результате

Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 159; См. также: Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 152.

[611] Иванова Ж. Б., Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Теоретические аспекты исследования проблемы определения понятия «коренной народ» как субъекта гражданских правоотношений // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 20.

[612] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С 128–166.

[613] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С 152.

переселения нередко рассеиваются, утрачивают свое первоначальное единство и целостность; их обрекают на «безземелье, бедность и бездуховность»[614].

В качестве примера может служить проведенное диссертантом совместно с Научным центром изучения Арктики (Ямало-Ненецкий автономный округ) исследование оснований переселения коренных народов из малочисленных населенных пунктов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа[615]. Социально-экономическая характеристика изучаемых территорий представляет большую проблему для публичной власти, поскольку они характеризуются низкой транспортной доступностью, отсутствием централизованного тепло и электроснабжения, водоснабжения, водоотведения и очистных сооружений. Образовательные организации и объекты системы социальной защиты населения на данных территориях также отсутствуют. Жилой фонд представлен деревянными жилыми домами, многие из которых не имеют надлежащего правового статуса. На основании опроса населения и изучения территорий органами государственной власти региона было принято решение о переселении жителей из малых населенных пунктов Шурышкарского района, поскольку они не отвечают требованиям федерального законодательства и не содержат в себе потенциала:

– повышения доступности для населения государственных и муниципальных услуг, жизнеобеспечивающей инфраструктуры;

– улучшения экологической обстановки, снижения угроз от техногенных, природных и иных бедствий и катаклизмов;

---

[614] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 185; См. также: Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 154.

[615] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147; Geo-economic reality and solidarity-based economy case justification of political decisions about indigenous communities' resettlement in the Russian Arctic / E. Gladun, A. Ljovkina, G. Detter, K. Filant // The Arctic in a Space of Knowledge: The collection of St Petersburg State University scientific events articles (2020–2021). / Saint-Petersburg, 2022. P. 54–67.

– сохранения культурно-исторического и природного наследия;

– народосбережения и развития экономического потенциала автономного округа;

– повышения эффективности управления государством и муниципальными образованиями;

– создания предпосылок для развития и социализации молодых поколений;

– занятости населения трудоспособного возраста[616].

Однако при детальном изучении выяснилось, что 56% жителей поселений не хотели бы покидать свои «родные места», что объясняется большой привязанностью к землям исконного проживания, а также иными причинами, связанными с этнической идентичностью, культурой и образом жизни. Следовательно, решение о переселении может иметь негативные социальные последствия. Полагаем, что в данном случае более социально обоснованным решением было бы создание этно-специализированной территории, потенциалом которой может стать ведение традиционного образа жизни, сохранение социально-культурной среды.

Другим, противоположным примером, можно назвать программы переселения коренных сообществ в штате Аляска (США). Основной причиной переселения является невозможность проживания в национальных поселках из-за климатических изменений и обрушения прибрежной полосы. Программы переселения принимаются на федеральном уровне, финансируются за счет средств федерального бюджета, при этом обязательным условием их разработки является консультирование, учет мнения коренных народов. В изучении условий и особенностей и выработке наиболее эффективных форм переселения принимают участие не только законодатели, но и представители федеральных органов исполнительной власти, ученые, представители коренных народов. Интересным фактом является то, что предоставление средств на переселение осуществляется на

---

[616] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

конкурсной основе[617]. Решения о переселении принимаются на заседании специальной комиссии федерального уровня, в обязательном порядке в слушаниях участвуют и представители переселяемых коренных сообществ[618].

Очевидно, что в рамках моделей территориальной ассимиляции и этно-специализированных территорий коренные народы могут иметь слабое политическое влияние на этнические отношения, но они могут использовать земли, на которых проживают и которые имеют для них культурное, историческое и экономическое значение, для ведения специфических форм традиционной жизнедеятельности и хозяйствования в соответствии с собственными ценностями и представлениями. С одной стороны, эти модели нацелены лишь на консервацию традиционной культуры и традиционной экономической деятельности и не предполагают развитие коренных сообществ за счет использования экономически значимых природных ресурсов и земель[619]. С другой стороны, существующие проблемы коренных народов, в частности, низкий уровень социально-экономического благополучия, невозможно решить обычными компенсационными мерами и принятием решения исходя из общегосударственных целей, поскольку эти проблемы чаще всего являются комплексными и объединяют три составляющих – экологическую, социальную, экономическую, и основаны на связях земли, традиционной экономики и культуры.

На наш взгляд, этнический регион является наиболее перспективной моделью для конституционно-правового развития коренных народов, которая, в свою очередь, может быть дополнена элементами экстерриториальной автономии, способной предложить возможности эффективной организации проживания, ведения традиционного образа жизни и хозяйствования,

---

[617] Resources for Relocation: In Search of a Coherent Federal Policy on Resettling Climate-Vulnerable Communities // Texas Environmental Law Journal. 2018. № 48. P. 119–153.

[618] Alaska native village erosion: hearings before the Committee on Appropriations, United States Senate, One Hundred Eighth Congress, second session, special hearings, June 29, 2004, Anchorage, AK, June 30, 2004, Anchorage, AK // United States. Congress. Senate. Committee on Appropriations.; United States, Congress Senate Committee on Appropriations Staff, Contribution by. 2005. 160 p.

[619] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 153.

реализовывать религиозные, языковые или более широкие культурные права, осуществлять самоуправление[620]. Наиболее эффективным представляется статус национально-культурной автономии, приемлемый тогда, когда этническое меньшинство дисперсно расселено по территории страны или региона и не занимает обособленной территории.

Автономии получили достаточно широкое распространение среди форм самоопределения этносов в современном мире. Во многом это обусловлено их универсальностью, возможностью использования как в унитарном, так и в сложносоставном (федеративном) государстве. Поэтому с точки зрения учета этнического фактора особенный интерес представляют как территориальные, так и экстерриториальные автономии коренных народов[621].

В научной литературе территориальной автономии дается достаточно широкая трактовка. Например, Ф. Ф. Кокошкин рассматривал территориальную автономию как высшую ступень местного самоуправления. Надо отметить, что с этимологической точки зрения термины «автономия» и «самоуправление» очень близки. В специальной юридической литературе характеристики автономии и самоуправления практически полностью совпадают. Однако в российском конституционном праве каждая из рассматриваемых категорий имеет самостоятельное значение[622].

Современная автономия представляет собой одну из форм самоопределения народов, выражения их интересов. Она создается как результат национального самовыражения при поддержке их государством и получает закрепления в конституциях или законах. Таким образом, полагаем, территориальная автономия

---

[620] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Использование традиционных экологических ценностей и индигенных знаний для совершенствования экологического законодательства в России // Безопасный Север – чистая Арктика: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Сургут, 2020. С. 319–332.

[621] Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монографии. Содерж.: Национально-культурная автономия в Российской Федерации. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. Москва, 2018. С. 296.

[622] Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монографии. Содерж.: Национально-культурная автономия в Российской Федерации. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. Москва, 2018. С. 298.

выступает основной формой самоопределения коренных малочисленных народов, носящей государственно-правовой характер.

Вообще в юридической литературе употребление (и соответственно содержание) термина «автономия» весьма различно. Это и некий принцип, обусловливающий характер взаимоотношений той или иной части государства к целому[623], либо характер (средство) связей центра и национальных районов[624], это и форма самоопределения народов[625], и форма национальной государственности[626]. По мнению Ю. Г. Судницына и В. А. Рахлевского, формы национально-государственного устройства отдельных наций и народностей (автономные республики, автономные области и автономные округа) являются внешней формой осуществления национального суверенитета[627] или формой реализации национального суверенитета[628].

Автономия также может быть определена как одна из форм внутреннего самоопределения этнических и региональных общностей в рамках единого государства. В подобном контексте она означает самоуправление этноса на своей исконной территории[629].

В своей монументальной работе «Российская автономия», представляющей обширное историографическое исследование о развитии автономий в России на протяжении всей ее истории, известный государствовед О. Е. Кутафин отмечает, что автономия и как идея, и как государственная форма способствует одновременно и децентрализации власти в РФ, и сохранению ее единства[630].

Анализ различных моделей административно-территориального обустройства государств с коренными народами показывает, что можно говорить

---

623 Железнов Б. Л. АССР – высшая форма советской автономии. Казань, 1984. 144 с.

624 Коркмасова К. Д. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону, 1970. С. 77.

625 Коркмасова К. Д. Суверенность народностей СССР. Ростов-на-Дону, 1967. С. 23.

626 Рахлевский В. А. Формы советской автономии. Москва, 1975. С. 10; Копылов И. Я. Савельев В. М. Развитие конституционных основ советского многонационального государства. Москва, 1980. С. 52–53.

627 Судницын Ю. Г. Национально-государственное устройство СССР. Свердловск, 1979. С. 40–41.

628 Рахлевский В. А. Формы советской автономии. Москва, 1975. С. 10–11.

629 Ульянищев П. В. Автономия как форма территориального самоуправления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008. № 2. С. 28–36.

630 См. подробнее: Кутафин О. Е. Российская автономия. Москва, 2006. 768 с.

о территориальных и экстерриториальных формах самоопределения этносов. Так, к числу территориальных форм можно отнести автономию в форме территориального образования (автономные округа в России, Нунавут на севере Канады), а также различные виды иных территориальных образований в виде самоуправляемых территорий (например, Гренландия как самоуправляемая территория Дании), национальный район Северный Склон Аляски).

Другим видом автономии является экстерриториальная (культурная) автономия[631]. В 1996 г. в России был принят Федеральный закон № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», согласно которому в стране был создан ряд автономий различных уровней (местный, региональный и федеральный). Культурная (национально-культурная) автономия – это экстерриториальная форма самоорганизации меньшинств в целях сохранения и развития культуры, обеспечения социально-экономического развития и политического представительства, взаимодействия с государственной и местной властями. Другими словами, это национально-культурное самоопределение этносов, находящихся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры[632]. Национально-культурная автономия является видом общественного объединения, удовлетворяющего этнические, культурные, образовательные и иные потребности своих участников. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация.

Впервые отдельные элементы процесса этнического самоопределения граждан РФ в форме национально-культурной автономии находят законодательную поддержку в Законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Статья 21 Основ

---

631 См. подробнее: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты. / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

632 Ульянищев П. В. Автономия как форма территориального самоуправления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008. № 2. С. 28–36.

гарантирует право «всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности, на культурно-национальную автономию»[633]. Указанные этнические общности обладают правом на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания на основе волеизъявления населения или по инициативе отдельных граждан национальных культурных центров, национальных обществ и землячеств.

Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (1996), несколько расширил крут субъектов – потенциальных участников этих национальных общественных объединений, сместив акценты с этнических общностей как компактно проживающих вне своих национально-государственных преобразований или не имеющих своей государственности этнических образований на индивидуальный уровень – граждан РФ, конкретных представителей тех или иных этнических общностей (ст. 1)[634].

Национально-культурная автономия, согласно указанному выше закону, представляет собой форму национально-культурного самоопределения, объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов, и основывается на принципах:

– свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности;

– самоорганизации и самоуправления;

---

633 Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета. 1992. 17 нояб. № 248.

634 Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

– многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии;

– сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой;

– уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей;

– законности[635].

Как видим, данные принципы совпадают по своей направленности с этническими интересами и могут стать основой гарантий прав коренных народов на развитие и самоопределение, более конкретизированных прав на участие в делах государства и выражение мнения коренных народов (подробно рассмотрим в следующей главе).

Национально-культурная автономия находит законодательную поддержку до сих пор. Так, Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»[636] устанавливает полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в области нематериального этнокультурного достояния (Статья 8), в частности, «… осуществление поддержки региональных и местных национально-культурных автономий».

Н. С. Бондарь полагает, что национально-культурная автономия выступает «своеобразным, во многом уникальным средством реализации принципа национального (в частности культурно-национального и языкового) равноправия граждан»[637]. Концепция национально-культурной автономии находит все больше сторонников в Российской Федерации. Российский политический деятель С. Н. Юшенков констатировал: «Право наций на самоопределение в рамках культурно-национальной автономии сегодня никем не подвергается сомнению, в то время как право наций на самоопределение вплоть до отделения подвергается

---

635 Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2965.

636 Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445.

637 Бондарь Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. 381 с.

очень серьезной критике»[638]. В ином контексте апеллировал к идее национально-культурной автономии М. Н. Губогло, советский и российский историк и этнолог, призвавший к предоставлению «всем без исключения национальностям (в меру их потребностей) тех или иных форм автономии: национально-государственной, национально-территориальной или национально-культурной»[639]. Последняя, по мысли автора, должна функционировать не только на «принципах хозрасчета и самоокупаемости…», но и «при необходимости, на государственной дотации»[640]. Однако есть высокая вероятность, что в случае реализации такого подхода институционально оформившиеся национально-культурные автономии станут эффективным инструментом политического конструирования этничности и, соответственно, механизмом удовлетворения властных амбиций этнократически ориентированных «национальных элит»[641]. Чтобы этого избежать, эффективной видится роль ученых в формировании верной, этно-ориентированной политики, которая должна основываться на комплексных исследованиях и политически неаффилированных рекомендациях.

Следует отметить, что на сегодняшний день национально-культурные автономии, созданные коренными народами, весьма немногочисленны либо их деятельность носит эпизодический характер. В качестве примеров можно привести лишь местную общественную организацию «Национально-культурная автономия ненцев г. Архангельска»[642], национально-культурную автономию саамов г. Мончегорска[643], местную общественную организацию «Национально-

---

638 Юшенков С. Гегелевская ирония истории // Российская Федерация сегодня. 2002. № 5. С. 46.

639 Губогло Н. Национальные группы и меньшинств в системе межнациональных отношений в СССР // Советская этнография. 1989. № 1. С. 26–27.

640 Там же. С. 27.

641 Филиппов В. Р. Критика этнического федерализма. Москва. 2003. С. 159; См. также: Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е.Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 128–166.

642 Общественная организация «Автономия ненцев города Архангельска». URL: https://www.list-org.com/company/6714501.

643 Общественная организация «Мончегорская городская национально-культурная автономия коренного малочисленного народа саами». URL: https://www.rusprofile.ru/id/1327083.

культурная автономия хантов “Пулнгават”» г. Салехарда[644], местную общественную организацию «Национально-культурная автономия эвенков г. Улан-Удэ»[645]. Низкую активность в реализации права на национально-культурную автономию исследователи объясняют несколькими причинами: нормативно-правовые и организационно-экономические препятствия; низкая политическая и общественная активность представителей коренных народов, особенно старшего возраста; неуверенность коренных сообществ в действенности траекторий по сохранению культурно-этнического статуса[646].

Тем не менее нам видится, что потенциал национально-культурных автономий для поддержания этнической идентичности, развития различных направлений традиционной деятельности достаточно велик. Его раскрытию может способствовать, в том числе, ряд принципиальных поправок, внесенных в Федеральный закон «О национально-культурной автономии» в 2013 г.[647], в соответствии с которыми национально-культурным автономиям предоставляется возможность создавать негосударственные (общественные) учреждения национальной культуры: театры, культурные центры, музеи, библиотеки, клубы, студии, архивы и др.; организовывать творческие союзы, коллективы профессионального и самодеятельного искусства, кружки по изучению национального культурного наследия, достижений национальной культуры; проводить массовые мероприятия в области национальной культуры (фестивали, конкурсы, смотры, выставки), содействовать организации национального

---

[644] Местная общественная организация «Национально-культурная автономия хантов “Пулнгават” города Салехард». URL: https://www.rusprofile.ru/id/6079623.

[645] Местная общественная организация «Национально-культурная автономия эвенков г. Улан-Удэ». URL: https://www.rusprofile.ru/id/4178351.

[646] См. подробнее: Калашников К. Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. 2020. № 8 (3). С. 4–24.

[647] Федеральный Закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального Закона “Об образовании в Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477.

краеведения. Более того, расширены возможности по привлечению дополнительных финансовых средств на реализацию этой деятельности.

Наше мнение подтверждается и мнением других исследователей. Так, Н. В. Исаева убеждена, что усилия отдельных регионов по созданию и сохранению территорий с особым статусом и самоуправлением коренных народов способствуют сохранению культурной самобытности коренных народов, их населяющих, а используемые правовые средства могут расцениваться как позитивные, направленные на сохранение уникальности коренных народов в целом. Например, субъекты Российской Федерации, созданные с учетом этнического признака (автономные округа), способны поддерживать политический статус населяющих их народов, признают и гарантируют их особые права как титульных народов[648], в этих же регионах и создается достаточная нормативно-правовая база для развития национально-культурных автономий.

Группа ученых исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Ю. С. Кукушкина, предложившая собственное видение концепции национальной политики, также пришла к выводу о том, что «постнациональное развитие требует переноса тяжести с национально-территориального на национально-культурный принцип организации национальной автономии»[649]; вместе с тем они сочли, что в России «идея национального развития может быть реализована в двух формах: в форме территориальной автономии, если национальная группа проживает компактно, и в форме национально-культурной автономии, если национальная группа проживает дисперсно»[650].

И. П. Блищенко и А. А. Абашидзе, напротив, высказывают предположение о том, что институт национально-культурной автономии адресован не всем

---

[648] Исаева Н. В. Общероссийская идентичность в дискурсе правовой идентичности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 5. С. 103–108.

[649] О концепции национальной политики в Российской Федерации: сборник / сост. А. И. Вдовин, В. А. Корецкий. Москва, 1992. С. 8.

[650] Там же. С. 10.

гражданам РФ, а только тем, кто «идентифицирует себя с национальными меньшинствами, в частности, малочисленным, разрозненно расселенным...»[651].

Институт национально-культурной автономии может быть адресован представителям этнических меньшинств как компенсация за отсутствие каких бы то ни было других возможностей реализовать свою этническую идентичность. По мнению А. А. Галкина, почетного доктора Института социологии РАН, «различные формы либо смешанной культурно-территориальной, либо чисто культурной автономии» возможны «в тех случаях, когда этническая группа не может быть идентифицирована с определенной территорией ввиду ее крайней малочисленности или рассеянного расселения»[652]. Все более очевидным становится тот факт, что «в современном мире народы сохраняют и отстаивают свою культурную целостность и специфику гораздо чаще и успешнее именно через различные формы национально-культурной автономии как формы социального развития и совершенствование политического устройства[653].

Можно сделать общий вывод о том, что в современных федеративных государствах существует достаточное количество способов гарантировать некоторые права коренных народов через административно-территориальные формы (этнического региона или этно-специализированной территории), если национальная группа проживает компактно и есть возможности территориального объединения коренных народов, так и через экстерриториальной форме (национально-культурной автономии), если национальная группа проживает дисперсно. В этом случае могут быть применены и современные формы дистанционного взаимодействия, которые с успехом освоили и представители коренных малочисленных народов. Современные дистанционные технологии

---

[651] Блищенко И. П., Абашидзе А. Х. О Законе одной из форм национально-культурного самоопределения народов России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 1997. № 2. С. 9.

[652] Галкин А. А. Гиперэтнизм как глобальная проблема // Федерализм: поиски ответ вызовы. Москва, 1993. С. 10.

[653] Тишков В. А. Да изменится молитва моя!.. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. Москва, 1989. С. 9.

в полной мере представляют собой новые эффективные способы взаимодействия, например, между органами публичной власти и представителями коренных народов, которые способны поддерживать технологии сбора, анализа, хранения и систематизации данных, проводить социо-гуманитарные прикладные исследования, способствующие реализации прав коренных народов в том числе в целях предварительного установления возможных последствий для традиционной культуры и образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

Национально-культурная автономия – один из инструментов современной национальной политики, способствующих единству и согласию между представителями одной этнической общности и лицами других национальностей, т.е. это правовая форма реализации гражданами, принадлежащих определенным этносам, своего права на сохранение самобытности. Субъектами национально-культурной автономии являются этнические группы, которые проживают в пределах государства, в том числе разрозненно, дисперсно, находятся в ситуации национального меньшинства, желают сохранять и развивать свою культуру и традиции.

Полномочия по выбору формы и установлению цели административно-территориальной организации коренных народов диссертант предлагает закрепить в компетенции Российской Федерации, с целью обеспечения прав на культурное и экономическое развитие всех коренных этносов, осознающих свою самобытность и стремящихся реализовать ее равно как и свои этнические интересы, и в то же время с целью определения единых для всех субъектов РФ критериев создания и функционирования территорий. Субъектам РФ должно быть предоставлено право создавать региональное законодательство с учетом исторических, культурных и иных особенностей расселения и жизнедеятельности коренных этносов[654].

---

[654] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 128–166.

3.3. Организационно-правовые модели взаимодействия публичной власти и коренных народов в России и других арктических странах

Этапы взаимодействия государственных структур с коренными народам всегда идеологически обосновывались тем, что цели развития государств, в которые оказались включенными исконные территории проживания коренных народов, а также общегосударственные ценности (правовые, социальные, экономические) имеют преимущество над целями и ценностями «малых», периферийных групп населения. Государственные цели и ценности транслируются через образовательные программы, воспитание с отрывом от родителей, формируемое в средствах массовой информации отношение со стороны доминирующего общества, а также косвенно через личную и коллективную зависимость от институтов государства, цели которого часто не совпадают с целями, ожиданиями и интересами индигенного населения, а способы функционирования – с образом жизни и ценностями коренных жителей.

Проанализировав государственную политику в отношении коренных народов Севера на различных этапах российской истории, а также этнополитику других арктических государств от колониального периода до современного состояния, можно сделать вывод о том, что в разные исторические отрезки в государственной политике применялись различные принципы и организационно-правовые инструменты[655], которые условно можно объединить в несколько моделей.

1. «Патернализм» – строго иерархичная модель отношений, при которой участники отношений делятся на «покровителя» и «опекаемого». Иное название модели, встречающееся в литературе, – протекционизм. Протекционизм в переводе с латыни означает «покровительство», «защита».

Под патернализмом П. В. Гоголев понимает конституционную обязанность государства проявлять заботу и опеку в отношении как коренного малочисленного

[655] Юдин В. И. Государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ // Власть. 2012. № 2. С. 40–44.

народа в целом, так и его представителей в частности. Сущность и идеология патернализма заключается в заботе сильного государства о коренных этнических сообществах с целью их сохранения. Государство может осуществлять меры социальной поддержки, предоставлять компенсационные выплаты, бесплатные медицинские услуги, обучение и проч. На наш взгляд, под патернализм подпадает даже правотворческая и иная деятельность государства, связанная с разработкой программ поддержки, установлением правовых норм, регулирующих отношения.

2. «Партнерство» – модель, предусматривающая равные права и возможности при принятии решений всех участников отношений (публичной власти, предприятий, коренных сообществ)[656].

Партнерство является достаточно сложной формой организации взаимодействия государства и коренного населения, интересы и организационно-правовые и экономические возможности которых даже при совпадении целей и направлений развития могут значительно отличаться. Партнерство определяется как совместная деятельность, основанная на равных правах и обязанностях, направленная на достижение общей цели. Партнерство как форма совместной деятельности обладает рядом очевидных преимуществ. Во-первых, это равноправный уровень участников отношений, предусматривающий гарантии их статуса и ответственность сторон[657]. Во-вторых, суть партнерских отношений можно рассмотреть еще шире: как признание за коренными малочисленными народами их правосубъектности, признание их права на собственный выбор пути развития и существования, права на участие в разработке и реализации государственных и других программ и проектов по развитию территорий их проживания и традиционного природопользования[658].

---

[656] Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Использование традиционных экологических ценностей и индигенных знаний для совершенствования экологического законодательства в России // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Сургут, 2020. С. 319–332.

[657] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 162.

[658] Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы Севера. Москва, 1999. С. 91.

3. «Соуправление» – это особая форма партнерства между двумя или более сторонами, одной из которых обычно является государство[659]. Соуправление (в некоторых источниках называется «ко-менеджмент») – это отношения, при которых органы публичной власти, имеющие соответствующие полномочия, и другие заинтересованные стороны приходят к соглашению по решению определенных вопросов использования территорий традиционного природопользования и определяют: 1) систему прав и обязательств для тех, кто участвует в этих отношениях; 2) систему правил (норм), предписывающих действия участников при различных обстоятельствах; 3) процедуры для принятия коллективных решений, затрагивающих интересы всех сторон[660]. Соуправление также понимают как инструмент партнерства государства с коренными малочисленными народами[661], способствующий поддержке традиционного образа жизни и жизнеобеспечения коренных народов, в то же время позволяющий эффективно использовать территории и природные ресурсы в целях социально-экономического развития.

Соуправление предполагает вовлечение коренных жителей в совместное с органами публичной власти управление территориями или иные дела государства, которое является наиболее сбалансированным и нацелено на сохранение окружающей среды, культурные и социально-экономические аспекты развития коренных народов, в формах, соответствующих их мировоззрению и ценностям.

Указанные модели были в разной степени детализации описаны в научной литературе. Так, свое мнение по патернализму выражали П. В. Гоголев, Н. И. Новикова, В. Г. Стельмах, Б. А. Схатум, В. А. Тишков, А. И. Чистобаев. В. И. Юдин.

---

659 Совместное управление в Арктике: примеры Канады, Аляски и скандинавских стран // Приложение к альманаху «Мир коренных народов – живая Арктика». Москва, 2008. URL: http://npa-arctic.iwlearn.org/publications/co_management.pdf.

660 Osherenko G. Sharing Power with Native Users: Co-Management Regimes for Arctic Wildlife. CARC Policy Paper. № 5. Ottawa, 1988. 58 p.

661 Институты конституционного права / отв. ред. Л. В. Андриченко, А. Е. Постников. Москва, 2011. 496 с.

Модель соуправления представлена в российских научных работах в меньшей степени (Н. Ю. Дордина, В. А. Кряжков, О. В. Михалев, Л. И. Михалева, О. А. Мурашко, С. Н. Харючи, Г. Н. Чеботарев, Ю. Я. Якель), в основном ее изучали зарубежные исследователи, в частности, Дж. М. Ачесон, Ф. Беркес, П. Вест, Св. Джентофт, П. Джордж, Б. Дж. Маккей, Р. Престон, Дж. Дж. Спадер, С. Стивенс, Д. С. Уилсон, Х. А. Фейт[662] и другие авторы, которые, например, определяют соуправление как «плюралистический подход к управлению природными ресурсами, основанный на участии различных партнеров, и в большинстве случаев на диалоге и договоренностях об устойчивом использовании окружающей среды и природных ресурсов и равноправном разделении ответственности за использование различных ресурсов»[663].

Российские ученые исследуют «экологическое соуправление», под которым понимают участие общественности в принятии экологически значимых решений. С. Н. Харючи, в частности, определяет экологическое соуправление (или соуправление в области охраны и рационального использования природных ресурсов) как совместное принятие управленческих решений в области защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни в местах их традиционного расселения и природопользования[664].

Рассмотрим модели патернализма и соуправления подробнее, а также определим потенциал и проблемы как патернализма, так и соуправления с точки

---

662 Winterhalder B. The Question of the Commons. The Culture and Ecology of Communal Resources / Bonnie J. McCay and James M. Acheson, Eds. Arizona, Tucson, 1987. 439 p.; Berkes F., George P., Preston R. Co-Management: the Evolution of the Theory and Practice on Joint Administration of Living Resources // TASO Research Report. Arizona, 1991. Second Series. №. 1. 443 p.; Stanley S. Conservation Through Cultural Survival. Indigenous Peoples and Protected Areas. Washington, D. C. 2000. 383 p.; Jentoft S., McCay B.J., Wilson D.C. Social theory and fisheries co-management // Marine Policy, 1998. № 22 (4–5). P. 423–436; Spaeder J.J., Feit H.A. Co-management and Indigenous Communities: Barriers and Bridges to Decentralized Resource Management: Introduction // Anthropologica. 2005. № 47 (2). P. 147–154.

663 Совместное управление в Арктике: примеры Канады, Аляски и скандинавских стран: Приложение к альманаху «Мир коренных народов — живая Арктика» / ред. О. Мурашко. Москва, 2008. С. 7.

664 Харючи С. Н. Роль государства в гармонизации промышленного освоения и устойчивого развития малочисленных народов Севера // Мир коренных народов «Живая Арктика». 2009. № 22. С.87–90.

зрения обновленного понимания роли коренных народов в функционировании государств и роли государства в развитии коренных народов в рассматриваемых нами странах. Модели партнерства, на наш взгляд, еще только предстоит найти научное обоснование и эффективные формы реализации в российской практике.

Исторически Россия развивается как многонациональное, поликультурное государство, в государственном управлении которого, помимо сословного, всегда приходилось брать во внимание также конфессиональный и этнический факторы. Два последних фактора играли особую роль в создании системы управления «окраинами», где широко применялись и учитывались национальные специфические черты, а также местные источники права и обычаи[665].

Российское государство признавало и считалось с особенностями коренных народов, исконно проживающих в Сибири, на северных территориях[666]. Уже в XVII в. государство проводило в отношении северных народов политику косвенного управления: государственная власть не вмешивалась в обыденную жизнь коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, находящихся на родовой стадии развития, земли закреплялись за ними в постоянное пользование[667]. При разработке законодательства в XIX в. управление территориями, населенными коренными народами, стали просто встраивать в общую схему управления[668].

Важные результаты были достигнуты в сфере политического продвижения народов Севера в советское время, когда в 1930-х гг. были образованы национальные округа и районы. На этапе советского периода российский государственный патернализм получил мощный стимул развития и стал главным

---

[665] Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. С. 203.

[666] См.: Кряжков В. А. Правовые основы развития народов Севера и Сибири // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: независимый экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова. Москва, 2004. С. 125.

[667] См.: Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). Москва, 1998. С. 5.

[668] Там же. С. 41.

принципом обеспечения прав и свобод коренных малочисленных народов. В системе государственного управления был создан специальный орган (Комитет Севера), который должен был координировать всю работу среди малочисленных народов. Им была оказана большая экономическая помощь, предоставлены значительные льготы, приняты экстренные меры по борьбе с голодом, эпидемиями, началось создание органов самоуправления. Для большинства народов была разработана письменность, началось обучение в школах, издавались газеты на родных языках, работали национальные театры, появилась своя литература. В целом же советское время характеризуется значительными изменениями, связанными с трансформацией традиционного образа жизни и негативным воздействием на исконную среду обитания коренного населения при его вовлечении в социалистическое строительство. Политика патернализма виделась как компенсационная, предназначенная для сохранения коренных народов[669].

То есть, с одной стороны, государственный протекционизм можно назвать своеобразной формой реализации функций правового государства: ответственность государства перед своими гражданами за их благополучие и процветание, а относительно коренных малочисленных народов – это обеспечение выживаемости и всесторонняя защита конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов, их прав и законных интересов.

С другой стороны, при осуществлении политики государственного патернализма коренные народы не рассматривались в качестве равноправных участников отношений. Такая государственная деятельность соответствовала господствующим общетеоретическим доктринам, согласно которым национальные меньшинства и этнические группы вообще исключались из перечня субъектов государственно-правовых отношений, таковыми признавались советский народ,

---

669 Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

представленный государством, и нации, реализующие себя через национально-государственные и автономно-административные образования[670].

Следует сказать, что до последних лет коренное сообщество не рассматривалось как самоценное и самодостаточное, традиционная культура народов и на государственном, и на бытовом уровне всегда воспринималась как «примитивная»[671]. Соответственно, и отношения в основе своей строились по принципу «старшего брата». Главной целью советской политики в отношении народов Севера была их интеграция в социалистическое общество[672].

Модель патернализма, используемая в советский период, имела очевидные преимущества, позволившие коренным народам получить доступ к здравоохранению, образованию и социальному обеспечению, сохранить свои языки и культуру, традиционную экономику наравне с государственной, в конце концов, избежать биологического исчезновения. Поэтому можно сделать вывод, что данная модель в системе отношений «центр – периферия», «цивилизация – отсталость» может быть критикуема, но для достижения определенных целей развития патернализм настоятельно необходим[673].

Многие десятилетия государственно-правовая политика советского государства базировалась на Конвенции МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах» (1957). В указанной Конвенции реализована

---

[670] Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. Москва, 2010. С. 57; Лепешкин А. И. Курс советского государственного права. Москва, 1961. Т. 1. С. 36; Щетинин В. Проблемы теории советского государственного права. Москва, 1969. С. 50; Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[671] Смирнов А. Г. О северных народах, традиционном природопользовании, общественном движении: проблемы, трудности, успехи // Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии. Москва, 2002. С. 62.

[672] Молодежь. Наука. Инновации: сборник докладов 55-ой международной молодежной научно-технической конференции, 28-30 ноября 2007 г. / отв. ред. И. В. Андреева. Владивосток, 2008. С. 211.

[673] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

концепция патернализма как своевременный для середины XX в. подход к решению проблем коренного населения.

После распада СССР, в условиях перехода нашего государства к новым рыночным отношениям, разгосударствления и приватизации государственной собственности, обострились многие проблемы коренных народов, в частности сократилась или полностью прекратилась адресная государственная поддержка, во многих регионах снизился уровень субсидирования рынка сбыта продукции, вследствие чего создаваемые национальные предприятия и общины коренных малочисленных народов не выдерживали конкуренции и разорялись. Объективно неприспособленные к рыночным отношениям и ведущие особый, традиционный образ жизни и традиционную хозяйственную деятельность коренные сообщества были поставлены на грань физического вымирания, а с политической точки зрения это привело к отчуждению их от власти и лишению возможности принимать участие в решении вопросов собственного развития. Хотя в постперестроечный период был провозглашен переход от патернализма к политике партнерских отношений. В частности, ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» предусматривает возможность для представителей коренных народов привлекаться к разработке и экспертизе проектов федеральных законов, иных нормативных правовых актов РФ, государственных программ социально-экономического и культурного развития, участвовать в экспертизе таких актов и программ. Однако кажется очевидным, что привлечение отдельных представителей коренных народов к участию в разработке и экспертизе государственных решений, причем без указания конкретных форм такого участия, не говорит о возникновении партнерских отношений и даже не может рассматриваться как гарантия права на участия в решении вопросов, имеющих отношение к коренным народам.

Последующие десятилетия характеризуются, с одной стороны, интенсивным промышленным освоением территорий проживания указанных народов и продолжением трансформации традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности, а с другой – принятием целенаправленных государственных мер

по подъему экономики и сохранению культуры народностей Севера, а именно: поддержка традиционных видов деятельности, освобождение от некоторых налогов, государственное обеспечение детей, предоставление льгот при поступлении в вузы или средние специальные учебные заведения, субсидирование затрат на продовольственные и промышленные товары, проведение лечебно-профилактических мероприятий, издание литературы на родных языках, иные компенсационные меры[674]. Как видно, некоторые из перечисленных мер были направлены на ассимиляцию коренных народов в общество, а некоторые на «условное» сохранение их традиционной культуры и традиционного образа жизни. В любом случае выбор направлений поддержки обусловливался задачами, которые ставило перед собой государство, и не согласовывался с коренными сообществами.

Таким образом, патернализм можно признать национальной государственной традицией, во многом определяющей современную конституционно-правовую политику российского государства в соответствующей сфере. Патернализм с момента присоединения к Российской империи территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока, огосударствления населявших их народов является главной идеологической основой государственной политики в отношении инородцев (коренных малочисленных народов) на всем протяжении XVII–XX веков[675].

Однако в настоящее время патернализм, характерный больше для колониальной концепции правового регулирования, утрачивает свою актуальность, поскольку по мнению таких исследователей проблем коренных народов, как К. Д. Аракчаа, П. В. Гоголев, становится необходимым признать за коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока их право-субъектность, право на собственный выбор пути развития, право на участие в разработке и реализации государственных и других программ и проектов по развитию территорий их проживания и традиционного природопользования, что в своей сути означает новые «партнерские» отношения между государством

---

[674] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[675] Там же. С. 368.

и коренным населением. Коренные народы, долгое время являвшиеся особым «объектом» государственной заботы, должны вступать в «субъектные» отношения с публичной властью. То есть речь должна идти о том, что без изменения сущности патернализма, понимаемого как забота, помощь, поддержка и защита, может быть изменен вектор патерналистских отношений на предоставление коренным народам большей самостоятельности и ответственности за свое жизнеобеспечение[676]. Диссертант разделяет мнение А. И. Пики, этнографа, изучавшего социально-демографические и экологические проблемы малочисленных народов Севера, о том, что в современный период большинство проблем коренных народов возникают вследствие чрезмерной опеки, практически «навязывания» помощи, в основном материальной, в то время как без предоставления самостоятельности, без перехода от патернализма к содействию, развития самого коренного населения и решения социально-экономических проблем не произойдет[677].

К концу XX в. в мире произошли важные концептуальные изменения в отношении к коренным народам, в признании обладания ими особыми правами. Как справедливо замечает В. Владимирова: «Международный индигенный активизм создает пространство для формирования более широкой этнической идентичности, инкорпорируя единство и универсальность коренных народов на глобальном уровне, основываясь на аналогичных историях угнетения и колониального господства и продолжающейся в настоящее время маргинализации во всем мире, подтверждая при этом политику различий на местном уровне»[678]. Исследователями отмечается существенная разница в ценностных подходах к выработке политики государства в отношении

---

[676] См. также: Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 156–158.

[677] Освоение без отчуждения: Материалы экспертного опроса / под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень, 1989. Вып. 1. С. 11.

[678] Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 47; См. также: Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 88–127.

индигенных народов. Если для англосаксонских стран – США, Канады – на политику в отношении коренного населения оказывает влияние груз колонизаторского прошлого, восприятия аборигенов как «нецивилизованных», отсталых, то в скандинавских странах коренные народы, использующие сходные адаптационные практики, воспринимаются не в качестве «чужих», а в контексте «свои другие».

Для иллюстрации этих различий необходимо рассмотреть, каким образом строятся отношения между государством и коренными народами в выбранных нами странах и выделить основные отличия с моделями, существующими в России, с тем чтобы сформировать понимание о возможности заимствовать зарубежный опыт либо модернизировать российскую модель. Вслед за авторами коллективной монографии «От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства»[679], которые рассматривают в широкой ретроспективе панораму канадского, американского, отечественного опыта взаимоотношений народов Севера и государства, считаем, что в настоящее время крайне важно учитывать позитивный опыт зарубежных государств, которые уже прошли сложный путь выстраивания отношений между властью и аборигенными сообществами.

В Канаде, например, особый характер отношений государства с коренными народами отражен в законодательстве закреплением принципа «патернизма»[680]. Суть этого принципа заключается в ярко выраженном патронаже, установлении «опеки» коренных народов, причем реализация государственной политики в отношении коренных народов обеспечивается не коллегиальными органами государственной власти, а должностными лицами, наделенными специальной компетенцией по решению таких вопросов. Так, в соответствии с Законом «Об индейцах» (1951)[681] роль «опекуна» играет министр, возглавляющий

---

[679] От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства: монография / под ред. А. Н. Пилясова. Магадан, 1998. 198 с.

[680] Конституционный акт Канады 1867 г. URL: http://www.georgetown.edu/pdba/Constitutions/Canada/canada1867.html.

[681] Indian Act of 1951. URL: // https://caid.ca/IndAct1951.pdf

Министерство по делам индейцев и Северного департамента. Вся политика взаимоотношений властей Канады с коренным населением на протяжении более ста последних лет строилась на той основе, что «примитивные» институты и образ жизни аборигенов должны трансформироваться с помощью государства, что приведет к ассимиляции аборигенов в евро-канадское общество.

Еще более интересна, на наш взгляд, история трансформации патерналистических отношений в США. Английские колонии, заинтересованные в активной, но как можно более «безболезненной» колонизации, в XVIII – начале XIX вв. опирались на содействие местных племен, поэтому была выделена «пятерка цивилизованных племен», находящихся на юго-востоке современных США. Эти племена, располагаясь в стороне от главных путей европейской колонизации, в начале XIX в. еще сохраняли свои земли. Они приняли христианство, добились успехов в развитии сельской экономики, образования, сохранения родных языков, из их среды выдвинулись этнические лидеры[682].

В США период XVIII – конец XIX в. характеризуется постепенным установлением политического и экономического доминирования пришлого населения, изъятием все больших территорий аборигенных земель в пользу государства, частных лиц и компаний. На этом этапе аборигенные сообщества еще были включены в политико-правовое пространство государств, сохранялись элементы самоуправления. Однако общее отношение доминирующего сообщества можно охарактеризовать как предвзятое, несправедливое: аборигены считались стоящими на низшей цивилизационной ступени и неспособными к саморазвитию. Именно на этом основании коренным народам придавался особый правовой статус.

Наконец, следующий этап (условно: конец XIX в. – середина XX в.) можно описать как политику ускоренного интегрирования коренных народов в индустриальное сообщество, сопровождавшуюся ассимиляционными процессами, утратой навыков традиционного природопользования[683]. Именно

---

[682] Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / сокр. пер. с англ. Москва, 1972. 768 с.

[683] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. С. 153.

в этот период наиболее эффективной считалась политика патернализма. Аборигенные народы получили иной правовой статус и стали объектами государственного правового регулирования, специальные государственные службы наделялись соответствующими полномочиями по их защите, в то время как полномочия племен сокращались, в их ведении остались лишь вопросы осуществления традиционного хозяйствования и образа жизни. Как уже было отмечено, от этой политики и государства, и мировое сообщество в целом в середине XX в. отказались как от не имеющей перспективы[684].

Постоянные изменения направлений этнической политики США в конечном счете привели к существенной смене образа жизни коренных народов, обусловили их маргинализацию и социальную деградацию. К началу 1930-х гг. более 90% коренного населения проживало в резервациях, при этом обострились социально-экономические и иные проблемы: доля неграмотных составляла около 26%, смертность от различных причин, распространение в резервациях различных инфекций превышали общеамериканские показатели в десятки раз. Политика патерналистской опеки привела к тому, что коренные народы стали изолированным национальным меньшинством, характеризующимся для большинства жителей Соединенных Штатов Америки как «низшие слои». Несмотря на то, что в 1924 г. был принят Закон «О гражданстве индейцев»[685], провозгласивший всех индейцев полноправными американскими гражданами, т.е. изменивший их правовой статус и ознаменовавший вместе с тем формальное завершение политики «опеки», положение коренных народов осталось неизменным[686].

Начиная с 1950-х гг. в США стала достаточно резко меняться государственная политика в отношении коренных народов. В 1953 г. произошло окончательное завершение отношений «опеки», ознаменованное принятием

---

[684] Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. С. 153. С. 152.

[685] Indian Citizenship Act of 1924, (enacted June 2, 1924) / Public Law 68-175, 43 STAT 253. URL: https://www.docsteach.org/documents/document/indian-citizenship-act

[686] Стельмах В. Г. и др. Тропою слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В. Г Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. М.: Мысль, 1990. 316 [1] с.

резолюции Конгресса № 108[687]. При этом также приостанавливались и меры поддержки, дотационные программы. Резкая смена политического курса привела к еще большим проблемам коренного населения, которое оказалось неприспособленным к рыночным условиям. В 1961 г. была принята Государственная программа по вопросам индейцев[688], в которой давалась негативная оценка политики «терминации», но одновременно провозглашался курс на постепенную ликвидацию особого положения коренного населения и установление равноправия с другим гражданами США[689]. В 1968 г. Конгресс принял Закон № 284 «О гражданских правах индейцев», обеспечивающий им защиту наряду с белыми американцами[690]. Так, например, в 1968 г. на основании распоряжения президента США № 11399 был создан Национальный совет по равным возможностям индейцев[691]. Совет подготовил к январю 1970 г. пакет основных рекомендаций, предусматривающих сохранение и укрепление внутренней автономии индейцев, разработку собственных планов социально-экономического развития резерваций и возврат к политике государственной поддержки коренного населения. Закон «О самоопределении индейцев и участии в образовательных программах» (1975)[692] подтвердил особое положение индейцев и обязательства федерального правительства в отношении коренного населения[693]. Таким образом, сложилась особая система отношений между государством и коренными народами, имеющая целью предоставить возможность последним реализовать право на самоопределение в границах единого американского

---

687 House Concurrent Resolution 108 (passed August 1, 1953). URL https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-67/pdf/STATUTE-67-PgB132-2.pdf

688 Declaration of Indian Purpose 1961. URL: https://declarationproject.org

689 Declaration of Indian Purpose 1961. URL: https://declarationproject.org.

690 Indian Civil Rights Act 1968. URL: https://www.tribal-institute.org/lists/icra.htm.

691 Executive Order 11399 “Establishing the National Council on Indian Opportunity” (passed March 6, 1968). URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-11399-establishing-the-national-council-indian-opportunity

692 Indian Self-Determination and Education Assistance Act of 1975 // Title 25, United States Code. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

693 Native American Programs Act of 1974. URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1717.

государства[694]. В этот период индейским племенам было вновь предоставлено право принимать свои собственные конституции и учреждать собственные суды. Племена приобрели статус юридического лица и возможность заключать договоры как с правительством США, так и с другими юридическими и физическими лицами. Все перечисленные меры дали коренным народам возможность более эффективно участвовать в решении вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы. В 2009 г. при администрации Президента США была создана должность старшего политического советника по делам коренных американцев. Основная задача деятельности советника – консультирование президента в вопросах разработки и принятия мер, касающихся коренных американцев, на уровне федерального правительства (в том числе Конгресса, судебной ветви власти и 15 федеральных агентств)[695], что подчеркивает значимость этнических вопросов в государственной политике.

Со второй половины XX в. начался новый этап во взаимоотношениях государств и аборигенных народов, отличающийся постепенным признанием их прав на самобытное развитие, основу которого составляет взаимосвязь традиционных сообществ с землей и окружающей средой обитания. Более того, этот период характеризуется осмыслением самими народами их прав, в том числе экономических, и прав на земли и природные ресурсы на территориях их проживания[696].

Политика в отношении коренных народов со стороны государства на протяжении истории Канады также претерпела значительные концептуальные изменения, начинаясь с политического и правового господства над сообществами, исконно проживающими на территориях, и стремлением к ассимиляции индигенных народов до политики патернализма и этнического «обновления»,

---

694 Гарипов Р. Ш. Защита коренных народов в международном праве. Казань, 2012. С. 186.

695 Чернухина Л. С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал российского права. 2014. № 7 (211). С. 106.

696 Доронина И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2005. 196 с.

которое предполагает признание уникальности и приоритетности индигенной культуры, вклада коренных народов в многообразие и богатство цивилизаций и культур как общего наследия человечества. Следует подчеркнуть, что такого рода изменения государственной политики в отношении коренных народов были связаны не только с определенной сменой идеологических приоритетов и трансформацией ряда устоявшихся стереотипов общественного сознания под влиянием мировых тенденций, но и с резко возросшим уровнем политического самосознания и этнической идентичности самих аборигенов[697].

Можно сделать промежуточный вывод о том, что история взаимоотношений публичной власти США и Канады с аборигенными народами Северной Америки позволяет разделить период от начала этих взаимоотношений до настоящего времени на три принципиально отличных этапа[698]. На первом этапе власти признают возможности развития коренных народов, их прав на землю и на самоуправление. Аборигенные жители численно преобладают на обширных территориях, а в экономике этих территорий доминируют традиционные для аборигенов отрасли. На втором этапе государства проводили политику ассимиляции и создавали «единую нацию» на своих территориях. На третьем этапе коренные народы включаются в экономические отношения, в процессы политического и культурного развития, становятся обладателями широкого спектра прав. Как мы видим, отличие США и Канады от России заключается в том, что до настоящего времени в Российской Федерации отчетливо прослеживался принцип государственного протекционизма жителей северных территорий, который был государственной традицией, во многом определяющей современную конституционно-правовую политику российского государства

---

[697] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 176.

[698] Коренное население Северной Америки в современном мире / отв. ред. В. А. Тишков Москва, 1990. 396 с.; Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира» / сокр. пер. с англ. Москва, 1972. 768 с.; Трифонов А. Чужие на своей земле. Заметки с международной конференции «Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера» // Нефть России. 1999. № 7. С. 1–5; Kvist R. Swedish Saami Policy 1548-1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30–December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, 1994. P. 13–20.

в соответствующей сфере. В этом заключается отличие российской модели от процессов колонизации территорий и других северных стран[699].

В целом, характеризуя модель патернализма, можно отметить как его положительные, так и отрицательные стороны.

При реализации модели «тоталитарного» патернализма обычно формируется идеология, оправдывающая политическое, экономическое и культурное доминирование над коренными народами. Во второй половине XX в. эта идеология получает название «доктрина ассимиляции»[700] или «теория колонизаторов»[701]. В соответствии с доктриной ассимиляции преимущества и выгоды, приобретаемые некоренными жителями от использования ресурсов новых земель, представляются как бремя, которое они несут ради экономического и социального прогресса. В то же время единственным вектором развития аборигенных народов считается архаичный уклад жизни с присущим ему низким уровнем материального производства и потребления. Даже гуманные с первого взгляда идеи о «самоценности» аборигенных народов и культур и необходимости их защиты, более отвечают доктрине ассимиляции и на самом деле не отражают всех возможностей существования коренных сообществ, и могут рассматриваться как «давление» доминирующего большинства, поскольку представляют аборигенные общества как особые коллективы, способные лишь к традиционному жизнеобеспечению и не способные к самоорганизации и саморазвитию.

Рассмотрим подробнее те сферы, где патернализм, государственная поддержка коренных народов может быть оправдана. Например, в современном мире экономическое развитие коренных народов, основанное на традиционном природопользовании, зачастую нуждается в дополнительной поддержке

---

699 Федеральный закон Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 78-ФЗ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 26. Ст. 3030.

700 Kvist R. Swedish Saami Policy 1548-1992 // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30–December 3, 1992, Rovaniemi, Finland. Rovaniemi, 1994. P. 14.

701 Мурашко О. А., ВласоваТ. К. Долматова С. А. Коренные народы — взгляд в будущее // Коренные народы в гражданском обществе России: национальный доклад на международной конференции, 31 марта – 2 апреля 2003 г., Москва, 2003. 48 с.

со стороны «сильных» участников отношений. В России государственная поддержка играет важную роль в сохранении оленеводства. При этом традиционная культура, которая (как мы уже отмечали) основана на традиционных видах хозяйственной деятельности, рассматривается органами государственной власти как не менее важный аспект по сравнению с экономическим. Некоторую поддержку коренному населению оказывают также добывающие компании, работающие в этнических регионах, но даже в этом случае посредником и субъектом принятия решения о распределении материальной помощи, предоставляемой компаниями, принимает государство[702].

В США государство не так активно участвует в экономической жизни коренного населения, однако, оно обеспечило коренным малочисленным народам определенные гарантии, закрепленные соответствующим законодательством, в частности, право на земли и недра в границах данных земель с соответствие с Законом АНКСА на Аляске. Такой «патернализм на расстоянии» позволил создать основу для рентабельной хозяйственной деятельности коренных народов.

В Финляндии саамы имеют ряд дополнительных прав на государственную поддержку при развитии традиционного природопользования. Однако иногда это вызывает недовольство некоренного населения Финляндии, которое опасается того, что приоритет при принятии экономических программ развития территорий будет отдаваться саамам. Кроме того, оленеводство в Финляндии в целом поддерживается за счет государственных субсидий, вне зависимости от того, занимаются ли им саамы или финны. Около 14% доходов оленеводов составляют государственные субсидии или субсидии Европейского Союза. По сравнению с размерами государственной поддержки сельского хозяйства в странах ЕС, которые составляют около 40% доходов фермеров, поддержка оленеводческой отрасли в Финляндии не представляется значительной[703].

---

[702] Новикова Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 3 (11). С. 102–111.

[703] Finland Pays Billionaire 400,000 Euros in Agricultural Subsidies. 2018. News. URL: https://yle.fi/uutiset/
osasto/news/finland_pays_billionaire_400000_euros_in_agricultural_subsidies/10126993; См. также: Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере

Таким образом, выбранные примеры демонстрируют различную степень и формы государственной поддержки, в большей степени направленную на этническую экономику. При этом можно выделить несколько векторов государственного патернализма. «Экономический патернализм» направлен на обеспечение стандартов достойной жизни, поддержку традиционных видов хозяйствования, создание экономической основы и системы сбыта продукции. Государственная поддержка социально-культурного развития, языка, традиций представляет собой «социокультурный» патернализм. В этом случае в область особой государственной заботы попадают социально-культурные права коренных народов. Это, прежде всего, поддержка этнической культуры, духовного и материального наследия, охрана здоровья, доступность образования, которые государство гарантирует[704]. Инструменты патернализма, обеспечивающие развитие, политические права, а также реальные и эффективные формы партнерства с коренными малочисленными народами, можно обозначить как «политический патернализм»[705].

В арктических странах находятся как сторонники, так и противники патерналистских отношений. Больше всего критики направлено на экономический патернализм: считается, что излишняя государственная опека порождает материальную зависимость, этносоциальное иждивенчество, пассивность в принятии собственных решений о развитии[706]. Иные виды патернализма, в свою очередь, могут порождать политическую инертность и духовно-культурную несамостоятельность[707]. Тем не менее многие ученые поддерживают патернализм, в частности, разумную политику государственного регулирования, сочетающую прямую поддержку социально уязвимых групп аборигенного населения

России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[704] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[705] Там же.

[706] Хазанов А. М. После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России // Вестник антропологии. 2017. № 2 (38). С. 45–85.

[707] Dworkin G. Paternalism // Monist. 1972. № 56 (1). P. 64–84.

и партнерство в отношении наиболее «продвинутых» при их стремлении включиться в рыночную экономику»[708].

В одной из последних научных работ, посвященных патерналистским отношениям и моделям государственной поддержки коренных малочисленных народов в Российской Федерации, А. М. Хазанов, советский и российский историк, отмечает, что экономический патернализм зачастую порождает отсутствие инициативы и пассивное отношение к труду. Основываясь на социологических исследованиях, проведенных в отношении северных регионов России, а также скандинавских стран, автор обоснованно ставит вопрос: целесообразно ли выделение значительных государственных субсидий для поддержки очевидно убыточных муниципальных предприятий в сфере оленеводства[709]? Его мнение созвучно с выводами по результатам исследований, проведенных в Ямало-Ненецком автономном округе. Так, Г. Ф. Деттер, ведущий научный сотрудник Научного центра изучения Арктики, считает, что система управления в регионе, которая на протяжении длительного времени использовала стратегии и механизмы государственной экономической поддержки оленеводства, привела к экологическим и социальным проблемам (истощение пастбищ, угроза традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера). Причина в том, что при патерналистских методах управления не были учтены как возможности природных ресурсов региона, так и особенности технологических и культурных укладов коренных народов. Потому, как полагает исследователь, экономический патернализм должен стать менее приоритетным в развитии коренных народов по сравнению с мерами социальной поддержки[710].

---

[708] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[709] Хазанов А. М. После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России // Вестник антропологии. 2017. № 2 (38). С. 45–85.

[710] Деттер Г. Ф. Влияние институциональных особенностей северного оленеводства Ямала на формирование проблем, противоречий и вызовов для управления и социума // Научный Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 2 (111). С. 6–26.

Значимый аргумент в пользу экономического патернализма коренных народов со стороны государства приводит Л. М. Баскин, указывая, что современное оленеводство и в России, и во всех других странах, где оно существует (Норвегия, Швеция, Финляндия, США, Канада), невозможно без государственной поддержки. Здесь автор исходит из положения, что оленеводство гарантирует сохранение не только индигенной культуры, но и самих этносов. Данное мнение разделяется и коренными народами Севера, понимающими, что оленеводство, даже если оно реализуется сравнительно небольшой частью населения и не является коммерчески прибыльным, предотвращает ассимиляцию культуры коренных народов. Следовательно, можно сделать вывод о необходимости лишь некоторых экономических форм патернализма, сочетаемого с социальным патернализмом[711].

Развитие арктических коренных народов США представляет промежуточную модель, имеющую элементы, характерные и для России, и для Финляндии[712]. А именно речь идет как о соуправлении, реализуемом через механизм заключения договоров между племенами и компаниями-недропользователями о компенсациях за использование недр на землях коренных народов, например в Аляске, так и о патерналистской поддержке, которая осуществляется через денежные компенсации коренным народам (индейским племенам) в других субъектах США[713]. В этих случаях практикуется заключение специальных соглашений между правительством США и отдельными индейскими племенами о компенсациях за нарушение аборигенных прав, закрепленными за племенами по соглашениям, заключенным еще в XIX в. Например, индейцам племени навахо было выплачено

---

[711] Баскин Л. М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 28–43; См. также: Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 11–41.

[712] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 17.

[713] Соколовский С. В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 26–27.

554 млн долларов за ненадлежащее использование индейских земель[714]. Еще одной формой реализации прав коренных народов выступает практика передачи земель, на которых проживают коренные народы, в их пользование без права изъятия данных земель под недропользование. Так, в Канаде еще в 1999 г. иннуитам (эскимосам) передано около 350 тыс. км^2 в собственность[715]. Кроме того, иннуиты получили права на минеральные ресурсы на площади в 35 тыс. км^2 и компенсацию за отказ от дальнейших территориальных претензий в 1 млрд долларов, которая будет выплачиваться в течение 14 лет[716].

Итак, разные виды патернализма характерны для всех исследуемых нами стран. В качестве выводов можно выделить несколько векторов патернализма, которые могут быть выбраны в конкретном государстве в зависимости от сформулированных целей государственной этнополитики и закреплены в нормах этнического законодательства:

– экономический патернализм, при котором коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционной хозяйственной деятельности даже в условиях ее экономической неэффективности (как в случае России). При этом значимость оленеводства и других традиционных занятий рассматривается не только с экономической точки зрения, но и с позиции сохранения индигенной культуры[717]. Другим подходом может быть расширение местных рынков и инфраструктурная поддержка (транспорт, дороги, перерабатывающие предприятия в США). Однако при этом векторе достаточно ограниченными представляются возможности коренных народов принимать решения о выборе траектории своего развития, о смене видов экономической деятельности;

---

[714] Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18, № 1. С. 59–78.

[715] Там же.

[716] Соколовский С. В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 28.

[717] Tuck B. H., Huskey L. Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider. // Contemporary Alaska Native Economies / S. J. Langdon (ed.). Lanham, 1986. P. 1–14.

– социокультурный патернализм, при котором государство поддерживает социальное благополучие коренных народов системой мер в сфере здравоохранения, образования, культуры. Условием получения помощи от государства является сохранение культуры, консервация традиционного образа жизни (ярче проявляется в России и в Финляндии). При этом возникают разрывы между представлениями коренных народов о сохранении и развитии собственной культуры и доминирующим мнением «внешних» акторов о том, что должна собой эта культура представлять, навязывание определенных стереотипов и ожиданий, конструирование или коммерциализация культуры[718];

– политический патернализм, который заключается в предоставлении значительных политических прав, возможностей участвовать в управлении делами государства, влиять на решения органов публичной власти через собственные органы управления, различные формы участия (Финляндия, США). На наш взгляд, именно политический патернализм представляется вполне оправданным, особенно в условиях роста этнического самосознания и активизации жизненных позиций коренных народов во всем мире[719].

Автор настоящей работы придерживается точки зрения, что зарубежный опыт поддержки культуры и языка (Финляндия) и коммерциализации традиционных видов хозяйственной деятельности (США) может сформировать в России направления для нового патернализма – конституционно обусловленной и ответственной государственной политики сохранения, развития, вовлечения коренных народов в принятие решений локальных вопросов, но не консервации социально-экономического и культурного состояния.

Вслед за П. В. Гоголевым считаем, что государственный патернализм можно определить как основанную на национальной традиции государственно-властную, ответственную политику в отношении этнических групп в целях обеспечения права

---

[718] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 26.

[719] Там же.

на развитие и дополнительных мер защиты этого права[720]. При этом сущность патернализма должна заключаться лишь в гарантиях прав, обеспечении дополнительных условий, что особенно важно для коренных народов, которые в силу различных обстоятельств находятся в сложной социально-экономической ситуации[721].

Таким образом, российскому государству необходимо создавать правовую основу реализации модернизированной модели патернализма, сочетаемой с моделью совместного принятия решений. Это будет стимулировать саморазвитие коренных народов, их социально-экономическую деятельность, развивать совместное управление.

Впервые режим совместного управления (соуправления) начали обсуждать в контексте использования действенных механизмов для управления природными ресурсами и разрешения экологических проблем, обеспечения устойчивости и безопасности природопользования.

Модель соуправления стала использоваться на северных территориях Канады и штата Аляска с середины 1960-х годов[722]. Развитию данной модели способствовал ряд факторов: в первую очередь обостряющиеся проблемы природопользования, а также все набирающий силу договорный процесс между федеральным центром и коренными народами Севера. Среди нормативных правовых актов США, регулирующих различные формы участия коренных народов в делах государства можно выделить законы: «О национальных заповедниках» (1966)[723], «О самоопределении индейцев и участии

---

[720] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[721] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). С. 12.

[722] Usher P.J. The Beverly-Kaminuriak Caribou Management Board: An Experience in Co-Management // Concepts and Cases / ed. J.T. Inglis. Ottawa. 1993. P. 111–120; Usher P. J. Co-management of Natural Resources: some aspects of the Canadian experience // Anthropologica. 2005. № 47. P. 147–154.

[723] National Historic Preservation Act of 1966. URL: https://www.achp.gov/digital-library-section-106-landing/national-historic-preservation-act.

в образовательных программах» (1975)[724], «О свободе вероисповедания американских индейцев» (1978)[725,], «О защите исконных земель» (2022)[726] и иные[727]. Кроме того, соответствующие нормы содержатся в экологическом, природоресурсном, градостроительном и иных отраслях законодательства. Активно развивается практика так называемых «добрососедских» соглашений между племенами коренных народов и компаниями-природопользователями. В 1980 г. Федеральный закон США «Об особо охраняемых территориях Аляски, представляющих национальный интерес»[728], предусмотрел совещательные полномочия общин коренных народов в регулировании рыбного промысла и в управлении ресурсами дикой природы на этих территориях. Таким образом, участие коренных народов в управлении природными ресурсами и землями становится обязательным.

На севере Канады режим соуправления часто оговаривается соглашениями по земельным требованиям коренных народов, например, в соглашениях с Первыми нациями Юкона. На Аляске и Севере Канады известны успешные примеры соуправления, когда представители коренных народов (охотники и рыболовы) добровольно соглашались на закрытие акваторий рыбного промысла, чтобы сохранить ресурсы. Учреждение администрацией района Северный Склон Аляски Китобойной комиссии иннуитов – яркий пример соуправления, когда в условиях моратория на добычу китов Комиссия иннуитов в сотрудничестве с федеральными властями добивается получения квот от Международной китобойной комиссии и затем распределяет их среди китобоев-иннуитов.

---

[724] Indian Self-Determination and Education Assistance Act of 1975 // Title 25, United States Code. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/25.

[725] American Indian Religious Freedom Act of 1978. URL: https://www.congress.gov/103/bills/hr4230/BILLS-103hr4230enr.pdf.

[726] Tribal Cultural Areas Protection Act of 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4423

[727] См. подробнее: Tribal Co-management of Federal Lands: Overview and Selected Issues for Congress. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47563.

[728] Alaska National Interest Lands Conservation Act of 1980 URL: https://www.nps.gov/locations/alaska/upload/ANILCA-Electronic-Version.PDF

В России примеров успешного соуправления не так много. Наиболее упоминаемым является институт «экологического соуправления», под которым понимают участие общественности в принятии экологически значимых решений. Этот институт реализуется только в трех субъектах РФ – Ненецком автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Саха (Якутия). В качестве основы взаимодействия промышленных компаний, органов власти и коренных малочисленных народов, можно рассматривать нормы федерального законодательства, которое гарантирует участие коренных малочисленных народов в принятии решений при реализации ряда прав:

– на достоверную информацию, ее сбор и распространение;

– участие в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– участие в осуществлении контроля за соблюдением федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации об охране окружающей природной среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве и реконструкции хозяйственных и других объектов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– инициирование и участие в проведении экологических и этнологических экспертиз;

– участие в подготовке и принятии органами публичной власти решений по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов малочисленных народов;

– делегирование уполномоченных представителей малочисленных народов в советы представителей малочисленных народов при органах исполнительной власти субъектов и органах местного самоуправления;

– защиту общественного интереса в области охраны окружающей среды;

– осуществление общественного экологического контроля и др.

В конкретных субъектах РФ для коренных малочисленных народов доступны более четкие механизмы соуправления. В частности, в Ненецком автономном

округе многие вопросы, касающиеся коренных народов, решаются при посредничестве Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй»[729]. А лица, занимающиеся оленеводством, их представители имеют право выдвигать предложения о проведении экологической и этнологической экспертизы хозяйственной и иной деятельности, затрагивающей интересы оленеводства и участвовать в проведении данных экспертиз[730].

В Уставе (Основном законе) Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 декабря 1998 г. № 56-ЗАО[731] устанавливается обязанность органов власти автономного округа учитывать особенности, связанные с вхождением территории автономного округа в состав Арктической зоны РФ, ее повышенной экологической уязвимостью, отдаленностью значительной части территории автономного округа от развитых промышленно-культурных центров РФ, сохранением традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, проживающих в автономном округе (ст. 13). В соответствии с Постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 ноября 2020 г. № 1339-П в округе создается совет представителей коренных малочисленных народов Севера при Правительстве Ямало-Ненецкого автономного округа[732]. Основными задачами совета являются:

– повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов с представителями коренных малочисленных народов и общественными

---

[729] Официальный сайт Регионального общественного движения «Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй». URL: https://raipon.info/regiony/regionalnoe-obshchestvennoe-dvizhenie-assotsiatsiya-nenetskogo-naroda-yasavey.

[730] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 140.

[731] Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 декабря 1998 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/800100770.

[732] Постановление Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 ноября 2020 № 1339-П О совете представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе при Правительстве Ямало-Ненецкого автономного округа // URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=163174022&backlink=1&&nd=163169848&rdk=1&refoid=163174036.

объединениями коренных малочисленных народов по вопросам обеспечения прав и защиты законных интересов коренных малочисленных народов;

– выработка предложений по формированию устойчивого развития коренных малочисленных народов на основе укрепления их социально-экономического потенциала при защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов;

– совершенствование механизмов защиты прав и законных интересов коренных малочисленных народов (п. 2. 1, разд. II).

Интересная форма участия в принятии решений предусмотрена Градостроительным Уставом Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 апреля 2007 года[733]. В округе предусматривается Градостроительный совет при Губернаторе, который является совещательным органом и создается в целях коллегиального обсуждения и оценки градостроительной деятельности, сохранения мест традиционного хозяйствования и расселения коренных малочисленных народов (ст. 6). В Совет в обязательном порядке входят представители коренных малочисленных народов.

Наиболее эффективным в сфере гарантирования участия коренного населения в принятии решений справедливо считается Республика Саха (Якутия). Так, например, нормами Конституции Республики от 4 апреля 1992 г.[734] установлены гарантии коллективных прав коренных малочисленных народов Севера на природные ресурсы (ст. 5) и предоставлены возможности в местностях компактного проживания коренных малочисленных народов осуществлять местное самоуправление с учетом национально-этнических особенностей (ст. 99). Законом Республики Саха (Якутия) «О родовой, родоплеменной кочевой общине

---

[733] Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 июня 2000 г. № 23-ЗАО «Градостроительный Устав Ямало-Ненецкого автономного округа» // Красный Север. 2007. 27 апр. № 32-33.

[734] Конституция Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 года // Якутия: республиканская общественно-политическая газета. 2002. 12 нояб. № 210.

коренных малочисленных народов Севера» от 17 октября 2003 года[735] определяются взаимоотношения общин коренных народов с органами публичной власти. Все вопросы, затрагивающие интересы общин, решаются органами государственной власти с учетом мнения общин. Общины, союзы (ассоциации) общин имеют право участвовать через уполномоченных представителей в подготовке и принятии органами государственной власти Республики Саха (Якутия) решений по вопросам защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (ст. 12). В данном субъекте РФ есть еще и другие формы учета мнения коренных народов (будут рассмотрены в следующей главе).

Однако следует признать, что приведенные нами примеры являются скорее положительным исключением, нежели правилом на фоне устойчивой тенденции сужения возможностей коренных народов в сфере соуправления, которая, по мнению экспертов, наблюдается в России в последние 10–12 лет[736].

В других изучаемых нами государствах, напротив, возможности коренных народов в принятии совместных с государством решений становятся все более широкими. Так, в Канаде сегодня в основе отношений между коренными народами и канадским государством лежит идея партнерских отношений, основанных на взаимном уважении, доверии и участии в процессах принятия решений. Центральное место в этом партнерстве отводится признанию неотъемлемого права на соуправление – права, предусмотренного Конституцией Канады (ст. 34). Именно соуправление дает коренным народам возможность осуществлять более широкие полномочия по всем вопросам, которые затрагивают жизнь на их исконных территориях. Все это должно способствовать формированию у коренных народов

---

[735] Закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 года 82-З № 175-III «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» // Якутские ведомости.2003. 20 нояб. № 43.

[736] Кряжков В. А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления // Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности. От родовых общин к парламенту Ямала. Екатеринбург, Салехард, 2013. С. 76.

Канады чувства конституционного патриотизма, призванного и в дальнейшем укреплять канадскую государственность[737].

Итак, обобщая изложенные выше особенности организационно-правовых моделей взаимодействия публичной власти и коренных народов – патернализм, партнерство и соуправление, мы приходим к выводу, что в настоящее время практически все страны используют модель «патернализма» как наиболее эффективную для достижения государственных целей.

Можно определить, что в современных условиях необходима корректировка патерналистской модели: речь должна идти о новом патернализме – конституционно обусловленной и ответственной государственной политике, направленной не на консервацию социально-экономического и культурного состояния коренных народов, а на обретение большей самостоятельности коренных народов, ответственности за результаты своей деятельности, собственной инициативы в развитии, вовлечении коренных народов в принятие решений по вопросам их жизнедеятельности.

Современные сложные проблемы арктических территорий и проживающих на них коренных народов не всегда возможно решать в рамках существующей патерналистской модели, методами «сверху». Все очевиднее становится, что в России необходим переход к соуправлению, которое можно рассматривать именно как инициативу «снизу», поддерживающую самосознание и политическую активность северных народов, их способность принимать решения по вопросам своего развития.

Среди преимуществ использования модели соуправления можно назвать возможности эффективного решения вопросов, насущных для развития коренных народов, за счет интеграции как государственных организационно-правовых институтов, так и традиционных. Модель также способствует преодолению конфликтов между публичной властью и коренным населением, реализации

---

[737] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 177.

принципов широкого участия общественности и повышению информированности локальных сообществ.

Во взаимоотношениях коренных народов и государства именно модель соуправления позволяет формировать равноправные отношения, обеспечить «диалог культур» при принятии публичными органами власти решений, что соответствует предложенной нами концепции конституционного мультикультурализма. Безусловно, сферы совместной деятельности в каждом государстве могут быть разнообразны и охватывать значительный круг отношений[738]. Например, достаточно эффективно соуправление может осуществляться в отношении улучшения уровня и качества жизни, благоустройства в местах проживания коренных народов, защиты окружающей среды, воспитания, обучения и образования детей.

Определяя формы взаимодействия, органы публичной власти и сообщества коренных народов должны всегда искать баланс между целями экономического развития и сохранения традиционного образа жизни. Например, автор считает успешным элементом данной модели «советы представителей коренных народов», которые принимают политические решения в отношении хозяйственной деятельности и основных направлений развития коренных сообществ. Советы могут состоять как из молодых этнических лидеров, воспитанных в современных реалиях и имеющих достаточно компетенций для ведения предпринимательской деятельности, так и из старейшин, главная роль которых состоит в разрешении конфликтов, передаче опыта следующим поколениям, поддержании традиционных ценностей и норм поведения.

Комплексный подход к социально-экономическому развитию коренных народов Севера России находится в процессе формирования[739]. Модернизированная модель

---

[738] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

[739] Максимов А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: от зарубежного опыта к российской модели: дис. ... канд. экон. наук. Сыктывкар, 2007. 136 с.

патернализма в сочетании с моделью соуправления представляет собой сочетание многовековой отечественной истории и отвечает современным тенденциям и вызовам будущего и представляется наиболее эффективной гарантией реализации большинства прав коренных народов, как уже закрепленных в законодательстве, так и тех, которым еще предстоит найти отражение в современном правовом поле.

В контексте постколониального дискурса соуправление становится все более актуальной моделью построения полиэтнического общества, поскольку представляет альтернативу существующим жестким, централизованным режимам управления, которые уже не выполняют своих функций ввиду усложняющихся задач и условий современного мира (например, в периоды ресурсных кризисов и при конфликте органов власти, общин, природопользователей).

ГЛАВА 4. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

4.1. Право на самоопределение и право на развитие как новый вектор совершенствования основных прав коренных народов

Как уже отмечалось, в конце 1980-х гг. в мире была осознана необходимость выделения специальных прав коренных народов и на международном уровне приняты важнейшие правовые документы. Наиболее значимые из них – Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989)[740] и Декларация ООН «О правах коренных народов» (2007)[741], работа над которой длилась более двадцати лет. С 2005 г. ООН провозгласила Второе десятилетие коренных народов мира. Для положения коренных народов важное значение имеют также Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001)[742] и Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия (2003)[743], принятая в дополнение к Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного

---

[740] Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml.

[741] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

[742] Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_ diversity.shtml

[743] Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml

и природного наследия (1972)[744]. Разработчики исходили из нового – постколониального – подхода к месту и роли коренных народов, представляющих многообразные цивилизации и культуры в общем наследии всего человечества. В 1970–1980-е гг. начались существенные изменения в этнической политике и законодательстве США, чуть позднее – с 1990-х – стало меняться и законодательство России в рассматриваемой нами сфере общественных отношений. Суть указанных изменений сводилась к тому, что коренные малочисленные народы приобретали определенную политическую, правовую и социальную значимость, которая закреплялась конституционно и законодательно в форме системы специальных прав, гарантированных государствами. Спектр прав является достаточно разнообразным в зависимости от политики конкретного государства, но в целом государствами, где исконно проживают коренные народы, подтверждается их общемировая значимость.

На международном уровне в общем виде можно выделить следующие группы прав коренных народов: право на существование; право на самоидентификацию; право на самоопределение и самоуправление; право на культурную самобытность; право на государственную и международную защиту; право на владение своей этнической территорией. Выделяют также следующие права: право на автономию и признание; право на землю и ресурсы; право на традиционное природопользование; право на язык и культуру[745]. Некоторые из названных прав представляются спорными с точки зрения национальных подходов и не отражены в законодательстве государств (например, в России, права коренных народов на землю, право на самоопределение достаточно ограничены[746]).

---

[744] Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml

[745] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 100–102.

[746] Кряжков В. А. Право коренных малочисленных народов Севера на национально-территориальное образование // Государство и право. 2007. № 3. С. 26–33.

Этнические нормы, содержащиеся в Конституции РФ 1993 г., гарантируют равенство прав и свобод человека и гражданина независимо, в числе прочих условий, от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии (ст. 19 ч. 2); запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19 ч. 2); права каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26 ч. 2); право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68 ч. 3); права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69)[747].

В России создана, на первый взгляд, серьезная база для регулирования особых прав коренных народов посредством трех специализированных законов: «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Исходя из российского законодательства, коренные малочисленные народы имеют право:

1) безвозмездно использовать земли в местах традиционного проживания для осуществления традиционной хозяйственной деятельности;

2) участвовать в осуществлении контроля за использованием земель, природных ресурсов, необходимых для осуществления традиционной хозяйственной деятельности, а также за соблюдением законодательства об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов, строительстве;

3) получать финансовую поддержку государства и организаций, в том числе международных, для социально-экономического и культурного развития

[747] Васильева Л. Развитие российского законодательства в сфере национальных отношений // Федерализм. 2009. № 1. С. 59–60.

малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов;

4) участвовать через уполномоченных представителей малочисленных народов в подготовке и принятии решений, касающихся образа жизни, традиционной хозяйственной деятельности, территорий проживания;

5) участвовать в проведении экологических и этнологических экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;

6) делегировать уполномоченных представителей малочисленных народов в советы представителей малочисленных народов при органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления;

7) на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания;

8) получать от государства помощь для реформирования всех форм воспитания и обучения подрастающего поколения малочисленных народов с учетом традиционных образа жизни и хозяйственной деятельности малочисленных народов[748].

Уже было отмечено, что во всех рассматриваемых нами странах права коренных народов относятся к категории конституционных прав и свобод. Отличительными особенностями конституционных прав являются их особая значимость, повышенная ценность; они «фиксируют наиболее существенные, принципиальные связи между государством и личностью и реализуются в наиболее важных сферах общественной жизни»[749], рассматриваются как неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, признаваемые в соответствии с целями и уровнем развития общества и государства в качестве

---

[748] Ст. 8 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[749] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 434 с.

основных и минимально необходимых, естественных и принадлежащих каждому человеку от рождения.

Однако несмотря на то, что коренные народы получили существенный объем прав, равно как и доступ к здравоохранению, образованию и социальному обеспечению, приобрели возможность сохранять свои языки и культуру, традиционную экономику, в настоящее время все явственнее проявляется необходимость, во-первых, более четких гарантий всей системы прав со стороны нашего государства, во-вторых, поиска баланса между сохранением традиционного образа жизни и традиционного хозяйствования коренных народов и новыми экономическими, климатическими и экологическими условиями в меняющейся Арктике. Качество жизни коренных народов, отношение общества к этническим ценностям, условия формирующегося рынка все очевиднее создают проблемы для развития традиционных отраслей хозяйствования, ставят под сомнение существующие условия жизни коренного населения северных стран.

Но при этом практика их применения в России за последние 15–17 лет показала, что базовые законы, указанные выше, фактически содержат нормы-принципы и отсылочные положения, которые не развиваются в отраслевом законодательстве и применяются лишь некоторыми субъектами Российской Федерации в региональном законодательстве и практике. Более того, (и это практически не отмечается в отечественной литературе) многие нормы перечисленных актов были созданы без согласования с самими субъектами правового воздействия (коренными народами), не опираются на реальные этнические интересы и не соответствуют ценностям и ожиданиям коренных народов.

Права коренных народов и проблемы их реализации достаточно полно рассматриваются в российской научной литературе (Л. В. Андриченко, П. В. Гоголев, В. А. Кряжков, С. В. Соколовский, С. Н. Харючи). В целях выявления ключевых вызовов и проблем в реализации перечисленных выше прав коренных народов российского Севера мы обращались также к результатам отечественных исследований, которые внесли особый вклад в изучение коренных

народов Ямало-Ненецкого автономного округа, а именно ученых Научного центра изучения Арктики (М. Л. Белоножко, Г. Ф. Деттер, С. М. Зуев, К. А. Лайшев, В. В. Маркин, Т. М. Романенко, А. Н. Силин, К. Г. Филант, А. А. Южаков)[750]. Они рассматривали вопросы социально-пространственной трансформации российской Арктики, анализировали этносоциальные процессы, развивающиеся в ходе индустриального освоения арктических территорий. Авторами отдельно выделяются проблемы, оказывающие серьезное влияние на жизнедеятельность коренных малочисленных народов, ведущих кочевой образ жизни и занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности и промыслов.

На мировом уровне исследованием реализации прав коренных народов также занимаются многие ученые, причем в последние годы все более значимыми и востребованными являются научные разработки, позволяющие выявлять причины проблем жизнедеятельности коренных народов Севера в условиях меняющейся Арктики (Ш. Гистини (S. Guistini), Н. Канайурак (N. Kanayurak), К. Куева (K. Cueva), Дж. Лавой (J. G. Lavoie), К. Ларсен (Ch. Larsen), С. Нистен-Хаарала (S. Nysten-Haarala), Э. Ринк (E. Rink), П. Стоор (J. P. Stoor), Г. Хили (G. Healey), Е. Ф. Гладун, М. Ю. Задорин, О. В. Захарова, С. А. Тулаева).

Многие авторы отмечают, что даже при наличии соответствующего правового обеспечения на международном и национальном уровнях часто возникают проблемы правоприменения и реализации зафиксированных прав на практике. Связано это не только с наличием «декларативных» или несовершенством «отсылочно-бланкетных» норм, но и с тем, что этнополитика

---

[750] Деттер Г. Ф. Генезис национальных и региональных инновационных систем арктических государств в контексте национальных инновационных политик // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 3 (88). С. 15–33; Глухов В. В, Деттер Г. Ф., Туккель И. Л. Типологизация регионов Арктической зоны Российской Федерации и формирование локальных инновационных систем // Россия в глобальном мире: альманах. 2016. № 8 (31). С. 458–486; Зуев С. М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. Вып. №3 (88). С 103–107; Филант К. Г. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Проблемы современной науки и образования. 2016. №39 (8). С. 83–92; Здоровье людей в Арктике в социально-пространственном дискурсе // Человеческий капитал арктических регионов: системные проблемы и технологии их решения: монография / О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко [и др.]; отв. ред. А. Н. Силин, В. В. Маркин. Тюмень, 2020. URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9332.

всегда затрагивает саму «корневую систему» государства, и любые ошибки, в том числе законодательные, в этом вопросе могут повлечь серьезные социальные конфликты, так как особые права и гарантии для отдельных этносов нередко становятся фактором социального напряжения.

Именно поэтому в государствах практически отсутствуют подзаконные акты, которые бы четко и конкретно давали ответ на вопрос, каким должно быть «техническое» сопровождение по реализации конституционных гарантий прав на традиционное природопользование, определения статуса конкретной этнической группы, защиты родных языков, а также, к примеру, порядка реализации права на представительство в органах власти на локальном, региональном и общегосударственном уровнях[751].

В Российской Федерации в целом правильные направления в реализации конституционных прав намечены в принятой 4 февраля 2009 г. Правительством РФ «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Ее целью провозглашается создание условий для формирования устойчивого развития коренных народов, которое, в свою очередь, «предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений»[752]. Как видно из указанной формулировки российское государство признает следующие этнические интересы, подлежащие правовому регулированию:

– экономические интересы;
– культурные интересы;
– социальные интересы;
– политические интересы.

---

[751] Задорин М. Ю., Гладун Е. Ф. Базовые элементы права на самоопределение коренных народов и их отражение в международных кейсах // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 4. С. 121–138.

[752] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

С принятием Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока государство взяло на себя обязательство сохранить коренные народы, обеспечить их жизнедеятельность и устойчивое развитие. При этом заметим, что в Концепции используется широкий подход к пониманию прав коренных народов, который предполагает не только протекционизм со стороны государства (воплощенный в целевых программах, например), но и право коренных народов самим принимать решения о собственном развитии (мобилизация внутренних ресурсов)[753].

Рассмотрим подробнее, как данные интересы и вытекающие из них права реализуются в современных условиях и каким образом они взаимообусловлены с существующими экономическими, социальными, политическими тенденциями, реально проявляющимися в арктических странах. В этом отношении интересной представляется коллективная монография Е. В. Забелиной, Г. Ф. Деттера, В. С. Лузан и др. «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера»[754]. Результаты исследования показывают специфику, стратегии и детерминанты поведения коренных малочисленных народов российской Арктики. Отмечается, что такие экономические факторы, как государственная поддержка традиционной хозяйственной деятельности и государственные инвестиции и дотации в традиционные отрасли, целью которых является создание условий для повышения конкурентоспособности товаров, работ и услуг и формирование устойчивой основы развития коренных малочисленных народов, на самом деле не приводят к росту доходов занятого в них населения и не обеспечивают должного уровня благополучия коренных народов. Как следствие, традиционная экономика стагнирует, в то время как развивающиеся в Арктике отрасли промышленности остаются недоступны для представителей коренных народов в связи с их уровнем образования, социокультурными

---

[753] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

[754] Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов арктической зоны Российской Федерации: монография / А. Ю. Телицына, Г. Ф. Деттер, Е. В. Забелина [и др.]. Петрозаводск, 2022. 2016 с.

и этнопсихологическими особенностями. Экономические проблемы детерминируют социальные, а именно нарастание бедности и безработицы, ухудшение социокультурной среды, социальные конфликты. При этом сохраняются жилищные проблемы (ветхое и аварийное жилье), снижается качество медицинского обслуживания, образования.

Низкий уровень образования коренного населения, в т. ч. выпускников школ-интернатов, не позволяет трудоустраиваться в других отраслях экономики и вне территорий традиционного проживания. Следует отметить, что именно вопрос об образовании является сегодня одним из наиболее острых. Во-первых, существует достаточно устойчивая точка зрения, что школы-интернаты, в которых из-за удаленности поселений коренных народов учатся многие дети из их числа, не являются идеальной формой образования для коренных народов, поскольку такая форма обучения вырывает детей как в буквальном, так и в культурном смысле из их традиционной среды обитания и является причиной нарушения семейных связей[755]. Ученые считают, что школы-интернаты, в которых дети кочевых народов получали обязательное среднее образование в отрыве от семьи, становились инструментом изменения традиционной культуры и разрыва связи поколений[756]. В связи с этим в ряде регионов уже начата разработка альтернативных вариантов обучения, лучше приспособленных к образу жизни коренных народов, таких, например, как кочевые школы, которые кочуют вместе с оленеводами. [757] Исследователи выявляют и более глубинные проблемы, заключающиеся в том, что несмотря на имеющиеся преференции в образовании, в том числе высшем, представители коренных народов не могут или не хотят получить качественное образование, конкурировать на рынке труда со своими согражданами. Таким образом, становится все очевиднее, что организация системы

---

[755] Can Digital Transformation Solve the Problem of Arctic Youth Migration Outflow? / V. E. Ljovkin, G. F. Detter, J. L.Tukkel [et al.] // Sustainability. 2020. № 12. С. 10685.

[756] Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (На примере ненцев Ямала): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2003. 309 с.

[757] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.

образования должна быть реформирована с учетом потребностей коренных народов в определенных специальностях, а также с возможностью сохранения семейных и культурных ценностей[758].

Другой проблемой, наряду с образованием, является охрана здоровья коренных народов. Конечно, к настоящему времени произошли значительные положительные изменения в системе медицинского обслуживания коренных народов, ведущих традиционный образ жизни. Однако эта система не всегда работает эффективно, в результате чего некоторые поселения оказываются «забытыми» с точки зрения оказания медицинской помощи. Проблемы в сфере здравоохранения в значительной мере обусловлены отдаленностью и небольшими размерами поселений, что затрудняет доступ к медицинским услугам и увеличивает их стоимость, организация медицинского обслуживания не рассчитана на образ жизни коренных народов (сроки ожидания помощи, доставка в места кочевий из медицинских учреждений)[759]. С изменяющимся образом жизни связаны и сами проблемы физического и соматического здоровья коренных народов, которые вызывают исчезновение привычных видов деятельности, изменение традиций и мест проживания.

Среди других негативных тенденций, влияющих на реализацию прав коренных народов в арктических регионах, следует также выделить:

– истощение природных ресурсов (пастбища, водоемы, леса), которое происходит как из-за развития промышленной деятельности, так и из-за активного ведения традиционной хозяйственной деятельности по причинам рыночной целесообразности, высокой доходности или жизненной необходимости;

– сокращение коренного населения, занимающегося традиционной хозяйственной деятельностью, ввиду недостаточности доходов для поддержания

---

[758] Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ / К. Куева, Ш. Гистини, Г. Хили [и др.] // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 11–12 ноября 2020 года. Сургут, 2020. С. 343–351.

[759] Historical foundations and contemporary expressions of a right to health care in Circumpolar Indigenous contexts: A cross-national analysis / Josée G. Lavoie, Jon Petter Stoor, Elizabeth Rink [et al.] // Elementa Science of the Anthropocene. 2021. № 9 (1). P. 00079.

желаемого уровня жизни, что особенно характерно для молодых поколений, выпускников школ-интернатов, получивших среднее и профессиональное образование, имеющих представление об ином качестве и образе жизни. Этому способствует, помимо экологических и институциональных ограничений, с одной стороны, расширение спектра и объема социальной помощи коренным народам, с другой – увеличение количества ограничений на использование природных ресурсов населением[760];

– климатические изменения, которые несут большую угрозу для различных аспектов жизнедеятельности коренных народов. Изменения климата уже проявляются в виде непостоянства природных характеристик, непредсказуемости погоды, ветра, температуры и осадков – наиболее значимых условий для образа жизни коренных народов[761].

В результате указанных и ряда иных проблем снижается уровень и качество жизни коренных малочисленных народов Севера, формирующиеся условия жизнедеятельности не соответствуют ценностям, традициям и ожиданиям коренных народов, что становится актуальным вопросом в политической повестке как на национальном, так и на международном уровне.

Качество жизни коренных народов Севера во всех арктических странах характеризуется низким уровнем доходов, частичной безработицей, ростом малоимущих семей, неэффективной социальной поддержкой. Например, в США доход на душу населения среди коренных жителей Аляски, ведущих традиционный образ жизни и хозяйствования, на 50% ниже, чем среди городского населения. Считается, что одной из причин малых доходов, несомненно, является недостаточность или отсутствие специального образования. Это, в свою очередь, обусловливает низкое качество работы, низкую оплату труда, плохую приспособляемость к работе и жизни в условиях промышленного освоения.

---

[760] Kudryashova E. V., Zadorin M. Y., Gladun E. Socio-cultural characteristics of the Russian Indigenous communities in the Barents region: Political and legal perspectives // Elementa. Science of the Anthropocene. 2021. Vol. 8, №. 1. С. 445.

[761] Гладун Е. Ф. Климатические права коренных малочисленных народов в странах БРИКС // Проблемы права. 2021. № 4 (83). С. 20–25.

Проблемы коренного населения, пусть не так явственно, как в США, но присутствуют и в Канаде. Например, на севере Канады продолжается концентрация коренного населения в крупных поселках и городах, исчезают небольшие традиционные поселения. На процессы переселения влияют как экономическое развитие северных регионов, так и растущие экономические потребности аборигенов. Очевидна ускоренная ассимиляция коренных народов, которой способствует политика государственной поддержки в сфере жилищного строительства, медицинского обслуживания и школьного образования.

Проведенные нами исследования современного положения коренных народов России, США и Канады, в том числе представленные в предшествующих главах, позволяют сделать некоторые промежуточные выводы[762]. С одной стороны, основные проблемы, с которыми коренные народы сталкиваются в современном мире, являются общими для всех стран: экономическое развитие северных регионов и рост городов, проблемы систем образования и здравоохранения, не предусматривающих все особенности традиционного образа жизни коренных народов, эмоциональные и психологические проблемы, связанные с утратой привычного образа жизни, мест проживания. С другой стороны, существуют некоторые различия в политическом развитии, системах образования, хозяйственной деятельности, обусловленные своеобразием исторического развития исследуемых стран, которые в разной степени влияют на темпы решения проблем, например, за счет встраивания традиционной деятельности в рыночную

[762] Gladun E. Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection // The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2015. Vol. 8, № 1. P. 111–133; Gladun E., Ivanova K. Preservation of Territories and Traditional Activities of the Northern Indigenous Peoples in the Period of the Arctic Industrial Development / Latola, K., Savela, H. (eds) // The Interconnected Arctic – UArctic Congress 2016. Springer Polar Sciences. Springer, Cham. 2017. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-57532-2_14; Historical foundations and contemporary expressions of a right to health care in Circumpolar Indigenous contexts: A cross-national analysis / Josée G. Lavoie, Jon Petter Stoor, Elizabeth Rink [et al.] // Elementa Science of the Anthropocene. 2021. № 9 (1). P. 00079; Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. Indigenous economies in the Arctic: To thrive or to survive? // Elementa. Science of the Anthropocene. 2021. Vol. 9, № 1. P. 00088; Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51(7). P. 1086–1095.

экономику или за счет нахождения уникального пути развития коренных сообществ (что, как кажется, еще только предстоит сделать).

Одной из базовых причин существующих проблем, равно как и неразвивающегося правового регулирования, считаем сохраняющийся «колониальный» подход, при котором идеологически транслируется превосходство целей и ценностей государства как приоритетное, что оправдывает политику, которая через образовательные программы, обязательное воспитание с отрывом от родителей, средства массовой информации, зависимость от институтов поддержки, интегрирует цели и ценности, не отвечающие интересам гармоничного социально-экономического и культурного развития коренных народов и способствующие процессам ассимиляции коренных народов Севера.

Распространенными остаются «колониальные» идеи и представления, в соответствии с которыми коренные народы неспособны управлять сами собой, органы публичной власти имеют лучшее представление, в чем заключаются интересы коренных жителей и как эти интересы защитить. При этом сами коренные народы Севера стремятся к сосуществованию, сотрудничеству и гармонии в отношениях с другими народами и с государственными институтами, разделяя базовые ценности государств.

Исследуя проблемы коренных народов, ученые выделяют некоторые факторы, приводящие к данным проблемам: внешние, экономические, социальные и политические. К внешним факторам можно отнести ухудшение состояния окружающей среды, связанное с изменениями климата, промышленным и инфраструктурным освоением Арктики, а также снижением природных функций из-за перевыпаса северных оленей. Формирование нового технологического уклада привносит в жизнь аборигенов научно-технологические и социокультурные инновации, изменяющие их представления о внешнем мире. Государство же в рамках патерналистской системы формирует институциональные условия, в основном направленные на сохранение традиционной культуры и образа жизни, поддержку традиционной деятельности. Это подтверждает наш тезис о том,

что государство нацелено лишь на консервацию традиционного образа жизни и хозяйствования и не предполагает развитие коренных сообществ[763].

Еще одной причиной экономических, социальных и психологических проблем коренных народов является низкая социальная адаптация к стремительно меняющимся экономическим условиям и развивающимся рыночным отношениям. Это наглядно показывает пример Аляски, когда коренные жители, объединившиеся в региональные коммерческие корпорации, испытывали значительные финансовые трудности, в частности связанные с конкуренцией с монополиями, непродуманным разделом земель по Закону АНКСА, необходимостью осваивать новые компетенции, не свойственные традиционному образу жизни. Современная хозяйственная деятельность этнических корпораций часто вступает в противоречие с традиционным отношением коренного населения к окружающей среде.

Одной из глубинных проблем является недостаток у коренных народов Севера жизненных стратегий и мотивации в развитии, отвечающих вызовам времени, неэффективность социальных механизмов в новых условиях. Такие вопросы практически не исследуются отечественными учеными. В этой связи важно использовать подходы зарубежных исследователей. В частности, можно рекомендовать для арктических государств признать права коренных малочисленных народов на интеграцию их традиционных знаний в научные исследования, а также признать право коренных народов на участие в исследованиях, оказывающих на них влияние, в том числе на проведение консультаций по вопросам организации и выполнения таких исследований[764]. Данное право устанавливается Конвенцией № 169.

---

[763] Конституционализация правового статуса коренных народов в государствах // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 4. С. 128–166.

[764] Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51(7). P. 1086-1095; Lavoie J.G., Stoor J.P., Rink E., Cueva K., Gladun E., Larsen C. V. L., Healey Akearok G., Kanayurak N. Cultural competence and safety in Circumpolar countries: an analysis of discourses in healthcare // International Journal of Circumpolar Health. 2022. № 81(1). P. 2055728; Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ / К. Куева, Ш. Гистини, Г. Хили [и др.] // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 11–12 ноября 2020 года. Сургут, 2020. С. 343–351.

На наш взгляд, существующих научных исследований становится недостаточно, когда речь идет об обеспечении устойчивого будущего и всестороннего развития человека в Арктике. Нельзя не согласиться с Р. Ш. Гариповым в том, что опыт правового регулирования статуса коренных народов в зарубежных странах представляет для России особенный интерес[765]. Сравнение положения коренных малочисленных народов США, Канады и России, а также степени обеспечения данными государствами гарантий защиты их прав и законных интересов рассматривали лишь некоторые российские ученые (Р. Ш. Гарипов, В. А. Кряжков, Б. А. Схатум). Мировая практика же накопила значительный опыт решения проблем коренных народов, установления и гарантии их прав, учета мнения коренных сообществ при организации территорий их проживания, жизнедеятельности и проч. Например, зарубежные ученые предлагают описывать данные проблемы с помощью модели «айсберга, имеющего как видимые, так и скрытые грани»[766]. «Модель айсберга» будет представлена в последнем параграфе настоящей работы как один из новых подходов к научным исследованиям этнических отношений.

Трансформация системы защиты прав коренных народов США, например, которая осуществилась благодаря комплексным исследованиям, привела к тому, что в уже в 1970–1980-е годы стали решаться многие проблемы коренного населения. Создание на Аляске в 1971 г. коммерческих корпораций с участием коренного населения стало серьезным стимулом дальнейшего экономического развития территории и коренных сообществ. Последствиями принятия АНКСА стала более активная борьба коренного населения Аляски за социально-экономические права, которая сопровождалась ростом этнического самосознания, интереса к своей традиционной культуре, определением путей дальнейшего

---

[765] Гарипов Р. Ш. Актуальные вопросы защиты прав коренных народов в России // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 1. С. 107–116.

[766] Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51 (7). P. 1086–1095.

развития[767]. Пройдя через сложный этап развития, коренные жители северных территорий США в настоящее время занимаются разнообразной экономической деятельностью, даже не связанной с традиционным образом жизни, например, туристическим и гостиничным бизнесом, строительством, услугами в сфере сервиса и обслуживания. Некоторые корпорации принимают участие в разработке нефтяных месторождений, занимаются банковской деятельностью, лесопользованием, промышленной добычей рыбных ресурсов.

На сегодняшний день в России в качестве главного механизма реализации прав коренных народов предусматривается совершенствование законодательной базы в сфере защиты прав, традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов Севера, которая, как уже было отмечено, в последние годы характеризовалась стагнацией, декларативностью[768].

Ключевые проблемы и вызовы, характерные арктическим регионам России, сложившиеся в результате пробелов российского законодательства и социально-экономической системы, несовершенства механизмов образования, социального обеспечения и рыночных институтов, в т. ч. этнического предпринимательства, формируют негативные тренды, затрудняющие развитие коренных малочисленных народов и их адаптацию в современном быстроразвивающемся обществе. Некоторые субъекты РФ выстраивают более или менее успешные практики в зависимости от нацеленности и компетентности регионального сообщества и органов власти, а также их финансового обеспечения[769]. В целом же до настоящего времени правовой комплекс, обеспечивающий существование этносов в России, развивался односторонне. Основное внимание уделялось защите прав и интересов коренных народов с целью сохранения их традиционного образа жизни и культуры.

---

[767] Ляпунова Р. Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) // Исторические судьбы американских индейцев: проблемы индеанистики: сборник / отв. ред. В. А. Тишков. Москва, 1985. С. 293–305.

[768] Кондрашев А. А., Зенкина А. Б., Роньжина О. В. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам // Антиномии. 2018. № 18 (1). С. 59–78.

[769] Деттер Г. Ф., Филант К. Г. Ключевые вызовы, узлы и тренды развития коренных малочисленных народов Севера в наступающее десятилетие // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 2 (107). С. 36–46.

Между тем в любом многонациональном государстве благополучие любого, даже самого небольшого по численности народа, зависит от возможности принимать решения об экономической деятельности, организации образа жизни, что обусловлено степенью его свободы в своем самоуправлении и развитии[770].

Как было отмечено, совокупность прав коренных народов является достаточно дискуссионной и различается в отдельных арктических государствах. В представленной работе особенно важно подчеркнуть, что в новом общемировом дискурсе более приемлемо было бы говорить о дополнительных правах, предоставляющих коренным народам возможность решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса развития в той мере, в какой он затрагивает их жизнь, этнические интересы, духовное и материальное благополучие и дает возможность определять собственные экономические, социальные и культурные изменения[771].

Одним из комплексных прав, отражающих перечисленные выше возможности, является право на самоопределение**.** В широком смысле это принцип, касающийся свободы человека, и в основе его лежит идея, что все народы должны иметь свободу контролировать свою собственную судьбу без «неуместного» вмешательства[772].

Трактовки понятия «самоопределение» достаточно разнообразны в общетеоретической литературе. Так, в словаре В. И. Ожегова оно однозначно раскрывается как «определение, выявление народом своей воли в отношении своего национального и государственного устройства»[773]. Философский словарь говорит: «самоопределение» (англ. *self determination*) – процесс и результат выбора

---

[770] Фомиченко М. П. Права народов в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 463 с.

[771] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 100–102.

[772] Morgan R. On Political Institutions and Social Movement Dynamics: The Case of the United Nations and the Global Indigenous Movement // International Political Science Review. 2007. Vol. 28, № 3. P. 273–292.

[773] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://ozhegov.info/slovar/?q=%&pg=1571&ind=N.

личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы. Многие эксперты отмечают общую тенденцию все более широкого толкования идеи права народов на самоопределение международными организациями и профессиональным сообществом специалистов в области международного права[774].

Практика полиэтнических государств убедительно доказывает, что проблема права народов на самоопределение – крайне сложная в теоретическом и острая в политическом отношениях. Провозглашаемый на международном уровне принцип равноправия и самоопределения народов заключается в самостоятельном определении народом своего политического статуса, свободном обеспечении экономического, социального и культурного развития. Однако международно-правовые нормы не раскрывают ни четкого субъектного состава бенефициаров данного права, ни механизмов его реализации[775].

Если рассматривать самоопределение коренных народов в контексте международных документов, то возникает ряд конкретных вопросов, на которые ни наукой ни практикой не даны ответы: не предложено четкого определения понятия; не определена степень или пределы самоопределения; не перечислены предпосылки и основания, какими коренные народы могут выразить свое стремление к самоопределению, не определены механизмы самоопределения и ограничения в тех случаях, когда самоопределение напрямую влияет на базовый принцип государственного суверенитета.

По нашему мнению, самоопределение коренных народов не может означать действия «вплоть до отделения» или получения независимости от государства. Коренные народы, в частности, могут реализовывать право на самоопределение в других формах, а именно – отказавшись от какой бы то ни было независимости,

---

[774] Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. Москва, 1996. С. 113.

[775] The Right to Self-determination. Historical and Current Development on the Basis of United Nations Instruments: Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities / Aureliu Cristescu. United Nations. New York, 1981. P. 5.

они могут участвовать в решениях вопросов, влияющих на их жизнедеятельность, в том числе распоряжаться некоторыми вопросами самостоятельно (как в США и Канаде), иметь возможность принятия политических и правовых решений (как в Финляндии), отказываться от экономического патернализма со стороны государства (Аляска)[776].

Более того, с точки зрения самих коренных народов, природа самоопределения, к которой они стремятся, заключается в том, чтобы, продолжая существовать в рамках тех государств, где они находятся сейчас, иметь одну из разнообразных форм автономии, которая позволила бы им развивать свои институты на территории проживания и самим определять свое развитие в соответствии с собственными ценностями[777]. Можно согласиться с Р. Ш. Гариповым, который говорит, что коренными народами может быть реализовано право на самоопределение с учетом суверенитета и территориальной целостности государства[778]. Речь, таким образом, может идти только о внутреннем самоопределении.

Как отмечала американский юрист, иннуит Дали Самбо, «политические, демографические и экономические реалии не указывают на политическую независимость как жизнеспособную возможность для большинства коренных народов»[779]. В этом плане индигенизм отличен от этнонационализма, что постоянно подчеркивается представителями коренных народов[780].

В Декларации ООН «О правах коренных народов» 2007 г. определено, что коренные народы имеют право на самоопределение (ст. 3), одной из форм реализации которого является право на автономию и самоуправление в вопросах,

---

[776] Решетов Ю. А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права, 1994. № 1. С. 3–19.

[777] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 69.

[778] Гарипов Р. Ш. Право коренных народов на самоопределение // Московский журнал международного права. 2010. № 3. С. 21–38.

[779] Sambo D. Indigenous Peoples and the Right to Self-Determination: The Need for Equality: An Indigenous Perspective: Paper presented at the Rights and Democracy International Seminar on the Right to Self-Determination of Indigenous Peoples. New York, 2003. P. 15.

[780] Там же. P. 3.

относящихся к их внутренним и местным делам, включая вопросы культуры, религии, образования, информатизации, средств массовой информации, вопросы здравоохранения, обеспечения жильем, занятости, социального обеспечения, экономической деятельности, использования земель и ресурсов, проблем окружающей среды, а также методы и средства самостоятельного финансирования перечисленных функций (ст. 31).

В Декларации содержится положение о том, что государство должно уважать права коренных народов на внутреннее самоопределение и изыскивать возможности для финансирования деятельности, направленной на достижение и осуществление самоопределения. Кроме того, государство должно заручиться ясно выраженным согласием коренных народов, данным на основании предоставленной им объективной информации, прежде чем предпринимать какие-либо действия, затрагивающие интересы коренных народов.

Как считает В. А. Кряжков, ведущий российский ученый в этой области, «стержневая идея, заключающаяся в том, что признание и гарантированное осуществление всех прав, с одной стороны, производно от права указанных народов на самоопределение, с другой – представляет собой способ его реализации в Российской Федерации. Именно при таком понимании с использованием всего арсенала правовых средств в конечном счете решается гуманистическая задача – сохранение самобытности народов Севера, которая по своему значению столь же важна, как сохранение биологического разнообразия на Земле»[781].

Принцип самоопределения народов – одна из основ российского федеративного устройства (ст. 5 Конституции РФ). Сама по себе Российская Федерация является результатом самоопределившихся в ее границах народов, формирующих самостоятельную общность – многонациональный народ[782], что

---

[781] Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. Москва, 2010. С. 27.

[782] Кряжков В. А. Право народов на самоопределение в Российской Федерации (На примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 98; Нарутто С. В. Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России // Lex Russica. 2018. № 11 (144). С. 85; Михалева Н. А. Конституция 1993 г. — юридическая модель настоящего и будущего России // Lex Russica. 2013. № 9. С. 1308.

нашло отражение и в составе государства, включающего субъекты, образованные по национально-государственному и национально-территориальному принципу, – республики, автономные округа и автономную область.

Конституция РФ по-новому решает также вопрос о территориальных сторонах самоопределения народов. Статья 5 гласит о праве народов на самоопределение в Российской Федерации. Предлог «в» имеет огромное смысловое значение. Народы вправе самоопределяться, избирать в пределах правил Конституции РФ различные формы организации своей жизни, но они в соответствии с конституционными требованиями должны решать их в территориальных границах России.

Анализ норм международного и внутригосударственного права России и национального права зарубежных стран позволяет нам прийти к выводу о том, что индигенное право на самоопределение в границах одного государства может быть реализовано в различных формах автономии. Так, одной из приоритетных форм для Российской Федерации является национально-культурная автономия, подходящая больше, на наш взгляд, дисперсно проживающим этносам[783]. Другой, менее распространенной формой в Российской Федерации, является национально-территориальная автономия, рассчитанная на компактно проживающие этносы. В практике скандинавских стран встречается и такая форма национальной автономии, как корпоративная автономия, когда те или иные этносы образуют на общегосударственном уровне консультативные органы, представляющие их интересы[784].

Необходимо отличать автономии от территорий традиционного природопользования малочисленных народов, образуемых в соответствии с законодательством РФ только с целью создания условий для ведения ими на этих

---

[783] См.: Андриченко Л. В., Белоусова Е. В. Правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации // Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации. Москва, 1995. С. 137–151; Жамсуев Б. Б. Национальная политика современной России: становление и перспективы: автореф. дис. … канд. полит. наук. Москва, 1999. 25 с.; Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 5–15; Хабриева Т. Я. Правовые и организационные основы национально-культурной автономии в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 3–19.

[784] Лукашева Н. В. Правовое положение автономных образований в странах северной Европы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.

территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни. Данные территории могут выделяться в различных субъектах РФ, административно-территориальных единицах и муниципальных образованиях; равно как в границах территорий традиционного природопользования могут быть соответствующие поселения. Иной формой реализации права являются также общины малочисленных народов как формы самоорганизации лиц, относящихся к этим народам и объединяемых по кровнородственному или территориальному признакам, создаваемой в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры[785].

В США идея самоопределения использовалась при определении статуса индейских общин. С 1934 г. по Закону «О реорганизации индейцев»[786] индейская община считалась особой формой самоуправления коренных жителей США. В 1946 г. общины получили еще больше автономии, им также было предоставлено право предъявлять федеральному правительству земельные иски. Условно это положение можно назвать внутренним самоопределением, но под жестким федеральным контролем[787].

Исходя из норм международного и российского конституционного права, мы можем трактовать право коренных народов на самоопределение как политическое право коренных народов участвовать в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы, а также как право иметь определенные полномочия при решении вопросов местного или внутреннего характера.

Диссертант придерживается мнения Ф. Р. Ананидзе от том, что право на самоопределение никоим образом не означает автоматическую сепарацию и создание своего государства и соответственно самоопределение коренных народов в современном мире следует свести к праву на развитие, т.е. решению тех

---

[785] Гарипов Р. Ш. Право коренных народов на самоопределение // Московский журнал международного права. 2010 № 3. С. 21–38.

[786] Indian Reorganization Act. URL: https://www.webpages.uidaho.edu/~rfrey/329indian_reorganization.htm

[787] Гарипов Р. Ш. Право коренных народов на самоопределение // Московский журнал международного права. 2010 № 3. С. 21–38.

социально-экономических, культурно-религиозных и политических проблем, которые стоят перед коренными народами на сегодняшний день[788]. На наш взгляд, «самоопределение» в отношении коренных народов должно трактоваться как право коренных народов самостоятельно определять направления своего развития.

Можно выделить и еще один механизм реализации права на самоопределение, а именно – культурное самоопределение, например, создание этнических музеев, фольклорных и культурных центров; организация учебных заведений, где преподавание ведется на родных языках, используются индигенные знания и медицина. Важными элементами самоопределения являются этнические праздники, почитание священных мест и проведение ритуалов. Культурное самоопределение важно для людей во все времена, но особую значимость оно приобретает для аборигенов в период изменения современного мира[789].

Таким образом, из международно-правового принципа самоопределения вытекает право коренных народов на развитие, в силу которого они свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие. В статье 8 Декларации ООН 2007 г. обозначены два субъекта права человека на развитие – носителя права: индивид и народы. Согласно ч. 1 ст. 1, «право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в … развитии…»[790].

Право народов на развитие, помимо вышеуказанной Декларации, закрепляется в других международных актах. Например, согласно Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005), люди и народы обладают основным правом принимать участие

---

[788] См.: Ананидзе Ф. Р. Международно-правовые проблемы защиты прав коренных народов: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 1996. С. 55.

[789] Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. 392 с.

[790] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

как в экономическом, так и культурном аспектах развития и пользоваться их плодами (ст. 2)[791].

Ученые обращают внимание на то, что «если прежде дискуссии в научных и политических кругах были преимущественно направлены на формулирование понятия и содержание права на развитие, то с 1990-х годов исследования стали большее внимание уделять проблемам реализации и полного осуществления данного права»[792]. В. А. Кряжков, характеризуя современное состояние сегмента законодательства, устанавливающего правовой статус северных народов, определяет его как начальное и не вполне совершенное. Одной из проблем его установления и, соответственно, реализации является «отсутствие ясности в выборе пути развития народов Севера»[793], который до настоящего времени осуществляется государством на основе конструируемой идентичности. Как уже не раз отмечалось в представленной работе, в настоящее время происходит либо консервация архаичного образа жизни, инициируемая государством, либо ассимиляция в доминирующее общество, что не просто вызывает описанные выше социальные, экономические и психологические проблемы, но и в целом препятствует развитию коренных народов в том виде, в каком его понимают на международном правовом и научном уровне.

На наш взгляд, право на развитие может быть реализовано в том случае, если у коренных народов появится возможность стать реальными субъектами, способными влиять на этнополитику и законодательство. В современных условиях в Российской Федерации необходима реализация нового подхода, суть которого должна состоять в субъектно-ориентированной политике в отношении коренных народов Севера, где ключевым механизмом будет учет

---

[791] Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения / Принята 20 октября 2005 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ cultural_expression.shtml.

[792] Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. С. 110.

[793] Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. Москва, 2010. С. 522.

социокультурного потенциала и мнения коренных сообществ в отношении перспектив их развития. К сожалению, в настоящее время российская этнополитика не содержит такого механизма. Но именно такой подход, на наш взгляд, должен быть положен в основу государственной политики. Конечно, субъектно-ориентированный подход не может заменить и должен использоваться в дополнение к объектно-ориентированному, который налагает на государство обязанности по социально-экономической поддержке коренных народов (предоставление земель, создание условий для развития экономики, организация здравоохранения, новые образовательные модели и т.п.)[794].

Представляется, что Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ отражает мировые и национальные ориентиры эффективной реализации права коренных народов на развитие. Напомним, что под «развитием» данный основополагающий документ понимает «устойчивое развитие» коренных народов, а именно «укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений»[795]. Верными являются и провозглашенные Концепцией задачи:

– сохранение исконной среды обитания и традиционного природопользования, необходимых для обеспечения и развития традиционного образа жизни малочисленных народов Севера;

– развитие и модернизация традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера;

– повышение качества жизни малочисленных народов Севера до среднероссийского уровня;

---

[794] Попков Ю. В. Коренные малочисленные народы Севера в глобальном и региональном контексте // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2011. № 9 (447). С. 71–88.

[795] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

– создание условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера;

– повышение доступа к образовательным услугам малочисленных народов Севера с учетом их этнокультурных особенностей;

– содействие развитию общин и других форм самоуправления малочисленных народов Севера;

– сохранение культурного наследия.

С одной стороны, заслуживают поддержки обозначенные в Концепции принципы устойчивого развития коренных народов – от признания гарантий их прав в соответствии с Конституцией РФ до необходимости «оценки культурных, экологических и социальных последствий предлагаемых к реализации проектов и работ в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» и возмещения «ущерба, нанесенного исконной среде обитания, традиционному образу жизни и здоровью малочисленных народов Севера»[796]. С другой стороны, перечисленные задачи при их ближайшем изучении на практике кажутся достаточно устаревшими. На наш взгляд, речь должна идти не просто о сохранении, а о возрождении этнических интересов в обновленном виде в соответствии с нынешними условиями. Так, например, в ходе практических проектов нами были получены новые знания о несоответствии (разрывах) государственной политики по развитию коренных малочисленных народов Севера и представлениями о развитии самих коренных народов[797].

Основным разрывом видится то, что отношения между государством и коренными народами построены с точки зрения протекционизма и покровительства; системы жизненных ценностей доминирующего большинства и коренных народов в некоторой степени различаются, в то же время «голоса»

---

[796] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

[797] Договор на оказание услуг по обеспечению проведения научных исследований по теме: «Разработка механизмов повышения уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера в меняющейся Арктике» (Салехард, 2023 г.)

(т.е. ценности, представления, ожидания, мнения) коренных народов не учитываются при формировании государственных стратегий, норм законодательства и социально-экономических программ. Выше мы уже описывали, что государство гарантирует права коренных народов в основном через компенсационные меры поддержки, в соответствии с собственным «централизованным» видением актуальности и востребованности данных мер.

Очень своевременным и совершенно оправданным в этом контексте является вопрос о необходимости «мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений». Однако из текста Концепции неясно, как именно будет решаться эта важная задача[798].

На наш взгляд, для достижения данной задачи необходимо задействовать потенциал, знания и стремления самих коренных народов и повысить их ответственность за собственное развитие. Здесь может быть полезен опыт США и скандинавских стран, в частности, в вопросах реализации права на развитие.

В частности, значимым является опыт США, где коренные народы (например, на Аляске) активно вовлечены в коммерческую деятельность и рыночные отношения, что произошло во многом благодаря закону 1971 г. и развитию национальных корпораций. Пройдя сложный путь адаптации к рыночным условиям, приобретения новых знаний и компетенций, коренные народы, объединенные в корпорации, стали получать доходы от добычи полезных ископаемых, находящихся на территориях их проживания, а также от инвестиционной деятельности. При этом сохраняется традиционное природопользование и, даже не являясь экономически выгодным, поддерживается и государством, и коренными сообществами, поскольку позволяет сохранить уникальную культуру.

Еще более показательным является опыт финских саамов, населяющих маленький арктический поселок Каутокейно. Их традиционная деятельность направлена на развитие: зарегистрировано 100 предприятий малого бизнеса, многие из которых обслуживают оленеводство. За счет их деятельности

---

[798] Попков Ю. В. Коренные малочисленные народы Севера в глобальном и региональном контексте // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2011. № 9 (447). С. 71–88.

обеспечиваются образовательные, культурные и экономические потребности саамов. Хотя государство строго регламентирует размеры поголовья оленей, что является сдерживающим фактором свободного экономического развития, на уровне скандинавских стран оленеводство регулируется как предпринимательская деятельность. Более того, как уже упоминалось, Саамская конвенция северных стран защищает саамское предпринимательство и природопользование как основу сохранения и развития саамской культуры, а оленеводство не просто пользуется особой поддержкой государства, но и регулируется нормами обычного права[799].

Исходя из направлений практической деятельности в странах происходило и изменение правовых норм, их индигенизация. Как мы уже отмечали, индигенизация конституционных и иных правовых норм представляется оправданной, поскольку в современном мире возрастает значимость индигенных ценностей, мнения и представлений коренных народов. Следовательно, интересным становится опыт по разработке правовых документов, стратегических документов (концепций и стратегий развития), а также государственных программ в США, Канаде, Финляндии с учетом «голосов» коренных народов, которые делают перечисленные выше документы эффективными и обоснованными, а также повышают потенциал развития коренных сообществ[800].

В России же в настоящее время права коренных народов зачастую ограничены условиями ведения ими традиционного образа жизни и использования ресурсов только в «традиционных» целях и «традиционными» способами, что обозначается в базовых нормативных актах, т.е. предписано государственной политикой в отношении коренных народов. «Отход» коренных народов от традиций, ассимиляция, переезд на другие территории может рассматриваться

---

[799] Новикова Н.И. Каутокейно против рудника: почему промышленная компания не получила социальную лицензию? // Этнографическое обозрение. 2022. № 4. С. 66–85.

[800] Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51(7). P. 1086-1095; Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ / К. Куева, Ш. Гистини, Г. Хили [и др.] // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 11–12 ноября 2020 года. Сургут, 2020. С. 343–351.

государством как отказ от этнической идентичности, как следствие, утрата ими особых прав[801]. Следовательно, в настоящее время государственная этническая политика не предусматривает никаких иных стратегий развития, кроме сохранения традиционного образа жизни и хозяйствования.

Как показывают результаты наших исследований, которые были сосредоточены на анализе стратегий и социальных практик, среди представителей коренных малочисленных народов есть другое понимание собственного развития[802]. Особенно это проявляется у молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера, которая более адекватно может отвечать на вызовы глобального общества. С одной стороны, молодые люди ориентированы на современный мир, с другой – они позиционируют себя как представители коренных народов, связанные с традиционным образом жизни, и стремятся к сохранению этих связей. Можно выделить три основные стратегии, позволяющие им поддерживать баланс между традиционным сообществом и современным миром, а также сохранять связь со своей культурой: «стратегия параллельных миров», «стратегия проводника» и «стратегия глобального кочевника»[803].

«Стратегия параллельных миров» подразумевает совмещение современного и традиционного образа жизни. Например, молодые люди могут работать вахтовым методом на добывающих предприятиях, а в свободное от работы время жить в тундре, пасти оленей, заниматься рыбной ловлей и охотой. Как правило, эту стратегию выбирает молодежь, выросшая в тундре, чьи родители продолжают вести традиционный образ жизни.

«Стратегия проводника» предполагает, что молодые люди, получив образование, возвращаются в города или поселки на Севере и ведут уже полностью

---

[801] Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии / отв. ред. Н. И. Новикова. Москва, 2003. 320 с.

[802] Мероприятие № 4 Западно-Сибирского научно-образовательного центра «Человек в Арктике: изучение гуманитарных аспектов комплексного социально-экономического развития арктических территорий Западно-Сибирского региона», 2019-2021.

[803] Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности / С. А. Тулаева, Е. Ф. Гладун, О. В. Захарова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 168–189.

современный образ жизни, но при этом занимаются сохранением культуры и улучшением качества жизни коренного населения. Приоритетными сферами трудоустройства могут стать образовательная, сфера культуры, защиты прав коренного населения и пр. При этом навыки, знания, компетенции, приобретенные во внешнем мире, могут сочетаться с традиционными ценностями и знаниями и использоваться на благо своих сообществ, обеспечивая более прогрессивное развитие.

Третья стратегия, которая обозначена нами как «стратегия глобального кочевника»[804], предполагает активную миграцию молодых людей в другие регионы и страны. Причинами изменения традиционного места жительства и образа жизни становятся экологические и экономические проблемы северных регионов, возможность большей самореализации и профессионального роста, желание увидеть и сравнить жизнь в других местах. При этом данная стратегия также не исключает приверженности к традиционной культуре, знания о которой молодые люди и считают важным распространять в тех местах, куда уедут, а также позволяет посещать места исконного проживания, «малую родину» для сохранения связи с своей землей, семьей, культурой.

Опираясь на данные стратегии, можно сформулировать некоторые рекомендации для публичной власти, которые помогут поддерживать традиции коренных народов и сохранять их связь со своей культурой, но также и адаптироваться к происходящим изменениям. Это позволяет отойти от устаревших идей и представлений, в соответствии с которыми коренные народы неспособны на самоопределение, публичная власть «лучше знает», в чем интересы коренных жителей и определяет траектории их жизнедеятельности[805]. Таким образом может быть обеспечено право коренных народов на развитие. Термин

---

[804] Использование данного термина опирается на работы, посвященные вопросам миграции в глобальном мире (Richards & Wilson 2004), однако для нас важно подчеркнуть связь между исторически присущим кочеванием коренным народам Севера и возможностями смены места жительства в глобальном мире.

[805] Клоков К. Б., Красовская Т. М., Ямсков А. Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных малочисленных народов Российской Арктики. Москва, 2001. 20 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии). Вып. 141.

«развитие» в нашем понимании исключает пассивное потребление материальных благ, создаваемых государством, а предполагает полноправное участие коренных народов в процессе развития, как основной движущей силы в рамках определенных жизненных путей (например, описанных выше).

Развитие в большей степени предполагает именно экономический процесс, который позволяет коренным народам не просто сохранять традиционный образ жизни, но и повышать уровень их материального благополучия, а также степень удовлетворенности своей жизнью. В арктических странах существуют различные модели развития хозяйственной деятельности коренных народов, доказавшие возможность преодоления проблем и вызовов, с которыми сталкиваются коренные народы. Как было показано, даже такая модель патернализма, как «экономический патернализм», который, с одной стороны, направлен на обеспечение более высокого уровня жизни через поддержку традиционных видов хозяйствования, с другой стороны, порождает материальную зависимость, так называемое этносоциальное иждивенчество и не предполагает возможности принятия собственных решений о развитии. Государство пытается использовать экономические стимулы для того, чтобы поощрять определенные виды хозяйственной деятельности или модели поведения коренных народов, которые иногда входят в противоречие с традиционными представлениями оленеводов-кочевников, не подкреплены соответствующей рыночной инфраструктурой, не позволяют использовать стратегии развития, которые приоритетны в современном мире [806].

На Аляске предоставление земель и ресурсов недр в собственность коренных народов стало мощным стимулом для их включения в рыночную экономику[807]. Другой пример экономической модели представляет Финляндия, где традиционный вид хозяйственной деятельности саамов – оленеводство – был

---

[806] Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). 11–41.

[807] Alaska Federation of Natives. 2019. Alaska, USA: Official Website. URL: https://www.nativefederation.org/ alaska-native-peoples.

успешно вписан в рыночные отношения и является экономически прибыльным видом хозяйственной деятельности[808]. Хорошо развитый туризм обеспечивает рынок сбыта для продукции саамов и, таким образом, создает условия для успешного функционирования саамской экономики в рыночном формате. Более того, оленеводство получило распространение и среди несаамского населения Финляндии. Уровень благосостояния саамов не отличается от уровня благосостояния других жителей Финляндии. Помимо экономической значимости, оленеводство вносит вклад в поддержку этнической идентичности и позволяет сохранить культурные традиции саамов[809].

Исследования экономики коренных народов доказывают, что развитие рыночных отношений в сфере традиционной хозяйственной деятельности коренных народов не обязательно исключает культурные традиции, самобытность и иные уникальные особенности коренных сообществ. С одной стороны, традиционная экономика связана с сохранением национальной и культурной идентичности коренных народов и обусловлена социокультурными особенностями их жизни. С другой стороны, встраивание коренных малочисленных народов в рыночные отношения позволяет повышать уровень жизни, социально-экономическое благополучие и обеспечивает включенность коренных народов в современные социальные и политические процессы, равно как и возможность передавать традиционные знания от поколения к поколению[810]. Конституирующими элементами экономики коренных народов, рассмотренных в начале работы, являются тесная связь с окружающей природой, опора на традиционные знания и представления, обращение к элементам традиционной культуры, особенности социальных отношений. Но происходящие трансформации неизбежно будут влиять на изменения социальных и экономических процессов, и задачей

---

808 Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land. Muenster, 2005. 42 p.

809 Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. 2022. № 23 (3). 11–41.

810 Tulaeva S., Nysten-Haarala S. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements // Resources. 2019. № 8 (2). P. 86.

индигенного развития является поиск баланса между основными направлениями хозяйственной деятельности коренных народов и реализацией их этнических интересов.

В современных видах экономической деятельности коренных народов также могут сохраняться элементы традиционной культуры, например, развитие этнотуризма и производство сувениров можно отнести к успешным примерам этнического предпринимательства[811]. Оно основывается на совокупности традиционных навыков и знаний с современными методами ведения бизнеса, а также позволяет репрезентовать культуру коренных народов внешним акторам (Н. И. Новикова). Например, в Финляндии успешность развития экономики саамов тесно связана с развитием туристического рынка, благодаря которому они реализуют часть своей продукции. Культура саамов часто используется в туристических целях. Можно говорить о том, что именно туризм определяет рыночный формат экономики саамов. Это положительно влияет на увеличение привлекательности территории, обеспечивая ежегодный приток туристов и возможности заработка и предпринимательства для саамов. Попытка «вписать» элементы традиционной культуры в рыночные отношения позволяет сохранить то, что уже становится частью истории. Подобные процессы происходят и в других странах.

Можно отметить, что законодательство некоторых субъектов Российской Федерации восполняет пробел федерального законодательства и закрепляет более расширенный перечень прав коренных народов, включая и право на развитие, в том числе и экономическое. Так, Закон Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» в ст. 7 устанавливает социально-политические права коренных малочисленных народов, а именно право на свободное определение своего социального, экономического

[811] См., например: Новикова Н. И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов севера Сахалина // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. № 16 (3 (36)). С. 127–140; Логинов В. Г., Игнатьева М. Н., Балашенко В. В. Развитие предпринимательской деятельности коренных этносов как фактора сохранения традиционной экономики в условиях промышленного освоения Севера // Экономика региона. 2019. № 15 (3). С. 763–779.

и культурного развития. Более того, Закон гарантирует создание необходимых условий для сохранения национальной культуры, экономического, политического и социального развития (ст. 3), в частности, через государственные программы возрождения, сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера, иные финансовые инструменты. Как следует из гл. 4 указанного закона, социально-экономическое развитие может быть обеспечено через права коренных народов на владение, пользование землей и другими природными ресурсами на территориях их традиционного проживания; создание территорий традиционного природопользования; развитие социальной инфраструктуры; организации системы образования, национального воспитания и этнопедагогики; развитие национальной культуры и организацию медицинского обслуживания[812]. Высокой оценки заслуживают нормы регионального закона, направленные на обеспечение органами государственной власти Республики Саха (Якутия) необходимых условий для развития оленеводства, охоты, рыболовства, отгонного животноводства и других традиционных для коренных народов видов хозяйственной деятельности и промыслов с применением прогрессивных форм и методов хозяйствования.

Таким образом, учитывая ориентиры стратегических документов Российской Федерации, готовность коренных сообществ России к трансформации своего образа жизни и хозяйственной деятельности, позитивный опыт таких трансформаций, произошедших в зарубежных странах, предлагается обновить перечень основных прав, предоставляемых коренным народам в Российской Федерации, в том числе зафиксировать, что коренные народы, объединения коренных народов в целях реализации своих этнических интересов имеют право:

– на существование;
– этническую самоидентификацию;
– культурную самобытность;
– сохранение и развитие традиционной культуры;

[812] Закон Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» // Якутские ведомости. 2005. 4 мая. № 20.

– сохранение традиционных видов социальной организации и ведение традиционного образа жизни в семье и общине;

– свободное определение своего социального, экономического и культурного развития;

– осуществление традиционной и/или иных видов экономической деятельности, в том числе с использованием современных технологий;

– политическое представительство в органах публичной власти;

– принятие участия в управлении делами государства в отношении вопросов, касающихся их жизнедеятельности;

– создание национально-культурных автономий;

– защиту от климатических изменений.

Полагаем, что реализация данных прав позволит коренным народам сохранять свою индигенность и в то же время осваивать возможности современного общества.

Под правом на самоопределение предлагается понимать политическое право коренных народов участвовать в процессе выработки решений, затрагивающих их интересы, а также закрепление определенных полномочий на решение вопросов местного или внутреннего характера. Право на развитие может трактоваться как право самостоятельно определять направления своего развития, реализовывать выбранные стратегии развития, не лишаясь при этом своего особого конституционно-правового статуса.

В процессе реализации предоставляемых прав и в соответствии с собственными интересами представители коренных сообществ могут придерживаться одной из стратегий современного развития, которые также целесообразно поддерживать со стороны государства и внедрять в качестве направлений развития в программные и стратегические документы («стратегия параллельных миров», «стратегия проводника» и «стратегия глобального кочевника»).

4.2. Формы участия коренных народов в делах государства, направленных на их конституционно-правовое развитие

Учитывая, что в предыдущих частях нашей работы обосновывалась необходимость совершенствования системы правовых норм для обеспечения конституционно-правового развития коренных народов, предлагается в данном параграфе рассмотреть некоторые формы участия самих коренных народов в управлении собственным развитием. При этом формы и инструменты участия не должны быть формальными, а становиться реально применимыми на практике, внедряться в повседневное регулирование жизнедеятельности коренных народов и отражать их ожидания, интересы и возможности[813].

Участие коренных народов в принятии решений по поводу их развития формулируется в международных документах как ключевое право данных народов. В частности, Декларация ООН 2007 г. провозглашая право данных народов на самоопределение и увязывая его с автономией или самоуправлением в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, гарантирует коренным народам право на участие в принятии решений, затрагивающих их права (ст. 3, 4, 18). При этом устанавливается, что государства добросовестно консультируются и сотрудничают с заинтересованными коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их полным, предварительным и осознанным согласием, прежде чем принимать и осуществлять законодательные или административные меры, которые могут их затронуть (ст. 19 Декларации)[814]. Названное положение последовательно воспроизводится и конкретизируется в контексте различных отношений, в том числе связанных с принятием решений, затрагивающих земельные, территориальные,

---

[813] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 104–106.

[814] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtm.

природоресурсные и экологические права коренных народов, а также их права в сфере культуры и культурного наследия, образования и воспитания детей и т.д. (ст. 10, 11, 12, 15, 17, 22, 23, 27, 28, 29, 30, 32, 36, 37, 38)[815].

Частое упоминание в научном конституционно-правовом и политическом дискурсе института «участие в делах государства» делают его весьма привлекательным для исследователей.

Конституционно-правовой институт «участие в делах государства» является достаточно сложным, включает в себя такие элементы, как: «дела государства»; «управление делами государства»; «участие в управлении», каждый из которых требует отдельного рассмотрения. Это было сделано в ряде работ, в том числе в коллективных монографиях «Гражданин и власть»[816], «Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС»[817], соавтором которых являлся диссертант. В данном же параграфе институт участия в делах государства будет рассмотрен в другом ракурсе, а именно – возможности и проблемы участия со стороны коренных народов арктических стран.

В политико-правовых исследованиях следует выделить западную и российскую интерпретацию института «участие в делах государства». В западной, в наиболее широком смысле, участие характеризуется как «ситуативная практика», реализуемая в рамках определенного территориального и социального пространства с присущими политическими, социальными, культурными и историческими особенностями[818].

В России институт участия в делах государства следует понимать как гарантированную Конституцией возможность граждан участвовать

---

[815] Кряжков В. А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления // Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности: от родовых общин к парламенту Ямала. Екатеринбург, Салехард, 2013. С. 74–86.

[816] Гражданин и власть: монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.]. Тюмень, 2023. 419 с.

[817] Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС: монография / под ред. Е. Ф. Гладун, Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2019. 288 с.

[818] Cornwall A. Locating citizen participation // IDS Bulletin. 2002. № 33 (2). P. 49–58; См. также: Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС: монография / под ред. Е. Ф. Гладун, Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2019. С. 17.

в управлении делами государства как непосредственно, так и через органы законодательной, исполнительной и судебной власти, а также самостоятельно осуществлять местное самоуправление[819]. Как верно отметил Е. И. Колюшин, закрепление конституционного права на участие в управлении делами государства в самом общем виде «дает большие возможности как для наполнения его весьма широким содержанием, так и для выхолащивания этого содержания, превращения в декларацию»[820]. Весьма широким содержанием наполняет это право, применительно к его реализации в непосредственной форме, В. В. Пылин[821]. В рамках права на участие в управлении делами государства он объединяет практически все политические права, дающие гражданам возможность осуществления политического участия непосредственно в той или иной форме[822].

Российская модель конституционного закрепления участия граждан в управлении делами государства имеет свои сущностные черты. Право на участие в управлении делами государства производно от права народа на власть (народовластие, диктатуру народа), традиционно относится к политическим правам, а его обладателями являются исключительно граждане государства. По мнению Б. С. Эбзеева, можно разграничить «права, обеспечивающие непосредственное участие в управлении государственными и общественными делами… и права, опосредованно обеспечивающие такое участие…»[823]. В свою очередь, М. А. Липчанская отмечает, что права, связанные с участием граждан в управлении делами государства, при своей реализации оказывают двойственное воздействие: с одной стороны позволяют удовлетворять собственные потребности гражданина, с другой – оказывают своего рода социальный эффект,

---

819 Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. Москва, 2015. Т. 2. 528 с.

820 Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России. Курс лекций. Москва, 1999. С. 141.

821 См.: Пылин В. В. Избирательное и референдумное право Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2003. С. 42–43.

822 Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС: монография / под ред. Е. Ф. Гладун, Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2019. 288 с.

823 Эбзеев Б. С. Советское государство и права человека: конституционное вопросы / под ред. И. Е. Фарбера. Саратов, 1986. С. 61.

заключающийся в наступлении изменений, с большей или меньшей степенью значимости для социума в целом[824]. На рубеже 20–30-х годов XXI в. меняются формы взаимодействия органов публичной власти и коренных народов, осложненные сменой поколений и технологических укладов, а также подверженные политическому, экономическому влиянию, новым государственным ориентирам и стратегиям. Следовательно, органам публичной власти необходимо учитывать растущие вызовы, обеспечивать скоординированность федеральной и региональной политики; соизмерять экологические, социально-экономические и техногенные риски при принятии решений о направлениях развития коренных народов.

В западной политологии идеи общественного участия активно разрабатываются в контексте концепции «демократия участия» и таких ее видах как «партисипаторная» демократия (лат. *participate* – участвовать) и «делиберативная» (совещательная) демократия (лат. *deliberatio* – размышление, англ. *deliberate* – советоваться, совместно рассматривать). В самом общем плане партисипация может быть определена как «всякая добровольная активность, направленная на то, чтобы влиять, прямо или косвенно, на политический выбор на различных уровнях политической системы»[825], делиберативную демократию наиболее кратко определяют как «честное и открытое обдумывание сообществом достоинств конкурирующих политических аргументов»[826]. При этом демократия участия включает методы управления, присущие совещательной демократии, что позволяет говорить о приоритетности исследования именно партисипаторной демократии как наиболее перспективного способа трансформирования институтов представительной демократии[827]. Идеи партисипаторной демократии возникают

---

[824] Липчанская М. А. Участие граждан в управлении делами государства: современные тенденции через призму научных трудов И. Е. Фарбера // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 218–220.

[825] Kaase M., Marsh A. Political Action Repertory // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies / Ed. by Barnes S., Kaase M. Beverly Hills, London, 1979. P. 153–155.

[826] Бессет Д. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти. Москва, 2011. 336 с.

[827] Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС: монография / под ред. Е. Ф. Гладун, Г. Н. Чеботарева. Тюмень, 2019. 288 с.

как альтернатива традиционной модели демократии. Хотя она и включает широкий перечень методов управления, но ее основной целью является легитимация решений и действий органов публичной власти путем создания процедур, которые позволяют каждому индивиду принять участие в их выработке, реализации и контроле за их результативностью.

Согласно толковому словарю английского языка партисипаторная демократия (англ. *participatory democracy*) – это прямое участие индивидов в принятии политических решений путем прямых действий без посредничества выборных представителей[828]. В соответствии с Оксфордским справочником демократия участия является реинкарнацией древнегреческого идеала народовластия, т.е. прямой демократией, где все граждане активно вовлечены в процесс принятия наиболее важных решений[829].

В отдельных работах партисипаторная демократия и участие граждан в управленческом процессе рассматриваются в контексте политологических (А. А. Дегтярев, Г. А. Криворотова, В. В. Посконин, О. В. Посконина) и социологических (А. С. Перезолова, А. В. Фроловичев) исследований. В отечественной политологической науке вопросы изучения политического управления всегда занимали видное место в спектре исследований. Изучение партисипативных отношений в политическом управлении еще только начинается (1990–2000-е гг.), что сопряжено, в частности, и с «общественным заказом» на разработки в данной сфере, и с очевидной потребностью в совершенствовании системы управления, развитии институтов гражданского общества. Следует отметить работы таких исследователей различных социо-гуманитарных направлений, как А. В. Бузгалин, М. Н. Грачев и некоторые другие.

В российской правовой литературе практически не описаны формы партисипативного участия коренных народов в управлении делами государства, в то время как в западной литературе данный подход описывается и, более того,

---

828 Oxford Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/participatory_democracy.

829 Oxford Reference. URL: http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803100308454.

используется уже более 30 лет (Т. Койвурова (T. Koivurova), Л. Хейнэмэки (L. Heinämäki); М. Колчестер (M. Colchester, М. Пото (M. Poto), Э. Ринк (E. Rink))[830].

Задача арктических государств, где интенсивное промышленное освоение ведется на территориях традиционного проживания коренных народов, – сформировать взвешенный, разумный подход к поддержанию баланса между ускоренным промышленным развитием арктических территорий и созданием возможностей для развития населения, исторически проживавшего на этих территориях. Решая эту задачу, арктические государства (в том числе Канада, США, Финляндия и Россия) разрабатывают арктические стратегии и изменяют свои национальные конституции и законодательство. Тем самым в основных государственных документах признаются и гарантируются права коренных народов, одно из которых – право на участие в обсуждении планов по развитию Арктики, способов ее освоения и охраны совместно с государством.

Для реализации этой задачи взаимодействие институтов и органов публичной власти и коренных малочисленных народов может быть организовано с помощью партисипативных инструментов, которые будут способствовать обсуждению как взаимных, так и несовпадающих интересов, благоприятных правовых режимов, а также принятию и реализации эффективных правовых решений.

Проблемы участия в управлении делами государства коренных народов Аляски и Севера Канады начали рассматриваться еще в середине прошлого века в процессе удовлетворения территориальных требований. Как правило, процедуры участия в управлении подробно описывались в договорах, целью которых являлось разделение ответственности за использование ресурсов, предоставление коренным народам социальных и экономических выгод от использования ресурсов,

---

[830] Koivurova T, Heinämäki L. The participation of indigenous peoples in international norm-making in the Arctic // Polar Record. 2006. № 42 (2). С. 101–109; Colchester M. Beyond participation: Indigenous peoples, biodiversity, conservation and protected area management // Unasylva. 1996. Issue 4; Poto M. Participatory engagement and the empowerment of the Arctic Indigenous Peoples // Environmental Law Review. 2017. № 19 (1). P. 30–47.

находящихся на землях их исконного проживания[831]. При этом создавались институты – специализированные советы совместного управления.

В США, например, участие коренных народов в управлении делами государства (в сфере природопользования) стало обязательным более чем 20 лет назад. Существует целый ряд норм, устанавливающих конкретные партисипативные инструменты, которые, прежде всего, регулируются в национальной арктической стратегии. В мае 2013 г. Президент Соединенных Штатов Америки подписал Национальную стратегию для Арктического региона, в которой изложены стратегические приоритеты правительства США в отношении Арктики, включая ответственное управление Арктическим регионом и вовлечение коренного населения в управление[832]. Круг вопросов для совместного принятия решений в основном включает управление природными ресурсами (охоты и рыболовства, недро- и лесопользования, охраны и мониторинга окружающей среды на конкретных территориях).

Арктическая стратегия Канады 2017 г. содержит нормы об обязательном включении представителей коренных народов в процесс принятия решений. Арктическая политика страны предоставляет возможность не только учитывать интересы коренных народов, но и активно участвовать в диалоге с органами государственной власти и в процессе согласования правовых норм, которые будут влиять на их жизнедеятельность при освоении исконных земель[833]. В Канаде также развивается законодательство, регулирующее инструменты взаимодействия государства и коренного населения на Севере: конференции, объединяющие все уровни власти, конституционные совещания, двусторонние и многосторонние переговоры, включающие представителей коренных малочисленных народов. В результате проводимых мероприятий подписываются различные соглашения,

---

[831] Максимов А. А. Права коренных народов Севера на землю и природные ресурсы: Эффективное использование и совместное управление. Москва, 2005. 89 с. (Библиотека коренных народов Севера. Вып. 3.).

[832] National Strategy for the Arctic Region. The White House. Washington DC, 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf

[833] Arctic and Norther Policy Framework // Government of Canada. URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587.

тем самым реализуются права коренных народов на участие в управлении делами государства.

В законодательстве Российской Федерации имеются некоторые нормы, предоставляющие коренным народам Севера право участвовать в принятии решений в отношении территорий своего проживания, в том числе арктических. Так, Конституция РФ гарантирует право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, осуществлять местное самоуправление. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», конкретизируя данные положения, закрепляет право малочисленных народов участвовать через своих уполномоченных представителей в подготовке и принятии органами государственной власти и местного самоуправления решений по вопросам защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов. В то же время отсутствует гарантированное представительство коренных народов в законодательных органах и органах местного самоуправления. Система органов государственной власти и местного самоуправления построена таким образом, что большинство коренного населения, проживающего на северных территориях, по объективным причинам не имеет реальной возможности взаимодействовать с властью и участвовать в управлении. Тем не менее анализ регионального законодательства показывает, что в ряде субъектов Российской Федерации созданы возможности участия коренных народов в государственных решениях. Субъекты Российской Федерации не оставляют без внимания вопросы привлечения коренных народов и их объединений к управлению делами государства. Например, в Законе Республики Саха (Якутия) «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера»[834] устанавливается четкое требование о том, что предприятия и организации на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов могут функционировать только в соответствии с государственными программами освоения природных ресурсов

[834] Ст. 18 Закона Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. З № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» // Якутские ведомости. 2005. 4 мая. № 20.

и охраны окружающей природной среды, с учетом интересов коренных малочисленных народов Севера и при обязательных предварительных экологической и этнологической экспертизах. Еще одним инструментом участия в управлении можно назвать государственные программы освоения природных ресурсов и охраны окружающей природной среды на территориях традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), которые разрабатываются соответствующими органами исполнительной власти при участии органов местного самоуправления, общины или уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера. Закон также предусматривает заключение договоров между предприятиями, организациями и органами местного самоуправления, общинами коренных народов в том случае, если промышленное освоение территорий затрагивает интересы коренных народов.

Однако полагаем, что имеющиеся в настоящее время возможности в данном отношении используются не в полной мере, избирательно, без должной системности. Следовательно, вовлечение коренных народов в управление делами государства и в процесс совместного принятия решений осуществляется фрагментарно, не на постоянной основе.

Одной из форм участия коренных народов в управлении является процедура «свободного предварительного и осознанного согласия коренных народов» (далее – СПОС), которая основывается на одноименном принципе, закрепленном в ст. 10, 11, 19, 28, 30, 32 Декларации ООН о правах коренных народов[835].

Ученые считают, что принцип свободного, предварительного и осознанного согласия на ведение хозяйственной и иной деятельности, затрагивающей индигенные интересы, а также вытекающие из него более частные (включая специальные) права и реализующие их процедуры, является одним из важнейших принципов, обеспечивающих реализацию права коренных народов на развитие,

[835] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml.

и имеет важное практическое значение[836]. При этом под «свободным» следует подразумевать отсутствие принуждения, запугивания или манипулирования, под «предварительным» – запрашиваемое достаточно заблаговременно согласие на получение разрешения или на начало работы и выполнение соответствующих требований по процессам консультаций с коренными народами. Под «осознанным» следует понимать заранее предоставленную информацию по целому ряду аспектов: характер, масштабы, темпы, риски, цель проекта; сроки, место осуществления; предварительная оценка вероятных экономических, социальных, культурных и экологических последствий; возможные процедуры, связанные с их осуществлением[837]. В Рекомендации № 104 установлен перечень вопросов, по которым консультации являются обязательными. Это, в частности, разработка и принятие нормативных актов, затрагивающих права коренных народов; проекты, затрагивающие право коренных народов на земли, территории или природные ресурсы, включая добычу полезных ископаемых; переселение коренных народов; хранение или утилизация опасных материалов на территориях проживания коренных народов[838].

В международных документах, в частности, в Конвенции Международной организации труда № 169 от 27 июня 1989 г. используется такая формулировка: «свободное и сознательное согласие» как условие перемещения коренных народов (ст. 16, п. 2)[839], в Декларации 2007 г. иная – «свободное, предварительное и осознанное согласие», которое затрагивается в нескольких статьях:

1) в связи с перемещением коренных народов с их земель и территорий (ст. 10);

---

[836] Паршин П. Б. Взаимодействие коренных народов с окружающим миром: принцип свободного, предварительного и осознанного согласия // Международная аналитика. 2019. № 1–2. С. 114–128.

[837] Там же.

[838] R104 – Indigenous and Tribal Populations Recommendation, 1957. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312442.

[839] Конвенция № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах. Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

2) правовой защитой в случае отчуждения их культурной, интеллектуальной, религиозной или культовой собственности (ст. 11, пункт 2);

3) принятием или осуществлением законодательных или административных мер, которые могут затрагивать коренные народы (ст. 19);

4) правом на возмещение в виде компенсации за земли или ресурсы, изъятые в прошлом без их согласия (ст. 28, п. 1);

5) хранением на их территориях опасных материалов (ст. 29, п. 2);

6) утверждением любого проекта, затрагивающего их земли или территории и другие ресурсы (ст. 32, п. 2)[840].

Российское законодательство не закрепляет принцип свободного предварительного и осознанного согласия и не регулирует методологию и процедуру его применения, но нельзя сказать, что он не используется – в законодательстве РФ имеется его фрагментарное закрепление. В частности, отдельные положения СПОС содержатся в Земельном кодексе (ст. 39. 14)[841]. Необходимость участия представителей и объединений коренных малочисленных народов в принятии решений по вопросам, затрагивающим их права и интересы, обозначена в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (2009)[842]. Кроме того, Федеральный закон № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»[843] создает определенные, хотя и ограниченные возможности, в частности, при закреплении прав коренных народов на землю. Как особые формы СПОС могут быть рассмотрены некоторые виды консультаций, возможность заключения соглашений между коренными народами и органами государственной власти.

---

[840] Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

[841] Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[842] Распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 876.

[843] Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

В зарубежных государствах принцип свободного предварительного и осознанного согласия достаточно полно урегулирован в специальном законодательстве. Например, в США определен перечень видов деятельности, для реализации которой требуется получение согласия от проживающих на затрагиваемых территориях коренных сообществ, в особенности если планируемая деятельность воздействует на священные места, иные объекты культурного наследия. Существуют административные регламенты, в которых прописана процедура СПОС, причем их разработка проводилась совместно с представителями коренных народов[844]. В качестве наиболее распространенных форм обсуждения деятельности и получения согласия служат круглые столы, конференции, на которые выносятся многие вопросы планируемого проекта и взаимодействия коренных народов с промышленными компаниями в процессе его реализации. В Канаде обязанность проводить консультации с коренными народами включена в компетенцию всех федеральных органов государственной власти и была подтверждена Верховным судом в ряде судебных решений[845]. Для эффективного взаимодействия органов публичной власти с коренными народами с 2008 г. Управление по связям с коренными народами и делам Севера Канады разрабатывает рекомендации, организует обучение и внедряет другие инструменты реализации СПОС[846].

При этом консультации проводятся способами, приемлемыми с точки зрения традиционной культуры и позволяющими коренным народам свободно и полно выражать свои мнения и предпочтения. Рекомендуется соблюдать обязательные принципы взаимодействия сторон, а именно: информирование общин, консультации и обмен мнениями и информацией, создание

---

[844] Statement and Guidelines on Free, Prior, Informed Consent. URL: https://www.fws.gov/sites/default/files/documents/2024-04/dic-guidelines-on-free-prior-and-informed-consent_508-compliant.pdf.

[845] Haida Nation v. British Columbia (Minister of Forests, 2003); Taku River Tlingit First Nation v. British Columbia (Project Assessment Director, 2004); Mikisew Cree First Nation v. Canada (Minister of Canadian Heritage, 2005); Beckman v. Little Salmon (Carmacks First Nation, 2010); Rio Tinto Alcan Inc. v. Carrier Sekani (Tribal Council, 2010).

[846] Government of Canada and the duty to consult / Government of Canada. Official website // URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1331832510888/1609421255810

консультативных структур, осуществляющих совместное принятие решений, контроль за их выполнением, мониторинг деятельности заинтересованных сторон, обеспечение отчетности.

В России примеры проведения подобных консультаций очень эпизодичны и их вклад до конца не оценен. Например, в 2007–2008 гг. в нескольких субъектах РФ проводился демонстрационный проект «Экологический ко-менеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера», который являлся частью проекта «Российская Федерация – Поддержка Национального плана действий по защите арктической морской среды», реализованного Международным фондом развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Батани» при участии Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также зарубежного партнера UNEP/GRID-Arendal[847]. Основными целями данного Демонстрационного проекта, который реализован в трех регионах – Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах и Республике Саха (Якутия), являлись:

– создание условий для совместного управления охраной окружающей среды органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, ресурсодобывающими компаниями и коренными народами Севера в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности этих народов;

– разработка административных, экономических, финансовых и социальных механизмов экологического соуправления путем создания, например, координационных советов или других структур, которые могли бы служить форумом для идентификации и разрешения потенциальных конфликтов между коренным населением, промышленными компаниями, органами исполнительной власти и местного самоуправления и другими заинтересованными сторонами.

[847] Проект НПД-Арктика. URL: https://archive.iwlearn.org/npa-arctic.iwlearn.org/rus/pins_ru.html.

Результатом проекта стало описание основных мероприятий, методик и рекомендаций по названным выше проблемам[848]. Существенным недостатком таких проектов в России является то, что в них обычно принимают участие антропологи, реже – юристы, которые занимаются проблемами аборигенов.

В отсутствие конкретных механизмов применения на практике СПОС консультации и иные процедуры его реализации используются крайне фрагментарно. Компания «Норникель» является первой в российской Арктике, которая осуществила процедуру получения свободного, предварительного и осознанного согласия на участие в программе переселения коренных жителей поселка Тухард из санитарно-защитной зоны, а также продолжила его дальнейшее развитие. Санитарно-жилищные условия не соответствовали нормативам, закрепленным в законодательстве Российской Федерации, в связи с чем компанией было предложено рассмотреть вопрос строительства нового поселка и переселения в него коренных жителей. Жители Тухарда дали согласие на участие в процедуре СПОС на определенных ими условиях – принятия решения о переселении, выбора места расположения нового поселка, определения его социальной инфраструктуры, выбора лучших архитектурных проектов в ходе архитектурного конкурса, а также участия во всех этапах реализации программы переселения посредством избранного Совета представителей коренных народов[849]. Процедура СПОС проходила в полном уважении к культуре и собственным системам принятия решений коренного народа, проживающего в Тухарде, – ненцев, кроме того, к трехэтапному обсуждению проекта привлекались международные эксперты по правам коренных народов, которые приезжали в Тухард, рассказывали о правах и возможностях данной процедуры[850].

---

[848] Демонстрационный проект «Экологический соменеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера»: отчет. Москва, 2009. С. 136.

[849] Отчет об устойчивом развитии 2022 Отчет по правам человека / ПАО «ГМК «Норильский никель» // URL: https://www.nornickel.ru/upload/files/ru/investors/reports-and-results/annual-reports/nn_human_rights_rus.pdf

[850] Таймырский телеграф. 10 мая 2023 г. URL: https://ttelegraf.ru/news/horoshie-kvartiry-vse-predusmotreno-zhiteli-tuharda-oczenili-genplan-novogo-poselka/

К сожалению, приведенные единичные примеры не создают распространенной практики и унифицированной процедуры применения СПОС в арктических регионах России. Поэтому неопределенными остаются многие вопросы, в частности, требования к уполномоченным лицам, которые могут участвовать в процедуре и проводить консультации с субъектами деятельности, связанной с направлениями, для которых необходимо СПОС. Актуальным также являются вопросы сроков проведения процедуры, способов получения согласия и взаимодействия представителей с органами публичной власти и природопользователями и иные[851].

До сих пор не определен порядок предоставления информации о проектах, а также вовлечения экспертов и определения компетентности лиц, участвующих в деятельности, осуществляемой на основе принципа СПОС. Достаточно важно определить инструменты, с помощью которых коренные народы могли бы защитить свои права в случае несоблюдения принципа добровольного, предварительного и осознанного согласия.

Российские ученые справедливо полагают, что встраивание процедуры СПОС в механизмы защиты прав коренных народов обладает высоким правозащитным потенциалом, способствует принятию решений, учитывающих интересы коренных народов в проектах, имеющих явное значительное влияние на коренные народы и среду их проживания. СПОС может иметь также мобилизационный и интегрирующий потенциал, что отвечает задачам, поставленным в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации[852].

Полагаем, что требования об обязательности применения такой формы участия в делах государства, как СПОС и регламент ее проведения должны быть

---

[851] Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. 392 с.

[852] Руденко В. В. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России // Вестник Сургутского государственного университета. Сургут, 2021. № 1 (31). С. 101–107.

включены в базовый закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации». Это позволит повысить эффективность реализации прав коренных народов, включая и новые предлагаемые нами права.

Еще одной формой, реализующей функцию согласования интересов государства, коренных малочисленных народов, промышленных компаний и «некоренных» жителей арктических территорий, вполне объективно называют этнологическую экспертизу.

Впервые о необходимости этнологической экспертизы заговорили еще в 1990-х гг., когда вместе со стремительным развитием промышленности начало расти и количество выявленных серьезных нарушений, а ущерб, нанесенный местной экосистеме и традиционным занятиям коренных малочисленных народов, невозможно было определить. Этнологическая экспертиза должна стать той формой участия, которая позволяла бы учитывать этнокультурные потребности и интересы как коренных малочисленных народов, так и органов государственной власти, а также и хозяйствующих субъектов, планирующих или осуществляющих свою деятельность.

В последнее время обсуждение вопросов, связанных с этнологической экспертизой, приобретает новое звучание. В октябре 2016 г. Президент Российской Федерации определил пять поручений в области межнациональных отношений, одно из которых касается юридического оформления процедуры этнологической экспертизы[853]. После экологической катастрофы на Таймыре (в мае 2020 г.) вопрос принятия закона об этнологической экспертизе на федеральном уровне стал особенно актуальным. Этому способствовал проект «Этнологическая экспертиза на Таймыре» (2021–2022 гг.)[854], который имел две цели: (1) научно-практическую оценку проблемной ситуации (аварийный разлив дизельного топлива), несущей

---

[853] Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям (31 октября 2016 г.) / Опубликован в разделе: Поручения Президента 4 декабря 2016 года. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412

[854] Дюкарев Г.И. Мы на этапе создания правил проживания в Арктике // Таймырский телеграф. 14 мая 2021 г. URL: https://www.ttelegraf.ru/news/grigorij-dyukarev-my-na-etape-sozdaniya-pravil-prozhivaniya-v-arktike/

в себе риски для местных этнических сообществ; (2) разработку на ее основе обобщенной концепции для подготовки общего регламента этнологической экспертизы в России. Идея проекта принадлежала руководителям Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, пригласившим к участию несколько экспертных групп, а также представителей компании «Норникель» для аккумуляции опыта и создания платформы для выработки проекта Федерального закона «Об этнологической экспертизе». Для проекта были привлечены группы исследователей, выполнявшие полевые и камеральные работы, в том числе «Проектный офис развития Арктики», Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Тюменский государственный университет, Научно-производственная компания «СеверПроект».

Данные практические проекты доказали, что проведение этнологической экспертизы станет эффективным лишь в том случае, если оно будет включать совместную работу экспертов различных областей знаний и представителей коренных этносов. Само исследование – это системная работа с использованием междисциплинарного подхода, включающего антропологические, социально-психологические, правовые и иные методы. Этнологическая экспертиза должна обязательно осуществляться с непосредственным участием коренных народов (с использованием местных языков, предоставлением раздаточного материала, размещением информации о проекте в общедоступных местах: библиотеках, клубах, средствах массовой информации, предоставлением достаточного времени для изучения, выбора подходящей обстановки и времени проведения консультаций, способов принятия решений и т.п.). В процессе проведения консультаций каждый представитель коренных народов должен иметь возможность выразить свое мнение по планируемому проекту. При согласовании учитывается весь спектр интересов и потребностей народов Севера. Недопустимо употребление каких-либо ситуаций, в отношении которых есть запреты, ограничения в соответствии с традициями, верованиями коренных народов.

Значимость этнологической экспертизы отмечают и лидеры коренных народов Севера: «Условия жизни народов в разных регионах России очень разнообразны. Природные условия Дальнего Востока, Южной Сибири, Арктики заставили их обитателей веками вырабатывать свои способы существования в экстремальных условиях. Усредненный подход здесь противопоказан»[855], – подчеркивает Г. П Ледков, российский политик и общественный деятель, член Совета Федерации Федерального Собрания РФ – представитель от Заксобрания Ямало-Ненецкого автономного округа, член Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Г. П. Ледков считает, что в закон необходимо включить положение о том, что в состав экспертов должны входить сами носители культуры территорий, на которых предполагается строительство промышленных объектов. Оленеводы, морские зверобои, таежные охотники должны получить право участвовать в оценке возможных рисков, а их замечания и возражения должны быть изучены, взвешены и учтены[856].

Правовую основу этнологической экспертизы в Российской Федерации составляют ст. 69, п. «м» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»; Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Понятие введено в 1999 г. Законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Теоретические аспекты этнологической экспертизы исследовали в основном ученые этнографы и антропологи (В. Н. Адаев, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова), и лишь некоторые учены-юристы (В. П. Журавель, А. Н. Слепцов, Н. А. Филиппова).

---

[855] Дзюба О. Когда узаконят этнологическую экспертизу // Парламентская газета. 2021. 31 янв. URL: https://www.pnp.ru/social/kogda-uzakonyat-etnologicheskuyu-ekspertizu.html.

[856] Там же.

Целями и задачами правового регулирования в сфере этнологической экспертизы являются установление государственных гарантий, механизмов реализации прав коренных малочисленных народов; создание условий сохранения и развития исконной среды обитания и социально-культурной среды коренных народов, обоснование основных процедур проведения научных исследований, результатом которых станет принятие правовых решений о развитии коренных малочисленных народов, реализации намечаемой хозяйственной и иной деятельности, способной оказать воздействие на коренные народы, а также о возмещении ущерба, причиненного коренным народам в процессе хозяйственной и иной деятельности. Этнологическая экспертиза может рассматриваться как возможность реализации права на культурную самобытность и возможность участия в управлении делами государства, а также как создание равных возможностей для развития культур всех народов страны, сосуществования промышленного и традиционного природопользования[857].

На федеральном уровне не определен порядок и методика проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов. Соответствующие вопросы сейчас регулируются на уровне субъектов Российской Федерации, в частности, в Республике Саха (Якутия) действует закон от 14 апреля 2010 г. 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»[858], в Сахалинской области – Положение от 14 мая 2007 г. «О порядке организации и проведения этнологической экспертизы на территориях традиционного проживания коренных

---

[857] Правовое регулирование и положение коренных народов на международном и национальном уровнях // Коренные народы в странах БРИКС: политико-правовые аспекты / под ред. Е. Ф. Гладун. Тюмень, 2022. Глава 3. С. 107.

[858] Закон Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 г. 820-З № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»// Якутские ведомости. 2012. 10 мая. № 30.

малочисленных народов Севера Сахалинской области»[859]. Принятые к настоящему времени законы субъектов Российской Федерации закрепляют разные процедуры этнологической экспертизы. Во многом установленная законодательством субъектов Российской Федерации процедура проведения этнологической экспертизы копирует процедуру, применяемую для экологической экспертизы, несмотря на существенное различие этих видов исследований.

Полагаем, что принятие самостоятельного федерального закона об этнологической экспертизе позволит установить единообразную процедуру ее проведения с учетом характера данного вида исследований, направленных на отслеживание и оценку изменений в социальной, культурной, экономической хозяйственной и иных сферах жизнедеятельности коренных народов, на оценку эффективности и целесообразности решений органов государственной власти и местного самоуправления, затрагивающих права и интересы коренных народов, а также на анализ степени влияния деятельности добывающих компаний на этнокультурную ситуацию. Принятие указанного акта позволит также фиксировать факты улучшения/ухудшения качества жизни коренных народов в связи с деятельностью хозяйствующих субъектов и органов власти. В случае закрепления единых требований и процедур этнологической экспертизы на уровне федерального закона создается возможность отслеживать все виды взаимодействий заинтересованных сторон, а также динамику эффективности мероприятий и процессов взаимодействия, устанавливать баланс интересов коренных народов, хозяйствующих субъектов, органов власти.

Федеральный закон позволит создать системную нормативно-правовую базу регулирования этнологической экспертизы в России, повысить эффективность реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных

---

[859] Постановление Администрации Сахалинской области от 14.03.2007 № 45-па «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения этнологической экспертизы на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области» // URL: https://sakhalin-gov.ru/doc/48257

народов, гарантировать права и планировать социально-экономическое развитие территорий, где проживают коренные этносы.

Под этнологической экспертизой предлагаем понимать урегулированное правовыми нормами самостоятельное комплексное научно-практическое исследование, направленное на изучение воздействий на исконную среду обитания коренных народов и изменений социально-культурной среды или мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, отражающихся на их развитии. При проведении этнологической экспертизы внимание должно быть уделено исследованию разных аспектов образа жизни коренных народов, их социально-культурной среды. Задача данной формы – провести комплексный анализ жизнедеятельности коренных народов, уделив особое внимание изменениям в традиционном природопользовании, демографии, социальной сфере, вызванным интенсивным промышленным освоением регионов, где они проживают.

Подводя итог сказанному выше, обобщим значение правовых форм участия коренных народов в управлении делами государства. Российские ученые справедливо считают, что процедура свободного предварительного осознанного согласия и ее включение в механизмы защиты прав коренных народов имеет высокий правозащитный потенциал, способствует принятию решений, учитывающих интересы коренных народов, развивает мобилизационный и интегрирующий потенциал коренных сообществ, что отвечает задачам, поставленным в Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Конституции РФ.

Полагаем, что процедура свободного, предварительного и осознанного согласия на принятие решений, затрагивающих этнические интересы, является одной из важнейших форм, обеспечивающих реализацию права коренных народов на самоопределение и развитие и применение модели соуправления в отношениях государства и коренных народов.

Этнологическая экспертиза – еще один важный инструмент, способствующий изучению воздействий и изменений исконной среды обитания коренных народов, социально-культурной среды, традиционного образа жизни с целью выработки верных решений о реализации проектов, использования территорий проживания коренных народов, их адаптации к изменяющимся условиям жизни. При проведении этнологической экспертизы внимание должно быть уделено исследованию разных аспектов образа жизни коренных народов, учету мнений и интересов всех заинтересованных сторон, обоснованию целесообразности изменений, а также формулированию мер по минимизации негативных последствий и по применению эффективных компенсационных мер.

На наш взгляд, этнологическую экспертизу следует понимать шире, чем научное исследование. Эта форма участия в делах государства, которая должна быть регламентирована нормами федерального законодательства, включающего следующие элементы:

– принципы этнологической экспертизы;

– направления и виды этнологической экспертизы;

– объекты и субъекты этнологической экспертизы;

– права и обязанности субъектов этнологической экспертизы;

– процедура проведения этнологической экспертизы (исследование, подготовка и утверждение экспертного заключения);

– финансовое обеспечение этнологической экспертизы.

Отметим, что для реализации существующей системы прав коренных малочисленных народов, а также и для реализации дополнительных прав, диктуемых новыми условиями их жизнедеятельности, недостаточно тех правовых институтов и форм, которые содержатся в сегодняшнем этническом законодательстве. Несомненно, они должны быть дополнены некоторыми формами участия в управлении делами государства, в частности, такими как свободное предварительное осознанное согласие и этнологическая экспертиза, которые зарекомендовали себя на международном и региональном уровне и могут быть с успехом применены во всех субъектах Российской Федерации.

4.3. Совершенствование системы научных исследований в сфере конституционно-правового развития коренных народов

На этнические отношения влияют многие факторы: общие мировые тенденции, политика государства, особенности жизнедеятельности этносов, исторический опыт совместного проживания разных народов на конкретной территории, а также характеристики самой территории. Сегодня, в период активной гуманизации и демократизации права, все более пристальное внимание уделяется проблемам коренных народов и поиску путей их решения.

Как и во многих других странах, за последние десятилетия в Российской Федерации произошли перемены, свидетельствующие о стремлении сформировать новую политику по отношению к коренным народам, однако реализация прав коренных народов по всем регионам, где они проживают, остается весьма дискуссионной. Это происходит в первую очередь из-за декларативного характера существующих федеральных законов, отсутствия практики их применения на общенациональном уровне, фрагментарностью и отличиями в механизмах реализации прав на региональном и местном уровнях. Развитие этих тенденций негативно сказывается на положении коренных народов, особенно в географически отдаленных регионах, таких как Арктика.

Во второй половине XX в. все отчетливее стали проявляться качественные изменения в науке, которые в том числе характеризуются появлением новых областей исследования и дисциплин, а также реорганизацией всего научного знания по междисциплинарному, мультикультурному, субъектно-ориентированному и иным новым принципам. В последние годы мировое научное сообщество начинает обращаться к постколониальным исследованиям, которые позволяют выявить новые ракурсы, поставить новые приоритеты, в том числе и в сфере развития публичного права и управления.

Во всех странах продолжается процесс политического, культурного, правового и экономического обновления. Наблюдается растущее признание

потребности коренных народов в становлении и сохранении своей этнической идентичности, признании и принятии культурных различий, в усовершенствовании правовых основ для решения существующих проблем индигенных групп населения[860].

Следует признать, что в России столь значимые государственные задачи не подкреплены научными и методологическими основами. До сих пор нормативно-правовое обеспечение жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера строится исходя из централизованного подхода к социально-экономическому развитию. В этой связи представляется важным разрабатывать и применять инновационные научные методологии, позволяющие вовлекать представителей коренных народов в исследовательские проекты, процессы принятия властных решений, учитывать их интересы и мнения о направлениях конституционно-правового развития. Актуальным видится изучение перспектив развития не только с позиции «центра», но и с точки зрения самих коренных народов. Для соответствия глобальной и национальной повестке необходимо понимать взгляды и представления коренных народов на окружающие их реалии, учитывать ожидания коренных сообществ при формировании законодательства и программ социально-экономического развития, а также изучать опыт других арктических государств, идущих по пути отказа от колониального дискурса при планировании развития периферийных территорий. Подобные научные исследования и теоретические разработки могут создать новые механизмы взаимодействия российского государства и коренных малочисленных народов Севера, обеспечивая реализацию Конституции РФ, а также требования современного мира.

Следуя задачам расширения прав коренных народов, учета их мнения в важных для них сферах государственного развития, а также осознавая изменения приоритетов, целей и задач российского государства, ставящего во главу развития

---

[860] Юдин В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства: дис. ... д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 328 с.

гуманистические принципы и ценность каждого человека, ученые понимают необходимость совершенствования подходов к научным исследованиям[861].

Как отмечалось в начале нашей работы, выделяются различные научные подходы к исследованию жизнедеятельности коренных народов: философский, экономический, экологический, психологический, формально-юридический, юридико-антропологический, иные. Некоторые ученые-юристы говорят о различных методологических подходах к объяснению конституционно-правовых явлений. В частности, Н. А. Богданова выделяет три основные школы в науке конституционного права: «юридическую, политологическую (социологическую) и теологическую». В своей работе «Система науки конституционного права» автор подчеркивает важность выбора методологии, поскольку методология – это область знания конституционно-правовой науки, представляющая собой теоретическое объяснение оснований и принципов познания ее предмета и предлагающая логические способы и приемы исследования с целью формирования объективного, всестороннего, системного конституционно-правового знания[862].

Полагаем, что существует пробел в научно-методологических основах обеспечения конституционно-правового развития коренных народов в Российской Федерации. Во-первых, коренные народы и территории их исконного проживания до сих пор изучаются и обсуждаются в дискурсивном центре доминирования и «периферийного» подхода. Это становится основной причиной дистанцирования индигенных сообществ от публичной власти, игнорирования проблем и их глубинных причин, несогласованности интересов и целей развития. Ранее такая политика обосновывалась идеей о том, что центр оказывает прогрессивное, благотворное влияние на периферию, где под «периферией» мы понимаем

---

[861] Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva , J. G. Lavoie, E. Gladun, C. V. L. Larsen // Scandinavian Journal of Public Health. 2021. № 51 (7). P. 1086–1095; Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[862] Богданова Н. А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 334 с.

сообщества коренных малочисленных народов, особенно проживающих на отдаленных северных территориях и традиционно исключенных из процесса принятия государственных решений. Под условным «центром» понимается государственная власть, причем как федеральная, так и субъектов Российской Федерации, которая принимает решения о развитии коренных малочисленных народов[863]. Во-вторых, до настоящего времени в науке конституционного права России практически не было проведено комплексных исследований этнических отношений. В то же время, ученые полагают, что только комплексное применение различных научных подходов к познанию предмета науки конституционного права обеспечивает всесторонность и системность его изучения[864]. Взаимозависимость права и других общественных явлений, равно как и комплексный характер исследуемой проблематики, предполагает необходимость обращения не только к отрасли конституционного права, но и к иным областям социально-гуманитарного знания, а именно к трудам в области философии, истории, этнографии, социальной антропологии, психологии.

В-третьих, зачастую государственная политика и правовые решения формулируются без согласия, а иногда и без обсуждения с представителями коренных народов; их ценности, установки, интересы и ожидания не учитываются. В зарубежных же странах достаточно давно существуют альтернативные исследования, которые в большей степени учитывают периферийный «голос». Полагаем, что коренные народы должны быть услышаны и поняты более четко, а их представления и отношение к своему здоровью, благополучию, освоению своих земель и глобальным процессам должны быть приняты во внимание, даже если они отличаются от идей центра. Такой подход может быть обеспечен через онтологические и гносеологическое аспекты, изучение мировоззрения коренных

---

[863] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[864] Богданова Н. А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 334 с.

народов, что позволит интегрировать их интересы, ценности и ожидания в нормы права[865].

Н. А. Богданова не исключает мировоззренческий аспект методологии науки конституционного права, считая, что в исследованиях невозможно ограничиваться лишь анализом логических средств познания. В настоящей работе уже было выражено мнение, сходное с позицией Н. А. Богдановой, о том, что мировоззренческий компонент методологии может включать в качестве философской предпосылки и основы конституционно-правового исследования, во-первых, миропонимание, которым предопределяются процесс познания, постановку целей и конкретных задач изучения предмета и во многом полученные результаты; во-вторых, выработанные гносеологией всеобщие методы познания явлений общества, мышления как универсальные инструменты такого познания; в-третьих, философские понятия и категории, выступающие в качестве отправных логических форм познавательного процесса, позволяющих раскрывать сущность конституционно-правовых явлений и процессов и строить систему понятий и категорий науки конституционного права. Данные идеи в полной мере относятся и к изучению коренных народов как субъектов конституционно-правовых отношений[866].

Таким образом, в рамках представленного исследования заявлено о важности разработки комплексной методологии изучения конституционно-правовых явлений, связанных с коренными народами, которая базируется на идее равноценного существования множества культур и идее взаимовлияния множества культурных практик, предпочтений, диалектики (топосов), через которые

---

[865] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147; Гладун Е. Ф. «Диалог» государства и коренных малочисленных народов в арктических странах // Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства: материалы Международной научно-практической конференции, Тюмень, 19–20 октября 2018 года. Тюмень, 2019. С. 151–158.

[866] Богданова Н. А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 334 с.

познается мир и которые впоследствии становятся предметом конституционно-правового регулирования. Методология предполагает совокупность философских, антропологических, социологических, психологических, правовых методов, а также элементы вовлеченного участия коренных народов для учета их мнения при формулировании значимых для их развития решений, в том числе в праве и законодательстве.

Авторская методология уже была предложена и апробирована в ряде практических проектов диссертанта[867]. Она исходит из понимания, что современная правовая наука не располагает достаточными методами для внедрения новых подходов к регулированию жизнедеятельности коренных народов, этнических общественных отношений в целом. Методология прежде всего направлена на вовлечение периферийных, локальных сообществ коренных народов Севера в конституционно-правовые процессы, которые являются системообразующей основой правовых норм и правовых решений, управления территориями традиционного проживания и хозяйственной деятельности, гарантий прав и свобод коренных народов в ходе их развития.

Особенность предлагаемой методологии заключается в том, что в ее основу ложится описанная картина мира коренных народов как объективный фактор (онтология), которая одновременно выступает также и способом верификации всех полученных результатов. В целом исследовательское поле, на котором строится предлагаемая методология, представляет собой, с одной стороны, традиционные картины мира, локальные ценности, интересы, ожидания коренных народов, с другой – государственные цели и задачи в процессе социально-экономического развития и правового развития.

---

[867] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147; Договор на оказание услуг по обеспечению проведения научных исследований по теме: «Разработка механизмов повышения уровня и качества жизни коренных малочисленных народов Севера в меняющейся Арктике» (Салехард, 2023 г.)

Методологическую такого подхода составляют методы аналектики, разработанной Энрике Дусселем, ученым-историком и философом, и плюри-топической герменевтики, обоснованной Вальтером Миньоло, известным аргентинским филологом и философом.

Первый метод противоположен диалектике, до сих пор доминирующей в работах гуманитариев. Он предполагает преодоление тотальности, асимметрии, обусловленной положением культур в модерности, колониальности, требует понимания с позиций внутренней самоценности локальных культур, открывает иное понимание властности, управления, свободы и жизни[868]. Выдвинутая Э. Дусселем концепция трансмодерна предполагает отказ от доминирования идеи развития, европоцентризма и универсальной современности.

Второй метод, развиваемый В. Миньоло, также предполагает отказ от универсальности истины в пользу плюриверсальности, подчеркивает, что другие истины тоже существуют и имеют право на существование[869]. На этой основе формируется и картина мира коренных народов, т.е. данный подход, по сути, отражает характеристики этноса, описанные примордиалистами.

Использование этих двух подходов, как нам видится, отражает основные концепты онтологий и миропонимания коренных народов, систему традиционных ценностей, т.е. идеи, сферы жизни и их восприятие, которые должны быть комплексно, в совокупности изучены и положены в основу любой социально-экономической программы развития либо системы правовых норм. Напомним, что для коренных народов Севера таковыми являются концепты:

– территории исконного проживания (земля);
– экологическое благополучие (природа);
– традиционные виды хозяйственной деятельности (технологии);
– социально-экономическое благополучие (тело);

---

[868] Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2. С. 124–147.

[869] Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge Mass., 2009. P.18.

– духовное благополучие (душа);

– социальная организация (семья / община);

– взаимоотношения с государством и иными субъектами (власть, природопользователи).

Предметное поле предлагаемой методологии частично пересекается с политической и юридической антропологией[870], проблематика которой также связана с эволюцией взглядов ученых на общества, отличные от доминирующих[871]. Например, методика Н. И. Новиковой, на которую опираются представленное исследование и другие /научные проекты диссертанта, строится на анализе различных сфер жизни коренных народов Севера и их взаимодействия с промышленными компаниями с позиций юридической антропологии в рамках методологии правового плюрализма[872].

Метод «установления диалога» между представителями коренных малочисленных народов, органами власти, хозяйствующими субъектами, а также проводящими экспертизу исследователями – еще один из методов, включенных в представленную комплексную методологию. Он описывается в работах Н. И. Новиковой, Е. П. Мартыновой, О. О. Звиденной; особенно активно метод используется при проведении этнологической экспертизы, после чего она становится «элементом общественного правосознания» и «представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов»[873], «дает информационное обеспечение выработки гибких, адаптированных к условиям регионов механизмов»[874].

---

[870] Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / отв. ред. Н. И. Новикова. Москва, 2008. 511 с. (Серия: Исследования по юридической антропологии); Новикова, Н. И. Обычное право в российском законодательстве: современные возможности и перспективы защиты прав коренных малочисленных народов / Н. И. Новикова // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока Российской Федерации / под общей редакцией В. А. Штырова. – Москва, 2012. С. 68-78.

[871] Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. Москва, 2020. 480 с.

[872] Олень всегда прав / отв. ред. Н. И. Новикова. Москва, 2003. 320 с. (Серия: Исследования по юридической антропологии).

[873] Головнев А. В., Комова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 158–175.

[874] Там же.

Методы диалога рассматривали многие ученые, в том числе философы, культурологи, социологи, например: В. С. Библер, М. Бубер[875], Ю. Хабермас[876]. Прежде всего, основой диалога являются «знания, нравственные ценности, техника мышления, при этом любой диалог влечет за собой «различные истолкования, интерпретации, возражения, страстные споры»[877]. Процедуры диалога и оценки мнения каждого из участников диалога были описаны и известным русским философом М. М. Бахтиным, который называл диалог творческой герменевтикой, рождающей в процессе интерпретации высказанного или написанного другим текста новый смысл[878].

Как было показано на нескольких практических примерах, даже когда правовые решения принимаются после консультаций с коренными народами и после того, как их мнение официально воспринимается, становится очевидным, что интерпретация результатов, основанная на общих методах восприятия, не является бесспорной. Именно поэтому эффективным направлением в разработке проблемы диалога в праве представляется герменевтика, которую трактуют обычно как искусство понимания в противоположность логике объяснения.

В герменевтике диалог предстает в качестве не логической, а психологической процедуры, позволяющей сохранять индивидуальные особенности участвующих в этом диалоге субъектов. Диалог в его герменевтической интерпретации сводится к пониманию других, к умению слышать и истолковывать то, что они говорят, вникать в смысл и значение чужих слов, действий и мыслей[879]. Суть метода плюритопической герменевтики, представленной В. Миньоло, заключается в том,

---

875 См., например: Длугач Т. Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер // Историко-философский ежегодник, Москва, 2015. С. 191–242.

876 См.: Дабосин П. С. «Критическая» теория общества и государства Ю. Хабермаса: методологический аспект. Ижевск, 2001. 170 с.; Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности (пер. с нем.) = Habermas Jürgen. Theorie des kommunikativen Handelns. Москва, 2022. 880 с.

877 Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 65–74.

878 Там же; См. также: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; Москва, 1979. 423 с.; Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург, 2000. С. 227–231.

879 Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 65–74.

что мировоззрение каждого народа, формирующееся из его телесных, социальных практик и взаимодействий с местной экосистемой, следует должным образом изучить и интерпретировать.

Своеобразной попыткой истолкования герменевтики в качестве условия человеческой коммуникации стала теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Усилия немецкого философа были направлены на поиск такой техники публичной дискуссии, которая приводила бы общественность к взаимопониманию и согласию по ключевым вопросам жизни[880]. Данные подходы как нельзя более эффективно могут быть применены в исследованиях коренных народов и правовом обосновании их прав, интересов, развития.

В конституционном праве И. А. Кравцом описан метод конституционной герменевтики, который применяется как ценностно-ориентированная интерпретация существующих правовых норм и принципов. Взаимосвязь юриспруденции и герменевтики проявляется, прежде всего, в истолковании различных форм и источников права, относящихся как к историческим правовым документам, так и к действующим в современный период различным видам правовых актов[881].

Выше указывалось, что применение герменевтических усилий всегда основывается на определенных ценностях, которые, по нашему мнению, содержатся не только в конституциях, но и в нормах обычного права, традициях, мнениях коренных народов. Выявление смысла отдельных нормативных положений заставляет интерпретатора «открыть» те ценности, которых он будет придерживаться в процессе толкования. В связи с этим плюритопическая герменевтика может актуализировать через интерпретацию конфликта ценностей, интересов, которые необходимо примирить, создав авторитетный образ иерархии правовых ценностей[882].

---

[880] Межуев В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 65–74.

[881] Кравец И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 584 с.

[882] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. 673 с.

В советской и позднее российской общей теории права ученые-юристы традиционно рассматривали толкование правовых норм как деятельность, направленную на уяснение и разъяснение нормативных положений в процессе правоприменения. В современных исследованиях отмечается более широкая значимость юридического толкования в механизме правового регулирования: оно может быть востребовано в сфере правоприменения, правореализации и правотворчества. Работы С. С. Алексеева, М. Н. Марченко, Т. Я. Хабриевой служат тому подтверждением[883]. Герменевтический метод, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что действенность правового регулирования может обеспечиваться аксиологически, то есть за счет ценностных составляющих.

В методологию предлагается включить интерпретационные методы, которые показывают, что существует определенная связь между конституцией как писанным правовым актом и герменевтикой.

В конституционном праве, на наш взгляд, интерпретационные методы могут использоваться в широком и узком значении. В широком смысле интерпретационная методология – это набор методов, объясняющих роль, предназначение, динамику развития отдельных конституционно-правовых институтов, их взаимосвязь в процессе реализации конституционных и других правоотношений. В узком смысле интерпретационная методология – это система методов, способов, теорий конституционной интерпретации, которые применяются в процессе судебного и иного толкования конституции[884].

Предлагается применять этот подход в двух направлениях: 1) с помощью герменевтики истолковывать конституционные нормы о коренных народах для сопоставления конституционных и индигенных ценностей, чтобы была возможность донести до коренных народов значение и цели конституционно-правового регулирования; 2) с помощью герменевтики и иных методов

---

[883] Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. Москва, 1999. С. 129; Марченко М. Н. Теория государства и права. Москва, 1996. С. 406–414; Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. Москва, 1998. С. 10–11.

[884] Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. Санкт-Петербург, 2005. 673 с.

интерпретирования показать значение тех или иных ценностей для конституционно-правового регулирования.

Кроме того, интерпретация зависит от выбранной точки зрения, поэтому, полагаем, будет правильным искать объективные основания для принятия правовых решений, основанных на комплексных подходах и не зависящих от субъективных мнений. Таким основанием может стать традиционный образ жизни и хозяйствования, представления и верования народа, относительно которого принимается решение, картина мира этого народа (онтология).

Герменевтика как искусство и теория истолкования текстов разрабатывается и применяется в различных областях обществознания: философии, филологии, психологии, праве. В рамках концепции конституционного мультикультурализма представляется оправданным обращаться к философским и эмпирическим исследованиям, онтологической и аксиологической природе правовых норм, регулирующих жизнедеятельность коренных народов. К сожалению, подобные исследования немногочисленны, в этой связи особо ценны разработки в области правовой онтологии, поскольку они исходят из утверждения о том, что «феномен права теснейшим образом связан с человеком, с его сущностью»[885].

В представленной методологии предлагается инновационно расширить предмет анализа и использовать перечисленные выше методы не только в отношении конституций, но и всего блока законодательства, связанного с коренными народами, а также и в противоположном направлении: для правовой оценки системы ценностей, взглядов и ожиданий коренных народов и возможности интеграции этих конструкций в правовые нормы.

Однако, помимо изучения юридических и иных текстов, важное значение для обоснования конституционно-правового развития коренных народов имеют полевые методы исследования, используемые учеными-антропологами, этнографами, иными специалистами, изучающими этнические сообщества. Как отмечает известный антрополог, занимающийся проблемами коренных народов, Н. И. Новикова, наиболее удачным является исследование, в котором

---

[885] Пырина М. В. Онто-гносеологические основания субъекта права: автореф. дис. … канд. филос. наук. Екатеринбург, 2019. 23 с.

и полевой сбор материалов, и их анализ проводится двумя специалистами – антропологом и юристом[886]. Такой подход был назван «дополнительный эффект» (англ. *added value*), который получается в результате совмещения полевых исследований и правового анализа. С одной стороны, антропология имеет целью лишь изучение культуры и не обладает методами создания правовых норм. С другой стороны, правовые исследования зачастую не связаны с реальной жизнью, и правовой анализ проводится без учета каких-либо социально-культурных особенностей, которые и определяют то, как воспринимаются и применяются нормы права[887]. Другой распространенной практикой, правда чаще за рубежом, является работа юриста «в поле» и затем анализ им же его собственных материалов. В нашей стране наиболее распространена практика антропологических полевых исследований, а затем их анализ осуществляется либо самим антропологом с учетом правовых источников, либо в сотрудничестве с правоведами, которые занимаются сходной тематикой, но сами не проводят полевых исследований.

До сих пор для изучения коренных сообществ наиболее активно использовались этнографические методы, включая методы полевых работ (например, научной школой А. В. Головнева). Данные методы также с успехом могут быть встроены в новую комплексную методологию.

Междисциплинарный подход, использующий возможности антропологического и юридического анализа, не исключает и метод анализа кейсов (англ. *case studies*) для того, чтобы понять природу права как социальной нормы[888]. В любом случае междисциплинарность является определяющей чертой этого научного направления[889].

---

[886] Новикова Н. И. На праве земля держится: юридическая антропология как междисциплинарное исследование // Предмет и проблемы этнологии и антропологии: лекции для аспирантов / сост. Е. Б. Баринова. Москва, 2016. С. 88.

[887] Иванова А. Н., Штамлер Ф. Юридическая антропология. Междисциплинарный анализ восприятия регулирования добывающей промышленности // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Москва; Екатеринбург, 2015. С. 413.

[888] Pirie F. The Anthropology of Law. Oxford, 2013. 288 p.

[889] Новикова Н. И. На праве земля держится: юридическая антропология как междисциплинарное исследование // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. Москва, 2016. 458 с.

На сегодняшний день при проведении исследований, связанных с коренными этносами, просматривается острая необходимость включения методов, нацеленных на обеспечение большей достоверности данных, доверия информантов к исследователю и установление равноправных отношений между ними. Вслед за Н. А. Богдановой автор представленной методологии уверен, что нормы конституционного права, их реализация в значительной степени предопределены и обеспечиваются общественной практикой. Поэтому оправданным представляется и использование социологического подхода в конституционно-правовых исследованиях. Комплексная методология может включать такие социологические методы, как анкетирование и интервьюирование (в том числе виртуальное) для того, чтобы составить картины современного состояния и перспектив развития коренных народов. Получаемое при этом знание, не теряя своего юридического характера, в большей или меньшей мере приобретает оттенок социологического и политологического[890]. Этими размышлениями объясняется использование в представленной методологии социологических методов.

В отношении коренных малочисленных народов предложенные методы могут реализовываться на материале фольклора, хозяйственных практик, традиций, из которых выводятся онтологические представления и ценностные основания. Кроме того, новая методология предусматривает использование материала, полученного в ходе полевых исследований, предполагающих проведение глубинных и биографических интервью, наблюдения, сторителлинг (англ. *storytelling*). Вопросы для интервью и опросов формулируются в результате анализа сказок, мифов, эпоса, религиозных представлений, наблюдений этнографов. Смысл интервью состоит в сборе и анализе данных о жизненном пути человека как личности и субъекте деятельности.

Следует выделить еще одну особенность методологии: проведение интервью и использование других социологических методов на родном для информантов

---

[890] Богданова Н. А. Система науки конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 334 с.

языке, что дает возможность подробно выяснить видение настоящего и будущего общностями коренных народов и их отношение к стратегическим приоритетам российского государства, этнополитике и сходным вопросам. Особенно уникальные результаты можно получить, если интервью будут проводить представители коренных малочисленных народов, обозначенные нами, как «научные волонтеры», специально подготовленные для этой цели исследовательским коллективом. Анализ интервью позволит научным волонтерам выделить самое важное, значимое в хозяйственной деятельности, быту, окружающей среде, взаимоотношениях, социальных нормах и ценностях, а ученым позволит сформировать представление о своеобразной картине мира коренного народа, ценностях и ожиданиях его представителей и в дальнейшем интерпретировать и транслировать их мнение органам государственной власти. Использование социологических опросов при применении методологии также оправдано, если они разработаны с учетом социально-психологических особенностей представителей коренных малочисленных народов, живущих на отдаленных стойбищах и в поселках. То есть погружение в этнокультурную среду обеспечивается тем, что первичное исследование проводится представителями коренных народов.

Главной задачей и сложностью проведения исследований в этнической сфере, где участниками выступают как ученые, так и представители коренных малочисленных народов, является поиск оптимизации (гармонизации) взаимоотношений заинтересованных сторон. Какие бы правильные рекомендации ни выработали ученые, они не будут применяться адекватно, если не станут предметом интереса и инструментом деятельности всех действующих лиц. Поэтому методология должна включать в себя дополнительный комплекс исследовательских элементов:

– вовлеченное участие (в процессе участвуют не только ученые, но и представители коренных сообществ, например, специально обученные по авторской методологии). Это раскрывает метод вовлеченного участия, устанавливает доверия к заинтересованным сторонам, способствует более полному

психологическому раскрытию представителей коренных народов и тем самым полнее обеспечивает формы партисипаторной демократии;

– проведение исследования на родном языке, что также добавляет возможности учитывать важные оттенки значений и смыслов, вкладываемых представителями коренных народов в задачи исследования;

– расшифровка результатов исследования представителями коренных народов, что позволит учитывать языковые и психологические особенности, а также использовать интерпретативный метод: предоставить возможность самим коренным жителям интерпретировать их видение жизни, ожидания и направления собственного развития;

– использование методов юридической техники для формулирования правовых норм на основе концептов, сформированных в ходе изучения онтологий и мировоззрения, а также системы ценностей коренных народов.

Таким образом, исследователи могут комплексно и глубоко изучить ключевые характеристики проблем, основанные на реальных фактах, разработать прогностические сценарии развития событий, видение эффективных правовых норм, а коренные народы могут высказать собственное представление развития и применения норм, имеющее под собой реальные основания[891].

При реализации инновационной методологии важным представляется соблюдение этики научных исследований. В Канаде, например, разработаны «Этические принципы проведения научных исследований на Севере», которые призывают к установлению партнерских отношений между учеными и коренными народами Севера, причем, как отмечает известный ученый в сфере этнического права Г. Фондал, канадские ученые должны их соблюдать не только при работах на канадском Севере, но и в северных регионах других стран[892]. Этот и другие исследователи анализировали принципы регулирования

---

[891] Головнев А. В., Комова Е. А. Этноэкспертиза: таймырский дискурс // Сибирские исторические исследования. 2022. № 4. С. 158–175.

[892] Increasing Indigenous Participation in Resource Management in the North: Research Opportunities and Barriers / A position paper presented for the 4th NRF Open Meeting in Oulu, Finland and Luleå. Sweden, 2006 // URL: https://www.rha.is/static/files/NRF/OpenAssemblies/Oulu2006/fondahl_4th-nrf-pp.pdf

исследовательской деятельности в этнической сфере и предложили регламенты ее проведения в индигенных сообществах, а также изучили практику заключения особых соглашений исследователей с представителями коренных народов при реализации научных проектов[893].

То есть, опыт зарубежных арктических стран может быть учтен при использовании предлагаемой методологии: представляется необходимым сформулировать и соблюдать основные принципы сотрудничества исследователей и коренных народов, в том числе кодексы этики ученых.

Этические основы исследования включают понимание того, что коренные малочисленные народы издавна проживали на северных территориях и имеют особенный статус, а также предполагают бережное отношение к личной информации, так как вовлеченные участники в данном случае – не просто местные информанты, а в определенной мере соавторы исследования.

Предлагаемая нами методология вовлеченного участия состоит из нескольких этапов, включающих разные методы. На первом этапе онтологические представления и ценности обобщаются на основе анализа фольклора, хозяйственных практик и традиций. Тем самым создаются онтологические основания для формулирования любых выводов. При этом используется логический анализ, контент-анализ, аналектика и плюритопическая герменевтика.

Далее разрабатываются вопросы для биографического и глубинного интервью. Анализ интервью позволяет выявить самое значимое в хозяйственной деятельности, взаимоотношениях и быту, социальных отношениях, ценностях. Погружение в среду обеспечивается тем, что исследования будут проводиться совместно с представителями коренных малочисленных народов как частью научного коллектива. В зависимости от цели исследования могут быть разработаны социологические опросы, основанные на культурных особенностях, выявленных

---

[893] Новикова Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций в Российской Федерации: 1990–2000-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2011. С. 38; См. также Ethics in indigenous research: past experiences - future challenges / A. Drugge, S. Juutilainen, V. Stordahl // Umeå University. Umeå, 2016. 205 p.

на более ранних стадиях исследования, и проводиться наблюдения. Результаты наблюдений и опросов интерпретируются исходя из онтологических оснований и подвергаются компаративному анализу. Все эти методы используются комплексно, в ходе полевых исследований. В процессе предполагается также взаимодействие с органами публичной власти, что позволяет получать доступ к необходимой информации и, соответственно, узнать мнение иных заинтересованных сторон. На следующем этапе комплексная методология строится на анализе нормативно-правовых актов, контент-анализе и иных правовых методах, что позволяет не только выявить пробелы, недостатки действующего этнического законодательства, наметить векторы его модернизации и индигенизации, но и выделить ключевые ценности, лежащие в основе современного российского права.

Подводя итог, отметим, что признание особенностей исторического развития, самобытности, личных убеждений и взглядов коренных народов имеет важное значение в любом процессе восприятия, согласия и принятия решений. Не следует позиционировать коренные народы как «проблему», скорее, ценности и традиции коренных народов сами могут служить руководящими принципами и основой для процесса принятия решений, помогая формировать отношение общества к ним и придерживаться современных тенденций бережного использования исконных земель и территорий, а также учет интересов местного населения. Сегодня традиции и культура коренных народов заключают в себе огромный потенциал для разработки политики и законодательства.

Современное неблагополучие и выделенные нами ранее проблемы коренных жителей северных регионов являются наследием прошлого, которое формировалось под воздействием политики доминирования и ассимиляции, складывающихся из множества направлений государственного развития. В то же время их положение осложняется спецификой структурного характера. Многие проблемы могли бы быть частично гармонизированы с учетом вклада коренных малочисленных народов в их решение на основании их своеобразной культуры, опыта, особенностей исторического развития. Постколониальная концепция

правового регулирования допускает существование множественности картин мира (онтологий), что делает важным понимание этих онтологий для интерпретации интересов, ценностей и ожиданий их носителей в праве.

В представленной работе предложена также «модель айсберга», которая представляет собой систему социально-гуманитарных исследований проблем коренных народов, направленную на глубинное изучение причин возникновения проблем, внешних и внутренних факторов, влияющих на коренные народы, поиск разрывов между целями государственно-правового регулирования жизнедеятельности коренных народов и этническими интересами, потребностями самих народов.

Для комплексного изучения проблем коренных народов и их причин необходимо «нырнуть глубже», т.е. показать более полную картину состояния сфер образования, трудоустройства, здравоохранения, чем просто показатели благополучия коренных народов. Проведение исследований через «модель айсберга» сможет проиллюстрировать не только проблемы, например, низкое качество медицинского обслуживания и жилищных условий, продовольственной безопасности, культурно-духовного и физического развития, санитарно-эпидемиологических показателей, которые наиболее часто учитываются при принятии решений органами государственной власти (часть айсберга, находящаяся над водой), но и глубокие причины или внешние факторы (находящиеся под поверхностью), которыми часто пренебрегают. Данная модель также наглядно демонстрирует, что существуют области, где «айсберги» не поддаются мониторингу, контролю и оценке, то есть показатели, связанные с жизнедеятельностью коренных народов, не всегда отслеживаются и возникает необходимость искать «айсберги» (риски) путем проведения более глубоких исследований, т.е. «погружаться под воду»[894]. И только исходя из выявленных противоречий можно ставить вопросы о формировании новой парадигмы развития

[894] Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ / К. Куева, Ш. Гистини, Г. Хили [и др.] // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 11–12 ноября 2020 года. Сургут, 2020. С. 343–351.

коренных народов на долгосрочную перспективу с учетом новых экологических, социокультурных, экономических и технологических условий, а также внутренних побуждений самих коренных сообществ.

Модель содержит также методы устранения разрывов и фокусируется на выработке правовых решений на основе феномена индигенности, т.е. с учетом этнокультурного многообразия, которое все чаще становится необходимым условием жизнеспособности глобального социума.

Данная модель изучения коренных народов была выработана в зарубежных арктических странах (США и Канаде) в рамках постколониального дискурса в 20-х гг. XXI в. и уже в течение нескольких лет оказывает влияние на методологию исследований, позволяя понять особую роль, этику, культуру, отношение к действительности коренных народов и способам их встраивания в общественные отношения. Представляется, что данная модель становится крайне важной и для исследований в России.

В качестве вывода отметим, что в результате проведенного исследования были предложены и апробированы в практических проектах инновационные методологии – комплексная методология вовлеченного участия коренных народов и «модель айсберга», которые включает антропологические, философские, социологические, психологические, лингвистические и юридические методы познания, методы компаративного анализа в отношении траекторий, стратегий и иных решений о конституционно-правовом развитии коренных народов и обеспечивает интеграцию полученных знаний в правовое поле.

Названные научные подходы привносят всесторонность и глубину изучения коренных малочисленных народов в науку конституционного права, обеспечивают достоверность конституционно-правового знания в этой сфере и могут быть использованы для ликвидации пробелов в научно-методологических основах конституционно-правового развития коренных народов в Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование проводилось на материале четырех государств (Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада и Финляндская Республика), выбор которых был обусловлен тем, что на их территориях исконно проживают коренные народы, равно как и сходными природно-географическими условиями (принадлежность к арктическим государствам), формами государственного устройства (демократические федеративные государства, за исключением Финляндии), темпами развития экономики и стремлением к совершенствованию общественных отношений в этнической сфере.

В результате в рамках одной научной работы проведено комплексное исследование российского конституционного права, других областей научных знаний и их влияния на развитие коренных малочисленных народов в процессе которого соискателем:

– обоснована новая парадигма правового развития российского полиэтнического общества и коренных народов, которая включает направление государственной этнической политики («конституционный мультикультурализм»), правовую теорию, правовые модели, направления развития правовых норм, основанные, помимо всего прочего, на индигенных аспектах, учитывает многообразие форм самобытности, особенности экономической деятельности и ценностей коренных народов, одновременно отвечая требованию применимости к реалиям современной российской конституционно-правовой действительности;

– на примерах четырех арктических государств (Россия, США, Канада и Финляндия) определена роль конституций и конституционных изменений в формировании правовых систем, обеспечивающих правовое положение коренных народов и выявлено, что коренные народы состоялись как конституционно-правовое явление в самых крупных и развитых государствах мира, однако уникальные характеристики коренных народов, которые формируются под влиянием процессов государственного строительства

и изменяющейся глобальной действительности, требуют пересмотра и обновления на конституционном уровне, а затем отражения в этническом законодательстве;

– на основе анализа теоретических подходов, сложившихся в отечественной и зарубежной правовой науке, выделены две концепции правового регулирования коренных народов в государствах: «колониальная» и «постколониальная», которые описаны теоретически и проиллюстрированы примерами доктрин, правовых систем и конкретными правовыми инструментами, используемыми в арктических странах;

– подчеркнуто, что правовая теория этничности, отражающая в праве особые характеристики этносов, изученные представителями различных социально-гуманитарных наук, в том числе феномен «индигенности», дает существенное теоретическое обоснование для эффективных правовых норм, составляющих систему регулирования этнических отношений, позволяет сделать более устойчивой связь этносов с существующей этнополитикой и правом, гарантировать более действенное правоприменение;

– определена совокупность признаков коренных народов, право-образующими предложено считать такие признаки, как исконность, самобытность, особая культура и языки; этническая самоидентификация, этноэкономика; из перечня существующих правовых признаков предложено исключить такой признак, как «малочисленность»;

– введено понятие «индигенизация», под которым автор предлагает понимать процесс интеграции ценностей, интересов, ожиданий коренных народов в действующее правовое пространство, ведущий к конституционно-правовому развитию и действенным гарантиям прав коренных народов, укреплению политики конституционного мультикультурализма, а также к повышению восприимчивости коренными народами и публичной властью этнических норм и институтов конституционного права;

– сформулирована концепция развития этнического законодательства с учетом конституционных, индигенных ценностей, включающая общие подходы к правовому регулированию, принципы и задачи правового регулирования,

этнические интересы коренных народов, из которых вытекают их права, а предметом правового регулирования становятся такие аспекты общественных отношений, которые особенно важны для коренных народов;

– определена значимость федеративных отношений в государстве для правового регулирования этнических отношений и подчеркнуто, что именно федерализм в России, территория которой этнически фрагментирована, рассматривается как единственно возможный способ обеспечить жизнеспособность, устойчивость и эффективное развитие коренных народов, а также как возможность формирования конституционного мультикультурализма;

– обоснована важная роль регионов – «этнических лидеров» в процессе развития и реализации прав коренных народов, приведены примеры наиболее эффективного правового регулирования прав коренных народов в некоторых субъектах Российской Федерации и других федеративных государствах;

– сформулировано понятие «региональной системы защиты прав коренных народов» как сложившейся политико-правовой модели государственного управления, базирующейся на нормотворческой активности органов публичной власти конкретного региона, связанной с обеспечением конституционных гарантий прав коренных малочисленных народов;

– систематизированы модели административно-территориальной организации федеративных государств и показано, какие модели являются наиболее эффективными для развития коренных народов («этнический регион», «этно-специализированная территория»), обоснована форма национально-культурной автономии как способ реализации культурного развития коренных народов;

– исследованы основные организационно-правовые модели взаимодействия публичной власти и коренных народов; выделены и обоснованы несколько векторов политики государственного патернализма (экономический патернализм, социокультурный патернализм и политический патернализм), преимущества и недостатки каждого из которых описываются автором;

– доказано, что усовершенствованная модель «экономического патернализма» в сочетании с моделью «соуправления» позволяет нормативно обеспечить

не просто консервацию социально-экономического и культурного состояния коренных народов, а реализацию большей самостоятельности, ответственности за результаты своей деятельности, собственной инициативы в развитии, вовлечении коренных народов в принятие решений локальных вопросов;

– проанализированы стратегии развития в рамках собственных интересов и представлений коренных малочисленных народов и выделены три основные стратегии, позволяющие поддерживать баланс между традиционным сообществом и современным миром, а также сохранять связь со своей культурой («стратегия параллельных миров», «стратегия проводника» и «стратегия глобального кочевника»);

– обосновано, что в Российской Федерации система индигенных прав должна быть дополнена «правом на развитие» и «правом на самоопределение», что, по мнению автора, исключает пассивное потребление материальных благ, создаваемых государством, а подразумевает полноправное участие коренных народов в принятии значимых для них решений, а также предполагает в большей степени экономическое развитие, которое позволяет коренным народам не просто сохранять традиционный образ жизни, но и повышать уровень их материального благополучия;

– предложены и обоснованы правовые формы участия коренных народов в управлении делами государства – «процедура свободного предварительного осознанного согласия» и «этнологическая экспертиза»;

– разработаны инновационные подходы к проведению исследований, связанных с коренными народами, которые позволят сформировать теоретическую основу для обоснования конституционно-правового развития коренных народов, в частности, предложены новые комплексные методологии («вовлеченного участия коренных народов» и «модель айсберга»).

В качестве общего вывода можно отметить, что в настоящее время формируется потребность в интеграции и обобщении достижений социально-гуманитарных наук и особенно в усилении мировоззренческо-методологического компонента исследований, направленных на совершенствование конституционно-

правового комплекса в этнической сфере. Речь в настоящей работе, прежде всего, идет о переосмыслении приоритетов, оснований и ориентиров в исследовании направлений развития коренных народов Севера в современных условиях России, равно как и о существенном изменении концептуальности подхода к решению проблем коренных малочисленных народов Севера не просто через защиту прав, а через обновление их места и значения в государственном и политико-правовом устройстве России.

Вклад диссертанта в науку конституционного права, таким образом, видится в том, что в диссертационном исследовании предлагаются и обосновываются различные подходы к правовым решениям проблем коренных народов; формулируются наиболее эффективные методы для обеспечения соответствующих условий конституционно-правового развития коренных народов. Все это позволит усовершенствовать процессы создания нормативных правовых актов, направленных на регулирование их жизнедеятельности и положения в государстве, обосновывать экспертную оценку деятельности, влияющей на развитие коренных народов; предусматривать последствия и видеть перспективы дальнейшего развития нормативного регулирования, подготовив общество и законодателя к необходимости совершенствования конституционно-правового поля в сфере этнических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Международные акты и официальные документы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии : принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml
3. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов : принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
4. Декларация по окружающей среде и развитию : принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
5. Конвенция № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах : принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда, Женева // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml
6. Конвенция МОТ о защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах № 107 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. II. – Женева, 1991. – С. 117–1183.

7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml
8. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения : принята 20 октября 2005 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml
9. Конвенция об охране нематериального культурного наследия : принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж // Организация Объединенных Наций : сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
10. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, документ ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII с заявлением // Ведомости Верховного Совета СССР. –1976. – № 17. – Ст. 291.

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

Нормативные правовые акты на русском языке

11. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/

12. Градостроительный Устав Ямало-Ненецкого автономного округа : закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 июня 2000 года № 23-ЗАО // Красный Север. – 2007. – 27 апр. (№ 32–33).
13. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
14. Конституция Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 года // Якутия: республиканская общественно-политическая газета. – 2002. – 12 нояб. (№ 210).
15. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 4 февраля 2009 года № 132-р // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 876.
16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 27. – Ст. 3477.
17. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 года // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
18. О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» : постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 года № 431 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/406188533.
19. О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 годы», с изменениями на 23 мая 2022 года : постановление Правительства

Республики Саха (Якутия) от 23 мая 2022 года № 359 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/574897545.

20. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 года № 255 // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 14. – Ст. 1493.
21. О национально-культурной автономии : Федеральный закон от 17 июня 1996 года № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.
22. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : Федеральный закон от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ // Официальный портал правовой информации : сайт. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210200005.
23. О плане мероприятий по реализации в 2020–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Республике Саха (Якутия) : распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 10 марта 2020 года № 223-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/570910601.
24. О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера : закон Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. З № 461-III // Якутские ведомости. – 2005. – 4 мая (№ 20).
25. О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера : закон Республики Саха (Якутия) от 17 октября 2003 года 82-З № 175-III // Якутские ведомости. – 2003. – 20 нояб. (№ 43).
26. О совете представителей коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе при Правительстве Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 ноября 2020 № 1339-П // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/571002420.

27. О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям : указ Президента РФ от 5 июня 2012 года № 776 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 24. – Ст. 3135.
28. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 : указ Президента РФ от 26 октября 2020 года № 645 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 44. – Ст. 6970.
29. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный закон № 49-ФЗ от 7 мая 2001 года // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.
30. Об образовании Национального организационного комитета по подготовке и проведению в 2022–2032 годах в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов : распоряжение Правительства РФ от 20 июля 2021 года № 2004-р // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107230010.
31. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный закон № 104-ФЗ от 20 июля 2000 года // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.
32. Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе : закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 июня 2016 года № 34-ЗАО // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/428583521.
33. Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации : Федеральный закон от 19 июня 1996 № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 26. – Ст. 3030.
34. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : указ Президента РФ от 5 марта 2020 года № 164 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 10. – Ст. 1317.

35. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
36. Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) : закон Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 года 820-З № 537-IV // Якутские ведомости. – 2012. – 10 мая (№ 30).
37. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612–I // Российская газета. – 1992. – 17 нояб. (№ 248).
38. Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 года № 631-р // Интернет-портал Правительства Российской Федерации : Документы Правительства РФ. – URL: : http://static.government.ru/media/files/0egcG5FnVBbtQTLenXE7JsYOmARtn5nP.pdf.
39. Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 года № 536-р // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 17, Ч. 2. – Ст. 1905.
40. Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 года № 631-р // Интернет-портал Правительства Российской Федерации. – URL: http://static.government.ru/media/files/0egcG5FnVBbtQTLenXE7JsYOmARtn5nP.pdf.
41. Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям от 31 октября 2016 года // Президент России : сайт // URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412

42. Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 года № 978-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/603336622.
43. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
44. Устав (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 года № 56-ЗАО // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/543565626.

Нормативные правовые акты на английском языке

45. Конституция США : принята 17 сентября 1787 года. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5395.
46. Конституция Канады : [Конституционные акты Канады : приняты в период с 1867 года по 1982 год]. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/8656.
47. Конституция Финляндии (Финляндской Республики) : принята 11 июня 1999 года. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7503.
48. Act for the gradual enfranchisement of Indians, the better management of Indian affairs, and to extend the provisions of the Act 31st Victoria. Chapter 42 : enacted June 22, 1869 // Canada.ca : Government of Canada. – URL: https://www.sac-isc.gc.ca/eng/1100100010204/1618939577385.
49. Alaska National Interest Lands Conservation Act : enacted August 19, 1980. – URL: https://www.nps.gov/locations/alaska/upload/ANILCA-Electronic-Version.PDF.

50. Alaska Native Claims Settlement Act : enacted December 18, 1971. – URL: https://ancsaregional.com/about-ancsa.
51. Alaska Native Village Erosion: Hearings before the Committee on Appropriations United States Senate One Hundred Eighth Congress, Second Session, Special Hearings. – Washington : U.S. Government printing office, 2005. – 154 p.
52. American Indian Religious Freedom Act : enacted August 11, 1978 // Congress.gov. – URL: https://www.congress.gov/103/bills/hr4230/BILLS-103hr4230enr.pdf.
53. Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy 1994 : 2 Government Bill HE 248/1994 vp. – URL: https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248.
54. Canada's Arctic and Norther Policy Framework of 2017 // Canada.ca : Government of Canada. – URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587.
55. Constitutional Accord on Aboriginal Rights : First Ministers' Conference on Aboriginal Constitutional Matters, 15–16 March 1983. – URL: https://primarydocuments.ca/first-ministers-conference-on-aboriginal-constitutional-matters-1983-constitutional-accord-on-aboriginal-rights-federal/
56. Declaration of Indian Purpose// Declaration Project, 1961. – URL: https://declarationproject.org/
57. Establishing the National Council on Indian Opportunity : Executive order 11399 passed March 6, 1968 // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-11399-establishing-the-national-council-indian-opportunity
58. General Allotment Act : enacted February 8, 1887 // Code of Federal Regulations (CFR). – URL: https://www.ecfr.gov/current/title-43/subtitle-B/chapter-II/subchapter-B/part-2530.
59. House Concurrent Resolution 108 : passed August 1, 1953. – URL : https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-67/pdf/STATUTE-67-PgB132-2.pdf/
60. Indian Act / Ottawa, 1951. – URL : https://caid.ca/IndAct1951.pdf

61. Indian Act / Ottawa, 1985 // Canada : Justice Laws Website. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5.
62. Indian Act : enacted April 12, 1876. – URL: https://nctr.ca/wp-content/uploads/2021/04/1876_Indian_Act_Reduced_Size.pdf
63. Indian Child Welfare Act : enacted October 14, 1978 : S.1214 – 95th Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/95th-congress/senate-bill/1214
64. Indian Citizenship Act : Public Law 68–175, 43 STAT 253 : enacted June 2, 1924 // DocsTeach. – URL: https://www.docsteach.org/documents/document/indian-citizenship-act.
65. Indian Civil Rights Act, 1968 // Tribal Court Clearinghouse. – URL: https://www.tribal-institute.org/lists/icra.htm.
66. Indian Claims Commission of 1952 : 25 U.S.C. §§ 70h-70v (Suppl. 5, 1952) // Library of Congress. – URL: https://www.loc.gov/item/uscode1952-015025002a/.
67. Indian Reorganization Act : enacted June 18, 1934. – URL: https://www.webpages.uidaho.edu/~rfrey/329indian_reorganization.htm.
68. Indian Self-Determination and Education Assistance Act of 1975 // Cornell Law School : U. S. Code: Title 25, Chapter 46. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/25/chapter-46.
69. Indigenous and Tribal Populations Recommendation № 104, 1957 // International Labour Organization. – URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312442.
70. National Historic Preservation Act : enacted October 15, 1966 // Advisory Council on Historic Preservation. – URL: https://www.achp.gov/digital-library-section-106-landing/national-historic-preservation-act.
71. Native American Programs Act of 1974 // Congress.gov. – URL: https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1717.
72. Northwest Ordinance : enacted July 13, 1787 / Confederation Congress. – URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/northwest-ordinance.

73. Statement and Guidelines on Free, Prior, Informed Consent of 2013 // UN-REDD Programme. – URL: https://www.fws.gov/sites/default/files/documents/2024-04/dic-guidelines-on-free-prior-and-informed-consent_508-compliant.pdf.
74. Statement of the Government of Canada on Indian policy of 1969 // Canada.ca : Government of Canada. – URL: https://publications.gc.ca/site/eng/9.700112/publication.html.
75. Tribal Co-management of Federal Lands: Overview and Selected Issues for Congress : enacted May 18, 2023 // URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47563.
76. Tribal Cultural Areas Protection Act : introduced in Senate June 16, 2022. – URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4423.

Научная литература на русском языке

77. Абашидзе, А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву / А. Х. Абашидзе. – Москва : Права человека, 1996. – 476 с.
78. Абдрахимов, Э. Ф. К определению понятия «этнический интерес» / Э. Ф. Абдрахимов // Философия и будущее цивилизации : тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, Москва, 24–28 мая 2005 г. : в 5 томах. Том 3. – Москва, 2005. – С. 512.
79. Абдулатипов, Р. Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях) / Р. Г. Абдулатипов. – Москва, 2005. – 472 с.
80. Абдулатипов, Р. Г. Управление этнополитическими процессами вопросы теории и практики / Р. Г. Абдулатипов. – Москва : Славянский диалог, 2001. – 479 с.
81. Абдулатипов, Р. Г. Федералогия : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление» / Р. Г. Абдулатипов. – Санкт-Петербург : ПИТЕР, 2004. – 320 с.

82. Абрютина, Л. И. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в государственной национальной политике России: Проблемы решения : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Л. И. Абрютина. – Москва, 1999. – 188 с.

83. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – Москва : Сашко, 2000. – 528 с.

84. Авдеев, Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6, № 2 (22). – С. 73–91.

85. Автономов, А. С. Принципы федерализма в России и США: сравнительный аспект / А. С. Автономов // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа) / под редакцией Р. Хакимова. – Казань, 2004. – С. 41–42.

86. Адаев, В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев / В. Н. Адаев. – Тюмень : «Вектор Бук», 2007. – 240 с.

87. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва, 1999. – 719 с.

88. Альфредсон, Г. Права меньшинств: равенство и недискриминация / Г. Альфредсон // Ленинградская конференция по правам меньшинств = Leningrad minority rights conference : доклады и сообщения, 2–4 июня 1991 г. / ответственные редакторы: Н. Юхнева, Х. Краг. – Ленинград, 1991. – С. 12–35.

89. Ананидзе, Ф. Р. Международно-правовые проблемы защиты прав коренных народов : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.10 «Международное право. Европейское право» / Ф. Р. Ананидзе. – Москва, 1996. – 198 с.

90. Ананидзе, Ф. Р. Некоторые проблемы определения понятия «коренной народ» / Ф. Р. Ананидзе // Юрист-международник. – 2006. – № 2. – С. 19–27.

91. Андриченко, Л. В. Правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации / Л. В. Андриченко, Е. В. Белоусова // Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации. – Москва, 1995. – С. 137–151.

92. Андриченко, Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / Л. В. Андриченко. – Москва, 2005. – 473 с.

93. Андриченко, Л. В. Роль международных правовых актов в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Л. В. Андриченко // Анализ российской и зарубежной правовой базы, международных правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – Москва : Издательство Государственной Думы, 2019. – С. 155–173.

94. Антипенко, Е. Д. Специфика понимания слова «этнос» в современной молодежной среде города Красноярска (результаты ассоциативного эксперимента) / Е. Д. Антипенко, Д. Н. Луцык, Ю. С. Замараева // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, 30 ноября – 2 декабря 2015 г. / Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт ; ответственный за выпуск Н. П. Копцева. – Красноярск : СФУ, 2016. – С. 130–143.

95. Антонов, Б. А. О влиянии Доктрины открытия (Discovery Doctrine) на современное право в Соединенных Штатах Америки / Б. А. Антонов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2017. – № 1 (7). – С. 99–107.

96. Аракчаа, К. Д. Коренные малочисленные народы России: политика и право / К. Д. Аракчаа // Социология власти. – 2011. – № 3. – С. 170–174.

97. Аракчаа, К. Д. Коренные малочисленные народы Севера / К. Д. Аракчаа, П. Х. Зайдфудим. – Москва : Научная книга, 1999. – 147 с.

98. Арепьев, Е. И. Роль философии в современном мире / Е. И. Арепьев // Проблемы философии: история и современность : сборник статей по итогам научно-практической конференции с международным участием, Курск, 18–21 мая 2018 года. – Курск : КГУ, 2018. – С. 1–3.

99. Артановский, С. Н. Этноцентризм и «возврат к этничности»: концепции и действительность / С. Н. Артановский // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 3. – С. 15–23.

100. Баглай, М. В. Конституционализм и политическая система в современной России / М. В. Баглай // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 10–19.

101. Бакланов, И. С. Человек этнический: проблема этнической идентичности / И. С. Бакланов, Т. В. Душина, О. А. Микеева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396–408.

102. Баскин, Л. М. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства / Л. М. Баскин // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 2. – С. 28–43.

103. Бахрушин, С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года / С. В. Бахрушин // Советский Север : первый сборник статей / под редакцией П. П. Смидовича. – Москва, 1929. – С. 66–97.

104. Бахтин, М. М. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 227–231.

105. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; составитель С. Г. Бочаров. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с.

106. Белолюбская, В. Г. Языки коренных народов Севера: история и современность / В. Г. Белолюбская // Высшее образование в России. – 2014. – № 5. – С. 110–115.
107. Бергман, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергман, Т. Лукман. – Москва, 1995. – 323 с.
108. Бессет, Д. М. Тихий голос разума. Делиберативная демократия и американская система государственной власти / Д. М. Бессет. – Москва, 2011. – 336 с.
109. Бетильмерзаева, М. М. Этническая идентичность как фактор формирования гражданской идентичности / М. М. Бетильмерзаева // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 8 (100). – С. 193–197.
110. Блищенко, И. П. О Законе одной из форм национально-культурного самоопределения народов России / И. П. Блищенко, А. Х. Абашидзе // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. – 1997. – № 2. – С. 3–12.
111. Богданова, Е. Г. Концепции суверенитета в странах Юго-Восточной Азии / Е. Г. Богданова // Вестник МГИМО Университета. 2011. – № 1 (16). – С. 43–47.
112. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / Н. А. Богданова. – Москва, 2001. – 334 с.
113. Бокова, С. В. Конституционные основы американского экономического федерализма и современная практика / С. В. Бокова, Т. Г. Чувахина // США: Экономика. Политика. Идеология. – 1992. – № 1. – С. 112.
114. Болтенкова, Л. Ф. От НКВД до федерализма : сборник избранных трудов / Л. Ф. Болтенкова. – Москва, 2008. – 336 с.
115. Бондарь, Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия / Н. С. Бондарь. – Москва : Юрист, 2013. – 176 с. – (Библиотечка судебного конституционализма. Вып. 2.)

116. Бондарь, Н. С. Конституционная модернизация политических институтов российской государственности / Н. С. Бондарь // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 2. – С. 21–29.
117. Бондарь, Н. С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02: «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» / Н. С. Бондарь. – Ростов-на Дону, 1997.
118. Бондарь, Н. С. Права человека и местное самоуправление в РФ / Н. С. Бондарь. – Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 1998. – 381 с.
119. Борисов, А. А. Мультикультурализм: Американский опыт и Россия / А. А. Борисов // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – С. 17–24.
120. Брачун, Т. А. Источники этнической толерантности коренных малочисленных народов севера (на примере чукчей) / Т. А. Брачун // Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 16–28.
121. Бредихин, А. В. Национальные районы в системе федеративных отношений / А. В. Бредихин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 10. – С. 32–35.
122. Бромлей, Ю. В. К вопросу о выделении этносов среди других человеческих общностей / Ю. В. Бромлей // Этнос и политика: Хрестоматия / Автор-составитель А. А. Празаускас. – Москва : Издательство УРАО, 2000. – С. 13–20.
123. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.
124. Бромлей, Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1987. – 333 с.
125. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн. – Москва : Территория будущего, 2006. – 245 с.

126. Валлерстайн, И. Существует ли в действительности Индия? / И. Валлерстайн // Логос. – 2006. – № 5 (56). – С. 3–8.
127. Ван Штаден, М. Конституционные изменения: новая грань сравнительного конституционного права / М. Ван Штаден, Е. Ф. Гладун // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 1 (152). – С. 146–171. – (Рецензия на книгу: Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London: Routledge, 2020).
128. Васильева, Л. Развитие российского законодательства в сфере национальных отношений / Л. Васильева // Федерализм. – 2009. – № 1. – С. 59–60.
129. Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире : Хрестоматия / перевод с английского ; составитель Т. Шанин ; русский редактор А. В. Гордона ; предисловие к русскому изданию В. П. Данилова. – Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 430, [1] с.
130. Веретевская, А. В. Значение и значимость мультикультурализма / А. В. Веретевская // Политическая наука. – 2010. – № 1. – С. 29–45.
131. Веретевская, А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств / А. В. Веретевская : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра сравнительной политологии. – Москва : МГИМО-Университет, 2018. – 180 с.
132. Витрук, Н. В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / Н. В. Витрук // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства: сборник статей / под редакцией В. Ф. Воловича. Ч. 1. – Томск, 1999. – С. 3–23.
133. Владимирова, В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России / В. Владимирова // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 1. – С. 23–56.

134. Власов, М. В. Традиционные знания в социально-экономическом развитии территории проживания коренных народов / М. В. Власов, С. В. Паникарова // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 38. – С. 43–48.
135. Высочайше утвержденный 22 июля 1822 года Устав об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое. Т. 38: 1822 – 1823. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 394–416.
136. Галкин, А. А. Гиперэтнизм как глобальная проблема / А. А. Галкин // Федерализм: поиски ответ вызовы. – Москва : Горбачев-Фонд, 1993. – С. 15–24.
137. Гарипов, Р. Ш. Актуальные вопросы защиты прав коренных народов в России / Р. Ш. Гарипов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 107–116.
138. Гарипов, Р. Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод / Р. Ш. Гарипов // Журнал российского права. – 2012. – № 6 (186). – С. 67–73.
139. Гарипов, Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве / Р. Ш. Гарипов // Международное право и международные организации. – 2013. – № 3. – С. 408–420.
140. Гарипов, Р. Ш. Право коренных народов на самоопределение / Р. Ш. Гарипов // Московский журнал международного права. – 2010. – № 3. – С. 21–38.
141. Гладун, Е. Ф. Индигенизация конституционных ценностей (на примере концепции «убунту» Южно-Африканской Республики) / Е. Ф. Гладун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 22 (3). – С. 95–96.
142. Гладун, Е. Ф. Комплексная методология учета мнения коренных малочисленных народов при взаимодействии с органами публичной власти (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / Е. Ф. Гладун, Г. Ф. Деттер, О. В. Захарова [и др.] // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6, № 2 (22). – С. 124–147.

143. Гладун, Е. Ф. Конституционно-правовой статус коренных народов в контексте меняющегося мира / Е. Ф. Гладун // Гражданин и власть : монография. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2023. – С. 84–86.

144. Гладун, Е. Ф. Международные социально-гуманитарные арктические проекты: вызовы и возможности / Е. Ф. Гладун // Арктика 2035. – 2023. – № 2 (14). – С. 30–36.

145. Гладун, Е. Ф. Правовое обеспечение взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с другими национальностями и культурами / Е. Ф. Гладун // Правовые аспекты гармонизации межнациональных отношений : материалы II Тюменского международного форума. – Тюмень, 2016. – С. 253–259.

146. Гладун, Е. Ф. Разграничение компетенции в области недропользования в федеративном государстве (Конституционно-правовое исследование на материалах России, США и Канады) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.02: «Конституционное право; муниципальное право» / Е. Ф. Гладун. – Тюмень, 2004. – 227 с.

147. Гладун, Е. Ф. Региональные практики защиты прав коренных малочисленных народов Российской Арктики / Е. Ф. Гладун, М. Ю. Задорин, А. И. Горбунова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 3. – С. 122–154.

148. Глобализация и федерализм / Т. А. Васильева, М. В. Глигич-Золотарева, А. Н. Лебедев, Ю. Л. Шульженко // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 5–16.

149. Глухов, В. В Типологизация регионов Арктической зоны Российской Федерации и формирование локальных инновационных систем / В. В. Глухов, Г. Ф. Деттер, И. Л. Туккель // Россия в глобальном мире. – 2016. – Том 8, № 31. – С. 458–486.

150. Глэйзер, Н. Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного разнообразия / Н. Глэйзер // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 6. – С. 98–103.
151. Гоголев, П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02: «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» / П. В. Гоголев. – Москва, 2014. – 434 с.
152. Головнев, А. В. Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы / А. В. Головнев, Т. С. Киссер // Этнография. – 2022. – № 3 (17). – С. 6–32.
153. Головнев, А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) / А. В. Головнев // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 3–12.
154. Головнев, А. В. Этноэкспертиза: таймырский дискурс / А. В. Головнев, Е. А. Комова // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 4. – С. 158–175.
155. Голомидова, П. С. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы / П. С. Голомидова, А. А. Сабуров // Арктика и Север. – 2016. – № 25. – С. 61–77.
156. Голубкина, С. В. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований / С. В Голубкина // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 2 (14). – С. 1-8.
157. Горбунов, С. Н. Коренные народы и устойчивое развитие : монография / С. Н. Горбунов, М. Ю. Задорин. – Архангельск : САФУ, 2014. – 358 с.
158. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации в 2006 году : материалы международного информационного форума «Интеграция соотечественников». – Москва, 2007. – 464 с.
159. Гражданин и власть : монография / С. А. Авакьян, Д. А. Авдеев, Е. Ф. Гладун [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2023. – 419 с.

160. Губогло, Н. Национальные группы и меньшинств в системе межнациональных отношений в СССР / Н. Губогло // Советская этнография. – 1989. – № 1. – С. 26–27.

161. Гудыма, А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук : специальность 09.00.11 «Социальная философия» / А. П. Гудыма. – Новосибирск, 2005. – 338 с.

162. Гусейнов, К. К. Проблема защиты прав коренных народов в современном международном праве // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2015. – № 3. – С. 1–4. – URL: https://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/512.

163. Дабосин, П. С. «Критическая» теория общества и государства Ю. Хабермаса: Методологический аспект / Удмуртский государственный университет. — Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 2001. – 170 с.

164. Давыдов, В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности / В. Н. Давыдов. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 3. – С. 93–109.

165. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: P–V. В. И. Даль. – Москва, 1994. – Ст. 441.

166. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 / В. И. Даль. – Москва, 1998. – Ст. 2001.

167. Деттер, Г. Ф. Влияние институциональных особенностей северного оленеводства Ямала на формирование проблем, противоречий и вызовов для управления и социума / Г. Ф. Деттер // Научный Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2021. – № 2 (111). – С. 6–26.

168. Деттер, Г. Ф. Генезис национальных и региональных инновационных систем арктических государств в контексте национальных инновационных политик / Г. Ф. Деттер // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. – № 3 (88). – С. 15–33.

169. Деттер, Г. Ф. Ключевые вызовы, узлы и тренды развития коренных малочисленных народов Севера в наступающее десятилетие / Г. Ф. Деттер, К. Г. Филант // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2020. – № 2 (107). – С. 36–46.

170. Деттер, Г. Ф. Экономическое поведение коренных малочисленных народов Севера России: постановка проблемы / Г. Ф. Деттер // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 9 (431). – С. 32–42.

171. «Диалог» государства и коренных малочисленных народов в арктических странах / Е. Ф. Гладун // Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства : материалы Международной научно-практической конференции, Тюмень, 19–20 октября 2018 года. – Тюмень. – 2019. – С. 151–158.

172. Дискуссия по книге А. А. Сириной «Эвенки и эвены в современном мире. Самосознание, природопользование, мировоззрение» / В. В. Напольских, С. В. Соколовский, С. Н. Абашин [и др.] // Этнографическое Обозрение (он-лайн). – 2014. – № 2. – С. 193–214.

173. Длугач, Т. Б. Диалог в современном мире: М. Бубер – М. Бахтин – В. Библер / Т. Б. Длугач // Историко-философский ежегодник. – 2015. – № 2015. – С. 191–242.

174. Доклад Международного круглого стола по изучению опыта работы Швеции, Норвегии и Финляндии с Парламентами саами, Москва, 14–19 марта 1999 г. / под редакцией О. Егорова, А. Хайдыпа. – Москва : Права человека, 1999. – 110 с.

175. Долматова, С. А. Кризис традиционных этнохозяйственных сообществ в условиях глобализации: коренные народы российского Севера / С. А. Долматова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2003. – 83 с.

176. Доронина, И. А. Политико-правовые основы формирования территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера России (На примере Ненецкого автономного округа) : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность

23.00.02 «Политические институты и процессы» / И. А. Доронина. – Москва, 2005. – 196 с.

177. Дробижева, Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Л. М. Дробижева. – Москва : Akademia, 2002. – 480 с.
178. Дробижева, Л. М. Ценности и символы в контексте новых концепций этничности / Л. М. Дробижева // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества: сборник статей / ответственный редактор Л. М. Дробижева. – Москва : Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994. – С. 8–24.
179. Дробижева, Л. М. Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся. – 2001. – № 1. – С. 199-221.
180. Дробижева, Л. М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики / Л. М. Дробижева // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / под редакцией Т. И. Заславской. – Москва : МВШСЭН, 2003. – С. 215–224.
181. Евсиков, К. С. Механизмы реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства / К. С. Евсиков // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 36–49.
182. Евстигнеев, Ю. А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры : краткий этно-исторический справочник / Ю. А. Евстигнеев. – Санкт-Петербург : Астерион, 2008. – 328 с.
183. Елфимов, А. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя / А. Елфимов // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: сборник статей / редактор и составитель А. Л. Елфимов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 5–18.
184. Емельянова, Т. А. Рациональное использование и охрана земель северных территорий Российской Федерации (экономика и организация) : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук: специальность 08.00.05 / Т. А. Емельянова. – Москва, 2006. – 431 с.

185. Ереклинцева, Е. В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / Е. В. Ереклинцева. – Челябинск, 2010. – 239 с.
186. Ерофеев, А. А. Ценностный подход в конституционном праве / А. А. Ерофеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 19. – С. 19–22.
187. Жамсуев, Б. Б. Национальная политика современной России: становление и перспективы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты и процессы» / Б. Б. Жамсуев. – Москва, 1999. – 25 с.
188. Железнов, Б. Л. АССР – высшая форма Советской автономии / Б. Л. Железнов. – Казань : Издательство Казанского университета, 1984. – 144 с.
189. Жириков, А. А. Политическая стабильность российского государства : Этнополитический анализ / А. А. Жириков. – Москва : Институт массовых коммуникаций, 1996. – 79 с.
190. Жуков, М. А. «Коренность» как содержательное понятие нормативных правовых актов / М. А. Жуков // Журнал российского права. – 2009. – № 6 (150). – С. 123–131.
191. Жуков, М. А. «Северное право» и пути отражения интересов его субъектов в законодательстве / М. А. Жуков // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 23–33.
192. Задорин, М. Ю. Базовые элементы права на самоопределение коренных народов и их отражение в международных кейсах / М. Ю. Задорин, Е. Ф. Гладун // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 121–138.
193. Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676-1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682-1696 годы. – Москва : Зерцало, 2012. – 288 с.

194. Заметина, Т. В. Конституционный статус коренных малочисленных народов России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / Т. В. Заметина. – Саратов, 1998. – 210 с.
195. Золотарева, М. В. Федерация в России: проблемы и перспективы / М. В. Золотарева. – Москва : Пробел, 1999. – 174 с.
196. Зорькин, В. Д. Мультикультурализм закладывает под государство «политические мины» / В. Д. Зорькин // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2011. – № 203 (5579).
197. Зубариев, Р. Б. Российский и зарубежный взгляд на феномен колонизации и переселенческих процессов в Российской истории / Р. Б. Зубариев // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 3. – С. 78–86.
198. Зуев, С. М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы / С. М. Зуев // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. – Вып. № 3 (88). – С. 103–107.
199. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в. / С. В. Иванов. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1963. – 500 с.
200. Иванова, А. Н. Юридическая антропология. Междисциплинарный анализ восприятия регулирования добывающей промышленности / А. Н. Иванова, Ф. Штамлер // XI Конгресс антропологов и этнологов России : сборник материалов. – Москва ; Екатеринбург, 2015. – С. 413.
201. Иванова, Ж. Б. Теоретические аспекты исследования проблемы определения понятия «коренной народ» как субъекта гражданских правоотношений / Ж. Б. Иванова, С. Н. Горбунов, Б. А. Молчанов // Юридическая наука. – 2014. – № 4. – С. 16-20.
202. Идентичность как предмет политического анализа : сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21–22 октября 2010 года. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 2011. – 299 с.

203. Институты конституционного права / ответственные редакторы Л. В. Андриченко, А. Е. Постников. – Москва, 2011. – 496 с.
204. Ионов, И. Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс / И. Н. Ионов // История и современность. – 2009. – № 2(10). – С. 33–60.
205. Исаева, Н. В. Общероссийская идентичность в дискурсе правовой идентичности / Н. В. Исаева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2009. – № 5. – С. 103–108.
206. История буржуазного конституционализма XIX в. / ответственный редактор В. С. Нерсесянц. – Москва : Наука, 1986. – 279 с.
207. История буржуазного конституционализма XVII-XVIII вв. / ответственный редактор В. С. Нерсесянц. – Москва : Наука, 1983. – 296 с.
208. Кабышев, В. Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий / В. Т. Кабышев // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 61–70.
209. Казнина, И. А. Этнокультурная идентичность коренного народа саамы в политико-правовом контексте России / И. А. Казнина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 10. – С. 69–72.
210. Кайзер, М. Русские как меньшинство в Центральной Азии / М. Кайзер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 3. – С. 55–73.
211. Кайкова, О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920-1941 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.02 «Отечественная история» / О. К. Кайкова. – Москва, 2007. – 20 с.
212. Калашников, К. Н. Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности / К. Н. Калашников // Вопросы территориального развития. – 2020. – № 8 (3). – С. 4–24.

213. Калина, В. Ф. Развитие идеи федерализма в истории человечества / В. Ф. Калинина //Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 1. – С. 210–228.

214. Кальте, З. М. Политико-правовые аспекты развития коренного малочисленного народа Российской Федерации – саами : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / З. М. Кальте. – Москва, 2003. – 170 с.

215. Клоков, К. Б. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных малочисленных народов Российской Арктики / К. Б. Клоков, Т. М. Красовская, А. Н. Ямсков. – Москва, 2001. – 20 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 141).

216. Ключевский, В. О. Сочинения в 9-ти томах. Т. I: Курс русской истории. Ч. I / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1987. – 430 с.

217. Ковлер, А. И. Антропология права : учебник / А. И. Ковлер. – Москва : Норма, 2020. – 480 с.

218. Кожемякина, В. А. Коренные народы Канады: этноязыковые и культурно-языковые проблемы / В. А. Кожемякина. – Москва : Институт языкознания РАН, 2009. – С. 41–47.

219. Козлов, В. И. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика / В. И. Козлов. – Москва, 1999. – 343 с.

220. Кокошкин, Ф. Ф. Автономия и федерация. Хрестоматия по конституционному праву. Т. III. / Ф. Ф. Кокошкин ; составитель Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. – Москва, 2014. – 985 с.

221. Колюшин, Е. И. Конституционное (государственное) право России : курс лекций / Е. И. Колюшин. – Москва: Издательство МГУ, 1999. – 381 с.

222. Комарова, В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно правовой аспект) / В. В. Комарова // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1. – С. 1385–1387.

223. Кондрашев, А. А. Правовой режим арктических территорий РФ и предоставление особых прав коренным (аборигенным) народам / А. А. Кондрашев, А. Б. Зенкина, О. В. Роньжина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 59–78.

224. Кондрашев, А. А. Северные (арктические) территории Российской Федерации: реализация экономических прав коренных малочисленных народов / А. А. Кондрашев, А. Б. Зенкина, О. В. Роньжина // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5 (101). – С. 53–61.

225. Конев, А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII–начало XX в.) / А. Ю. Конев. – Москва, 1995. – 217 с.

226. Конституции зарубежных государств: США. Великобритания. Франция. Германия. Италия. Испания. Греция. Япония. Канада / составители В. В. Маклаков. – 2-е изд. – Москва, 1999. – 584 с.

227. Конституционные проекты в России XVIII-XX в. / составитель А. Н. Медушевский. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 640 с.

228. Конюхова, И. А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития / И. А. Конюхова. – Москва : Городец ; Формула права, 2004. – С. 389–403.

229. Копылов, И. Я. Развитие конституционных основ Советского многонационального государства / И. Я. Копылов, В. М. Савельев. – Москва : Знание, 1980. – 246 с.

230. Коренное население Северной Америки в современном мире / ответственный редактор В. А. Тишков. – Москва : Наука, 1990. – 396 с.

231. Коренные народы // Энциклопедический словарь экономики и права. – Москва, 2005. – С. 230.

232. Коренные народы в странах БРИКС : политико-правовые аспекты: монография / Е. Ф. Гладун, К. К. Мутхукумараппан, С. С. Нкоси [и др.]; под редакцией Е. Ф. Гладун : Министерство науки и высшего образования

Российской Федерации, Тюменский государственный университет. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2022. – 316 с.

233. Коркмасова, К. Д. Национальная государственность в СССР / К. Д. Кормасова. – Ростов-на Дону, 1970. – 167 с.
234. Коркмасова, К. Д. Суверенность народностей СССР / К. Д. Кормасова. – Ростов-на Дону, 1967. – 96 с.
235. Коркунов, Н. М. Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. II / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург, 1914. – 471 с.
236. Корчак, Е. А. Коренные народы Севера в государственных арктических стратегиях / Е. А. Корчак // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 390.
237. Костогрызов, П. И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей / П. И. Костогрызов // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 11. – С. 73–76.
238. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / И. А. Кравец. – Екатеринбург, 2002. – 584 с.
239. Кравец, И. А. Верность конституции и проблема согласования идей конституционализма и исполнения международных обязательств в сфере прав человека / И. А. Кравец // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 5 (1). – С. 167–180.
240. Кравец, И. А. Конституционная герменевтика: проблемы определения и роль в правовой системе / И. А. Кравец // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 1.– С. 95–99.
241. Кравец, И. А. Конституционный символизм, модернизация конституции и информационное общество (между учредительным и информационным конституционализмом для России) / И. А. Кравец // Lex Russica. – 2020. – № 73 (1). – С. 43–58.

242. Кравец, И. А. Наука конституционного права и российский конституционализм / И. А. Кравец // Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае, Барнаул, 19–20 сентября 2008 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2008. – С. 149–153.

243. Кравец, И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И. А. Кравец. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. – 675 с.

244. Кравец, И. А. Толкование Конституции: политические возможности и правовые границы / И. А. Кравец // Актуальные проблемы государства и права в современный период: сборник статей / под редакцией В. Ф. Воловича. Часть 1. – Томск, 1998. – С. 107–110.

245. Кравец, И. А. Функции конституционного контроля в условиях российской политико-правовой модернизации / И. А. Кравец // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 1. – С. 98–103.

246. Красовская, Т. М. Природопользование Севера России: социокультурный и эколого-экономический анализ: диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук: специальность 25.00.24, 25.00.36 / Т. М. Красовская. – Москва, 2005. – 369 с.

247. Крупник, И. И. Арктическая этноэкология / И. И. Крупник. – Москва : Наука, 1989. – 270 с.

248. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования : монография / В. И. Крусс. – Москва : НОРМА, 2007. – 751 с.

249. Кряжков, В. А. Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования / В. А. Кряжков // Современное состояние и пути развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : независимый экспертный доклад / под редакций В. А. Тишкова – Москва, 2004. – С. 44–55.

250. Кряжков, В. А. Конвенция МОТ № 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах / В. А. Кряжков, В. Р. Гарипов // Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 52–64.
251. Кряжков, В. А. Конституция Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов: намерения и реальность / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 74–76.
252. Кряжков, В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В. А. Кряжков. – Москва : Норма, 2010. – 560 с.
253. Кряжков, В. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 68–78.
254. Кряжков, В. А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления / В. А. Кряжков // Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности. От родовых общин к парламенту Ямала. – Екатеринбург ; Салехард : Баско, 2013. – С. 74–86.
255. Кряжков, В. А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования / В. А. Кряжков // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 18–20.
256. Кряжков, В. А. Право коренных малочисленных народов России на земли и иные природные ресурсы / В. А. Кряжков // Обычай и закон : Исследования по юридической антропологии. – Москва, 2003. – 400 с.
257. Кряжков, В. А. Право коренных малочисленных народов Севера на национально-территориальное образование / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2007. – № 3. – С. 26–33.
258. Кряжков, В. А. Право на пользование землей и сопряженные с ним права коренных малочисленных народов Севера (конституционно-правовые основы) / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2008. – № 12. – С. 82–90.

259. Кряжков, В. А. Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 96–107.

260. Кряжков, В. А. Российское законодательство о северных народах и правоприменительная практика: состояние и перспективы / В. А. Кряжков // Государство и право. – 2012. – № 5. – С. 27–35.

261. Кудашкин, В. А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985–2004 гг. / В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2014. – № 4 (18). – С. 62–68.

262. Кузиванова, О. Ю. Коренные народы: два подхода, две концепции / О. Ю. Кузиванова // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-1 (76). – С. 249–253.

263. Кузнецов, А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова и ее критика / А. М. Кузнецов // Известия Восточного института. – 2023. – № 1. – С. 14–25.

264. Культурология. XX век : энциклопедия: в 2 т. Т. 2 : М-Я. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998.– 370 с.

265. Куропятник, А. И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ / А. И. Куропятник. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 208 с.

266. Куропятник, М. С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты / М. С. Куропятник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – Вып. 19, № 3. – С. 387-396.

267. Куропятник, М. С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук : специальность 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни» / М. С. Куропятник. – Санкт-Петербург, 2006. – 35 с.

268. Куропятник, М. С. От стигмы к самоутверждению: понятие «коренной народ» в современном дискурсе / М. С. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5, № 1. – С. 164–165.
269. Кутафин, О. Е. Российская автономия / О. Е. Кутафин. – Москва : Проспект, 2006. – 768 с.
270. Лакост, И. Постколониальный вопрос / И. Лакост // Herodote 2006. – № 120. – URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/0704-LACOSTE-RU.pdf.
271. Лапин Д. В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен / Д. В. Лапин // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 2, № 2(16). – С. 20–26.
272. Лапин, Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3−12.
273. Лаптева, Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л. Е. Лаптева. – Москва : Институт государства и права, 1998. – 151 с.
274. Ле Коадик, Р. Мультикультурализм / Р. Ле Коадик // Диалоги об идентичности и мультикультурализме / под редакцией Е. И. Филипповой, Р. Ле Коадика. – Москва : ИАЭ РАН: Наука, 2005. – С. 78–104.
275. Леонтенкова, Е. А. Права коренных малочисленных народов России: теоретико-правовой аспект / Е. А. Леонтенкова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 160–167.
276. Лепешкин, А. И. Курс советского государственного права. Т. 1 / А. И. Лепешкин. – Москва, 1961. – 559 с.
277. Линник, Т. Г. Совершенствование федеративных отношений и региональная политика / Т. Г. Линник, Г. Л. Линник. – Тюмень : Вектор Бук, 2000. – 179 с.
278. Липчанская, М. А. Конституционная категория «управление делами государства»: проблема определения и содержания / М. А. Липчанская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 66–71.

279. Липчанская, М. А. Участие граждан в управлении делами государства: современные тенденции через призму научных трудов И. Е. Фарбера / М. А. Липчанская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 218–220.

280. Лисенкова, А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности / А. А. Лисенкова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2. – С. 55–68.

281. Логинов, В. Г. Развитие предпринимательской деятельности коренных этносов как фактора сохранения традиционной экономики в условиях промышленного освоения Севера / В. Г. Логинов, М. Н. Игнатьева, В. В. Балашенко // Экономика региона. – 2019. – № 15 (3). – С. 763–779.

282. Ломакина, И. Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / И. Б. Ломакина. – Санкт-Петербург, 2005. – 43 с.

283. Лукашева, Н. В. Правовое положение автономных образований в странах северной Европы: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» / Н. В. Лукашева. – Екатеринбург, 1999. – 22 с.

284. Лукин, Ю. Ф. Арктика и Север России в проблематике гуманитарных исследований / Ю. Ф. Лукин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 94–106.

285. Лукин, Ю. Ф. Великий передел Арктики: монография / Ю. Ф. Лукин. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 400 с.

286. Лукин, Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире : монография / Ю. Ф. Лукин. – Архангельск : ИПЦ САФУ, 2012. – 482 с.

287. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / ответственный редактор Н. И. Новикова. – Москва : Стратегия, 2008. – 511 с. – (Исследования по антропологии права).

288. Ляпунова, Р. Г. Этнокультурные изменения у алеутов в русский период истории Аляски (вторая половина XVIII – середина XIX в.) / Р. Г. Ляпунова // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов, 1983 г. / ответственный редактор Р.Ф. Итс ; АН СССР ИЭ. Ленингр. часть. – Ленинград, 1985. – С. 71–72.

289. Ляпунова, Р. Г. К проблеме этнокультурного развития американских алеутов (со второй половины XVIII в. до наших дней) / Р. Г. Ляпунова // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики / ответственный редактор В. А. Тишков. – Москва : Наука, 1985. – С. 293–305.

290. Лярская, Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (На примере ненцев Ямала) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» / Е. В. Лярская. – Санкт-Петербург, 2003. – 309 с.

291. Магомедов, А. К. Индигенность как политическая проблема: к пониманию природы аборигенных интересов в российской Арктике / А. К. Магомедов // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – С. 45–54.

292. Максимов, А. А. Права коренных народов Севера на землю и природные ресурсы: эффективное использование и совместное управление / А. А. Максимов. – Москва, 2005. – 89 с.

293. Максимов, А. А. Реализация интересов народов Севера в условиях промышленного развития: от зарубежного опыта к российской модели: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» / А. А. Максимов. – Сыктывкар, 2007. – 136 с.

294. Малинкин, А. Н. Новая российская идентичность: исследование по социологии знания / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2001. – № 4. – С. 66–86.

295. Малиновский, А. А. Роль юрислингвистики в сравнительно правовом исследовании / А. А. Малиновский // Актуальные проблемы сравнительного правоведения : сборник статей / ответственный редактор А. А. Малиновский, Е. Н. Трикоз ; Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра теории права и сравнительного правоведения. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 1–13.

296. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский. – 2-е изд., испр. – Москва : ОГИ, 2005. – 184 с.

297. Мамитова, Н. В. Теория российского конституционализма: история и современность / Н. В. Мамитова. – Москва : Издательство РГТЭУ, 2005. – 184 с.

298. Маркин, В. В. Здоровье людей в Арктике в социально-пространственном дискурсе / В. В. Маркин, А. Н. Силин, И. С. Вершинин // Человеческий капитал арктических регионов: системные проблемы и технологии их решения : монография / О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко [и др.]. – Тюмень: ТИУ, 2020. – С. 52–66.

299. Марченко, М. Н. Теория государства и права. / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Зерцало : ТЕИС, 1996. – 475 с.

300. Масловская, Т. С. Конституционная модернизация: современные векторы развития / Т. С. Масловская // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2020. – № 3. – С. 46–52.

301. Медушевская, Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / Н. Ф. Медушевская. – Москва, 2010. – 56 с.

302. Межуев, В. М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 65–74.

303. Мигалкин, А. В. Социокультурные факторы развития народов Севера в условиях перехода к рынку (на примере Республики Саха (Якутия) : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 09.00.11 «Социальная философия» / А. В. Мигалкин. – Москва, 1994. – 198 с.

304. Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена : Кн. 1. / Г. Ф. Миллер. Вторым тиснением. – Санкт-Петербург : Печатано при Императорской Академии Наук, 1787. – 368, [28] с.

305. Михалева, Н. А. Конституция 1993 г. – юридическая модель настоящего и будущего России / Н. А. Михалева // Lex Russica. – 2013. – № 9. – С. 1307–1317.

306. Молданов, Т. Очерки традиционной культуры хантов / Т. Молданов, Т. Молданова. – Ханты-Мансийск, 2010. – 350 с.

307. Моргачев, В. Н. Формы и методы территориального управления в США и Канаде / В. Н. Моргачев. – Москва : Наука, 1987. – 143 с.

308. Мочалов, А. Н. Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС) / А. Н. Мочалов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 134–173.

309. Мочалов, А. Н. Территориальное устройство стран БРИКС: сравнительный обзор / А. Н. Мочалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – №2 (98). – С. 53–57.

310. Мурашко, О. А. Коренные народы – взгляд в будущее / О. А. Мурашко, Т. К. Власова, С. А. Долматова // Коренные народы в гражданском обществе России : национальный доклад на международной конференции, Москва, 31 марта – 2 апреля 2003 г. – Москва, 2003. – С. 15–18.

311. Мурашко, О. А. Этноэкологическое соуправление должно стать реальностью на Севере России / О. А. Мурашко, Н. Ю. Дордина // Мир коренных народов «Живая Арктика». – 2009. – № 22. – С. 105–109.
312. Мурунова, А. В. Правовые традиции Росси и Запада: сравнительно-правовой анализ / А. В. Мурунова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Вып. 5. – С. 120–126.
313. Мухаметшин, Ф. Х. Российский федерализм: проблемы формирований отношений нового типа / Ф. Х. Мухаметшин // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 49–59.
314. Мюрдаль, Г. Современные проблемы «третьего мира» / Мюрдаль; сокращенный перевод с английского. – Москва : Прогресс, 1972. – 768 с.
315. Надежин, В. И. Эволюция правовой системы в России: Советский и постсоветский периоды : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» / В. И. Надежин. – Нижний Новгород, 2006. – 205, [23] с.
316. Напалкова, И. Г. Взаимодействие центра и национальной периферии Российской империи / И. Г. Напалкова // Регионология. – 2010. – № 3 (72). – С. 15–22.
317. Нарутто, С. В. Верховенство Конституции как основа конституционного правопорядка в России / С. В. Нарутто // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 3 (105). – С. 30–35.
318. Нарутто, С. В. Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России / С. В. Нарутто // Lex Russica. – 2018. – № 11 (144). – С. 83–92.
319. Национальная идентичность и будущее России : доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / А. Лихачёва, И. Макаров. – Москва, 2014. – 74 с.

320. Невинский, В. В. Обеспечение человеческого достоинства – главная цель конституционно-правового регулирования / В. В. Невинский // Конституционное право России: учебник / ответственные редакторы А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин – Екатеринбург, 2001. – С. 112-131.
321. Нерсесянц, В. С. Философия права Гегеля / В. С. Нерсесянц ; Институт государства и права РАН, Академический правовой университет. – Москва : Юристъ, 1998. – 350 с.
322. Нефедов, С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России / С. А. Нефедов – Екатеринбург : Издательство УГГУ, 2005. – 540 с.
323. Низамова, Л. Р. Сложносоставная концепция модерной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза / Л. Р. Низамова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – №1. – С. 141–159.
324. Никитин, М. А. Государственная национальная политика Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера в контексте проведения в Российской Федерации международного десятилетия коренных народов мира / М. А. Никитин // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 64 (2). – С. 281–288.
325. Нистен-Хаарала, С. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. – 2022. – № 23 (3). – С. 11–41.
326. Новикова, Н. И. Каутокейно против рудника: почему промышленная компания не получила социальную лицензию? / Н. И. Новикова // Этнографическое обозрение. – 2022. – № 4. – С. 66–85.
327. Новикова, Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков / Н. И. Новикова // Арктика: экология и экономика. – 2013. – № 3 (11). – С. 102–111.
328. Новикова, Н. И. Культурно-ценностные и правовые взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и нефтегазовых корпораций

в Российской Федерации: 1990-2000-е гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук : специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» / Н. И. Новикова. – Москва, 2011. – 392 с.

329. Новикова, Н. И. На праве земля держится: юридическая антропология как междисциплинарное исследование / Н. И. Новикова // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / ответственный редактор и составитель Г. А. Комарова. – Москва : ИЭА РАН, 2016. – 458 с.
330. Новикова, Н. И. Обычное право в российском законодательстве: современные возможности и перспективы защиты прав коренных малочисленных народов / Н. И. Новикова // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока Российской Федерации / под общей редакцией В. А. Штырова. – Б. м. : Издание Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. – С. 68–78.
331. Новикова, Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии / Н. И. Новикова. – Москва, 2014. – 407 с.
332. Новикова, Н. И. Энергия предпринимательства в традиционном природопользовании коренных народов севера Сахалина / Н. И. Новикова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – № 16 (3 (36)). – С. 127–140.
333. О концепции национальной политики в Российской Федерации : сборник / МГУ им. М. В. Ломоносова. Исторический факультет и др. ; [составители А. И. Вдовин, В. А. Корецкий]. – Москва : КИТ, 1992. – 42 с.
334. Одзял, Л. А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока (1950-1960 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.02 «Отечественная история» / Л. А. Одзял. – Хабаровск, 2008. – 28 с.
335. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : сайт. – 2013–2024. – URL: https://ozhegov.info/slovar/?q=%&pg=1571&ind=N.

336. Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии : сборник статей / ответственный редактор Н. И. Новикова. – Москва, Стратегия, 2003. – 320 с.

337. Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса / под редакцией В. И. Бакштановского. Вып. 1. – Тюмень: Препринт ИПОС СО АН СССР, 1989. – 35 с.

338. От патернализма к партнерству. Строительство новых отношений народов Севера и государства / ответственный редактор А. Н. Пилясов. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1998. – 198 с.

339. Паин, Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э. А. Паин. – Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с.

340. Паин, Э. А. Этнические проблемы в полиэтническом обществе // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 4 / Э. А. Паин ; под редакцией А. Кулика. – Москва : Институт Кеннана, 2000. – С. 52–66.

341. Паникарова, С. В. Этнокультурный потенциал региона как фактор повышения конкурентоспособности / С. В. Паникарова // ЭКО. – 2010. – № 3. – С. 104–117.

342. Паршин, П. Б. Взаимодействие коренных народов с окружающим миром: принцип свободного, предварительного и осознанного согласия / П. Б. Паршин // Международная аналитика. – 2019. – № 1 (2). – С. 114–128.

343. Пешперова, И. Ю. Защита коренных народов в рамках Организации Объединенных Наций / И. Ю. Пешперова. – Санкт-Петербург : СЗАГС, 2008. – 67 с.

344. Пика, А. И. Неотрадиционализм на российском Севере / А. И. Пика // Социологические исследования. – 1996. – № 11. – С. 47–53.

345. Пилясов, А. Н. Игра за белых: чему могут научить мир народы Севера? / А. Н. Пилясов // И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знаний. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 460–465.

346. Пилясов, А. Н. Стратегия развития Арктической зоны России на период до 2020 года Арктика / А. Н. Пилясов // Экология и экономика. – 2011. – № 1. – С. 38–41.

347. Пименов, В. В. Понятие «этнос» в теоретической концепции Ю. В. Бромлея / В. В. Пименов // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / ответственный редактор С. Я. Козлов. – Москва : Наука, 2003. – С. 12–18.

348. Пименов, В. В. Удмурты : Опыт компонентного анализа этноса / В. В. Пименов ; АН СССР, институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1977. – 262 с.

349. Полное собрание законов Российской империи : Собрание первое. Том 9 : 1733 по 1736. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 131–132.

350. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1903. – Т. 2.4.1, Тетрадь 7. – С. 144.

351. Попков, Ю. В. Коренные малочисленные народы Севера в глобальном и региональном контексте / Ю. В. Попков // ЭКО. – 2011. – № 9 (447). – С. 71–88.

352. Попков, Ю. В. Коренные народы Севера в условиях глобализации / Ю. В. Попков // Век глобализации. – 2014. – № 1. – С. 111–123.

353. Пребиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Пребиш. – Москва : ИЛА, 1992. – 337 с.

354. Пылин, В. В. Избирательное и референдумное право Российской Федерации В. В. Пылин. – Санкт-Петербург, 2003. – 657 с.

355. Пырина, М. В. Онто-гносеологические основания субъекта права : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» / М. В. Пырина. – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2019. – 23 с.

356. Пыхтеева, И. В. Итоги и последствия советских преобразований в жизни малочисленных народов Камчатки : диссертация на соискание ученой

степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.02 «Отечественная история» / И. В. Пыхтеева. – Российская академия управления. – Москва, 1993. – 166 с.

357. Рахлевский, В. А. Формы советской автономии / В. А. Рахлевский. – Москва, 1975. – 50 с.
358. Рекомендации программы «Арктическая инициатива Фулбрайта» в сфере поддержки здоровья и благополучия арктических сообществ / К. Куева, Ш. Гистини, Г. Хили [и др.] // Безопасный Север – чистая Арктика: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Сургут, 11–12 ноября 2020 года. – Сургут, 2020. – С. 343–351.
359. Ремнев, А. В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане / А. В. Ремнев // Мусульмане в новой имперской истории. – Москва : Садра, 2017. – С. 171–212.
360. Решетов, Ю. А. Право на самоопределение и отделение / Ю. А. Решетов // Московский журнал международного права. – 1994. – № 1. – С. 3–19.
361. Розин, В. М. Опыт разработки политики в отношении аборигенного населения (по материалам экспедиции «Обская панорама») / В. М. Розин // Полис. – 1993. – № 5. – С. 127–133.
362. Романенко, С. А. Типология процессов национального самоопределения // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 66–74.
363. Ромашов, Р. А. Современный конституционализм: вопросы истории и теории : монография / Р. А. Ромашов. – Санкт-Петербург, 1998. – 164 с.
364. Российский север и федерализм: поиск новой модели / А. Н. Пилясов, Г. Харрисон, Д. Макбет [и др.]. – Магадан : СВКНИИ, 1997. – 178 с.
365. Руденко, В. В. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России / В. В. Руденко // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. – № 1 (31). – С. 101–107.

366. Румянцев, О. Г. Основы конституционного строя России: Понятие, содержание, вопросы становления / О. Г. Румянцев. – Москва : Юрист, 1994. – 288 с.

367. Рыбаков, С. Е. Философия этноса / С. Е. Рыбаков. – Москва : ИПК Госслужбы, 2001. – 358 с.

368. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения / Л. Л. Рыбаковский // Приложение к журналу «Миграция в России». – Москва, 2001. – Вып. 5: Стадии миграционного процесса . –140 с.

369. Савинов, Л. В. Концепт нации, конституция и этнополитика / Л. В. Савинов // Ценности и смыслы. – 2009. – № 3. – С. 75–91.

370. Савинов, Л. Формула российской гражданской нации / Л. Савинов // Федерализм. – 2009. – № 1. – С. 161–174.

371. Сагалаев, А. М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип / А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1991. – 153 с.

372. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.

373. Саликов, М. С. Федерализм в России и США: сравнительно-правовое исследование / М. С. Саликов // Российский юридический журнал. – 1995. – № 4. – С. 64–68.

374. Сандвик, Г. Правовой статус саами / Г. Сандвик // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 103–124.

375. Сафронов, А. С. Этносоциальное и политическое развитие малочисленных народов Севера в современных условиях : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / А. С. Сафронова. – Москва, 1994. – 147 с.

376. Селин, В. С. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики / В. С. Селин, В. В. Васильев. – Апатиты: Издательство Кольского научного центра РАН, 2010. – 191 с.

377. Семенов, Ю. И. Народ. Этнос. Нация. Статья первая. Общество, население, этнос / Ю. И. Семенов // Философия и общество. – 2013. – № 1 (69). – С. 21–55.

378. Сирина, А. А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов / А. А. Сирина // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 2. – С. 121–138.

379. Скворцов, Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии / Н. Г. Скворцов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. –183 с.

380. Слепцов, А. Н. Государственная политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов России : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / А. Н. Слепцов. – Москва, 2005. – 188 с.

381. Слюсар, В. Н. Л. Н. Гумилев о проблемах взаимодействия этносов / В. Н. Слюсар // Евразийство и мир. – 2014. – № 3. – С. 126–137.

382. Смирнов, А. Г. О северных народах, традиционном природопользовании, общественном движении: проблемы, трудности, успехи / А. Г. Смирнов // Обычай и закон: Исследования по юридической антропологии. – Москва : Стратегия, 2002. – С. 75–90.

383. Снежко, О. Правовая природа конституционных ценностей современной России / О. Снежко // Сравнительно конституционное обозрение. – 2005. – № 2 (51). – С. 13–19.

384. Соколовский, С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве / С. В. Соколовский // Этнос, общество, государство. – 1998. – № 3. – С. 74–89.

385. Соколовский, С. В. Проблемы самоопределения и самоуправления коренных народов (обзор) / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 26–27.

386. Соколовский, С. В. Терминология и концептуализация этнонациональной политики в конституционном праве РФ / С. В. Соколовский // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. – Москва, 2004. – С. 13–26.

387. Соловей, В. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России / В. Соловей // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 98–109.

388. Соловьева, Н. А. Механизмы влияния на модификацию культуры национальных меньшинств Китая / Н. А. Соловьева // Дискуссия. – 2013. – №11 (41). – С. 29–36.

389. Сондерс, О. Канадский федерализм: история и современность / О. Сондерс // Освоение ресурсов нефти и газа в федеративных государствах (опыт Канады и России) : сборник / Канадский институт природноресурсного права ; под редакцией А. М. Хитрова, С. Е. Алферова. – Москва : ВНИИОЭНГ, 1997. – С. 18–25.

390. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общая редакция, составитель и предисловие А. Ю. Согомонов ; перевод с английского. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

391. Социально-правовые исследования в регионах / Ю. А. Тихомиров, Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, И. В. Плюгина. – Москва, 2013. – 256 с.

392. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы / составитель Кряжков В. А. – Москва : Юридическая литература, 1994. – 488 с.

393. Стельмах, В. Г. Тропою слез и надежд: Книга о современных индейцах США и Канады / В. Г Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко. – Москва : Мысль, 1990. – 316, [1] с.

394. Степанова, А. А. Еще раз о федеративном устройстве России / А. А. Степанова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 20–24.

395. Стешенко, Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие X-XXI вв. – Москва : НОРМА, 2002. – 373 с.

396. Столяров, М. В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа / М. В. Столяров. – Казань : Фэн, 1998. – 304 с.

397. Строгальщикова, З. И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: формирование законодательства и его реализация в постсоветский период / З. И. Строгальщикова // Финно-угорский мир. – 2008. – № 1 (1). – С. 48–63.

398. Судницын, Ю. Г. Национально-государственное устройство СССР / Ю. Г. Судницын. – Свердловск, 1979. – 48 с.

399. США: Конституция и законодательные акты / переведено с английского ; составитель В. И. Лафитский ; под редакцией О. А. Жидкова. – Москва : Прогресс, «Универс», 1993. – 768 с.

400. Сязи, А. М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобъя / А. М. Сязи. – Томск: Издательство Томского университета, 2000. – 248 с.

401. Тейлор, Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами / Ч. Тейлор // Современный либерализм : [Сборник статей ведущих западных мыслителей] / Д. Ролз, Р. Дворкин, И. Берлин [и др.]; перевод с английского Л. Б. Макеевой. – Москва : Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – 248 с.

402. Теории и истории империй : академический словарь / составитель В. Н. Барышников [и др.]. – Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2012. – 728 с.

403. Титова, Е. В. Конституционное поведение с позиции конституционной аксиологии. Конституционные идеалы и ценности в практической демократии / Е. В. Титова // Материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под редакцией В. В. Полянского, В. Э. Волкова. – Самара : Самарский государственный университет, 2017. – С. 283–286.

404. Титова, Е. В. Некоторые аксиологические аспекты конституционного правомерного поведения / Е. В. Титова // Проблемы права. – 2015. – № 6. – С. 19–23.

405. Тихомиров, Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. – Москва, 2001. – 355 с.

406. Тишков, В. А. Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным разнообразием // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М. Б. Погребинского, А. К. Толпыго. – Москва : Весь мир М, 2013. – С. 144–194.
407. Тишков, В. А. Этнология и политика: научная публицистика / В. А. Тишков, Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 2001. – 239, [1] с.
408. Тишков, В. А. Да изменится молитва моя!.. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений / В. А. Тишков ; Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва, ИЭА РАН, 1989. – 53 с.
409. Тишков, В. А. Единство в многообразии : публикации из журнала «Этнопанорама» 1999-2011 гг. / В. А. Тишков. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Оренбург : ОГАУ, 2011. – 232 с.
410. Тишков, В. А. Забыть о нации. Пост-националистическое понимание национализма / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 3–26.
411. Тишков, В. А. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР / В. А. Тишков // Советская этнография. – 1989. – № 1. – С. 73–89.
412. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. – 532 с.
413. Тишков, В. А. Реквием по этносу : исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – Москва : Наука, 2003. – 542, [1] с.
414. Тишков, В. А. Теория и практика мультикультурализма / В. А. Тишков // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под редакцией В. С. Малахова, В. А. Тишкова. – Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 80–100.
415. Тлепцок, Р. А. Проблема «Имперского расширения» России в понятиях и терминах / Р. А. Тлепцок // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 75–82.

416. Токвиль, А. Демократия в Америке / перевод с французского : предисловие Гарольда Дж. Ласки. – Москва, 1994. – 554 с.
417. Тория, Р. А. Государственные финансы как основной элемент реализации национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: монография / Р. А. Тория. – Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет, 2011. – 287 с.
418. Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Москва : ИЭАРАН, 2010. – Вып. 221. – 43 с.
419. Транин, А. А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы) / А. А. Транин. – Москва : ИГП РАН, 2010. – 213 с.
420. Транин, А. А. Эколого-правовые аспекты национальной стратегии России по вопросам развития коренных малочисленных народов / А. А. Транин // Экологическое право. – 2009. – № 4. – С. 7–12.
421. Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов арктической зоны Российской Федерации : монография / А. Ю. Телицына, Г. Ф. Деттер, Е. В. Забелина [и др.]. – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2022. – 256 с.
422. Тресков, В. И. У истоков российской Конституции. Памяти академика Олега Емельяновича Кутафина / В. И. Трескова // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 2 (9). – С. 85–89.
423. Трифонов, А. Чужие на своей земле. Заметки с международной конференции «Современные проблемы традиционного природопользования народов Севера» / А. Трифонов // Нефть России. – 1999. – № 7. – С. 1–5.
424. Тулаева, С. А. Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности / С. А. Тулаева, Е. Ф. Гладун, О. В. Захарова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2022. – Т. 25, № 1. – С. 168–189.

425. Уайт, Л. Избранное: Наука о культуре / Л. Уайт. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 960 с.

426. Ульянищев, П. В. Автономия как форма территориального самоуправления / П. В. Ульянищев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 2. – С. 28–36.

427. Умнова, И. А. Конституционные основы современного российского федерализма / И. А. Умнова. – Москва : Дело, 1998. – 280 с.

428. Умнова-Конюхова, И. А. Эволюция федеративной государственности: общемировые тенденции / И. А. Умнова-Конюхова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 3. – С.104–105.

429. Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС : монография / под редакцией Е. Ф. Гладун, Г. Н. Чеботарева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2019. – 288 с.

430. Фанон, Ф. Черная кожа, белые маски / Ф. Фанон ; перевод с французского Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/

431. Фарукшин, М. Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт / М. Х. Фарукшин. – Казань : Издательство Казанского университета, 1998. – 334 с.

432. Фахрутдинов, Р. Р. Феномен идентичности: гражданской или этнической / Р. Р. Фахрутдинов, Р. Ю. Мамедлаев // Казанский педагогический журнал. – 2013. – № 3 (98). – С. 172–181.

433. Филант, К. Г. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе / К. Г. Филант // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 39 (8). – С. 83–92.

434. Филиппов, В. Р. Критика этнического федерализма / В. Р. Филиппов. – Москва, 2003. – 379, [1] с.
435. Филиппов, В. Р. Этничность в концепциях российского федерализма : диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук : специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» / В. Р. Филиппов. – Москва, 2003. – 521 с.
436. Филиппова, Н. А. Асимметричная организация местного самоуправления как фактор участия в нем сообществ коренных малочисленных народов России / Н. А. Филиппова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2021. – Том 7, № 3 (27). – С. 98–115.
437. Филиппова, Н. А. Право коренных народов: перспективы развития в условиях освоения Арктики / Н. А. Филиппова // Арктика: общество, наука и право: сборник статей / под редакцией Н. К. Харлампьевой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. – 542 с.
438. Филиппова, Н. А. Языковая, культурная и религиозная идентичность коренных народов: новые региональные практики обеспечения в Сибири / Н. А. Филиппова // Мир Большого Алтая. – 2019. – № 5 (3). – С. 431–445.
439. Фомиченко, М. П. Права народов в Российской Федерации : конституционно-правовые аспекты : диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : специальность 12.00.02 «Конституционное право; муниципальное право» / М. П. Фомиченко. – Москва, 2007. – 463 с.
440. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности = Theorie des kommunikativen Handelns Habermas Jürgen / Ю. Хабермас : переведено с немецкого. – Москва : Весь Мир, 2022. – 880 с.
441. Хабриева, Т. Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева. – Москва, 2010. – 237 с.
442. Хабриева, Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монография / Т. Я. Хабриева. – Москва : Российская академия наук, 2018. – 496 с.

443. Хабриева, Т. Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 5–15.

444. Хабриева, Т. Я. Правовые и организационные основы национально-культурной автономии в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2003. – № 7. – С. 3–19.

445. Хабриева, Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Т. Я. Хабриева. – Москва : Юристъ, 1998. – 245 с.

446. Хазанов, А. М. После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России / А. М. Хазанов // Вестник антропологии. – 2017. – № 2 (38). – С. 45–85.

447. Хакназаров, С. Х. Коренные малочисленные народы в условиях интенсивной эксплуатации энергетических ресурсов ХМАО: состояние и перспективы: монография / С. Х. Хакназаров ; под редакцией А. И. Летувнинкаса. – Томск : Издательство Томского университета, 2003. – 168 с.

448. Хакназаров, С. Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований) / С. Х. Хакназаров. – Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2016. – 100 с.

449. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – Москва : Аст, 2004. – 635 с.

450. Харабаева, А. О. Аксиологические основания этноса / А. О. Харабаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2010. – № 7 (4). – С. 149–154.

451. Харючи, С. Н. Законодательное обеспечение прав и свобод коренных малочисленных народов России: проблемы реализации: Законы Российской Федерации и Ямало-Ненецкого автономного округа : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» / С. Н. Харючи. – Москва, 2002. – 175 с.

452. Харючи, С. Н. Роль государства в гармонизации промышленного освоения и устойчивого развития малочисленных народов Севера / С. Н. Харючи // Мир коренных народов «Живая Арктика». – 2009. – № 22. – С. 87–90.

453. Хилтухина, Е. Г. Традиционная культура коренных народов, составляющих этнический субстрат населения России / Е. Г. Хилтухина // Научный журнал. – 2020. – № 1 (46). – С. 85–87.

454. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного русского права / О. И. Цыбулевская : под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Издательство Саратовской государственной академии права, 2004. – 218 с.

455. Чеботарев, Г. Н. Взаимно ответственное партнерство государства и общества / Г. Н. Чеботарев // Государство и право. – 2019. – № 10. – С. 26-34.

456. Чеботарев, Г. Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 33–36.

457. Чеботарев, Г. Н. Конституционное право граждан на внесение изменений в Конституцию Российской Федерации / Г. Н. Чеботарев // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 7–15.

458. Чеботарев, Г. Н. Реализация права общественных объединений на охрану окружающей среды / Г. Н. Чеботарев, А. К. Фахрутдинов, Е. Ф. Гладун // Государство и право. – 2017. – № 9. – С. 65-73.

459. Чеботарев, Г. Н. Соуправление коренных малочисленных народов Севера арктическими территориями в период их промышленного освоения / Г. Н. Чеботарев, Е. Ф. Гладун // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 48–58.

460. Чемякин, Е. Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» / Е. Ю. Чемякин ; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2012. – 18 с.

461. Червонная, С. А. Этнический фактор в политической системе / С. А. Червонная // Политическая система США. Актуальные измерения : монография / С. А. Червонная, М. Е. Петросян, В. О. Печатнов [и др.]. – Москва : Наука, 2000. – 285, [1] с.
462. Черкасов, А. И. Север и северяне: канадский опыт / А. И. Черкасов // Российские исследования о Канаде. – 1997. – Вып. № 1. – С. 99–109.
463. Чернухина, Л. С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия / Л. С. Чернухина // Журнал российского права. – 2014. – № 7 (211). – С. 104–116.
464. Чертина, В. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США / В. С. Чертина. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2000. – 163 с.
465. Чертина, В. С. Этничность в США: теория «плавильный котел» / В. С. Чертина // Американский ежегодник 1993. – Москва : Наука, 1994. – С. 151–161.
466. Чеснов, Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход / Я. В. Чеснов. – Москва : Канон +, 2014. – 495 с.
467. Честнов, И. Л. Постклассическая теория права : монография / И. Л. Честнов. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 92.
468. Честнов, И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции / И. Л. Честнов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2022. – № 1. – С. 21–26.
469. Честнов, И. Л. Постклассическая философия права в эпоху постметафизики / И. Л. Честнов // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций : сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 11 июня 2022 года / под редакцией Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. – Саратов : Саратовский источник, 2022. – С. 12–29.
470. Чешко, С. В. Кризис доктрины самоопределения / С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 35–38.

471. Чиркин, В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В. Е. Чиркин. – Москва : Зерцало, 1998. – 441 с.

472. Чуркин, М. К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. / М. К. Чуркин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2019. – Т. 27. – С. 27–35.

473. Чуркин, М. К. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колонизационных планах Российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. / М. К. Чуркин, Б. С. Токмурзаев // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 196–206.

474. Шамба, Т. М. [Рецензия] / Т. М. Шамба // Конституционное и муниципальное право. 2006. – № 3. – С. 46. – (Рецензия на книгу: Мамитова Н. В. Теория российского конституционализма: история и современность. Москва, 2005. 184 с.).

475. Шапаров, А. Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы / А. Е. Шапаров // Арктика и Север. – 2015. – № 21. – С. 98–117.

476. Шевырин, В. М. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 1998. – № 3. – С. 206–207. – (Рецензия на книгу: Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм Российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва : РОССПЭН, 1997. 650 с.).

477. Широбоков, С. А. Юридическая конструкция участия граждан в управлении делами государства / С. А. Широбоков // Юридическая техника. – 2013. – № 7–2. – С. 886–889.

478. Широкогоров, С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. – изд. стер. – Б. м.: URSS. – 2022. – 136 с.

479. Щетинин, В. Проблемы теории советского государственного права / В. Щетинин. – Москва : Юридическая литература, 1969. – 200 с.

480. Эбзеев, Б. С. Советское государство и права человека: конституционное вопросы / Б. С. Эбзеев ; под редакцией И. Е. Фарбера. – Саратов, 1986. – 184 с.
481. Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США) / С. Нистен-Хаарала, Е. Ф. Гладун, С. А. Тулаева, О. В. Захарова // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23, № 3. – С. 11–41.
482. Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке монография / М. С. Саликов, М. В. Гончаров, С. С. Кузнецова [и др.]; под редакцией М. С. Саликова. – Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2014. – 184 с.
483. Юдин, В. И. Государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ / В. И. Юдин // Власть. – 2012. – № 2. – С. 40–44.
484. Юдин, В. И. Индигенная перспектива в контексте политики современного государства : диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии · сравнительная политология» / В. И. Юдин. – Санкт-Петербург, 2013. – 328 с.
485. Юдин, В. И. Культурный геноцид коренных народов Канады: правда, примирение и остающиеся без ответа вопросы / В. И. Юдин // Власть. – 2015. – № 10. – С. 205–207.
486. Ядринцев, Н. М. Сибирь, как колония : К юбилею трехсотлетия : Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [Соч.] Н.М. Ядринцева. – Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

Научная литература на английском языке

487. Alcorn, J. B. Indigenous peoples and conservation / J. B. Alcorn // Conservation Biology. – 1993. – Vol. 7. – P. 424–426.

488. Alexander, J. C. Theorizing the «Models of Incorporation»: Assimilation, Hyphenation, and Multiculturalism as Varieties of Civil Participation / J. C. Alexander // Sociological Theory. – 2001. – Vol. 19, № 3. – P. 237–249.

489. Alibhai-Brown, Y. True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government / Y. Alibhai-Brown. – London : Institute for Public Policy Research, 1999. – 148 p.

490. Alvaro, F.-L. Rediscovering the Potential of Indigenous Storytelling for Conservation Practice Conservation Letters / F.-L. Alvaro, C. Mar // A Journal of the Society for Conservation Biology. – 2017. – Vol. 00(00). – P. 1–12.

491. Aragones, E. A theory of participatory democracy based on the real case of Porto Alegre / E. Aragones // European Economic Review. – 2009. – Vol. 53 (1). – P. 56–72.

492. Artemjeff, P. An Overview of the Current Situation of Integration and Good Relations Policies in Finland / P. Artemjeff, M. Attias, P. Kettunen ; Council of Europe. – 2024. – 37 p.

493. Ball, M. S. Constitution, Court, Indian tribes / M. S. Ball // American Bar Foundation Research Journal. – 1987. – Vol. 12 (1). – P. 1–140.

494. Barrett, M. J. Enabling hybrid space: epistemological diversity in socio-ecological problem-solving / Barrett M. J. // Policy Sciences. – 2013. – Vol. 46 (2). – P. 179–197.

495. Benhabib, S. The claims of culture: Equality and diversity in the global era / S. Benhabib. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 280 p.

496. Berkes, F. Co-Management: the Evolution of the Theory and Practice on Joint Administration of Living Resources : TASO Research Report, Second Series, № 1 / F. Berkes, P. George, R. Preston. – Hamilton : University of Arizona Press, 1991. – 44 p.

497. Béteille, A. The Idea of Indigenous People / A. Béteille // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39 (2). – P. 187–192.

498. Bhabha, H. The Location of Culture / H. Bhabha. – London ; New York : Routledge, 1994. – 295 p.

499. Blaser, M. In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalization / M. Blaser, A. F. Harvey, G. McRae. – London ; New York : ZED BOOKS, 2004. – 354 p.

500. Bowen, J. R. Should We Have a Universal Concept of ′Indigenous Peoples' Rights? : Ethnicity and Essentialism in the Twenty-First Century / J. R. Bowen // Anthropology Today. – 2000. – Vol. 16 (4). – P. 12–16.

501. Brass, P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / P. Brass. – New Delhi, 1991. – 360 p.

502. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker. – Harvard University Press, 2004. – 283 p.

503. Bryleva, Z. I. The History of the Kola Peninsula Komi-Izhemets / Z. I. Bryleva // Seminar on the Identity, Environment and Rights of the Indig. People, March 27–29, 1995. – Helsinki : Helsinki University Press, 1996. – 261 p.

504. Calhoon, C. Nationalism and the contradictions of modernity / C. Calhoon // Berkeley Journal of Sociology. – 1997/1998. – Vol. 42(1). – P. 1–30.

505. Can Digital Transformation Solve the Problem of Arctic Youth Migration Outflow? / V. E. Ljovkin, G. F. Detter, J. L.Tukkel [et al.] // Sustainability. – 2020. – № 12. – P. 10685.

506. Colchester, M. Beyond participation: Indigenous peoples, biodiversity, conservation and protected area management / M. Colchester // Unasylva. – 1996. – Vol. 47. – P. 33–39.

507. Colchester, M. Sharing Power. Dams, Indigenous Peoples and Ethnic Minorities / M. Colchester // Indigenous Affairs. – 1999. – № 4. – P. 3–16.

508. Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy Making, Research, and Practice / S. V. Larsen, E. K. Bors, L. Johannsdottir [et al.] // Global Policy. – 2019. – Vol. 10 (4). – P. 686–696.

509. Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources / S. Kyllönen, A. Colpaert, H. Heikkinen [et al.] // Silva Fennica. – 2006. – Vol. 40(4). – P. 687–728.

510. Cornwall, A. Locating citizen participation / A. Cornwall // IDS Bulletin. – 2002. – Vol. 33 (2). – P. 49–58.

511. Diving below the surface: A framework for arctic health research to support thriving communities / K. Cueva, E. Rink, J. G. Lavoie [et al.] // Scandinavian Journal of Public Health. – 2021. – Vol. 51 (7). – P. 1086–1095.

512. Dorough, D. S. Indigenous Peoples and the Right to Self-Determination: The Need for Equality. An Indigenous Perspective / D. S. Dorough // Seminar Right to Self-Determination of Indigenous Peoples / International Centre for Human Rights and Democratic Development (ICHRDD), 2002, May 18. – New York, 2003. – P. 24–28.

513. Durkheim, É. Preface to the Second Edition / É. Durkheim // The Rules of Sociological Method / edited by S. Lukes, translated by W. D. Halls. – New York : The Free Press, 1982. – P. 34–47.

514. Dussel, E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor and the Philosophy of Liberation / E. Dussel. – Atlantic Highlands, NJ : Humanities Press, 1996. – 277 p.

515. Dussel, E. Twenty theses on politics / E. Dussel. – Durham : Duke University Press, 2008. – 183 p.

516. Dworkin, G. Paternalism / G. Dworkin // Monist. – 1972. – Vol. 56 (1). – P. 64–84.

517. Ethics in indigenous research: past experiences – future challenges / A. Drugge, S. Juutilainen, V. Stordahl ; Umea University, Faculty of Arts, Centre for Sami Research. – Umea : Umea University, 2016. – 205 p.

518. Ferguson, N. Empire: How Britain Made the Modern World / N. Ferguson. – London : Allen Lane, 2003. – 392 p.

519. Gadgil, M. Indigenous knowledge for biodiversity conservation / M. Gadgil, F. Berkes, C. Folke // Ambio. – 1993. – № 22 (15). – P. 151–156.

520. Galston, W. Reinventing Federalism: The Clinton/ Gore Program for a New Partnership Among the Federal, State and Local and Tribal Government / W. Galston, G. Tibbetts // The Journal of Federalism. – 1994. – Vol. 24. – P. 23–48.

521. Geo-economic reality and solidarity-based economy case justification of political decisions about indigenous communities' resettlement in the Russian Arctic / E. Gladun, A. Ljovkina, G. Detter, K. Filant // The Arctic in a Space of Knowledge The collection of St. Petersburg State University scientific events articles (2020-2021) / St. Petersburg State University : Publishing house of St. Petersburg State University. – 2022. – P. 54–67.
522. Gladun, E. Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection / E. Gladun // The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. – 2015. – Vol. 8, № 1. – P. 111–133.
523. Gladun, E. Indigenous economies in the Arctic: To thrive or to survive? / E. Gladun, S. Nysten-Haarala, S. Tulaeva // Elementa. Science of the Anthropocene. – 2021. – Vol. 9, № 1. – P. 00088
524. Gladun, E. Preservation of Territories and Traditional Activities of the Northern Indigenous Peoples in the Period of the Arctic Industrial Development / E. Gladun, K. Ivanova // K. Latola, H. Savela The Interconnected Arctic : UArctic Congress 2016. – Springer, Cham, 2017. – 165 p.
525. Gladun, E. Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples / E. Gladun, O. V. Zakharova // D. Bunikowski, A. D. Hemmings. Philosophies of Polar Law. – Routledge, 2020. – P. 40–64.
526. Gladun, E. State Environmental Ideology: From Tsarist Empire to Sustainable Russia / E. Gladun, O. V. Zakharova // BRICS Law Journal. – 2017. – Vol. 4 (4). – P. 39–64.
527. Glaser, N. Ethnicity: Theory and Experience / N. Glazer, D. P. Moynihan, C. S. Schelling. – Cambridge Mass: Harvard University Press, 1975. – 531 p.
528. Gordon, H. J. Building Relationships in the Arctic: Indigenous Communities and Scientists / H. J. Gordon. – Madison : University of Wisconsin, 2014. – 79 p.
529. Graham, H. The Oxford Handbook of Postcolonial Studies / H. Graham. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 734 p.
530. Hamilton, L. C. Town-village contrasts in Alaskan youth aspirations / L. C. Hamilton, C. L. Seyfrit // Arctic. – 1993. – Vol. 46 (3). – P. 255–263.

531. Hardt, M. Commonwealth / M. Hardt, A. Negri. – Cambridge Mass : Harvard University Press, 2009. – 448 p.
532. Harmsworth, G. Indigenous Māori values and perspectives to inform freshwater management in Aotearoa-New Zealand / G. Harmsworth, S. Awatere, M. Robb // Ecology and Society. – 2016. – Vol. 21 (4). – P. 1–15.
533. Hawthorn, H. B. A Survey of the Contemporary Indians of Canada: Economic, Political, Educational Needs and Policies / H. B. Hawthorn. – Ottawa, Ontario: Indian Affairs Branch, 1967. – 211 p.
534. Henrik, M. O. Sami Past and Present and the Sami Picture of the World / M. O. Henrik // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30 – December 3, 1992. – Rovaniemi, Finland, 1994. – P.13–20.
535. Herskovits, M. Cultural Anthropology / M. Herskovits. – New York, 1955. – 569 p.
536. Historical foundations and contemporary expressions of a right to health care in Circumpolar Indigenous contexts: A cross-national analysis / J. G. Lavoie, J. P. Stoor, E. Rink [et al.] // Elementa: Science of the Anthropocene. – 2019. – Vol. 9. – P. 00079.
537. Honigman, J. Culture and Personality / J. Honigman. – New York : Harper & Brothers, 1954. – 499 p.
538. Houle, A. G. Non-lease Agreements Available for Indian Mineral Development / A. G. Houle // Natural Resources Journal. – 1984. – Vol. 24. – P. 195–201.
539. Huggan, B. The Postcolonial Exotic Marketing the Margins / B. Huggan. – London and New York : Routledge, 2001. – 344 p.
540. Human Ecology and Climate Change: People and Resources in the Far North / D. L. Peterson, D. R. Johnson. – Washington, DC ; London : Taylor & Francis, 1995. – 337 p.
541. Indigenous Peoples' Food Systems and Biocultural Heritage: Addressing Indigenous Priorities Using Decolonial and Interdisciplinary Research Approaches / K. Swiderska, A. Argumedo, C. Wekesa [et al.] // Sustainability. – 2022. – Vol. 14. – P. 11311.
542. Indigenous standpoint theory as a theoretical framework for decolonizing social science health research with American Indian communities / G. R. Cox,

P. FireMoon, M. P. Anastario [et al.] // AlterNative. – 2021. – Vol. 17 (4). – P. 460–468.

543. Jackson, R. Politics in Canada : Cultures, Institutions, Behavior and Public Policy / R. Jackson, D. Jackson, N. Baxter-Moore. – Scarborough; Ontario, 1986. – 750 p.
544. Jentoft, S. Introduction / S. Jentoft // S. Jentoft, H. Minde, R. Nilsen Indigenous Peoples. Resource Management and Global Rights. – Eburon. Delft, 2003. – P. 3–9.
545. Jentoft, S. Social theory and fisheries co-management / S. Jentoft, B. J. McCay, D. C. Wilson // Marine Policy. – 1998. – Vol. 22 (4–5). – P. 423–436.
546. Johannes, R. E. The case for data-less marine resource management: examples from tropical nearshore fisheries / R. E. Johannes // Trends in Ecology and Evolution. – 1998. – Vol. 13. – P. 243–246.
547. Kaase, M. Political Action Repertory / M. Kaase, A. Marsh // Political action: Mass Participation in Five Western Democracies / S. Barnes, M. Kaase, K. R. Allerback, B. Farah. – Beverly Hills ; London, 1979. – P. 153–155.
548. Karlsson, B. Anthropology and the «indigenous slot». Claims to debates about indigenous people's status in India / B. Karlsson // Critique of Anthropology. – 2003. – Vol. 23 (4). – P. 403–423.
549. Kassam, K. A. Hunting, Subsistence / K. A. Kassam // M. Nuttall Encyclopedia of the Arctic. – New York : Routledge, 2004. – P. 65–80.
550. Kivisto, P. Multiculturalism in a global society / P. Kivisto. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2002. – 228 p.
551. Koivurova, T. The participation of indigenous peoples in international norm-making in the Arctic / T. Koivurova, L. Heinämäki // Polar Record. – 2006. – Vol. 42 (2). – P. 101–109.
552. Kottak, C. Anthropology: Appreciating Human Diversity, 19th Edition / C. Kottak, S. Lukas. – McGraw Hill, 2022. – 592 p.
553. Kudryashova, E. V. Socio-cultural characteristics of the Russian Indigenous communities in the Barents region: Political and legal perspectives / E. V. Kudryashova, M. Y. Zadorin, E. Gladun // Elementa. Science of the Anthropocene. – 2021. – Vol. 8, № 1. – P. 445.

554. Kvist, R. Swedish Saami Policy 1548-1992 / R. Kvist // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30-December 3, 1992. – Rovaniemi, 1994. – P. 13–20.

555. Kymlicka, W. Minority Nationalism and Multination Federalism / W. Kymlicka // J. Kincaid Federalism. – 2011. – Vol. 3: Models of Individualism, Communalism, and Multinationalism in Federal Governance. – P. 227–255.

556. Kymlicka, W. Neoliberal Multiculturalism? / W. Kymlicka // Social Resilience in the Neo-Liberal / Era P. Hall, M. Lamont. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – P. 99–126.

557. Kymlicka, W. Solidarity in Diverse Societies: Beyond Neoliberal Multiculturalism and Welfare Chauvinism / W. Kymlicka // Comparative Migration Studies. – 2015. – Vol. 3 (1). – P. 1–19.

558. Lavrillier, A. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg / A. Lavrillier, S. Gabyshev. – Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2017. – 467 p.

559. Libakov, N. M. The Method of Expert Interview as an Effective Research Procedure of Studying the Indigenous Peoples of the North / N. M. Libakov, E. A. Sertakova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, № 1. – P. 121–136.

560. Liebkind, K. New Identities in Europe: Immigrant Ancestry and the Ethnic Identity of Youth (Studies in European Migration) / K. Liebkind. – London : Gower Pub Co, 1989. – 282 p.

561. Linton, R. The Science of Man in the World Crisis / R. Linton. – New York, 1978. – 538 p.

562. Lovejoy, P. E. Transformations of Slavery: A History of Slavery in Africa / P. E. Lovejoy. – London : Cambridge University Press, 2000. – 367 p.

563. Malinowski, B. A Scientific Theory of Culture and other essays / B. Malinowski. – New York, 1960. – 236 p.

564. Mason, M. D. Canadian and Unites States Approaches to Indian Sovereignty / M. D. Mason // Osgoode Hall Law Journal. – 1983. – Vol. 21 (3). – P. 423–474.

565. Meer, N. Cosmopolitanism and integrationism: is British multiculturalism a «Zombie category»? / N. Meer, T. Modood // Identities. – 2014. – Vol. 21 (6). – P. 1–17.

566. Merlan, F. Theorizing relationality: A response to the Morphys / F. Merlan // American Anthropologist. – 2013. – Vol. 115 (4). – P. 637–638.

567. Merton, R. K. Insiders and Outsiders: A Chapter in the Sociology of Knowledge / R. K. Merton // American Journal of Sociology. – 1972. – Vol. 78 (1). – P. 9–47.

568. Mignolo, W. The darker side of Western modernity: global futures, decolonial options / W. Mignolo. – Durham : Duke university press, 2011. – 226 p.

569. Modood, T. Multiculturalism: A civic idea / T. Modood. – Cambridge : Polity press, 2007. – 193 p.

570. Morehouse, T. A. Alaska's North Slope Borough: oil, money and Eskimo self-government / T. A. Morehouse, L. Leask // Polar Record. – 1980. – Vol. 20 (124). – P. 19–29.

571. Morgan, R. On Political Institutions and Social Movement Dynamics: The Case of the United Nations and the Global Indigenous Movement / R. Morgan // International Political Science Review. – 2007. – Vol. 28, № 3. – P. 273–292.

572. Nash, M. The cauldron of ethnicity in the modern world / M. Nash. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 150 p.

573. Niezen, R. A World Beyond Difference : Cultural Identity in the Age of Globalization / Niezen, R. A. – Oxford, 2004. – 238 p.

574. Nuorgam, P. Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? / P. Nuorgam // Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges / Xanthaki A. [et al.]. – Leiden : Brill Nijhoff, 2017. – P. 229–252.

575. Osherenko, G. Sharing Power with Native Users: Co-Management Regimes for Arctic Wildlife / G. Osherenko. – Ottawa : Canadian Arctic Resources Committee, 1988. – 58 p.

576. Paine, R. Aboriginality, multiculturalism and liberal rights philosophy / R. Paine // Ethnos. –1999. – Vol. 64 (3). – P. 325–349.

577. Palmer, R. E. Hermeneutics: Interpretation theory in Schleiermacher, Dilthey, Heidegger, and Gadamer / R. E. Palmer. – Evanston : Northwestern University Press, 1969. – 304 p.

578. Parekh, B. C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory / B. C. Parekh. – New York : Palgrave, 2006. – 195 p.

579. Philpott, D. Understanding the Department of the Interior / D. Philpott. – Maryland : Bernan Press, 2016. – 342 p.

580. Pickering, K. A. Alternative Economic Activities / K. A. Pickering // K. A. Pickering Lakota Culture, World Economy. – Lincoln : University of Nebraska Press, 2000. – P. 44–61.

581. Popkov, Yu. V. The Indigenous peoples of the North in the conditions of globalization / Yu. V. Popkov // Age of globalization. – 2014. – Vol. 1. – P. 111–123.

582. Poppel, B. Interdependency of subsistence and market economies in the Arctic / B. Poppel // The Economy of the North / S. Glomsrod, G. Duhaime, I. Aslaksen. – Oslo-Kongsvinger : Statistics Norway, 2006. – P. 65–80.

583. Poto, M. Participatory engagement and the empowerment of the Arctic Indigenous Peoples / M. Poto // Environmental Law Review. – 2017. – Vol. 19 (1). – P. 30–47.

584. Resources for Relocation: In Search of a Coherent Federal Policy on Resettling Climate–Vulnerable Communities // Texas Environmental Law Journal. – 2018. – Vol. 48. – P. 119–153.

585. Riesman, D. Psychological Types and National Character. An Informal Commentary / D. Riesman // American Quarterly. – 1953. – Vol. 5 (1953). – P. 325–343.

586. Sahlins, M. Two or three things that I know about culture // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 1999. – № 5. – P. 399–421.

587. Said, E. The Arab Portrayed / E. Said // Ibrahim Abu-Lughod. The Arab-Israeli Confrontation of June 1967: An Arab Perspective. Evanston: Northwestern University Press, 1970. – P. 1–9.

588. Sanders, D. Prior Claims: An Aboriginal People in the Constitution of Canada // Canada and the New Constitution. The Unifinished Agenda / ed. by S. M. Beck, J. Bernier. Montreal, 1983. – Vol. 1. – 354 p.
589. Sergon, P. J. The role of Indigenous knowledge: Practices and values in promoting socio-economic well-being and equity among Endorois community of Kenya / P. J. Sergon, S. O. Akoth, J. Y. Dzinekou // AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples. – 2022. – Vol. 18 (1). – P. 37–45.
590. Simonds, V. W. Adapting Western research methods to indigenous ways of knowing / V. W. Simonds, S. Christopher // American journal of public health. – 2013. – № 103 (12). – P. 2185–2192.
591. Simpson, T. Indigenous Heritage and Self-Determination / T. Simpson. – Copenhagen : IWGIA, 1997. – 227 p.
592. Smiley, D. V. The Federal Condition in Canada / D. V. Smiley. – Toronto, 1987. – 202 p.
593. Smith, A. Nationalism and modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism / A. Smith. – London ; New York : Routledge, 1998. – 270 p.
594. Spaeder, J. J. Co-management and Indigenous Communities: Barriers and Bridges to Decentralized Resource Management: Introduction / J. J. Spaeder, H. A. Feit // Anthropologica. – 2005. – Vol. 47 (2). – P. 147–154.
595. Stammler, F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the «End of the Land» / F. Stammler. – Muenster : Litverlag, 2005. – 379 p.
596. Stanley, S. Conservation Through Cultural Survival. Indigenous Peoples and Protected Areas / S. Stanley. – Washington, D.C. : Island Press, 1997. – 383 p.
597. Stannard, D. E. American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World / D. E. Stannard. – New York : Oxford University Press,1992. – 358 p.
598. Stebing, H. M. Rewriting the history of racial segregation in Alaska: Undergraduate Honors Thesis / H. M Stebing. – Stanford University, Comparative Studies of Race and Ethnicity. – 2009. – 68 p.

599. Stevens, S. Conservation Through Cultural Survival. Indigenous Peoples and Protected Areas / S. Stevens. – Washington, D.C. Island Press, 2013. – 383 p.
600. Stewart, G. What does ‘indigenous’ mean, for me? / G. Stewart // Educational Philosophy and Theory. – 2018. – Vol. 50 (8). – P. 740–743.
601. Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie, Alaska / G. Kofinas, Sh. B. BurnSilver, J. M. Magdanz [et al.]. – BOEM : University of Alaska Fairbanks, 2016 . – 520 p.
602. Suellman, A. Native Language Claims in Health Care – Experience from Samiland / A. Suellman // 3rd Circumpolar Universities Cooperation Conference, November 30 December 3, 1992. – Rovaniemi, Finland, 1994. – P. 45–53.
603. Swepston, L. Indigenous and Tribal Peoples and International Law: Recent Developments / L. Swepston // Current Anthropology. – 1989. – Vol. 30 (2). – P. 259.
604. Taylor, Ch. The politics of recognition / Ch. Taylor // Multiculturalism: Examining the politics of recognition / Amy Gutmann. – Princeton : Princeton University Press, 1994. – 26 p.
605. The American Indian: the first victim / Editor by J. David. – New York : Morrow, 1972. – 192 p.
606. The Right to Self-determination. Historical and Current Development on the Basis of United Nations Instruments / Study prepared by Aureliu Cristescu, Special Rapporteur of the Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities / A. Cristescu. – New York, 1981. – 125 p.
607. Thong, T. Civilized Colonizers and Barbaric Colonized: Reclaiming Naga Identity by Demythologizing Colonial Portraits / T. Thong // History and Anthropology. – 2012. – Vol. 23 (3). – P. 375–397.
608. Thornberry, P. Indigenous peoples and human rights / P. Thornberry. – Manchester : Manchester university press, 2002. – 215 p.
609. Tiryakin, E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non’ / E. Tiryakin // J. Rex Governance in a Multicultural Society. – Aldershot: Ashgate, 2004. – P. 1–18.
610. Toivanen, R. Arctic youth transcending notions of «culture» and «nature»: emancipative discourses of place for cultural sustainability / R. Toivanen,

N. Fabritius // Current Opinion in Environmental Sustainability. – 2020. – Vol. 43. – P. 58–64.

611. Tuck, B. H. Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider / B. H. Tuck, L. Huskey // S. J. Langdon Contemporary Alaska Native Economies. – Lanham, MD : University Press of America, 1986. – P. 1–14.
612. Tulaeva, S. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements / S. Tulaeva, S. Nysten-Haarala // Resources. – 2019. – Vol. 8 (2). – P. 86.
613. Usher, P. J. Co-management of Natural Resources: some aspects of the Canadian experience / P. J. Usher. – Taylor & Francis Group, 1995. – 10 p.
614. Usher, P. J. The Beverly-Kaminuriak Caribou Management Board: An Experience in Co-Management / P. J. Usher // J. T. Inglis Concepts and Cases. – Ottawa, 1993. – P. 111–120.
615. Venkatesan, M. Sustainable development, the significance of culture: Foundations of present practices and Indigenous reflections // L. F. Walter Challenges in Higher Education for Sustainability. – Springer, Berlin, 2016. – P. 103–118.
616. VcLane, A. E. Oil and Gas Leasing on Indian Lands / A. E. VcLane. – Denver, Colorado : Bradford-Robinson Printing Co, 1995. – 221 p.
617. Voigt, S. Making Constitutions Work : Conditions for Maintaining the Rule of Law / S. Voigt // Cato Journal. – 1998. – Vol. 18 (2). – P. 191–208.
618. Whinthrop journal «History of New England» 1630-1649. Vol. 2. – Boston, 1853 (1st ed. – 1690). – 369 p.
619. Windchief, S. Considering Indigenous Research Methodologies: Bicultural Accountability and the Protection of Community Held Knowledge / S. Windchief, J. Cummins // Qualitative Inquiry. – 2022. – Vol. 28 (2). – P. 151–163.
620. Winterhalder, B. The Question of the Commons. The Culture and Ecology of Communal Reources / Bonnie J. McCay and James M. Acheson, Eds. // University of Arizona Press, Tucson, 1987. – 439 p.
621. Wirth, L. The Problem of Minority Groups / L. Wirth. – Irvington Publishers, 1993. – 256 p.

622. Wissler, K. An Introduction to the Social Anthropology / K. Wissler. – New York, 1929. – 44 p.
623. Zimmerman, J. Contemporary American Federalism: The Growth of National Power / J. Zimmerman. – Praeger, 1992. – 256 p.

Интернет-источники на русском языке

624. Бисенова, А. О манкуртизме и постколониализме / А. Бисенова // Центр Азии. История и современность, 2023. – URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1223317800
625. Демонстрационный проект «Экологический соменеджмент ресурсодобывающих компаний, органов власти и коренных малочисленных народов Севера» / Международный фонд развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «БАТАНИ». – Москва, 2009. – URL: https://archive.iwlearn.org/npa-arctic.iwlearn.org/Documents/demos/old/coman/final_rpt.pdf
626. Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа : официальный сайт. – URL: https://dkmns.yanao.ru/about/
627. Дзюба, О. Когда узаконят этнологическую экспертизу / О. Дзюба // Парламентская газета. – URL: https://www.pnp.ru/social/kogda-uzakonyat-etnologicheskuyu-ekspertizu.html
628. Зонн, И. С. Арктический нефтегазовый фронт. Данные по запасам ресурсов на Крайнем Севере нуждаются в уточнении / И. С. Зонн, С. С. Жильцов. – URL: http://www.ng. ru/energy/2011-12-13/15_arctic.html
629. Региональное общественное движение «Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй» : официальный сайт. – Москва, 2021. – URL: https://raipon.info/regiony/regionalnoe-obshchestvennoe-dvizhenie-assotsiatsiya-nenetskogo-naroda-yasavey/

630. Совместное управление в Арктике: примеры Канады, Аляски и скандинавских стран // Приложение к альманаху «Мир коренных народов – живая Арктика». – Москва, 2008. – URL: https://archive.iwlearn.net/npa-arctic.iwlearn.org/publications/co_management.pdf
631. Тулаева, С. А. Негосударственное регулирование в сфере устойчивого развития // Портал Наука СЗИУ РАНХиГС. Открытый исследовательский семинар по социальным наукам, 18 мая 2021, онлайн. – URL: https://science.spb.ranepa.ru/events/details/4258aa21-1b7a-4561-b3f2-38deb52b9d1c/
632. Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) : официальный сайт. – URL: https://iu-upkm.sakha.gov.ru/zakony

Интернет-источники на английском языке

633. A legal timeline of Indigenous Rights in Canada // Nelligan Law. – URL: https://nelliganlaw.ca/a-legal-timeline-of-indigenous-rights-in-canada/
634. Alaska Federation of Natives, 2019 // Alaska, USA: Official Website. – URL: https://www.nativefederation.org/ alaska-native-peoples
635. Beckman v. Little Salmon (Carmacks First Nation). – 2010 // Supreme Court of Canada : official website. – URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/7896/index.do
636. Bureau of Indian Affairs : U.S. Department of the Interior Indian Affairs. – URL: https://www.bia.gov/bia
637. Calder v. British Columbia, 1973 / SCR 313 // Supreme Court of Canada : official website. – URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/5113/index.do
638. Dion, T. Treaty Relationships Between the Canadian and American Governments and First Nation Peoples : Research Paper for the National Centre for First Nations Governance, May 2008 / T. Dion // Centre for First Nations Governance. – URL: https://fngovernance.org/wp-content/uploads/2020/09/tina_dion.pdf.

639. Haida Nation v. British Columbia (Minister of Forests), 2003 // Supreme Court of Canada : official website. – URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/2189/index.do

640. Irwin, R. Reserves in Canada / R. Irwin // The Canadian Encyclopedia: Historica Canada, 22 November 2022. – URL: www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/aboriginal-reserves

641. IWGIA – International Work Group for Indigenous Affairs. – URL: https://www.iwgia.org/en/usa/4684-iw-2022-united-states-of-america.html.

642. Mikisew Cree First Nation v. Canada (Minister of Canadian Heritage), 2005 // Supreme Court of Canada : official website. – URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/2251/index.do

643. National Strategy for the Arctic Region / The White House. – Washington DC, 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf

644. Perry, A. Come Back, Colonialism, All Is Forgiven / A. Perry. – 14 February 2008 // Times : website. – URL: https://time.com/archive/6942559/come-back-colonialism-all-is-forgiven/

645. Rio Tinto Alcan Inc. v. Carrier Sekani (Tribal Council), 2010 // Supreme Court of Canada : official website. – URL: https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/7885/index.do

646. Sing, M. It’s Time to Rethink the Idea of the «Indigenous» / M. Sing // The New Yorker : website. – URL: https://www.newyorker.com/magazine/2023/02/27/its-time-to-rethink-the-idea-of-the-indigenous

647. Truth and Reconciliation Commission of Canada // Canada.ca : Government of Canada. – URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1450124405592/1529106060525